

Рождественское собрание

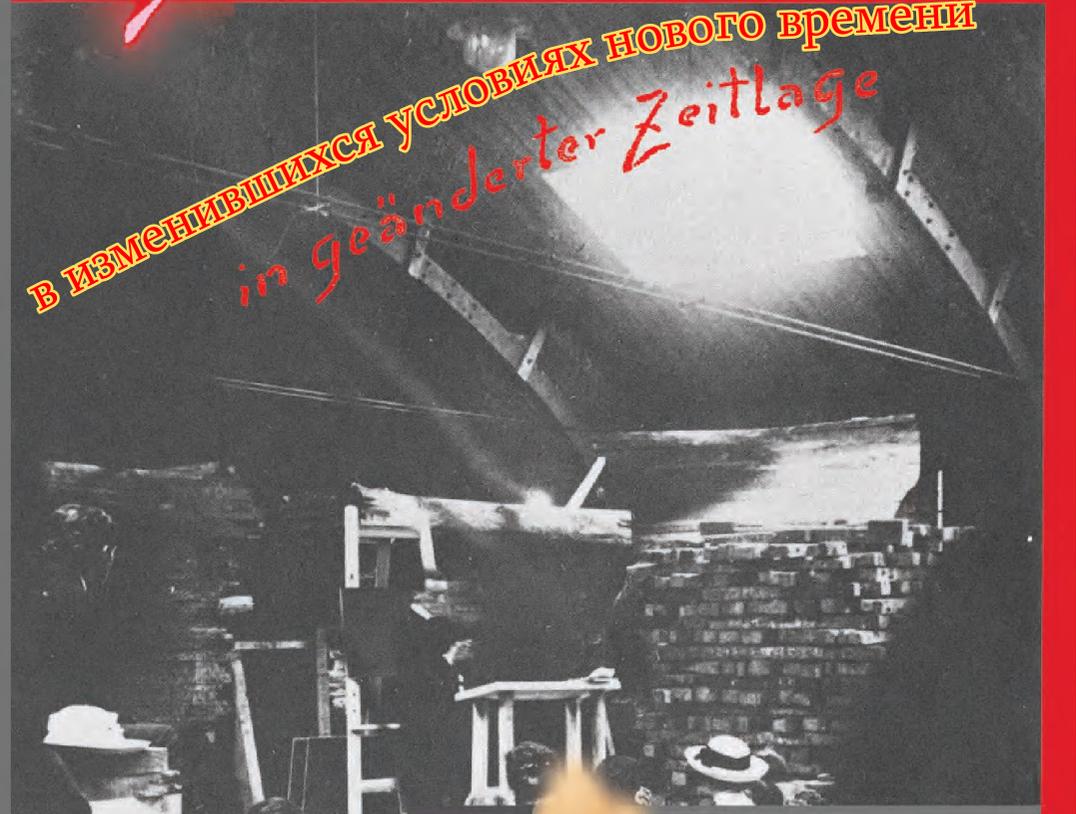
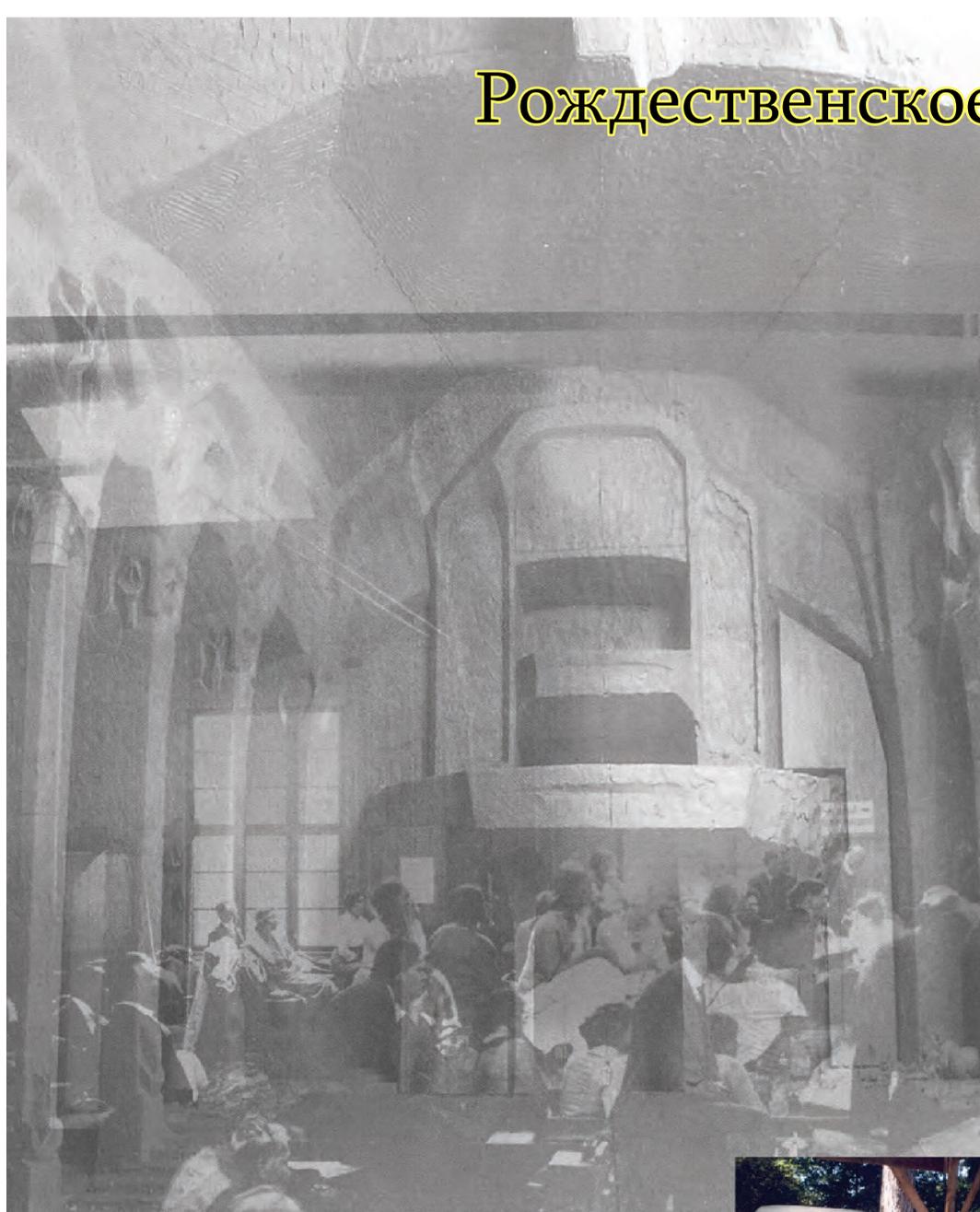
G. A. Bondarew

Die Weihnachtstagung

В ИЗМЕНИВШИХСЯ УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ
in geänderter Zeitlage

Die Weihnachtstagung

G. A. Bondarew

3-00-016758-7

Г.А. Бондарев

Рождественское Собрание
в изменившихся условиях
нового времени

Москва
2012

Г.А. Бондарев. Рождественское Собрание в изменившихся условиях нового времени

На основе своих многолетних исследований методологических принципов Антропософии автор книги пытается вскрыть эзотерическую сторону Рождественского Собрания 1923/24 гг. и предугадать пути выхода из современного кризиса антропософской работы во всем мире.

ISBN 3-906712-81-8

На обложке: Рудольф Штайнер читает доклад в столярной мастерской; пожар Гётеанума; процедура сооружения надгробного камня над уже захороненной в землю урной с прахом Рудольфа Штайнера; слушатели лекции в столярной мастерской; внутренняя стена большого зала Гётеанума после перестройки.

Редактор Людмила Бондарева

Частично изменённое и дополненное Online – издание

Содержание

1. «...the pale cast of thought»	4
2. «Непосредственно данное»	12
3. Третье мнение.....	23
4. Вопрос Парсифаля	34
5. Необходимые минимальные условия познания Рождественского Собрания	40
6. Как можно следовать за Рудольфом Штайнером	44
7. «Непосредственно данное» истории Антропософского Общества.....	59
8. Две Мистерии	95
9. Статуты Рождественского Собрания	106
10. Медитация камня основы	124
11. Участники Рождественского Собрания	137
12. Какой должна была быть «брачная одежда»?	159
13. Мистерия и цивилизация	168
14. Школа.....	183
15. Что можно делать после 1924 года?	190
16. «И кто не берет креста своего...»	206
17. Куда пойдет ВАО после 2002 года?.....	218
18. Два синтеза	226
19. Первый Гётеанум и современная цивилизация.....	238
Приложение.....	264
Будет ли завершено издание полного наследия	
Семь лет спустя.....	280
Лучи надежды?.....	294

1. «... the pale cast of thought»*

Едва ли не революционными (особенно на фоне длившегося десятилетиями застоя) выглядят процессы, которые можно в последнее время наблюдать в учреждении, называющем себя «Всеобщим Антропософским Обществом» (ВАО; по нем. ААГ). Что более семи-десяти лет объявлялось несомненной истиной, за сомнение в которой даже из этого Общества изгоняли, ныне, хотя бы и туманно, с недомолвками, но все же признано его администрацией ошибочным мнением, а именно, что ВАО будто бы было тем Обществом, которое Рудольф Штайнер создал на Рождественском Собрании 1923/24 г. В материалах, публиковавшихся в период подготовки к, несомненно, «исторической» конференции, состоявшейся 28–29 декабря 2002 г. в Дорнахе, до сведения членов было доведено, что «Поскольку основанное на Рождество 1923 г. Общество не смогло тогда, по причине ведомственных препон, внести себя в реестр регистрируемых обществ, то после разных попыток» 8 февраля 1925 г. «Vauverein был переименован во “Всеобщее Антропософское Общество” и сделан определяющим в отношении прав Общества». ¹⁾ Это «Объединение (союз) Строек» (т.е. Гетеанума) — по-немецки Vauverein или Verein des Goetheanums (в дальнейшем мы будем писать Бауферайн) — было создано еще до первой мировой войны и имело своей задачей осуществлять строительство первого Гетеанума, а после его пожара — второго.

Таким образом, теперь можно открыто говорить, что в период с 1925 по 2003 год в реальности существовало не ВАО Рождественского Собрания 1923/24 гг., а переименованный в него Бауферайн. Правда, если быть совсем «хорошим» членом, то говорить об этом следует все-таки с осторожностью, что мы увидим из дальнейших рассмотрений. Также и «революционный порыв» лучше не подчеркивать, а то и вовсе не думать и не говорить о нем. Но как бы ни обстояло все это дело теперь, тогда, в конце 2002 года в «Листке новостей» (официальном органе Правления ВАО) было даже объявлено, что «если исключенные члены или люди, вышедшие (из ВАО) в знак протеста, хотят прийти [на ту “историческую” конференцию], то они могут искать нового членства, поскольку мы снова беремся (схватываем — ergreifen) за Рождественское Собрание» ²⁾

* «... бессилье умственного тупика». (из монолога Гамлета).

Русскоязычным читателям, имеющим отношение к Антропософии, но почти ничего не знающим о том, что происходило и что происходит в ВАО, необходимо, хотя бы вкратце, пояснить ту начальную и глубоко трагичную историю, что стоит за всеми этими намерениями, полупризнаниями и «широкими» жестами.

На Рождественском Собрании 1923/24 г. было создано — и таково мнение Рудольфа Штайнера — «Всеобщее Антропософское Общество». В дальнейшем оно было расширено в Объединение. Для этого 29 июня 1924 г. (т.е. уже после Рождественского Собрания) Бауферайн провел специальное заседание своего правления, на котором Рудольф Штайнер так сформулировал первый параграф его статута: «Под именем “Объединение Гетеанума свободной высшей Школы Духовной науки (Бауферайн)” существует подразделение (выделено нами. — Авт.) Всеобщего Антропософского Общества, объединение, имеющее свою резиденцию в Дорнахе...» (ИПН. 260а, S.509.) 3 августа 1924 г. было проведено еще одно заседание, и на нём было окончательно создано объединение ВАО. Оно включало в себя четыре подразделения:

1. Антропософское Общество (АО) «в узком смысле». Его ядро составляла Высшая Школа Духовной науки; для него на Рождественском Собрании были приняты статуты.

2. «Ферайн Гетеанума свободной Высшей Школы Духовной науки.»

3. Философско-антропософское издательство.

4. Клинико-терапевтический институт д-ра Иты Вегман.

За семь недель до смерти Рудольфа Штайнера, а именно 8 февраля 1925 г. состоялось еще одно заседание Бауферайн, и на нем, как потом официально утверждалось в течение 75 лет, для включения ВАО в реестр регистрируемых организаций (Handelsregister) было сформулировано следующее положение:

«Бауферайн (Ферайн Гетеанума) свободной Высшей Школы Духовной науки в Дорнахе на своем внеочередном генеральном собрании 8 февраля 1925 года произвел редактирование своих статута и внес в них следующие изменения и дополнения, подлежащие опубликованию:

Название «Ферайн» (объединение) изменяется на «Всеобщее Антропософское Общество». Он включает в себя четыре подразделения, а именно:

а) администрацию Антропософского Общества (т.е. то, названное «эзотерическим» Правление, которое было образовано на Рождественском Собрании. — Авт.),

б) философско-антропософское издательство,

в) администрацию Ферайн Гетеанума,

г) клинко-терапевтический институт в Арлесхайме.

Свою резиденцию Ферайн имеет в Дорнахе...» (Ibid., S.564.)

Вновь провозглашенное ВАО было названо «правопреемницей» Бауферайн'а и приняло статуты этого последнего. Правление прежнего Бауферайн было упразднено, и осталось, таким образом, лишь правление Рождественского Собрания — т. наз. «эзотерический» Форштанд (правление — Vorstand).

Итак, с того дня статутами ВАО стали статуты Бауферайн, а не те, что были обсуждены и приняты на Р.С.* Со статутами Бауферайн ВАО получило и параграф, разрешающий исключать членов, чего не было в статутах Р.С.**

Это новое установление было подписано также и Рудольфом Штайнером, чем перед серьезными, искренними, думающими антропософами был поставлен трудный вопрос, которым они мучаются и по сей день. Ибо тем, что было сделано 8 февраля 1925 года, Антропософское Общество, созданное на Рождество 1923 года, а вернее Объединение ВАО было, по сути дела, упразднено!

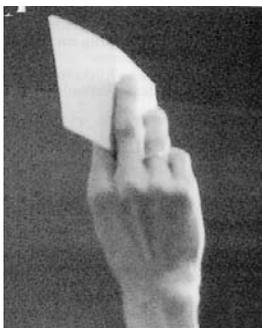
Хотя и туманно, именно этот факт и был признан теперь администрацией ВАО. А затем, прибегая ко всякого рода софистике, ухищрениям, в том числе и юридического рода, она на конференции 28—29 дек. 2002 г. провела голосование по правилам, неведомым не только в демократическом, но и ни в одном тоталитарном обществе, и с помощью его провозгласила себя правопреемницей Общества Р.С. Участникам той конференции, т.е. полноправным членам ВАО, было объявлено, что право принимать участие в голосовании они получают только в том случае, если заранее, письменно признают всё то, чего администрация желает добиться путем этого голосования.

* Чтобы Рождественское Собрание отличить от других событий, мы будем в дальнейшем часто пользоваться его аббревиатурой — Р.С.

** Бауферайн занимался строительством Гетеаниума, следовательно, это было также и финансовое учреждение, в нем могли случаться и злоупотребления, бороться с чем можно было только исключением из него. Совершенно иной характер носило Общество, созданное на Р.С.

Самым страшным однако было все же не это, а восторг и энтузиазм, с каким такое условие было принято участниками конференции, среди которых были почти все генеральные секретари национальных АО, множество руководителей ветвей и прочих руководящих и ответственных лиц, одним словом, элита ВАО — не менее полутора тысяч человек.

Поскольку акция была проведена с такой беспримечной открытостью, дерзостью и даже, надо сказать, цинизмом, то всякому, кто того пожелает, совсем легко понять, что под маской обновления в Дорнахе был осуществлен еще один этап искоренения Антропософии. Метод, который был использован при этом, широко известен

Eindeutige Mehrheiten für die vom Vorstand am Goetheanum vorgeschlagenen Beschlußvorlagen

Подпись под фотографией: «Однозначное большинство за предложенный Форштаном в Гётеануме проект постановлений».

в мире. С помощью его вот уже пятнадцать лет ведется «перестройка» в России. В результате ее «освобожденная» от одного рабства страна ввергается в другое, на смену одной лжи пришла другая, одного насилия — другое насилие и т.д., так что в конце концов бо льшая часть населения задает себе гамлетовский вопрос: а не лучше ли было «мириться со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»?

Тот знаменитый монолог заканчивается, как мы помним, словами:

Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет как цветок решимость наша
В бесплолье умственного тупика.

Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех...

«Бесплодые умственного тупика» стало главным пороком всей современной культуры. И болезнь этого рода охватила и антропософское движение, приведя антропософское дело в мире к неслыханному упадку.

В тот короткий отрезок времени, когда в Дорнахе пошли на смелый шаг и позволили открыто говорить о возможных способах улучшения жизнедеятельности ВАО, членам группы «перестройщиков» был задан вопрос: а не лучше ли было бы повременить с «обновлением» и сначала постараться получше разобраться в прошлом Общества? Г-жа М. Глёткер*, отвечая на тот вопрос, сказала: «По моему мнению (а ее “мнение” принадлежит к числу тех, которые и решили все дело) график движения не следует передвигать. Ведь члены во всем мире... переживают себя связанными с импульсом Рождественского Собрания. Это решение: статуты Рождественского Собрания иметь также и теперь как всеобъемлющее, обладающее юридической обязательностью общее основание для работы, является чем-то таким, что в высшей степени стало желательным; поэтому лучше раньше, чем позже...»³⁾**

Лишь в сообществе людей, где долго и «всеобъемлюще» господствует групповое сознание, совершается попрание законов логики, здравого смысла, царит полная безответственность в отношении произносимых слов, функционеру, администратору можно безнаказанно высказываться подобным образом. В самом деле, не катастрофа ли это, в судьбоносном вопросе апеллировать к безымянным массам, которые, якобы, «во всем мире» что-то там переживают, нигде ни разу определенно не выразив — что именно? Даже президент Буш, доказывая необходимость войны в Ираке, ссылаясь на данные социологических опросов. Москва, желая ввести конституцию в Чечне, начала со всенародного референдума по этому вопросу. Так, если в политике, где и не отрицается, что цель

* Руководитель медицинской секции при Гетеанума.

** Фрэд Пёппиг: «Одажды, во время генерального собрания в Дорнахе Курт Энглерт громко крикнул в зале: «Так кто же все-таки понимает, что такое Рождественское собрание? Я во всяком случае его не понимаю!» Его слова остались стоять в зале без ответа — и, как мне кажется, стоят там до сих пор». (Rueckblick. Verlag Pforte, Базель, 1964, S. 63.)

оправдывает средства, тем не менее не избегают случая спросить народ, чего он желает, то что остается сказать об Обществе «философов свободы»?

Но дело обстоит еще проще и хуже. Ибо вобщем-то известно, чего желают «члены во всем мире». Со всей определенностью они, например, выразили это в Голландии. Правление Голландского АОпринудилогосударственнуююстициюпровести судебный процесс против Рудольфа Штайнера и обвинить его в расизме. 2/3 членов (!) активно поддержали это позорное мероприятие и поддерживают его до сих пор. Так «связанными» с какими импульсами переживают они себя?

Приходят вести из Соединенных Штатов, что там все больше трудам Рудольфа Штайнера предпочитают сочинения С.Прокофьева. «Во всем мире», а точнее — изо всех углов раздаются «авторитетные» мнения, что «гетеанизм устарел», «Штайнер принадлежит истории». Стало общепризнанной аксиомой, что Штайнер понаделал уйму ошибок, в которых-де не любил сознаваться, его лекции полны противоречий, кроме того они «не аутентичны», и потому их вообще не следует издавать, и т.д. и т.п.

Ах, да, ведь нам могут возразить: А причем тут Штайнер? Р.С было осуществлено через него (как и все остальное, что он сделал), и только оно нас и интересует; мы исходим из того, что все люди духовно равны (так, например, думают Дунсельман и Хайстеркамп — выдающиеся «члены-гуманисты»)*; в конце концов и Штайнер «был не единственным... Многие мужчины и женщины в его время несли в себе “гуманизм” и пытались его сформулировать» (Бодо фон Платон); ну а теперь эти «мужчины и женщины» в ВАО ушли дальше Штайнера во всех отношениях.

Что можно на это сказать? — «Сильные» аргументы: как удары молотком по клавишам рояля. Но, может быть, г-жа Глэклер думает все-таки чуточку иначе? В таком случае как могла она высказать такое «изречение мудрости»: «лучше раньше, чем позже»? Подумала ли она о том, какой мировой сфере такая «мудрость» принадлежит? В отличие от нее, мы, обычные люди, убеждены в том, что лучше — своевременно, и обязательно правильно.

Подстать Глэклер и другой, несравненно более значительный,

* Первый из них — генсек голландского АО, второй — шеф-редактор журнала «Info-3», уже годами валяющего Антропософию во всяческой грязи

чем она, апологет «перестройки» ВАО С.Прокофьев. Его спросили: имеется ли достаточно оснований, «чтобы такому мистериальному свершению, как Рождественское Собрание, можно бы было вновь вернуть право на существование? Что вообще станет сегодня благодаря такому акту («перестройке». — Авт.) «правомерным», действительным, если учесть, что Рождественское Собрание — это все-таки исторический факт и свершение космического масштаб ?»⁴⁾ Резонный, разумный вопрос. И что же ответил на него Прокофьев? Он сказал, что реорганизация ВАО позволит создать «некую форму», которую следует наполнить «духовным содержанием». «Форму» эту «перестройщики» с завораживающей силой лепят руками прямо у нас на глазах (см. фото).

Прокофьев, однако, не чета Глэклер. Не зря он пришел с Востока. Он продолжает: ну а если ту форму мы не наполним, то «мы стоим перед опасностью, ибо в духовной жизни никакое место пустым не остается», его тогда заполняют «другие силы», надо понимать — злые. Перестройка ВАО есть лишь начало некой работы. «Готовы ли мы к ней и есть ли у нас для этого воля, — покажет лишь будущее... здесь необходимо “историческую форму” связать с “космическим свершением”».

Необыкновенные слова! Кто не порвал окончательно с логикой, ему лучше их не читать, ибо он рискует вообще утратить веру в человека. Мы же имели несчастье их прочесть, и в нас тут же взорвалась целая куча бурно негодующих вопросов: А что, разве до 2003 года ВАО не было пустой формой? Если не было, то зачем его ломать, а если было, то разве

Фото. Михаэла Глэклер. Ниже: руки П.Макая и фон Платона.

не заполнили его уже давным давно «другие силы»? Если заполнили, то с какой стати они отдадут власть? И почему мы должны верить, что теперь в лице Прокофьева явился герой, способный дать им решительный бой? Да и о бое ли идет речь, если «герой» ни слова не говорит о том, что он такие силы вообще видит? Что вообще видит он в старом ВАО? И кто дал ему право высказываться и даже действовать в подобном духе! — Так должен был бы спрашивать каждый, обладающий хоть каплей здравого смысла, хоть каплей чувства ответственности за Антропософию.

Еще полтора-два года назад Глэклер не позволяла и рта открыть никому, кто сомневался, что существовавшее ВАО было Обществом Р.С. Прокофьев при этом молчаливо соглашался с нею. А что если он вообще не «герой», а честолюбивый «игрок», намеревающийся сыграть ва-банк, поставив на кон и Общество, и учение? Об «историзме» же и «космизме» в пустом, абстрактном агрегате слов, произнесенном им в интервью, даже и судить нет смысла.

Таковы безысходные умственные тупики, в которых пребывают и которые несут в себе, «отцы» и «матери» перестройки ВАО. Но, может быть, и этим сказано слишком много. Умственный тупик все-таки возникает в результате долгих и тяжелых раздумий, тут же, скорее, мы имеем дело всего лишь со странным синдромом, напоминающим инфантилизм, в людях, оказавшихся по непонятному (а может быть, и вполне понятному) стечению обстоятельств наделенными от имени членов «во всем мире» властью совершить дело, которого они ни в малейшей степени не понимают. Во время одной из лекций в Германии Прокофьева спросили: так в чем же состоит суть Р.С.? Он ответил: вы должны сказать это. Ну прямо как Иисус Христос перед Пилатом: «Ты должен сказать это» (Мт. 27, 11). Однако Бога нужно копировать с осторожностью. Если, не менее 20 лет занимаясь, как кажется, одним лишь вопросом Р.С., Прокофьев так и не понял, в чем состоит его суть, то что способны понять его сподвижники: Макай, фон Платон, Сиз, Циммерман, чей духовный потенциал несравненно ниже прокофьевского? О генеральных секретарях и прочих функционерах и говорить нечего. Они лишь следуют генеральной линии, исходящей из Дорнаха. Ну а рядовые члены следуют за функционерами. Так каким «содержанием» наполняют они созданную для них новую форму, которая есть лишь «начало» чего-то такого, о чем им даже не говорят?

2. «Непосредственно данное»

В подавляющем большинстве членов ВАО сидит непоколебимая, более твердая, чем у католиков и протестантов в отношении их церквей, уверенность, что ничего из происходящего в Обществе не следует подвергать критическому рассмотрению. Свойство это странное и неуместное, в особенности в людях, взявших на себя задачу быть выразителями эпохи души сознательной.

Критичность внутренне присуща новой эпохе с ее поиском истины и справедливости — главной добродетели земного эона! Поэтому именно в этой эпохе Кант создал критическую философию, покончившую с туманной и фантастичной метафизикой старого времени.

Рудольф Штайнер пишет в «Истине и науке»: «Мы называем критической такую позицию, которая овладевает законом собственной деятельности, чтобы узнать ее надежность и границы». (ИПН. 3, S.44.) Иными словами, это критичность идущего путем философии свободы духа. Такая позиция необыкновенно трудна, она требует постоянного и большого духовного напряжения, сопряжена с интенсивным научным, в первую очередь духовнонаучным, поиском. Отдельные люди, пытающиеся в антропософской среде занимать такую позицию, не желают при этом, а часто просто не способны брать на себя сопряженные с нею тяготы. Такие люди провоцируют отказ от критики в массе рядовых членов. Тогда-то ситуация и становится безнадежной. Ибо не критичный человек ждет, когда побуждение к действию ему дадут другие. Понимая критику лишь как *critique militante*, он в страхе отшатывается от нее и тогда капитулирует как личность.

С пронзительной ясностью «простую истину» критики выразила английская писательница Шарлотта Бронте. Защищая свой роман «Джейн Эйр» от возмущенной нравственности группового сознания, она писала: «Светские условности — еще не нравственность. Ханжество — еще не религия. Обличать ханжество — еще не значит нападать на религию. Сорвать маску с лица фарисея — еще не значит поднять руку на терновый венец. ... Нельзя принимать внешность за суть. Нельзя допускать, чтобы узкие человеческие доктрины, служащие вознесению и восхвалению немногих, подменяли учение Христа, искупившего весь мир». — Ах, до чего же верные слова!

А вот что о предназначении критики думал блаженный Августин. Отвечая на волнующий людей и по сей день вопрос: почему добро вынуждено существовать вперемешку со злом? он в своем объемистом сочинении «О граде божием» пишет (кн. 1, гл. IX): «Грешно то, когда [люди] сами ведущие жизнь, отличную [от жизни дурных людей]... снисходительно относятся к чужим грехам, от которых должны были бы отучать... своим обличением, быть может, и исправили бы некоторых. Они боятся, чтобы в случае неуспеха не подвергнуть опасности и крушению собственное благосостояние и доброе имя... т.е. [боятся] по причине некоторых уз вождения, а не по обязанности любви. ... в этом деле они [добрые] несут ... гораздо большую ответственность, чем те, которым сказано через пророка: «Той в беззаконии своем умрет, но кровь его взыщу от руки стража». (Иез. 33, 6)». — И вот получается: что было ясно еще в VI веке, в веке XXI нужно объяснять и доказывать; доказывать, что самый элементарный страх за собственное благополучие пытаются скрыть под маской человеколюбивой позитивности.

Особенно тяжелому испытанию отказ членов ВАО критически относиться к окружающей их в Обществе действительности подверг фон Платон — новый член правления. В своем выступлении на генеральном собрании французского АО в 2002 г. он высказался таким образом, что в истории ВАО создал водораздел между его печальным прошлым и трагически-безысходным будущим. Следует отметить, что с фон Платоном борьба с Антропософией выступила в самом ВАО, так сказать, «без покровов». В той своей речи он, среди прочего, сказал, что «Рудольф Штайнер был страстным критиком своего времени», причем критиком предвзятым, несправедливым. А в дальнейшем его некритичные последователи, примкнувшие к его необоснованной оппозиции миру, впали в групповое сознание, что ведет «в Освенцим и никуда более»(!)⁵

Что фон Платон клеветает, изболочить не сложно. Но дело тут заключается совсем в другом. Достаточно, например, лишь вспомнить, что по отношению к своим лекциям об исторической симптоматологии Рудольф Штайнер встретил в рядах «позитивных» членов такую оппозицию, что вынужден был их прекратить.

Однако в данный момент нас интересует другое: еще одна разновидность мышления, присущего творцам «новых форм» для, Бог весть, какого содержания. Родовая черта этого мышления — отсут-

ствие логической совести, с которой, собственно, только и начинается нравственный прогресс индивидуальности.

Так далеко, как фон Платон, в критике Рудольфа Штайнер не посмел пойти даже Кристоф Линденберг — бывший глава штутгартской «системы» критиков Рудольфа Штайнера в некритической среде ВАО. Парадокс этот дошел до такой степени извращения, что в Обществе, как-никак, но все же основанном на учении Рудольфа Штайнера, критиковать можно только его самого. Со своими просто непорядочными идеями фон Платон посещает теперь разные ветви и повсюду встречает восторженный прием. Дамы находят его «элегантным» (а он, несомненно, страдает нарциссизмом),* мужчины — «хорошо говорящим». Ну а содержание элегантно говорящего? — Ах, кому до этого есть теперь дело! Но в таком случае, что это за загадочная позитивность, которой страдают члены?

В 20-е годы в Германии существовала группа людей, называвших себя «неантропософскими знатоками Антропософии» (см. ИПН. 259, S. 795—817). Она проявляла себя необыкновенно враждебно по отношению, прежде всего, к Рудольфу Штайнеру, но также и к Обществу. Действуя часто предательскими методами, втираясь в доверие к некритичным антропософам, которых много было и тогда, эти люди собирали материал для нападок. И вот теперь можно утверждать, что группа та просто легализовала себя в самом ВАО. Открыто презируя «положительных» членов, они воздействуют на них страхом «отлучения», методами массового внушения, одним словом, превращают их в «первозданный прах» и лепят из него чертиков по собственному образу и подобию.

Эту, несомненно, тяжелую, неприятную тему мы вынуждены затронуть по той причине, что действиями описанного рода истинному, живому существу Антропософии наносится страшный урон, а следовательно, урон наносится человечеству. Оно лишается своей последней надежды, поскольку ни один из ныне существующих факторов культуры и цивилизации сам по себе будущего не имеет. В таком положении всякий имеет право прибегнуть и к *critique militante* — лишь бы она была содержательной и обоснованной. Апеллировать при этом можно лишь к тем, кто искренне, вне зависимости

* Именно потому он попал впросак, давая интервью журналисту из швейцарской «Вельтвохе» (№ 5, 2004), который потом назвал его «красавчиком (Beau) антропософской элиты».

от того, являются ли они членами ВАО или нет, озабочены судьбой Антропософии в современном, так изощрившемся во лжи мире. Таких читателей мы приглашаем к свободному со-мыслию с нами, имеющему целью понять сущность Рождественского Собрания и найти ответ на вопрос: что нам следует делать теперь? Для такого со-мыслия необходимы: нелицемерная непредвзятость, уважительное отношение к правам рассудка, т.е. наличие логической совести, желание мыслить самостоятельно, но не произвольно, желание духовно-научно углубляться в Антропософию Рудольфа Штайнера.

Если кому-то содержание и стиль сказанного нами до сих пор показались «критикантскими», «безжалостными» и проч., то ему книгу эту далее читать не следует. Ибо мы стоим на точке зрения, что сентиментальной болтовне о «единстве в слабоумии» должна быть решительно противопоставлена воля к познанию истины и справедливости. Дарами данайцев долго жив не будешь.

* * *

Во множестве написанного и говоримого о последних годах жизни Рудольфа Штайнера и о созданном им Обществе просматривается один перманентный недостаток: пишущими и говорящими игнорируется очевидное, непосредственно данное положение вещей. А ведь именно с «непосредственно данного» учил нас начинать познание Рудольф Штайнер.

Повсеместно мы наталкиваемся на один примечательный факт. Формально всеми признается, что от декабря 1922 г. до марта 1925 г. события в жизни Общества носили остро трагический характер. Но вот Рудольф Штайнер умер, и, пусть не совсем сразу, наступили мир и благодать. Ну да, там еще Мария Штайнер пыталась «присвоить» себе наследие, чтобы его издать и сделать достоянием мировой культуры, были расколы в Правлении, но все, однако, словно по плану Божию, шло к умиротворению, которое где-то в 50-х (когда умерла также и Мария Штайнер), 60-х годах наконец и воцарилось в ВАО.*

* Такой именно образ в начале 70-х годов привезли нам, московским антропософам, антропософы с Запада. И до начала 80-х годов мы пребывали в «счастливом неведении», пока не представилась возможность самим посетить Дорнах. Автор этих строк пережил немалое потрясение, увидев впервые «двух Шмидтов»: Шмидта (Брабанта) и Ёргена Смита.

На самом же деле преждевременный уход Рудольфа Штайнера был катастрофой, масштабы которой разрастаются по сей день.

Когда сгорел первый Гетеанум, то сгорело не просто уникальное произведение искусства. Тогда сгорело то, что имело целью дать цивилизации смысл и направление. Все действия Рудольфа Штайнера были после того сосредоточены на том, чтобы надвинувшийся вплотную закат цивилизации, нет, уже не предотвратить, но хотя бы смягчить, как-то локализовать, не дать пожару Гетеанума правратиться в мировой пожар, который и запыхал в 1939 г., а в начале XXI в. стал вновь реальным как никогда.

Когда новоявленные «неантропософские знатоки Антропософии», похотывая в кулачок, указывают один другому глазами на «этих чудачков», думающих, будто бы судьба мира зависит от Антропософии, то мы-то ведь уже знаем, что главным для них является условие, чтобы ничто не было главным, чтобы всё было равно серым*. Их единомышленники во внешнем мире проводят огромную работу, чтобы и Бога поставить в один ряд с Конфуцием, Сократом, Кандинским, Стравинским, Карлом Юнгом (уж непременно!) и т.д. Эти люди потеряли себя по причине общего кризиса познания в мире. Он столь велик, что человек интеллектуальный даже представить себе не может, чтобы из него был какой-либо выход. Но выход есть. И указать его способна только Антропософия.

Суть того выхода заключается не в объеме познания, а в методе познания, более того: в возможности иметь универсальную методологию познания и действия, способную объяснить, как человек может стать свободным. Методология та в своей сути способна само Христианство перевести из стадии приготовления в стадию осуществления. И вот на пути этой великой силы, которую принесла в мир Антропософия, этого величайшего блага человечества, потерявшие самоидентичность люди пытаются ставить заслоны. Постараемся понять характер, какой они принимают в Антропософии.

В своих «директивах» к конференции 28–29 дек. 2002 г. С.Прокофьев учрежденное Штайнером** на Рождество 1923/24 г. рассма-

* Они теперь даже на титульных листах книг, в т.ч. и Рудольфа Штайнера, имя автора и заглавие пишут с маленькой буквы. Такой «скромности» не знал даже большевизм с его открытой оппозицией личности.

** Так, сухо, без имени пишет в «директивах» Прокофьев.

тривает как трехчленность, состоящую из Администрации, Школы и Общества, которую «единая конституция» (не люди) превращает в единство. Более того: «мы имеем социальную структуру, которая точно соответствует четырем частям медитации камня основы», а также трехчленному человеку тела, души и духа. И потому (!) за «административно-управленческой сферой» можно узреть (если очень желаешь, конечно) самого Бога-Отца, а медитативное «упражняйся в воспоминании о духе» означает: «вспоминани (помни) содержание статутов»⁶⁾* и т.д.

Непростительную ошибку совершит всякий, пожелавший в этих «руководящих положениях» увидеть положительную антитезу «цинизмам» фон Платона. Нет, «положения» те есть чистые абстракции, которым не соответствует никакая реальность. Они составлены в духе традиций мифотворчества, метафизики, которой в свое время занималось советское Политбюро. Кто последует за ними, придет в никуда.

Чтобы в познании пользоваться магией чисел, высокими соответствиями духовных реальностей, нужно пронизать себя духом научности, духовной научности, которую Прокофьев, к сожалению, слишкомдолгонедолюбливал. Авсякий, недолюбливающий в Антропософии ее научность, должен был бы сам отстраниться от решения ее дел. Таково мнение Рудольфа Штайнера.

Если же научность нам не чужда, то мы, обращаясь к реальности, находим в ней только единства, т.е. только живые, обладающие тем или иным уровнем я-сознания объекты. Внешняя наука ищет к ним подход как к системным объектам. И в этом она созвучна с методологией Антропософии.** Такой объект состоит из элементов, связей между элементами и системообразующего принципа. «Член целого, — пишет Рудольф Штайнер в 14-й главе “Философии свободы”, — определяется в своих свойствах и функциях через целое». (ИПН. 4, S.237.) Элементы и связи могут изменяться количественно и качественно. Они образуют структуру объекта в пределах его целого, единства. Поэтому триединство, учрежденное Рудольфом

* Ну прямо как у генералиссимуса Суворова, учившего солдат: «И утром, ото сна восстав, читай усиленно устав!»

** Это блестяще показал русский философ и антропософ Николай Онуфриевич Лосский в своей книге «Обоснование интуитивизма».

Штайнером на Р.С., есть больше, чем структура, а его структура не просто социальная, а эзотерическая. Ее системообразующий принцип не может быть ни элементом, ни связью. Поэтому утверждать, что им является «единая конституция», означает впасть в материализм.

Системный объект реален в силу того, что он содержит в себе принцип своего самодвижения. Он имманентен. Он обладает принципом жизни. А жизнь во Вселенной всегда проистекает из Я. Следовательно, системообразующий принцип всегда есть Я. (Материалистическая теория систем, не желая признавать этого факта, сама себе связала руки.) Поэтому созданное на Р.С. было организмом духовного рода со своим собственным Я. Оно осеняло его из духа, и это был развоплотившийся Гетеанум.

А что за триединство было создано во время Р.С.? Эзотерическая Школа, Общество с его статутами и Форштанд сначала были лишь трехчленностью, а не триединством.

Триединством были: Эзотерическая Школа, учрежденная и руководимая Рудольфом Штайнером, Общество, которое он создал и возглавил, и Форштанд, названный благодаря Рудольфу Штайнеру и его членству в нем, эзотерическим. Таково было реальное триединство, и его системообразующим принципом в эзотерической социальности был Рудольф Штайнер! Триединство, предлагаемое Прокофьевым, механистично. В нем Рудольф Штайнер как будто бы и не особенно нужен; тем более, что все совершилось «через него»*.

В действительности же имело место действие одного Я в другом Я, в том смысле, что в высшем мире одни существа состоят из других и все они — самосознающие! Это понимают даже те, кто борется против Антропософии. Вот почему они тратят так много сил на то, чтобы оторвать ее от Рудольфа Штайнера. Если было одно толь-

* У Прокофьева в его цитированных выше «директивах» имеется такая фраза: «в особенности в переводе ее (медитации) на немецкий язык, осуществленный через Штайнера». Ирина Гордиенко в своей книге о Прокофьеве отмечает эту особенность всех его сочинений. Он повсеместно лишает в них Рудольфа Штайнера авторского права. Все сделанное им, было, якобы, сделано через него. Это написано по-русски, где «через» имеет лишь то значение, что человек в некоем деле является лишь инструментом. Но стоит ему лишь чуть повысить свое в нем участие и дело совершается уже с помощью человека.

ко «через», то чего, казалось бы, тут так нервничать, сам Рудольф Штайнер должен был бы скромно «самоустраниться».

Таким образом, мы подошли к сути дела. И она такова, что созданное на Р.С. триединство имело свой системообразующий принцип, высшее групповое «Я» нового рода, которое может объединять лишь индивидуальных людей в еще более высоком самосознании. И таким «Я» был духовный Гетеанум, поэтому Рудольф Штайнер так много подчеркивал его роль в том, что делали антропософы на земле.* А на физическом плане Я, сводящим те три члена в единство, был иерофант новой Мистерии — Рудольф Штайнер. С его уходом то триединство потеряло свой системообразующий принцип, перестало быть живым целым, утратило свое высшее самосознание, как утрачивает свою целостность, самоидентичность отдельный человек, если ослабевает его связь с «я», как расплывается (изгоняется, истребляется и т.д.) народ, лишившийся своего Духа-водителя, Архангела.

Созданное на Р.С. триединство могло бы сохранить себя без Рудольфа Штайнера лишь в том случае, если бы его руководители оказались более высоко развитыми индивидуальностями. Но они были способны ими только еще стать, если бы у них имелось больше времени для работы над собой под руководством высокого посвященного. Времени этого, однако, не оказалось. Поэтому после преждевременного ухода Рудольфа Штайнера с физического плана ни созданное им Общество, ни эзотерический Класс, ни эзотерический Форштант далее существовать не могли. Если этот вывод продумать в ключе методологии Духовной науки, то его можно считать аксиомой.

Мы хорошо понимаем, что не все антропософы являются методологами. Но ведь именно для того, чтобы они ими становились, существует высшая Школа Духовной науки. В этом смысле она не утратила своего значения. И уж непременно должны быть методологами те, кто в ВАО принимает решения. Эти последние нельзя, как говорится, «брать с потолка». И нельзя действовать, руководствуясь атавистическими инспирациями-вдохновениями, если даже кому-то может показаться, будто бы он общается с самим Рудольфом

*«Духовное Движение... чьим представителем должно быть это строение [т.е. Гетеанум]...» (ИПН. 255b, 5.6.1920.)

Штайнером. Наконец, нельзя действовать по подсказке недругов Антропософии.

Если организующая познание сила методологии, которая в Антропософии ни в коей мере не абстрактна, начинает реально переживаться нами, то попробуем, так сказать, иными глазами взглянуть на то, что переживали члены Форштанда, понимая, что Учитель уходит, что переживал сам Рудольф Штайнер, увидев, что ему не удастся завершить начатое им и столь глубинно связанное с ним дело. Попробуем представить себе все это, призвав на помощь сравнение. Представим себе большой пассажирский лайнер, который начинает взлет, уже несется по полосе и тут ведущий его пилот осознает, глядя на приборы, что в самолете есть неисправность и подняться в воздух он, скорее всего, не сможет. И тогда в несколько секунд нужно решить: следует ли пойти на риск и все-таки продолжать взлет или начать торможение. Во втором случае можно еще успеть уже оторвавшийся от земли самолет вновь привести с нею в соприкосновение и на остатке взлетной полосы погасить часть скорости. Далее, сбивая прожекторы, ограждение, лайнер понесется по слишком мягкой для него почве, увязая в ней своими колесами, но, поскольку скорость уже не будет чрезмерной, он не опрокинется, не разломится, не загорится, а остановится. Его можно будет затем оттащить в ангар, отремонтировать и через какое-то время он будет снова летать.

Спросим себя: так не были ли события 8 февраля 1925 г. такой попыткой хоть как-то сохранить «летательный аппарат» Общества? Ведь после смерти Рудольфа Штайнера, действительно, осталась лишь структура, прежний принцип самодвижения из нее ушел. И такой структуре в самом деле больше подходила форма Бауферайн. А от Антропософского Общества Р.С. нужно было отказаться. И оно было «остановлено», но вовсе не потому, что на пути стоял злополучный Хандельсрегистер. В конце концов, и после 8-го февраля в него были внесены не все статуты Бауферайн, а короткая, специально для него написанная «формулировка-заявление» (см. ИПН. 260а, S.564ff.). И все нынешние разговоры о том, что, якобы, АО Р.С. никак не могло в те годы вписать себя в этот материалистически-ариманический реестр, при более точном изучении оказываются не соответствующими действительности.

Мы вынуждены признать правоту тех критиков, которые уже в

течение десятилетий (к ним принадлежала и Мария Штайнер) считают, что, подписав протокол заседания 8 февраля 1925 г., Рудольф Штайнер упразднил созданное им на Р.С. Антропософское Общество.

А что стало с эзотерической Школой, точнее, с так называемым первым Классом? Видя, что Рудольф Штайнер уже не поднимется, Ита Вегман ставит ему вопрос о преемнике. Вот что она сама писала об этом: «В полном сознании, но без единого слова о будущем, без единого указания, сообщения о том, что после него остается та или иная личность, Майстер ушел от нас. А на прямой вопрос об этом был дан однозначно отрицательный ответ. Но почему?»⁷⁾ Д-р Л.Нолль, лечивший Рудольфа Штайнера, добавляет со своей стороны, что, услышав вопрос Вегман, Рудольф Штайнер «удивленно посмотрел на нее и молча отвернулся».⁸⁾

Таково было «непосредственно данное» тех трагических дней, и из него со всей определенностью следует, что Класс без Рудольфа Штайнера далее не мог существовать так, как он существовал при нем. Позже еще случилось, что Ита Вегман, единственный человек, кому, кроме себя, Рудольф Штайнер дал право принимать в Класс, была исключена из ВАО и права своего никому не передала. Так приходим мы ко второй аксиоме: после ухода Рудольфа Штайнера Класс не должен был существовать далее как официальное учреждение внутри образованного 8 февраля 1925 г. ВАО.

Никто, конечно, не мог запретить его членам совершать работу Класса и далее, но она должна была стать их частным и личным делом. Вероятно — так думаем мы — в работе с Классом каждый волен образовать свой тесный круг, состоящий из верных друзей, объединенных взаимным доверием и симпатией, а главное — серьезным, честным отношением к Антропософии, к ее эзотерике. Но чисто бюрократическое управление Классом, назначение «чтецов», что тешит лишь честолюбие и властолюбие, официальные групповые чтения соответствующих текстов лишь укрепляют аппарат администрации и потому являются неправдой, вносимой в сферу светлейшей эзотерики.

Не ведись эти чтения в ВАО — удалось бы избежать многих бедствий. И двух мнений тут быть не может в среде людей, хоть что-то понимающих в законах эзотерики. Любой думающий в духе Антропософии человек способен это понять. Ну в самом деле, представим

себе еще раз то, что нам известно: непосредственно самим Духом времени, Архангелом Михаэлем учреждается глубоко эзотерический мистериальный центр нового типа. Его ведущим Иерофантом способен быть лишь посвященный, сознательно переживающий волю Архангела эпохи. И преемником такого Иерофанта способен быть лишь тот, кто обладает такой же способностью. Только при этом условии новый центр Мистерий может созидаться, а не искажаться и заполняться силами зла.

Что-то подобное говорит в своем интервью Прокофьев. Но в его устах истина становится сентиментальным пустозвонством. Нынешняя ситуация в ВАО не имеет ничего общего с 1924-м годом. А известно, что зло — это добро, только проявляющееся не на своем месте и не в свое время. Поэтому Прокофьев, не понимая этого, служит злу; то же самое делают и все те, кого он увлекает за собой.

Вплоть до 30 марта 1925 г. возле Рудольфа Штайнера не было ни одного человека, способного после него вести его дело. И когда после его ухода члены Форштанда попытались вести себя как и прежде, то этим они позволили себе непозволительное. Да, они были в большой растерянности; может быть, они просто «поплыли по течению». Реальные события показали, что без Рудольфа Штайнера они были не в силах противостоять атакам супостатов. В эзотерике брать на себя непосильное означает рисковать безмерно.

3. Третье мнение

Развиваемому нами взгляду на суть трагедии 8 февраля 1925 г. противостоит одно, следует признать, основательно фундированное мнение, изложенное в изданной в 2004 г. книге Рудольфа Менцера, посвященной событиям 1923–25 гг.⁹⁾

Книга эта принадлежит к числу тех, в которых даже ошибки оказываются поучительными. С завидной скрупулезностью ее автор, владеющий хорошо поставленным аналитическим мышлением, исследовал все события, произошедшие в Антропософском Обществе от Рождества 1923/24 гг. до конца 1925 г., и, как кажется, сформулировал все вопросы, какие только могут возникнуть по их поводу. Он исследовал все процедуры принятия решений в тот период и на основе сравнительно небольшого числа сохранившихся документов вскрыл со строго юридической точки зрения всё противоречивое, неопределенное, загадочное, что волнует нас в тех событиях по сию пору. Читая книгу, словно под увеличительным стеклом наблюдаешь то уже отдаленное от нас время.

Зная неподатливую «ментальность» членов Общества на всякое не санкционированное властями предержажимыми знание, автор главные свои положения повторяет в разных сочетаниях десятками раз (поэтому человек посторонний, прочти он все это, наверное, подумал бы: странным читателям адресована эта книга).

Одним словом, мы убеждены, что книга Р. Менцера заслуживает самого внимательного прочтения и широкого обсуждения в антропософской среде. Из нее можно почерпнуть такое количество фактов, каким вряд ли располагают даже те, кто специально занимается затронутыми в ней проблемами. Так можно оценить материал, на основе которого Менцер ведет свое исследование. Но нам следует быть осторожнее и сдержаннее, когда дело доходит до выводов, к которым он желает нас привести. Развенчивая, порой совершенно блистательно, одни жупелы, он сам вслед за тем творит другие. Не станем негодовать по этому поводу, понимая, что явления такого рода подстерегают всякого, решившегося на серьезное исследование, на научный поиск. В таких случаях ошибки одного избавляют от них другого. Вскрытие ошибок дает порой даже больше, чем суждения, делаемые «в унисон» с другими мнениями.

Рудольфу Менцеру удалось решить ряд вопросов, расхождения во мнениях по которым разрушает антропософскую жизнь. Но некоторые из его основных выводов, если их тоже рассмотреть под увеличительным стеклом, рожают проблемы также весьма разрушительного свойства. Здесь следует начать с главной посылки, ради которой, собственно, и написана вся книга. Она сводится к такому ультимативному утверждению: либо Гюнтер Ваксмут обманул Рудольфа Штайнера и, пользуясь его болезнью, совершил 8 февраля 1925 г. подлог, с помощью которого аннулировал созданное на Р.С. Общество, либо сам Рудольф Штайнер «должен ... как “обманщик” войти в историю» (S. 27). Третьего, якобы, нам не дано. А потому всякий, уважающий Рудольфа Штайнера, должен «обманщиком» считать Ваксмута и тем Рудольфа Штайнера «освободить от любых упреков» (там же).

Нужно ли доказывать, что этот ультиматум, будучи поставленным в начале книги, придает ей тенденциозный характер, снимает ее научную ценность? Однако и с такой, не оставляющей свободы выбора дилеммой можно на некоторое время смириться, если жаждешь познать истину. Но на пути к ней Менцер ставит нам другие препятствия, с которыми уже мириться никак нельзя. Мы имеем в виду аллюзии. Их довольно много зашифровано в книге Менцера.

Что такое аллюзия, в настоящее время более или менее широко известно. Это такой стилистический прием, когда то, в чем хотят убедить читателя, прямо ему не сообщается. Читаемое (а также видимое, слышимое) должно на того, кто его воспринимает, воздействовать таким образом, чтобы нужные выводы как бы родились в нём самом. А ведь известно, что за всё, к чему человек приходит сам, он потом упорно держится.

В бывшем Советском Союзе существовала даже специальная цензура, проверявшая всю кинопродукцию на предмет наличия в ней незапланированных аллюзий. Не дремали в этом деле и в редакциях, и издательствах.

Об аллюзиях можно прочесть и у Рудольфа Штайнера. В одной из лекций он рассказывает о том, что в Россию в период подготовки революции наравне с нелегальной пропагандистской литературой ввозилось множество легальной, которая, однако, служила той же цели. Это могла быть, например, популярная брошюра, в которой рассказывалось о жизни насекомых. Но стилистически она была

написана так, что даже полицейский — «страж порядка», — читая ее, вдруг приходил к мысли, что царский режим должен быть устранен.

Первая аллюзия, какую мы обнаруживаем в книге Менцера, состоит в следующем. Он с самого начала заявляет, что его задача — «обелить» Рудольфа Штайнера. Этим возможность его вины делается аксиоматической. Более того, в нас рождается впечатление, что та «вина» является едва ли не общеизвестной и даже общепризнанной, и некому ее с Рудольфа Штайнера снять. Это подобно тому, как если бы в какой-нибудь группе людей полиция искала преступника, не зная, находится ли он там вообще. И вот один человек вдруг громко заявил бы полицейским: «Ищите его где угодно, но вон тот человек ни в чем не виноват!» Совершенно очевидно, что такая «защита» имела бы прямо противоположный эффект.

Но Менцер идет в своей манипуляции еще дальше. Ставя Рудольфа Штайнера в положение обвиняемого, он тут же голословно оправдывает его, и только потом развивает его защиту, но весьма своеобразно. Он описывает множество оплошностей, которые антропософы действительно допускали в своих делах в то напряженное время и и.д. И что при этом интересно? Виновным в тех оплошностях, как об этом пишет Менцер, нередко оказывается Рудольф Штайнер. То он забудет подписать какую-нибудь бумагу, то поведет себя вопреки принятым статутам, станет нарушать то, что, вроде бы, сам же и учредил или признал. Пришел, например, со своим «эзотерическим» Форштандом на заседание Бауферайн, в уставе которого так ясно записано, кто имеет право голоса, кто нет, как следует выбирать членов правления и т.д., — и заявил, что он будет его председателем, а правление ВАО — правлением Бауферайн. Если все это читать беспечно, то в душе рождается такое представление: если Ваксмут что-то там и натворил, то условия, в которых он смог это сделать, создал сам Рудольф Штайнер.

Такова одна аллюзия. Другая — более широкого плана. Она подобна той, какую создал Михаил Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита». Как мы помним, он представил там дело таким образом, что об Иисусе уважительно отзывается даже совершенно блистательный супостат Воланд. А вот апостолы Его изображены такими, что читатель охотно разделяет то презрение, с каким «заслуженно» относятся к ним великолепные во всех отношениях ин-

фернальные спутники Воланда. В результате такой стилистически-смысловой манипуляции не Булгаков, а читатель думает про себя: странный какой-то этот Иисус, всякий сброд следует за ним.*

В нашем случае картина, конечно, иная по содержанию, но подобная по стилю. Взять хотя бы этого ничем не примечательного Ваксмута, — так думаем мы, читая книгу Менцера, — д-р Штайнер возвысил его, ввел, неизвестно за какие заслуги, в эзотерический Форштанд, а он взял да и обманул учителя. Затем мы вспоминаем еще одну историю. Уже давно назойливо и упорно нам стараются навязать мысль, будто бы другой член того Форштанда пытался даже отравить д-ра Штайнера. Масса негативных слухов циркулирует сквозь десятилетия и об остальных членах Форштанда. Если, воспринимая все это, мы не следим за нашим мышлением, то начинаем думать в том смысле, что действительно ли д-р Штайнер был столь уж гениален, если даже его ближайшие сподвижники оказались такими несерьезными людьми?

Менцер пытается, правда довольно вяло, найти оправдание поведению тех «последователей», говоря, что 8 февраля они, словно апостолы в Гефсиманском саду, испытали помрачение сознания и только годы спустя пришли в себя. Но кто же, интересно, и как им его так помрачил? И почему уже 29 декабря 1925 года на генеральном собрании Общества они вели себя совершенно сознательно?

Наконец, и по адресу Рудольфа Штайнера Менцер замечает еще в предисловии, что «не собирается считать» его «непогрешимым». «Неизбежные» выводы, к каким мы должны тут прийти, совершенно очевидны.

Даже в оформлении обложки книги Менцера заложена аллюзия. Эта обложка имеет неприятный серо-свинцовый цвет. На ней словно бы висящий в воздухе и оттого производящий впечатление призрака, дан скульптурный портрет Рудольфа Штайнера. Он, естественно, также получился в серо-свинцовых тонах, сгущающихся до грязно-коричневого цвета. Обложка производит безотрадное впечатление, от нее веет унынием, убожеством, пустынностью. Вечером при электрическом освещении она выглядит просто грязной, так что не всякий, возможно, захочет взять ее в руки. В то

* Говоря это, мы не имеем в виду роман как талантливое художественное произведение.

же время, стоит лишь взглянуть на нее, тотчас же становится ясно, о ком в ней идет речь.

Оправданием такого оформления книги не может служить ее, скажем, «печальное» содержание. Антропософии присущ эстетизм во всех ее проявлениях. Даже самые траурные явления могут быть оформлены со вкусом.

Определенной суггестивной силой обладает еще одна стилистическая особенность книги Р. Менцера. Как сказала одна из её читательниц, книга написана в форме «детективного романа». В этом есть доля правды. Автор рассматривает участников событий 1923–1925 годов таким образом, словно бы они разыгрывают некий спектакль, исполнить который им поручено мировой историей; и заранее известно, что после исполнения все они предстанут перед судом мировой истории, и по их «делу» начнется следствие. Поэтому на каждом шагу они должны были бы помнить об этом и усердно собирать оправдательные документы. И в таком случае: вы проводите собрание? — Пожалуйста, составьте подробный протокольчик, где все было бы точно описано: кто, что и когда говорил, кто то собрание вел и прочее. И очень желательно, чтобы всегда при этом было и адвокатское око, чтобы все потом не забыли расписаться. Тогда на будущем судебном процессе все документы у вас будут в порядке.

Р. Менцер, возможно, энергично возразит на это: Нечего тут иронизировать! Именно так все и должно было быть! Чего вы хотите: чтобы было создано Общество, юридический субъект, были написаны и утверждены статуты, а потом всякий начал бы поступать с этим как ему заблагорассудится?

Нет, нет, так мы не думаем. Мы открыто признаем, что именно благодаря четкому, строгому анализу правовой стороны тех событий Р. Менцер внес в их понимание такую ясность, какой прежде у нас не было, но в которой мы нуждались. Однако к этому следует добавить и кое-что другое, а именно, что такие события, как Рождественское Собрание и его дальнейшая судьба не постижимы вполне с помощью одного лишь юридического мышления. Вспомним по этому поводу еще одно «расследование», постепенно выливающееся в еще один «детективный роман». Его «сюжетная завязка» сводится к вопросу: почему Ита Вегман не произвела вскрытия? И ни у кого при этом не вспыхивает одна простая и естественная (не юридиче-

ская) мысль, что это было для нее совершенно невозможно сделать даже под страхом смерти. Да, это эзотерика, и материалисту ее не понять.

Рудольф Менцер пользуется в своей книге юридическим мышлением. Само по себе это ни хорошо, ни плохо. Это просто факт. Такогоглавное свойство души рассудочной. Но Р.С. проходило в эпоху души сознательной, на базе сил, средств, качеств индивидуального духа, присущих только этой эпохе. Прежде всего, оно базировалось на новом методе мышления, которым должен овладеть человек в эту эпоху. Оно должно у него стать, как у Гете, созерцающим.

Юридическое мышление — это латинское мышление, наследие четвертой культурной эпохи. Оно абстрактное и формально-логическое. Во многих сферах также и современной жизни без него нельзя и шагу ступить: повсюду, где эпоха души сознательной еще не вступила в свои права. Но с ним можно и переусердствовать. Рудольф Штайнер рассказывает об одном католическом пасторе, который логически пришел к выводу, что служители этой церкви сильнее Иисуса Христа, ибо способны заставить его присутствовать на алтаре при совершении таинства пресуществления!

Латинское мышление Менцера не достигает действительности именно в тех случаях, где рассудочный элемент приходит к своей границе. Он, например, не может понять, как возник эзотерический Форштанд. Он не был назначен, не был избран. Но третьего-то тут просто не дано! Менцер ищет, каким бы словом можно было назвать то действие, и останавливается на «ausbedingen» («выговорил себе»): «Рудольф Штайнер, естественно, Форштанд не «назначал» («gegeben»), но предложил. Вернее сказать, он его на Рождество 1923 г. себе выговорил» (S. 164). Так и представляешь себе: идет Рождественское Собрание, и д-р Штайнер как бы говорит его участникам: Ради светлого праздника уважьте старика, оставьте ему Форштанд, какой он сам себе выбрал. Ну что вам стоит? Ведь вам все равно, а ему приятно будет.

Всё или почти всё в событии Р.С. и его дальнейшей судьбе с трудом поддается формализации. Ибо духовные импульсы всегда первичны. (Они управляют также и юриспруденцией, учреждают ее и превосходят ее.) Поэтому не нужно думать, что в высокоспиритуальных событиях следствием можно объять всю причину.

Рождественское Собрание было совершено новым, живым

событием, произошедшим в среде старого, уже отжившего свое, омертвелою мира. Через конкретных людей в среду человечества хотел войти импульс, который феномен Антропософии пронизал бы силами, достаточными для того, чтобы она, как фермент, смогла бы оживить всю одряхлевшую цивилизацию. Но люди те оказались не способны его воспринять. Повторилась старая история: «Вплоть до людей Я пришел Он, но люди Я Его не восприняли». (Ин. 1, 11; в переводе Р.Штайнера) Поэтому Мистерия стала Драмой. Сознание ее участников оказалось неспособным охватить ее «непосредственно данное». И им, конечно, было не до «суда истории».

Что же касается 8 февраля 1925 г., то произошедшее тогда событие стояло под знаком не жизни, а умирания. Смерть же означает упразднение законов, согласно которым развивается жизнь. Р.Менцер озабочен отсутствием протокола заседания Бауферайн, состоявшегося 3 августа 1924 г. А возможно, уже тогда Рудольф Штайнер воспринял, что импульс Рождественского Собрания начинает отдаляться, что вокруг него сплошь одни «латиняне», не способные следовать за ним.

Мы склонны думать, что окончательно неудача Р.С. проявилась для духовного мира 29 сентября 1925 г., и он тотчас же начал отзывать Рудольфа Штайнера с физического плана, что и выразилось в его болезни. Но то высшее решение не было окончательным. У антропософов еще оставался шанс, они еще могли воспрянуть духом, особенно видя, что происходит с Учителем. Так длилось до 8 февраля 1925 года.

Учреждение Общества Р.С. и Эзотерической Школы было делом высшего мира, о чем Рудольф Штайнер говорил со всей определенностью. Так, значит, и их упразднение также было делом высшего мира. Мы будем совсем близко от истины, если повторим за Ваксмутом, что, да, «все это (8 февраля) произошло ... с ведома Р.Штайнера, по его воле и с его согласия», и добавим: но исходной и решающей при этом была воля Архангела Михаэля. Это как в Евангелии: «Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы». (Мф. 12, 8). С помощью Рудольфа Штайнера учредил Михаэль и то Общество и ту Школу на физическом плане, среди людей, ибо Рудольф Штайнер был способен их вести. Но если он уходил, то вместе с ним должны были уйти и они:

Общество Р.С. и Эзотерическая Школа, которая могла существовать только в лоне того Общества.

Можно, конечно, возражать и Архангелу, говоря: Как же так, Вы учредили Общество, мы все запротоколировали, закрепили статутами, а теперь Вы вдруг хотите это упразднить. Нет, Вы дайте сначала знак. Мы соберемся, обсудим, проголосуем и, как знать, может быть, и откажем Вам в Вашей просьбе. Вы, Боги, дали нам законы, так уважайте их. И если Вы это делаете, то заседающее правление сильнее Вас. — Хоть это звучит и не серьезно, формально-логический ход мышления способен привести нас именно к такому «умозаключению» (или умопомрачению).

А нужно представить себе совсем иное. После многих месяцев тяжелой, изнурительной болезни Рудольф Штайнер был уже не в силах «заседать», «обсуждать» и «разъяснять». При этом ему было совершенно ясно: оставлять тем людям такую глубокую эзотерическую работу, центр новых, нарождающихся Мистерий нельзя! Они не способны его вести, и потому им завладеют силы зла.

В то же время, и просто бросить все, что он развивал в течение десятилетий, было бы неразумно. Но к кому тогда было апеллировать? Конечно, к «доброму Духу Гетеанума»! Он после его ухода сможет опекать и вдохновлять тех, кто уже годами вживался в Антропософию. Этот «Дух Гетеанума» объективировал себя в «Объединении Гетеанума». Так пусть Объединение это и станет для них Антропософским Обществом. Его статуты не эзотерические. И пусть все идет далее экзотерическим путем. А там посмотрим. Одно, во всяком случае, остается действительным и впредь: духовное движение, «чьим представителем должно быть это строение».

Если нам хотя бы немного доступен смысл того, что такое подлинная эзотерика, что такое Мистерии, то мы должны будем сказать себе: страшно подумать, что было бы, если бы перед своим уходом Рудольф Штайнер не упразднил Общество Р.С. и Школу, если бы Ваксмут 8 февраля не произвел тех преобразований. Ибо и Общество, и Школа были к тому времени уже закрыты с той, с духовной стороны. И так это остается по сей день.

Для тогдашнего руководства ВАО такое развитие событий было шоком. (Голгофа для апостолов тоже была шоком, несравненно большим шоком, хотя Спаситель разъяснял им, к чему приближается Мистерия.) Внешне взять, они, словно в «Сказке о рыбаке и

рыбке», вдруг снова оказались в «старой избушке» и перед «разбитым корытом». А как же иначе? — Ход мировой эволюции — вещь крайне серьезная. Человечеству, хотя бы в некоторой части своих представителей, нужно всегда вовремя «сдавать экзамены» развития, не то всех ждут очень большие беды. Разве мало примеров того дала мировая история, особенно XX век?

В одной из лекций Рудольф Штайнер говорит, что когда христиане разрушили храм Сераписа, то при этом «обрушились небеса» эллинизма. С уходом Рудольфа Штайнера из мира ушла надежда благополучно выкарабкаться из пропасти, куда сползает вся цивилизация. Ужас первой мировой войны перерос в inferno большевизма и второй мировой войны. И мы до сих пор не знаем, когда и каким образом надежда снова вернется в мир.

В той или иной мере сподвижники Рудольфа Штайнера знали и понимали, что от успеха Антропософии в мире зависит его будущее. Кроме того, они увидели, что многое, очень многое им придется начинать сначала, от «разбитого корыта».

Несомненно, обо всем этом нужно было открыто сказать всем членам Общества и начать большой разговор на тему «что делать?» Но у них на это духа не хватило.

Чтобы понять, что творилось в их душах, нужно вспомнить, что Рудольф Штайнер говорит о душах самоубийц, как они, внезапно потеряв тело, часто полное сил, будучи не подготовленными к этому старением или болезнью, мечутся в смятении в духовном мире, не понимая, что с ними произошло. Они просто не находят себе места и оттого безмерно страдают. Всё в этих душах еще ориентировано на связь с телом, на действия с помощью, посредством тела, а его вдруг не стало.

Нечто подобное переживают люди и в том случае, если происходит мгновенный слом целых культур и цивилизаций. Так случилось с миллионами русских, когда в 1917 г. большевистские вандалы лишили жизни многовековую культуру, разрушили уникальную русскую цивилизацию. Души русских людей охватила тогда растерянность и безмерная боль. Мария Штайнер писала об этом: «Россия отрезана от остального мира, — духовная жизнь ее задавлена, растоптана. Трагедия русского человека до того исключительна, невыразима и безмерна, что понять ее можно, только глядя на задачи будущности человечества...»¹⁰⁾

Те из русских, кому удалось тогда эмигрировать, до конца жизни метались по миру, не находя утешения своей боли, своей тоски по России. Ведь они мгновенно лишились «тела» культуры, с которой была связана вся их душевная и духовная жизнь, благодаря которой даже кровь в их жилах текла иначе, чем у других народов.

Можно представить себе растерянность и отчаяние тех, кто годы и десятки лет шел с Рудольфом Штайнером, целиком посвящая свою жизнь делу Антропософии, возводя ее светлое строение, соединяя с нею все свои чаяния, надежды, лучшие порывы души, и вдруг осознал 30 марта 1925 г., что она утратила свое земное Я. Казалось невероятным, что так богато, щедро изливавшийся в мир источник духовного света вдруг иссяк.

Конечно, тут же вспыхнула надежда: а может быть, это все-таки не конец? Может быть, Рудольф Штайнер найдет способ вести нас из духовного мира дальше, как вел при жизни на земле? Ита Вегман попыталась даже писать далее «Руководящие положения». (ИПН. 26.)

Вобщем, стали члены Форштанда медлить с оповещением о случившемся. И чем больше медлили, тем труднее становилось заговорить об этом. Казалось, а вдруг идеалы Рождественского Собрания удастся сохранить? А главное, не хватало духа сказать даже себе, что работу в эзотерическом Классе нужно прекращать, что Эзотерическая Школа не может существовать далее, поскольку у нее нет иерофанта. Ведь с нею были связаны не просто мыслями и чувствами, а медитативной работой.

И постепенно закралась в их среду неправда. Она-то и разметала их по сторонам, сделала невозможной их совместную работу как правления.

Что началось после 30 марта, было действительно таким, как его описывает Р. Менцер. Осталось светское по сути Общество, в котором говорили неправду. Сами члены Форштанда по большей части молчали или обходились минимумом слов. Но всю старались разного рода апологеты, доброты, подхалимы, которые всегда окружают любую власть.

Апломбу тех апологетов был большой. Например, некий П. Шиллер, проявляя свое усердие в роли охранителя г. Ваксмута от членов, все настойчивее пристававших к нему с вопросом, что произошло с Обществом в 1925 г., писал: «Достоинство Всеобщего Антропософского Общества не позволяет в этом “Листке сообщений” цитировать эти

нападки из-за их чудовищно низкого уровня. Можно лишь сказать, что еще никогда в истории Антропософского Общества никто не позволял себе выдвигать такие безответственные и злые обвинения». ¹¹⁾ Сорок лет спустя эти «безответственные и злые обвинения» произнесли самичлены Форштанда ВАО. Дочего поучительный урок, однако многие ли это заметили?

Но как бы там ни обстояло с неспособностью антропософов учиться на собственных ошибках, впредь, благодаря исследованию Р. Менцера, два краеугольных вопроса в споре о том, какое Общество имеем мы, можно считать решенными. Это: 1) что 8 февраля 1925 г., действительно, ВАО Р.С. было упразднено; а с ним, естественно, и эзотерический Класс; 2) что ВАО Р.С. можно было внести в хандельсрегистр, не манипулируя с его названием и статутами; ибо для этого регистра требовалось написать лишь некую «краткую формулировку», а статуты дать целиком в виде приложения к ней. Поэтому смысл происходившего после Р.С. следует искать на иных путях.

Что касается определенного числа (оно сравнительно небольшое) антропософов, испытывающих истинную ностальгию по Рождественскому Собранию, то это само по себе хорошо понятное чувство. Мы, русские, и спустя 80 лет после погрома 1917 г. продолжаем оплакивать нашу культуру, нашу судьбу. Но вернуть прошлое нельзя. Нужно стремиться создать условия, в которых прошлое возродилось бы в новом облике. Для этого требуются время и терпение.

Существует параллелизм между судьбой России после 1917 г. и судьбой Антропософии после 1925 г. И Антропософия, и Россия устремлены в будущее человечества, и обеих их жестоко испытывают.

4. Вопрос Парсифаля

Критически осмысливая опыт наших предшественников, мы не ставим себе целью составлять против них обвинительный акт. В то же время, если отказаться исследовать их ошибки, то из кризиса наших дней выхода не найти. Среди сподвижников Рудольфа Штайнера было немало замечательных людей, глубоко и искренне преданных Антропософии.* Но если они все-таки ошибались, то наш долг это познать и понять.

В год, предшествовавший проведению Р.С., Рудольф Штайнер буквально вел бои с — как он это сам называл — «штуттгартской системой», стремясь побороть бюрократизм и летаргию, в которую там беспрерывно впадали. Исследовать причину, почему это так там было, — мы не станем. Однако и просто пройти мимо документов, собранных в толстом томе, под заглавием «Судьбоносный 1923-й год в истории Антропософского Общества» (ИПН. 259), мы не желаем и никому не советуем это делать. Чего стоит одна только, описанная там история с «неантропософскими знатоками Антропософии», когда в ответ на их грубые нападки Риттельмайер рассыпался перед ними с признаниями в любви. Рудольф Штайнер вынужден был разьяснять: «...враг получил комплименты за свои клеветнические нападки на меня!» (S. 599) При этом Рудольф Штайнер тут же одернул любителей на чужой оплошности скоренько нажать себе капиталец, кинувшихся с энтузиазмом клеймить Риттельмайера. Не забывайте, сказал он, кто такой Риттельмайер, не забывайте его заслуги перед Обществом.

Будем помнить об этом и мы, и тем не менее отметим, что двумя годами позже, на генеральном собрании в декабре 1925 г. именно Риттельмайер обратился от имени всех членов с «нижайшей просьбой» к Альберту Штеффену стать первым председателем, т.е. занять место Рудольфа Штайнера, поскольку участники того генерального собрания считали, что они пребывают в АО Р.С. Вот как он тогда высказался: «И как поэт, и как председатель Всеобщего Антропософского Общества Альберт Штеффен для нас просто незаменим. Так что наше горячее желание, обращенное к нему, мы

* Рассказывают, что после смерти Рудольфа Штайнера Гюнтер Ваксмут три дня не мог унять слез. Если это правда, то это замечательный факт!

можем выразить словами: да будет Альберт Штеффен, которого его карма, карма ведущих сил, которого сам Рудольф Штайнер дарит Всеобщему Антропософскому Обществу, его председателем в духе Рудольфа Штайнера»¹²⁾ — Поистине, блистательный пример совершенного непонимания того, что тогда происходило! Ведь если Штеффен был Рудольфом Штайнером «подарен» (!) Обществу и был способен возглавить его «в духе Рудольфа Штайнера», то Рудольф Штайнер и должен был назвать его своим преемником. Но он этого не сделал. Кроме того, и Общество в декабре 1925 г. было уже совсем другим: ВАО Объединения Гетеанума.

При жизни Рудольфа Штайнера Антропософское Общество было недостроено, и 8 февраля ему пришлось «приземлиться» самым решительным и неблагоприятным образом. И нужно было тогда объявить всем членам, что они больше не находятся в Обществе, созданном на Рождество 1923/24 г., нужно было всем осознать, что перед ними пепелище, подобное тому, каким на Рождество 1922/23 г. стал Гетеанум, и что им предстоит «to be», — если они способны, подобно фениксу, возродиться из пепла, — «og not to be».

Пепелище — это еще не конец. Новое всегда рождается из руин. Это убедительно продемонстрировал антропософам Рудольф Штайнер, как никто другой глубоко переживший трагедию пожара, и тем не менее уже на следующий день читавший в столярной мастерской рядом с пепелищем запланированный доклад, в котором утешал других, говоря, что Гетеанум жив (и, разумеется, не в тривиальном смысле: «в памяти» и т.п.) и что работа продолжается. Но без физического Гетеанума быть такой же, как если бы он существовал далее на земле, она, конечно, не могла. Кое-что в том пожаре сгорело безвозвратно. В первую очередь — старое АО, созданное в 1913 году. Рудольф Штайнер говорил, что оно «повсюду ариманически продырявлено». И еще: «Порой у меня создается впечатление, что Антропософское Общество есть вообще лишь большая дыра, и в ней как-будто бы ничего нет». (ИПН. 259, S. 302, 496.)

Жестко говорил Рудольф Штайнер с антропософами в Штутгарте в 1923 г., пытаясь подвинуть их к адекватному времени и его событиям мышлению и деятельности. «Замечаешь лишь флегму и флегму», — возмущался он; — «д-р Колиско принадлежит в глазах молодежи к старикам; его даже называют “вторым бездушным диалектиком”»; «нужно ли нам еще открыто документировать, что мы

не думаем о наших противниках?» «но мы ведь не можем больше-визм возвести в принцип» и т.д.

Потом было Р.С.; потом Рудольф Штайнер собственной рукой подписал преобразование Антропософского Общества Р.С. в ВАО Объединения Гетеанума. Так в безвыходной ситуации был создан некий паллиатив, некое промежуточное состояние, дававшее антропософам время подумать и перестроиться в соответствии с таким резким, трагическим изменением ситуации. Ибо Бауферайн по определению не мог быть ВАО Р.С. Но созданное затем на генеральном собрании в декабре 1925 г., председателем чего стал Альберт Штеффен, не было ни Антропософским Обществом Р.С., ни ВАО Объединения Гетеанума.

Как кошка из всех положений падает на четыре лапы, так человек из всех испытаний пытается вернуться к «четырем лапам» своих старых привычек и привычных представлений. Еще в 1923 г., когда Рудольф Штайнер воевал со «штуттгартской системой», был такой эпизод. Во время одного из заседаний, поставив в какой уже раз участникам вопрос: «Как представляете вы себе сегодня (дальнейшее) развитие ситуации?» — он услышал от д-ра Пальмера совет «вернуться назад к ситуации 1918 года»! Далее мы читаем в стенограмме заседания: «Д-р Штайнер: А разве нет средств и путей, чтобы не просто низвергаться в пропасть, а двигаться вперед?(!)» (ИПН. 259, S. 246.)

29 декабря 1925 было другое заседание, и на нем вновь, но еще трагичнее, чем в 1923 г., встал тот же вопрос: где выход из кризисной ситуации? Только Рудольфа Штайнера на этот раз с антропософами уже не было. Поэтому тогда «возврат» к АО 1913 г. (а не 1918) осуществился беспрепятственно. Да, с 1925 г. и по сей день мы имеем возобновленное, «продырявленное» Ариманом, «пустое» АО 1913 г., которое Рудольф Штайнер упразднил на Рождество 1923/24 г. И никакие внешние мероприятия не в состоянии изменить его природу и сущность, пока состоящие в нем люди не откажутся от «четырех лап» своего догматизма, флегматизма, поисков харизматических вождей, духовного оппортунизма и — и это главное — бездумья, нежелания Антропософию познавать духовнонаучно.

Человек есть мера всех вещей, поэтому основная ценность Антропософии состоит в том, что она дает человеку метод работы над собой, меняющий его как тип и даже как вид. Но метод этот 80 лет

остаётся невостребованным. В ВАО занимаются лишь «переменной мест слагаемых». Поэтому ариманическая дыра в нем лишь возрастает, и в дыре той исчезают

«...замыслы с размахом,
вначале обещавшие успех...»

После 30 марта 1925 г. перед антропософами встала задача строить антропософское общество таким, каким оно могло бы существовать без Рудольфа Штайнера. Нужно было понять, что «лайнер» АО Р.С. увяз в непреборимой приземленности членов, что из его удобного салона нужно выходить и топтать ножками туда, куда он мог бы стремительно прилететь, — отправляться в дальний путь через леса, горы, пустыни, в холод и дождь, среди диких зверей и враждебных племен, зная, что далеко не все придут к заветной цели, по крайней мере — не в этой инкарнации. Многие устанут, отстанут, замечтаются по пути, кому-то вновь захочется сотворить золотого тельца, кого-то съедят «дикие звери» идеологий, оккультных практик, политических манипуляций и проч.

(Поэтому видимо из страха перед такой действительностью, а также в силу необоримой любви к удобствам многие остались просто сидеть в салоне нелетающего самолета. И так уже десятилетиями одни из них сладко подремывают в удобных креслах, другие что-то почитывают, третьи просто так, без всяких мыслей из года в год смотрят в иллюминатор на один и тот же пейзаж. Те, кто залез в кабину пилотов, с упоением нажимают на кнопки сложной, не понятной им, не ими созданной аппаратуры, крутят рули набора высоты и хором имитируют гул летящего самолета. Время от времени услужливые стюардесы и стюарды, раскинув руки, словно крылья, и тоже гудя как самолет, пробегают взад и вперед по салону. На Рождество 2002/2003 гг. было решено, что бегать они будут снаружи, пронося перед иллюминаторами изображения облаков. Иллюзия полета от этого, несомненно, значительно возрасла.)

* * *

С антропософами произошло, по сути дела, нечто подобное тому, что пережил Парсифаль, впервые посетив замок Грааля. Как мы помним, он наблюдал там разные удивительные события: он увидел короля, страдающего от раны, окровавленное копьё, вол-

шебную чашу. Памятуя старое правило, согласно которому ученик Мистерий не должен был задавать вопросов, он промолчал и ни о чем не спросил. Он не знал, что условия посвящения в новой эпохе изменились, и заплатил за это тем, что, уже почти достигнув цели, был вынужден замок Мистерии покинуть и отправляться доучиваться к Тревриценту. Второй раз, чтобы достигнуть замка, ему пришлось ехать «шестьдесят» оккультных миль.

Рождественское Собрание было мистериальным действием, полный смысл которого, согласно правилам ученичества, Рудольф Штайнер прямо и непосредственно не раскрыл. Он говорил в лекциях, что Учитель должен многое недоговаривать, оставлять ученику на додумывание, чтобы не стеснять его свободы. С этим правилом столкнулся и Парсифаль, не зная, что явление тайны в познании дает ученику право спрашивать, поскольку, задавая вопросы, он берет инициативу познания в свои руки.* Условия нового времени внесли в это правило еще одно дополнение, согласно которому ученик должен стараться сам отвечать на вопросы, которые в нем рождает духопознание.** Благодаря этому отпадает нужда на пути посвящения иметь Учителя рядом с собой, на физическом плане.

Участникам Р.С. была поставлена задача самим понять его смысл, самим найти правильный тип поведения в ходе его проведения. Они были (или должны были быть) подготовлены к этому многими годами совместной работы с Рудольфом Штайнером, прямо говорившим, что он хочет быть не уважаемым, а понятым. Не умея понять, они должны были, по крайней мере, спрашивать, и спрашивать умело, глубинно. Рудольф Штайнер многократно во время Р.С. и в течение всего 1923 года подводил их к этому. То же действие должен был произвести в них и совсем уж потрясающий факт: пожар Гетеанума.

Во время Р.С. его участникам, среди которых было много лич-

* Антропософия «есть не что иное, как непрерывное раскрытие тайн мировых отношений» (ИПН. 88, S. 206.)

** «Открытой тайной» остается, фактически, все в духовном наследии Рудольфа Штайнера. Не будучи в силах понять это, люди поверхностные легко прибегают к обвинениям Рудольфа Штайнера в противоречивости. Они не стали бы этого делать, если бы постигли методологию Антропософии, которая является также и инструментом посвящения.

ных учеников Рудольфа Штайнера, были показаны определенные действия; ученики должны были найти к ним правильное отношение, а также принять в них участие. Если совершавшееся взято чисто внешне, рассудочно, то может показаться, что все тогда сводилось лишь к юридическим процедурам. На этом уровне понимания пребывали все участники конференции 28–29 дек. 2002 г. Поэтому дело на ней и свелось к тому, что отдельная группа людей принялась играть в юридические игры, полагая, что именно так и является свобода; на самом же деле явилось тривиальное беззаконие, благо пространство тех игр на 90% было свободно от всякого правосознания. «Эзотерика» при этом нашла свое выражение в том, что участников запугали: если они не признают эту группу правопреемницей Р.С., то тем самым они выступят против Бога-Отца, который таится за статутами!

Такой была пародия на, поистине, великое деяние Рудольфа Штайнера. И как ни ранит она сердце, ее нужно отодвинуть от себя и искать ответ на сакральный вопрос: в чем заключается суть Рождественского Собрания? В 1924 году все кончилось еще одной катастрофой именно потому, что никто не поставил этого вопроса. В 1925 году ставить его было, видимо, уже поздно и мы получили АО 1913 года. А далее все пошло «вверх по ведущей вниз лестнице». «Треврицент» двадцатого века оказался суровым, даже страшным учителем. Ибо он есть Малый Страж Порога. Чтобы не иметь с ним дела, слабые души предпочитают «мириться со знакомым злом», молча держаться за Общество, что бы в нем ни происходило, стараясь не думать о том, что есть долг развития и что за компромиссы со злом придется платить дорогую цену.

5. Необходимые минимальные условия познания Р.С.

Первым из этих условий является осознанное, внимательное отношение к тому, что сообщает сам Рудольф Штайнер. В широком смысле это означает, вернее сказать, это предполагает овладение методом его науки и соответствующим ее познанию методом мышления. В узком смысле речь идет об отдельных ключевых определениях, которые Рудольф Штайнер дает сам наиболее значительным феноменам своей системы знания. Все эти условия — вещи самоочевидные, однако в силу причудливого характера человека не являются таковыми в антропософской среде и потому нуждаются в разъяснениях.

Начнем с одного радикального сравнения, ибо в этом вопросе мало чего можно достичь, даже прибегая к сильным средствам. Возьмем человека, который любит прыгать с парашютом. Для этого он сначала изучил соответствующие правила этого небезопасного дела, два первых из которых совсем просты, но необыкновенно категоричны. Первое из них звучит так: чтобы прыгнуть с парашютом, необходимо за плечами иметь парашют; второе: вывалившись из самолета, нужно дернуть за кольцо, иначе парашют не раскроется. Представим себе на миг чудака, который пренебрег бы этими правилами. Однако в антропософской среде нечто подобное происходит чуть ли не на каждом шагу.

Внешне взять, никто не отрицает, что Антропософия — это Духовная наука, что у нее имеется свой метод, даже система методов — методология. Однако для чего она существует, об этом думать никто не желает и уж подавно — заниматься ею. Поэтому и совершаются «прыжки без парашюта», типа того, что был продемонстрирован 28–29 дек. 2002 г.

Методология Антропософии — это не свод абстрактных правил, тезисов, принципов. Она, поистине, живое существо. Содержа в себе всеобщее, она в каждом субъекте познания получает иную окраску, по-особому осуществляет себя, неразрывно сливаясь с ним. Она показывает, учит, как субъект может овладеть созерцающей силой суждения. В созерцании же ему открываются идеи вещей, хотя и косвенно — колоссальный мир интеллигибельных существ; ибо вещи мира — это уплотненные духо-существа (см. ИПН. 9, S. 114f.); открывается мир космических интеллигенций. Он откры-

вается развитому для этого 13-му чувству — идеальному восприятию, и в виде идеи (идей). Откровение это (как объект восприятия) носит: 1) всеобщий характер, но 2) к этому всеобщему (также и всеобщему методологии) субъект должен найти индивидуальное отношение, а затем 3) всеобщее вместить в индивидуальное. Кто-то на это тотчас же возразит: Ах это сложно, абстрактно, не нужно! — Ну, как сказать! Это может быть абстрактным лишь в том смысле, в каком абстрактно посмертное бытие для атеиста. Человек же спиритуальный знает, что в посмертном бытии он рискует просто утратить себя в его всеобщем, «уснуть» в нем, если не выработает на земле индивидуального к нему отношения. А как это сделать без методологии Антропософии? — Да никак! Методология эта есть первостепенная наука человечества. Но если в каждом человеке она оживает по-разному, то не является ли Рудольф Штайнер ее главным субъектом? Знание об этом, понимание этого имеет принципиальное значение также и для всех практических начинаний, истекающих из Антропософии. Нужно всегда исходить из того, что антропософское Движение вызвал к жизни Рудольф Штайнер, что как первое, так и второе АО создавал он, он же провел Р.С. И потому всё сказанное им об этих делах является решающим. Ограничивает ли это нашу свободу? — Отнюдь нет. Это ограничивает наш произвол, манию величия, нарциссизм, неконструктивную (завистливую) критику и т.п. факторы рабства.

Перейдем вновь на язык образов, чтобы закрепить нашу мысль. Предположим, что кто-то взялся за строительство атомного реактора, пользуясь при этом методом строительства печей в деревенских избах. Нам скажут: совершенно невысказанное дело! — Смотря где и смотря кто берется за это дело. Вот нам живой пример. Кажется, всеми признается совершенно особое значение «Философии свободы». Рудольф Штайнер говорит, что книга эта — организм; ни одну из ее частей нельзя изменить или переставить в другое место. Но вот в Управлении наследием Рудольфа Штайнера замышляют эту книгу переписать, «упростить» ее, «адаптировать», как говорят, для современного читателя, для молодежи, которая, якобы, «Штайнера не понимает».

Это ли не «печной» метод для строительства реакторов? «Мысля» далее подобным способом, можно оленя, как объект познания, представить себе в виде жареного лангета. И если это парадокс, то

таков же парадокс — намерение «адаптировать» «Философию свободы» для «современного читателя». И еще бо льшим парадоксом была перестройка большого зала Гетеанума, когда из живого существа первого Гетеанума понаделали для обывателя красивеньких «порционных блюд». — А то как же быть? — ведь он (обыватель) перестал понимать первый Гетеанум!

Таким же точно образом поступили и с Рождественским Собранием. Но это наша основная тема. Мы вернемся к ней чуть позже, а пока рассмотрим более подробно наш пример. Рудольф Штайнер еще сказал о «Философии свободы»: «Эта книга ... не столь важна тем, что в ней написано. Конечно, то, что стоит в ней, было желательно уже тогда высказать миру, но это не является важнейшим...». (ИПН. 350, 28.6.1923.) Для рационального ума такая мысль подобна глухой стене, исключающей всякую возможность дальнейшего движения. Видимо, потому в антропософской среде стараются этого определения книги не замечать и десятилетиями занимаются исключительно лишь ее содержанием. Ибо вопрос рассудка в этом случае предельно беспомощен и прост: если не содержание, то что же?*

Если бы то определение Рудольфа Штайнера было принято к сведению как не праздное, то весь многолетний интерес к этой книге должен был бы сосредоточиться на нем. И если бы многих и долго мучил вопрос: как работать с этой книгой? — то не было бы столь много пустой болтовни о «живом мышлении», которого никто не знает и не понимает. Тогда стали бы искать ответа в других книгах, из среды которых рождается «Философия свободы» (ИПН. 1, 2, 3, 6, 18, 22, 25, 30, 35), и уже давно открыли бы, что в них заложены основы методологии трансформации сознания, меняющей человека как вид, методологии видовой метаморфозы человека. Тогда сразу стало бы ясно, сколь грандиозно и уникально значение Антропософии.

На ее методологии строилось и Р.С. Не понимая этого, и о нем можно, подобно шаману, лишь повторять монотонно, что оно важное, очень важное, очень очень важное, и без устали «обтачивать» «додекаэдрический камень основы», пока он не обратится в куб.

* А далее Рудольф Штайнер еще говорит, что читающий ее должен «привыкнуть возвращаться к своему эфирному телу...» Это еще одна и более высокая «стена».

Таково второе минимальное условие познания сути Р.С. За ним следует третье. Оно состоит в особой верности истине. — Исключительно трудное условие. Виной тому — всеобщий декаданс культуры, захлестывающий и антропософское движение. Если кто-то сегодня начинает взывать к правдивости, честности, то другие говорят: ну, жди, этот солжет особенно изощренно! И, говоря так, они сплошь и рядом оказываются правы. Своеобразный выход из этого положения нашел журналист Матиас Брёкерс, написавший вызвавшую большой интерес книгу «Заговоры, теории заговоров и тайны 11.9.» (В 2002 г. она выдержала три издания.) Он пишет: Я придерживаюсь мнения, высказанного одним кибернетиком, что «истина — это выдумка лжеца»; немало таких выдумок вы найдете и в моей книге. Это слова типа «действительно», «фактически», «поистине» или: «талибан», «США», «нефтяная индустрия» и т.д. Все это выдумки. Не верьте мне. «Но если в каком-то месте, в какой-то взаимосвязи в вас вспыхнет: Да, да, это так, верно, это годится! — то тотчас же включите внутреннего наблюдателя и поставьте себе конспирологический вопрос № 1: что скрывается за этим?»¹³⁾

Такой метод познания имеется и в Антропософии (где, кроме того, полагают, что быть правдивым — это естественный долг человека, поэтому отказ от него означает отказ от всего человеческого естества). Он называется исторической симптоматологией, и он особенно хорошо развивает созерцающую силу суждения. Мы советуем каждому антропософу пользоваться им, встречая выдумки типа: «ВАО», «конференция 2002 г.», «статуты», «коллегия Школы», «правление ВАО», «желание членов», «новая форма», «генеральные секретари» и т.д. и т.п. Поступая таким образом, мы найдем правильное отношение к понятиям истины: «Антропософия», «Рождественское Собрание 1923/24 г.» и др. А пока сформулируем наш «конспирологический вопрос № 1: что скрывается за теми «выдумками», выдающими себя за понятия истины?

Таковы три минимальных условия познания сути Р.С. Приняв их, мы не только облегчим себе дальнейший путь исследований, познания, но бросим новый луч света и на уже сделанные рассмотрения. К этим трем условиям следует прибавить еще одно, сводящее их в единство, а именно умение следовать за Рудольфом Штайнером. Этим вопросом мы займемся в следующей главе.

6. Как можно следовать за Рудольфом Штайнером

Умение понять Р.С. и найти к нему правильное отношение неразрывно связано с умением следовать за Рудольфом Штайнером. Проблема эта первостепенного значения, но в антропософской среде мы в отношении ее на каждом шагу встречаем лишь две большие односторонности. В них люди, причастные к Антропософии, сошлись в два, как кажется, несоединимых лагеря. Различия между ними необыкновенно велики по той причине, что коренятся они, по сути, в Самим Богом predetermined различиях между типами людей. В наше время их пора уже преодолевать, приводить к синтезу с помощью индивидуального начала, но, видимо, как раз потому они часто и приобретают резко выраженный односторонний характер.

В антропософской среде представителей одной из тех односторонностей можно назвать радикальными авелитами, а другой — радикальными кайнитами. Они-то, повторяем, и сошлись в два больших лагеря, за пределами которых можно встретить лишь единичных антропософов или несколько антропософов вместе, соединенных узами личной дружбы, часто не любимых и гонимых теми «гегемонами» — антиподами.

Иной идеалист возразит нам: группе присуще групповое сознание, в нашем же Обществе все строится на индивидуальном принципе. Но, говоря так, он глубоко ошибется, принимая желаемое за действительное. Именно синдром группового сознания губит всю антропософскую жизнь, поэтому исключительно важно познать его происхождение и природу. Не подверженных ему людей в антропософской среде крайне мало, да и те либо молчат, отчаявшись хоть как-нибудь помочь делу, либо их голоса заглушает невнятный шум массы, прорезаемый порой вскриками «освобождающейся» низшей астральности.

Представителем радикальных авелитов и, несомненно, самым впечатляющим их выразителем является Сергей О. Прокофьев. Поэтому желающий понять их должен внимательно исследовать плоды его ума. Их довольно много. Мы возьмем лишь то, что относится к теме нашего исследования. Особенно примечательна, даже симптоматологична в этом смысле его, появившаяся в первом номере «Еженедельника» за 2004 г., статья, которая называется «Доверие из свободы».

Когда читаешь ее, то невольно думаешь про себя: как жаль, что он так категорически отверг книгу Ирины Гордиенко о его творчестве.¹⁴⁾ Фактически, она поднесла ему великолепное зеркало, и нужно было в него непременно посмотретья, ибо большие возможности для самопознания, для объективации низшего «я» открылись бы ему тогда. Ведь даже Папа римский, как говорят, имеет своего имиджмейкера. Ну не ангелы же мы, в конце концов! Но Прокофьев этого не сделал, и названная статья показывает продолжающийся рост того, от чего он должен был бы освободиться в своих книгах еще 10–12 лет тому назад. Но, видимо, то его судьба — быть воплощением типа большой группы людей, нашедших в нем своего кумира, а Антропософию ведущих к упадку, часто не ведая о том.

В своей статье он ставит себе задачу защитить Рудольфа Штайнера от людей, видящих смысл своего существования в том, чтобы на весь мир демонстрировать неуважение к Рудольфу Штайнеру. И можно подумать, что за благородное дело взялся Прокофьев. Но, как уже давно можно было заметить, всякий раз, когда он берется защищать Антропософию, его дух функционирует подобно замерзшим на сильном морозе рукам. Его аргументы звучат невнятно, непоследовательно, он не способен схватить суть дела, да к тому же вместо одних всегда наговорит других, собственных, глупостей. И делает он все это присущим ему одному способом, который можно назвать отрицательной или вывернутой наизнанку гениальностью. Создается впечатление, что не он управляет ею, а она им, и не столько управляет, сколько помыкает. Посмотрим еще раз, как это происходит.

Прокофьев пишет: «Когда я более тридцати лет тому назад (сейчас ему 50) встретил Антропософию, то для меня на переднем плане стояло не то, что Рудольф Штайнер породил как грандиозные, новаторские идеи в разных областях жизни, например, в педагогике, искусстве, медицине и сельском хозяйстве. Ибо это ставит его «лишь (что означают эти кавычки, мы не знаем. —Авт.) рядом со многими другими (подч. нами. —Авт.) значительными индивидуальностями XIX и XX веков. ... это не было тем, что действительно повело меня к Рудольфу Штайнеру».

Когда осознанно читаешь подобные вещи, то чувствуешь, как опускаются руки, мысль и язык перестают повиноваться. Так действует «обратная» гениальность. Однако пересилим себя и разберемся во всем по порядку.

Начнем с того, что более 30 лет тому назад Прокофьеву было менее 20 лет. И в силу не только молодости и неопытности, но и по иным причинам, то, что выступило для него тогда «на переднем плане», не могло даже еще существовать в его сознании. Хотя бы потому, что он тут же пишет: «Когда я ... встретил антропософию». Умозаключения о том, что у Рудольфа Штайнера неповторимо, а что как у «многих других», невозможно сделать при встрече с Антропософией. Они даются в результате продолжительного изучения не только ее, но и всей истории культуры и цивилизации, а также нашего времени. И если бы Прокофьев такую работу проделал, то более чем через 30 лет после встречи с Антропософией он бы понял, что у Рудольфа Штайнера нет ничего, что «ставит его “лишь” рядом...» и т.д.*

Нельзя пройти и мимо того факта, что в начале 70-х годов, когда Прокофьев встретил Антропософию, в России существовали лишь машинописные копии переводов немногих циклов лекций, изданных на немецком языке в 10–20-е годы. Составить по ним представление об антропософской медицине, искусстве и т.д. было никак невозможно. Немецким же языком Прокофьев тогда не владел. Мы знаем об этом, поскольку в то время он пришел в единственную антропософскую группу, существовавшую в те годы в Советском Союзе (исключение составлял только Таллин), которую нам удалось организовать с несколькими духовно ищущими молодыми людьми.

В советской изолированности, в 17–18 лет «понять», что Рудольфа Штайнера можно поставить в один ряд с кем-то и т.д. — да этого и в Европе в то время еще никому в голову не приходило: ни «друзьям», ни врагам Антропософии. Это придумано радикальными каинитами в наши дни. Прокофьев просто идет с ними на компромис, да еще пытается отнять у них пальму первенства.

Нам придется лишь повторить все уже сказанное, если мы захотим прокомментировать то, что стоит у Прокофьева в следующем абзаце: «В то же время, мне стало (было) тотчас же совершенно ясно (подч. нами. — Авт.), что Рудольф Штайнер как посвященный не

* А если это не так, то должны ли мы думать, что Рудольфа Штайнера как творца эвритмии, следует поставить «лишь» рядом с Айседорой Дункан, как творца Гетеанума — рядом с Карбюзье, как творца Вальдорфской педагогики — рядом с Яном Коменским и т.д.?

подходит ни к какому месту в современной цивилизации...» Это в 17 лет, «когда (он) ... встретил антропософию»!*

Но «обратная» гениальность Прокофьева идет еще дальше. Он пишет: «Решающим для меня было то, что в Рудольфе Штайнере в первый раз в мировой истории действовал открыто среди людей посвященный такого ранга и именно такой (мы воспроизводим стиль подлинника. — Авт.), который свое посвящение основал на современных силах нашего времени, т.е. который духовный мир с такой ясностью и точностью смог исследовать и описать, как обычный ученый природу». Каковы обобщения! И они, не забудем, стали ему «тотчас же совершенно» ясными. При этом мы вновь слышим старую песню о том, что всё совершалось «через» Рудольфа Штайнера. Интересно бы знать, кто был тот посвященный, который действовал «в Рудольфе Штайнере»?**

Признаемся честно, нам и после 40 лет работы с Антропософией не ясно то, что Прокофьеву с самого начала «тотчас же совершенно ясно» стало. И потому мы спрашиваем его: хочет ли он сказать, что тот посвященный «в Рудольфе Штайнере» был «такого ранга и именно такой», что стоял выше, скажем, Заратустры или Илии-Иоанна, также выступавших «в мировой истории» открыто? Если да, то не мог бы он это как-то доказать или объяснить?

А как понимать, что тот «посвященный» «основал» свое посвящение на «современнейших силах», если это выразилось лишь в том, что он точно, как ученый, «исследовал» духовный мир? А что, Христиан Розенкрейц, Майстера «Белой Ложи человечества» переживают духовный мир в некоем тумане? Да и сам Рудольф Штайнер говорил, что были в его время и другие посвященные, видевшие в сверхчувственном то же, что и он, но не желавшие увиденное облекать в понятия, поскольку это очень мучительная работа.

Но, да будет известно Прокофьеву, что основная заслуга самого Рудольфа Штайнера как посвященного состоит в том, что он был

* Правда, в своей автобиографии, опубликованной лет 15–20 тому назад, он пишет, что Антропософию он встретил не то до 12, не то до 10 лет. Но с этим мы позволим себе всерьез не считаться.

** Указывая на все это, мы понимаем, что кто-то может укорить нас, говоря: Ну что ты делаешь тут проблему? Всякому ясно, что молодой человек выражается неряшливо. Но это ли главное? Ты смотри в корень! Мы отвечаем: кто хочет «смотреть в корень», пусть прочтет книгу Ирины Гордиенко.

первый, кто науку посвящения «основал» на теории познания. То есть главная его заслуга заключена в его, скажем, специальных, гетеевских и философских трудах, которые Прокофьев отодвигает на задний план.

Этим достоинством науки посвящения, созданной Рудольфом Штайнером, пронизано и все то, что он дал для прикладных сфер деятельности: педагогам, врачам, эвритмистам, социологам, математикам и др.* Поэтому едва ли не любой вид человеческой деятельности может стать благодаря Антропософии путем посвящения. Это ли ставит Рудольфа Штайнера «лишь рядом с многими другими»?

Делая акцент на том, что «в Рудольфе Штайнере» действовал посвященный, Прокофьев и проблему следования за Рудольфом Штайнером свел к отношению: оккультный учитель — оккультный ученик. А из этого заключил: «Итак, ныне имеется единственный путь, который может нас вести к Рудольфу Штайнеру, — это непосредственное ученичество у него». Это звучит подобно тому, как если бы ап. Павел на вопрос: какой путь ведет ко Христу? дал бы такой ответ: Станьте как боги, это единственный путь.

Статья «непосредственным» учеником у Рудольфа Штайнера в сверхчувственном мире, объясняет нам Прокофьев, сравнительно несложно. Нужно лишь «серьезно постараться» ступить на путь, «который он нам ... точно описал». Кому это утверждение Прокофьева кажется правдоподобным, мы ничего и доказывать не станем. Но сами мы твердо уверены в том, что все содержание Антропософии — это не «байты» информации и не инструкции по обретению ясновидения, а семена знания, которые нужно еще уметь взрастить. Да, Рудольф Штайнер рассказал нам о многом, но почти на каждом шагу нас в этих сообщениях, словно ученика древних Мистерий, встречает сфинкс и загадывает загадки. При этом он говорит нам: Если вы не научитесь их разгадывать (а для этого нужно овладеть методом Антропософии), то останетесь не более,

«чем тень обманности своей».

А Рудольф Штайнер разъясняет: современный Учитель посвящения не должен ни о чем давать ученику полного знания. Ибо это сделало бы последнего несамостоятельным, несвободным. Многое

* Врачам, например, он дал сложный комплекс медитативных упражнений и советовал делать их по 12 раз в день, говоря, что врачи, в силу практической необходимости имеют право раньше других воспринимать эфирное тело.

Учитель должен оставлять ему на свободное додумывание. С этим правилом считались даже в Мистериях древности. Поэтому Иерофант в них говорил с учеником языком загадок.

Познать науку посвящения Рудольфа Штайнера — это тяжелый труд длиной в десятилетия. И это труд исследователя всего наследия Рудольфа Штайнера. Книга «Как достигают познания высших миров?» — одна из наиболее загадочных. Ключ к ее разгадке дан в «Истине и науке». Но кто до сих пор попробовал этим ключом ее открыть? А что касается «непосредственного ученичества», то это большая честь и милость. Их нужно сначала заслужить и терпеливо ждать: ждать молча.

Знает ли обо всем этом Прокофьев? Судя по его сочинениям — нет. В то же время, он совсем прозрачно намекает, что уже достоин того «ученичества», имеет общение с Рудольфом Штайнером на сверхчувственном уровне. Что же следует из этого? По всей видимости то, что у Прокофьева «брюшное ясновидение» (см. об этом лекцию от 1.5.1915.). В то же время, повторяем, он выразитель типа очень большой группы людей. Обдумаем это, и нам станут ясны истоки современного кризиса в ВАО. Пребывая 80 лет в ветвях в состоянии мистического самооблажания и ничегонеделания, многие антропософы заскучали по «живому», ну хоть какому-нибудь, сверхчувственному опыту. И поэтому теперь широко открывают врата всякого рода парапсихологии. Масса антропософов стала подобной последователям Раджнеша, Кришнамурти, Муна и т.п.

Все, что говорит Прокофьев, содержит в себе мираж истины, и он грозит душе энтропией. Проповедуемое им — это положительность душевного сна. Он утверждает, что нас сближает с Рудольфом Штайнером «тропа благоговения». Но в каком смысле следует это понимать? В том ли, какой, например, имеет в виду Кришнамурти в своей книге «У ног учителя»? А главное, что по этому поводу думает сам Рудольф Штайнер? Адельхайд Петерсен вспоминает, как во время какого-то тяжелого объяснения с антропософами один из них начал успокаивать его, говоря, что все его уважают и он может в этом не сомневаться. «И тогда Рудольф Штайнер рванулся со своего места и голосом, полным гнева и отчаяния, воскликнул: “Я не хочу быть уважаемым! Я хочу быть понятым!”»

Нет, мы не хотим этим сказать, что к Рудольфу Штайнеру следует проявлять неуважение, как на этом настаивают радикальные каниниты. Мы просто знаем, что уважение и благоговение неизбежно

рождаются из понимания Рудольфа Штайнера. И они тем больше, чем глубже понимание. Настаивать на них без понимания означает идти путем Кришнамурти, а не антропософа.

Прокофьев предлагает нам «с любовью» «углубиться» в «до-стоинства» Рудольфа Штайнера. В своем логическом целомудрии не ведает он, что тем самым провоцирует вопрос о «недостатках» Рудольфа Штайнера. Так ментальностью радикальных авелитов вызываются циничные выходки радикальных каинитов. Это закономерно.

В своей апологии позитивности, за которой таится лишь нежелание обременять себя проблемами, Прокофьев подходит к моменту, где и сам чувствует, что «хватил» лишнего, «перегнул палку». И чтобы спасти свое авторское лицо, делает такое примечание: «Сказанному не противоречит, что также и Рудольф Штайнер должен был иногда критиковать. Но большей частью он пытался дело лишь характеризовать или ставить духовнонаучный диагноз. В редких случаях он говорил критически, но таким объективным образом, что его слова были как голос мировой справедливости. И только если это было абсолютно необходимо, он пользовался действительной критикой. Но все-таки как посвященный он мог ее окультные следствия в духовном мире изгладить».

Сжавшись внутренне, с чувством мучительного стыда мы, читая это, спрашиваем себя: сколько умных, но не таких добрых, как Прокофьев, людей, набредая на его «игру в куличики», скажет себе: Ну, если беседы с д-ром Штайнером в сверхчувственном мире приводят к таким результатам, то стоит ли к ним стремиться?

А как относится Прокофьев к самокритике? Судя по тому, как он проявляет себя, — крайне отрицательно. В написанное он тут же влюбляется, а любимое не судят. Тут бы вмешаться тем, кто все это публикует. У них ведь есть одно объективное право на цензуру: не публиковать ничего, что ниже минимального научного и художественного уровня. Но они блюдут иное кредо: чем хуже, тем лучше!

Когда же речь заходит о критике других, то Прокофьев в таких случаях не так уж невинен. Правда, свою критику он подает на уровне, не ниже того, какой он открыл у Рудольфа Штайнера: на уровне «диагноза» и «голоса мировой справедливости». Вот как это у него выглядит: «Чтобы из по-праву вызывающей озабоченность ситуации, в которой находится сегодня Антропософское Общество и растущее антропософское движение, найти путь, ведущий в бу-

душее, необходимо прежде с почти врачебной фактичностью и объективностью (т.е. следует понимать не в переносном, а в прямом медицинском смысле. — Авт.) понять симптомы болезни (поскольку же речь идет о духовном обществе, а не о группе людей физически вредной профессии, то «болезнь» та может быть только душевной, психической (?); ведь не имеет же в виду Прокофьев, что члены Общества и движения поголовно страдают от гастрита, нефрита и т.п.?) и затем поставить правильный диагноз».

Нет нужды объяснять, что свой «диагноз» Прокофьев намеревается поставить всем, кто думает иначе, чем он, кто не желает следовать его «генеральной линии». ... Ну а тогда остается лишь сказать ...

Солидаризируясь с неким Петером Зельгом, Прокофьев заключает: «Не Антропософия и не Рудольф Штайнер несвоевременны, но истинное основание болезни лежит в нас, в антропософах во всем мире». Это «в нас» — прием чисто риторический; себя-то Прокофьев к этим «душевно больным», уж точно, не причисляет. Нет, это все те «во всем мире», кто, даже следуя за ним, следует не так, как надо.* (Любопытно также, как формулирует Прокофьев свой приговор-диагноз логически.)

Мы, отстаивая право на критику, в данном случае выступаем против такой, по сути, оскорбительной, огульной и высокомерной критики. Мы полагаем, что критическое сознание видит свою основную задачу в том, чтобы все воспринятое как внешне, так и

* Случайно ли это, что один из вождей ВАО в заключение своей деятельности объявил, что все мы сидим «в оккультной тюрьме»; теперь другой нам, сидящим за оккультной решеткой, ставит диагноз: все душевно больны? Должно бы, наконец, стать все это поучительным для тех «во всем мире», кто жить не может без харизматических вождей. Члены ВАО если и «больны», то лишь в том смысле, что «наглотавшись» всякой лжи, отравили ею свое сознание. Чтобы «излечиться», им нужно всего лишь проснуться, стать бодрственными, самосознающими личностями, подвергающими все, что им навешают сладко-голосые вожди, контролю Я.

Так думаем мы, но нам энергично возражают: — А что скажешь ты об одном руководителе ветви в Германии, который сделал такое объявление: «Нам выпала большая честь, мы будем иметь счастье слушать доклад г-на Прокофьева»? Как администратор, он должен был даже по долгу службы ту статью прочесть. — М-да, в этом случае придется, кажется, признать, что Прокофьев в том своем суждении прав.

внутренне, как чувственно, так и сверхчувственно, встречать в Я, т.е. быть я-сознанием.

Если бы Прокофьев, изучая Антропософию, историю АО, его теперешнюю жизнь, делал это, то не стал бы призывать тех, кому он поставил такой страшный диагноз, к «свободному сотрудничеству» с Рудольфом Штайнером в духовном мире, ибо даже те, кому по-счастливилось его диагноза избежать, не знают, что такое свобода в сверхчувственном мире, где одни существа «состоят из» других.

Читая духовнонаучно, т.е. с участием «я» о том, что одним из главных свойств души сознательной Рудольф Штайнер называет благоговение, Прокофьев, далее, понял бы, что это семя познания еще нужно взрастить, размышляя о том, что душа сознательная многогранна: она и познающая, и социальная, и религиозная, и эстетическая, и оккультная. Овладевая созерцающим мышлением, эта душа нуждается в благоговении как любви к объекту познания, чтобы мочь отождествиться с ним. В таком познании она может стать на путь посвящения. Как социальная, она нуждается в том, чтобы интересы человечества переживать как свои личные. И благоговеть перед этим не нужно.

Вопросы, бесконечный ряд вопросов рождает в нас Антропософия.* Решая их, мы следуем за Рудольфом Штайнером. Решать же их можно не абстрактно, а всем многочленным человеческим существом. Пользуясь при этом критическим сознанием, мы совершаем некоего рода духовный обмен веществ с окружающей идеальной средой, и так постепенно делаем познанное своим: мы вырабатываем его себе, как это имеет место и при обмене веществ, из сил собственного Я. А тогда и сам познающий становится другим — индивидуально более развитым. Но именно от такого следования за Рудольфом Штайнером отказываются радикальные авелиты.

* * *

Теперь обратимся к радикальным каинитам. Заметим попутно, что мы не ведем речи о нормальных авелитах и каинитах — двух типах людей, глубоко укорененных в эволюции мира и человека. Это,

* Одну священницу Общины Христиан в Москве спросили, как она относится к Рудольфу Штайнеру? Она ответила: «Да ну его! У него на одной странице стоит одно, а на другой — противоположное!» И то была умная женщина, «миссионерка».

скажем, некая объективная реальность со своими задачами развития. Но в развитии то и дело возникают односторонности. Они-то и создают проблемы.

Для лагеря радикальных каинитов в ВАО характерно то, что у него нет одного выдающегося выразителя. Имеется ряд авторитетных идеологов, создающих время от времени жупелы суеверий и предрассудков, зная, конечно, хорошо ментальность своих подопечных, а в остальном едва ли не каждый из них, начиная от фон Платона и кончая Хайстеркампом, старается хоть каким-нибудь способом заявить о себе (в рамках, разумеется, заданной ему программы).

На каждом шагу также и этот тип людей создает для Антропософии смертельные опасности, но если исходить из духа времени, то нужно будет признать, что радикальный каинит в большей мере соответствует ему, чем радикальный авелит. Рудольф Штайнер говорит, что свобода невозможна вне интеллектуалистической культуры. Жизнь же интеллекта вся соткана из отрицания. И, вполне понятно, крайне сложно допустимую меру того отрицания не переступить, не начать отрицать ради одного лишь разрушения.

Современный каинит как таковой — это человека низшего»я» и души рассудочной. Мы знаем, что такие люди появились уже в греко-латинскую культуру. Из их среды вышли царь Эдип и Иуда Искарот. В древне-римский период истории они уже сумели создать мощную цивилизацию, которая пала из-за их противоречий с радикальными авелитами, примирить которые в ту пору не было никакой возможности.

Позже, в X, XI, XII веках, я-люди выступили как провозвестники эпохи души сознательной. Это были средневековые рыцари, которые во всем (вплоть до склонности к грабежу и разбою) проявляли себя крайними индивидуалистами. Такой человек чувствовал себя самодостаточным существом, но постоянно испытывал потребность все вновь и вновь убеждаться в этом. Ведь даже человек низшего «я» — это потенциально вид в себе. И, как вид в природе, рыцарь встречал другого я-человека как конкурента в «межвидовой» борьбе: не в плане владения (хотя и это играло свою роль), но, в первую очередь, в плане иерархичности: кто самодостаточнее, тот должен стоять выше, а другие быть ему вассалами. Он был всегда готов с оружием в руках (хотя бы на турнире) отстаивать свой суверенитет.

Позже, с приближением эпохи гуманизма, я-сознание начало

охватывать широкие слои ремесленников, крестьян. Блуждающая страсть к поединкам трансформировалась в жажду религиозной и гражданской свободы, а аристократический принцип начал перерождаться в свою противоположность: в демократический принцип. Европу охватили религиозные войны, расколы, а потом и революции. Едва ли не каждый начал чувствовать себя Гецем фон Берлихенгенем.

Еще позже, когда культурный процесс начинает доминировать в сознании людей, дух старого рыцарства оживает в творческой индивидуальности. Гец метаморфозируется в Сервантеса.

В своем творчестве гениальный человек стремится дать открыться Я высшему и, так сказать, под его «сенью» обрести духовное господство над людьми, покоряя их плодами своих вдохновений. Поэтому он стремится придать им характер универсальности, завершенности. Так, претендующий на создание философской системы, должен соответствующим образом высказаться в области и теории познания, и логики, и истории философии, философии права, философии религии, этики. И все это свести в единую систему.

Такова внешняя сторона новой «межвидовой» борьбы рыцарей искусства и науки (а также и религии). Но у нее есть и внутренняя сторона. Ее образуют личные переживания тех, кто претендует на собственное творчество. Их можно, примерно, выразить в следующих словах, которые один говорит себе, созерцая творения другого: если я целиком подпаду их обаянию, то это парализует мои собственные творческие потенции.

Творящий из Я испытывает ныне желание всех людей сделать поклонниками своего творчества, таланта. Он подобен в этом отношении пророку. Он уверен, что способен всех людей накормить «пятью хлебами» своих творений. Поэтому он невольно, даже инстинктивно отрицает способность других «питаться на свой счет».

Особенно показательна в этом смысле история отношений между Вагнером и Ницше. Сначала эти две гениальные индивидуальности неудержимо повлекло друг к другу. Но довольно скоро обнаружилось, что Рихард Вагнер видит главную задачу творчества Фридриха Ницше в том, чтобы тот изъяснял миру глубинный смысл и тайны его (Вагнера) творчества. А Ницше почувствовал, что если он покорится обаянию гения и личности Вагнера, то сам ничего не создаст. Поэтому он должен пойти с Вагнером на «поединок» и восторжествовать в себе над Вагнером. И тогда самому стать про-

роком. Вся эта драма взаимоотношений двух гениев раскрывается в письмах Ницше. В течение всего двух лет, в 1872–73 годах, он от восторженного преклонения перед Вагнером («Желание заслужить его одобрение воодушевляет меня больше и сильнее всего») пришел к отдалению, отчуждению («некоторых людей — имеется в виду Вагнер — я предпочитаю видеть издали») и, наконец, к противостоянию, отрицанию.

Или вот еще один феномен подобного рода. Группа русских композиторов, пытавшихся в XIX веке создать свою, национальную школу музыки, «недостаточно ценила то, — как об этом пишет Петр Боборыкин в своих воспоминаниях, — что принес с собою Вагнер. ... Это помогло им остаться более самими собою, а это — немаловажная заслуга».*

В XX веке с индивидуальным «я» произошло следующее: оно стало даже наследуемым признаком европейца и вследствие этого, естественно, социализировалось, чрезмерно выступило вовне и ослабло в своем внутреннем. Индивидуальным, самодостаточным существом почувствовал себя каждый представитель цивилизованного мира, что составляет положительную сторону этого полного трагизма века. Но переход от прошлого состояния, когда над массами людей возвышались лишь отдельные, заслуживающие преклонения индивидуальности, к состоянию, в котором каждый чувствует себя Максом Штирнером, неизбежно породил мелочное соперничество, мелкую борьбу грошовых эгоизмов.

Началось сокрушение старых «богов», как грибы, стали появляться философы нового типа: с молотком в руках и без единой созидательной идеи в голове. Старое «рыцарское» противостояние сменилось «человеческим, слишком человеческим».

Радикальный каинит на каждом шагу путает свободу с производом. Он — Эдип в эпоху интеллектуализма. Часто он готов хоть целый мир принести в жертву своему личному эгоизму. Такой человек, естественно, и Антропософию — лишь дай ему власть — готов вымазать грязью, если это хоть чуть-чуть служит его возвышению в

* Совершенное иное, разумеется, представляет собой современная борьба с Вагнером. В Байрейте на его музыку разыгрывают криминальные сюжеты из жизни мафии, творят психоаналитические безобразия. И это делается на глазах у музыкальной элиты всей Европы! Дикарь и сумасшедший торжествуют на пепелище духовной жизни Европы. И нет никого, кто мог бы их остановить.

глазах других людей. Всякий авторитет, сколь бы он ни был заслуженным, он рассматривает как принижение себя. Именно потому так часто поборники свободы, равенства и братства, стоит им докучаться до власти, делаются тиранами и убийцами, как это проявилось в красном терроре социалистических экспериментов.

Но беда радикального каинита не в том, что он рассудочен, а в том, что он не может войти в эпоху души сознательной.

Душа сознательная объемлет собой и рассудочную и осязающую, снимает их узость, поднимает до уровня общечеловеческих интересов и ценностей. И она непременно многогранна. Этого не может вместить радикальный каинит. Но и радикальный авелит выделяет в ней лишь одну, религиозную, сторону. Поэтому в Антропософии он непременно хочет священнодействовать, но без истинного знания, и потому Общество превращает в религиозную секту. Радикальный же каинит непременно хочет тексты Класа «читать на вокзале», «стоя на паровозе». Для него в них важно лишь то, что именно он их читает и много людей видят его при этом. Эпатаж для него важнее любого целесообразного действия. Журналистику он любит главным образом скандальную. Любви он предпочитает не столько порнографию, сколько возможность порнографией шокировать других людей. Часто он отягощен комплексами («Эдипа» и др.), и психоанализ (ложный в приложении к не радикальным каинитам) словно бы создан только для них.

Стоит ли удивляться, что человек такого типа, и придя в Антропософию, видит в Рудольфе Штайнере своего конкурента. Но с помощью Антропософии радикального каинита можно спасти от самого себя. Ему нужно суметь разьяснить кардинальное отличие Рудольфа Штайнера как творца от всех других выдающихся творцов культурной жизни человечества. Те, стремясь к полноте самовыражения, не думали об индивидуализирующей роли своего творчества, о том, сколько места они оставляют свободе духа своих последователей. Трудно представить себе человека, который мог бы «завершить» или «дополнить», «развить дальше» творчество Вагнера, Фихте, Гегеля. Попытавшийся мыслить в духе Ницше показался бы просто смешным.*

Творчество Рудольфа Штайнера — это сплошная индивидуали-

* Говоря это, мы имеем в виду внешний слой культуры, обращенный к чувственной реальности. Метафизическая глубина гениальных творений — это иное.

стическая пропедевтика, действующая на глубинном уровне. То есть она не есть намерение на внешнем плане, с помощью поучений заниматься, как это имеет место в случае Фихте, Лессинга и многих других, «воспитанием рода человеческого». Рудольф Штайнер сознательно оставил всё данное им незавершенным и обращенным в своей незавершенности к каждому мыслящему субъекту. Это уникальный феномен культуры. Рудольфа Штайнера нельзя просто изучать; в изучении нужно следовать за ним, а для этого нужно постоянно расти духовно.

Он никогда не ставил себе цели «самореализоваться», поэтому и не нуждался в поклонении. Он творил по законам сверхчувственного мира, где развитие совершается за счет не «приобретения», а «отдавания». Это сфера высшего Я. Водителем в нее является Рудольф Штайнер. Он хотел, чтобы люди шли за ним в Я, шли вместе с ним и — пожалуйста! — если кто может, то дальше его. Только нужно всегда быть реалистом. И, наконец — и это главное, — Рудольф Штайнер не ведет просто за собой, он помогает человеку следовать за Тем, за Кем он идет сам: за Христом.

Чтобы на пути этого судьбоносного следования вести себя не эпигонски, а творчески, необходимо овладеть методом Духовной науки, точнее говоря: системой ее методов, методологией. Методология Антропософии сложна, поскольку имеет дело с чувственно-сверхчувственной реальностью. И радикальному каиниту нужно отказаться от верхоглядства и интеллектуального снобизма. Ему следует честно признаться себе, что Антропософии он пока что не понимает. Она сложна, необыкновенно сложна. Скорое овладение ею — лишь иллюзия, как, впрочем, это имеет место и в случае любой другой серьезной науки. Квантовая механика, например, разве проста? А высшая математика?

Но в Антропософии, в отличие от других наук, требуются не только знания, но иной, новый способ мышления. Она ставит перед познающим субъектом задачу познавать постоянно изменяющуюся действительность изменяющимся сознанием. Редкий академик пойдет на это, а абстрактный дилетант отскакивает от нее как от стенки горох. Некоторые пытаются взять Антропософию чувством. Для них специально сказано: «Путь к сердцу проходит через голову» (ИПН. 4, S. 25)

Если радикальный каинит внемлет всему этому, из него может получиться хороший антропософ.

За Рудольфом Штайнером можно следовать и эзотерически, посвятительно (хотя акцентируемый нами методологический путь тоже эзотерический и посвятительный). Для этого необходимо ритмы своего индивидуального духа приводить в гармоническое созвучие с ритмами высшего духа. Об этом мы будем говорить в дальнейшем.

Ну а что требуется от радикального авелита? Прежде чем мечтать о душе сознательной, ему следует развить в себе душу расщепленную. Хотя бы короткое время посидеть на учебной скамье в школе диалектики, немецкой философской классики. Ведь тот же Прокофьев не охватывает мыслью даже то, что пишет сам. Куда с этим можно идти? К Стражу Порога? Радикальному авелиту нужно пробудиться, а затем (вместе в каинитом) сесть за изучение методологии Антропософии. Но поскольку делать он этого не хочет, то его не вредно трясти за плечи и «толкать в бок», как это делал Ангел с ап. Павлом в темнице. С ним нужно говорить языком критического анализа. И пусть он не думает, что этим его желают унижить. Нет, этим желают привести его в отвечающую сути Антропософии связь с нею. И почему бы этот труд ему не взять на себя? Ведь очень часто он искренне любит Антропософию и глубоко связан с нею.

Но высшее, чего можно желать, к чему нужно стремиться, — это чтобы как авелиты, так и каиниты отказались от своего радикализма и пришли к взаимопониманию, к взаимообогащающему совместно-антропософскому творчеству, в котором они должны дополнять друг друга, как это определено макрозаконами развития мира.

Антропософское дело в мире нельзя успешно двигать вперед, не следуя за Рудольфом Штайнером. А следовать за ним можно, лишь развивая себя. Он дал нам богатейшие знания о том, как это можно делать. Остается лишь понять это «как» и воспользоваться им.

Рождественское Собрание было пробным камнем для его участников, испытание их способности в Я следовать за Рудольфом Штайнером, следовать как духовнонаучно, так и эзотерически. Они этого испытания не выдержали. Еще менее их способны на это наши нынешние «реформаторы». Но должно ли так продолжаться вечно? Мы думаем, что этому погружению в ничто абстракций и прожектерства должен быть положен конец. С окончанием Кали-Юги в мир пришел радикальный перелом. В новой светлой эпохе смысл имеет лишь то, что способно восходить к духу. Поэтому: «встань и иди!»

7. «Непосредственно данное» истории Антропософского Общества

В какой бы то ни было жизненной ситуации, будь то в сфере практической деятельности или познания, человеку, если он не желает творить хаос или потерять почву под ногами, следует начинать с осознания непосредственно данного. Не иначе обстоит дело и в том случае, если нам необходимо изучить историю ВАО в период с 1923 по 1925 гг. Решающим для того периода было, как об этом пишет Михаэль Гзэнгер, «взятие Рудольфом Штайнером работы по управлению [Обществом] на себя», что «принудило его к бескомпромиссным действиям». ¹⁵⁾ Это-то и было первым непосредственно данным начавшегося тогда особенно глубокого преобразования АО. И мы теперь наравне с выдвинутым ранее условием нашего исследования (самым серьезным образом считаться с тем, что по тем или иным вопросам говорит сам Рудольф Штайнер) принимаем еще одно: самым серьезным образом считаться с делами Рудольфа Штайнера, исходя из них, искать понимания того, что происходило с Обществом, когда на Рождество 1923/1924 г. началась его радикальная метаморфоза. Соблюдая верность этим двум принципам, мы теперь попробуем свести в единство наши предыдущие рассуждения.

В 1923 г. Рудольф Штайнер пришел к выводу, что существовавшее тогда АО следует провести чрез Гетевское «умри и будь». О том, насколько серьезны были предпосылки для такого вывода, можно судить по письму Альберта Штеффена от 14 мая 1923 г. руководителям антропософских ветвей в Швейцарии. В нем говорилось: «Как Вам известно, г-н д-р Штайнер поставил нас перед возможностью, что он, если Общество покажется ему больше не годным для того, чтобы способствовать делу Антропософии, может отстраниться от него.

Вы можете из этого сообщения также видеть, сколь колоссальной является работа, совершаемая г-ном д-ром Штайнером, и сколь мала помощь Общества» (см. ИПН. 259, S. 505).

Антропософское Общество пребывало тогда, действительно, в весьма странном состоянии. Получая потрясающие знания о коренных вопросах бытия, предназначения человека, о глубочайших тайнах становления мира и о многом другом, его члены все менее и

менее хотели нести Антропософию в мир, впадавший во все возрастающий кризис. «Замечаешь одну только флегму и флегму», — возмущался Рудольф Штайнер, обращаясь к членам; «сонливость — это именно то, в чем мы менее всего нуждаемся в Антропософском Обществе». (Ibid., S. 497, 642.)

Рудольф Штайнер, действительно, прилагал титанические усилия, чтобы побудить членов Общества начать думать о том, что происходит с цивилизацией и хотя бы ставить вопросы о том, что делать антропософам в этой ситуации. Тогда духовный мир, несомненно, отозвался бы и пришли бы плодотворные идеи, побуждения к действиям. Но все усилия Рудольфа Штайнера оказывались тщетными. «Со сверхчеловеческим напряжением, — пишет Гзэнгер, — начал Рудольф Штайнер в 1923 г. заново воссоздавать Антропософское Общество. Он объездил всю Европу, чтобы путем основания национальных обществ подготовить Рождественское Собрание. К его глубокому разочарованию он вынужден был убедиться, что нигде не нашел он отклика, на который надеялся. ...

Настойчиво зывал Рудольф Штайнер к своим ученикам. Ответа не приходило. Вернее сказать — не приходило вопросов. Он ждал вопросов, чтобы, согласно духовным законам, мочь приступить к делу.

Почти до конца декабря боролся он с собой (решая, отступить от Общества или нет. — Авт.), а затем взял инициативу на себя...»¹⁶⁾ Это означало, что вопросы к духу поставил он сам. В ответ пришел импульс Рождественского Собрания. Он пришел к посвященному, к человеку, уже намного опережавшему в своем развитии нашу эпоху и имевшему задачу лишь помогать людям строить свое будущее. Тем самым Рудольф Штайнер, как Учитель, в некоем роде взял перед духовным миром поручительство за своих учеников в надежде, что со своим уроком они все же успеют справиться к сроку.

Приняв решение создать новое Общество и возглавить его, Рудольф Штайнер привел свою дальнейшую судьбу в прямую зависимость от того, что будут делать в его Обществе антропософы. И, вполне вероятно, эта зависимость сохраняется до сих пор. А в таком случае попробуем представить себе, сколь велики страдания, доставляемые ему также и честными членами ВАО, когда без собственной воли и мыслей они плывут по течению туда, куда их несет воля антропософских функционеров.

До Р.С. АО было главным образом обществом познания. Рудольф Штайнер был учителем, члены — учениками. Некоторые из них делали еще эзотерические упражнения, стремясь расширить свое сознание. Все они, выражаясь образно, как бы сидели на берегу потока, вливавшегося в цивилизацию из сверхчувственного мира. Он был эзотерическим импульсом Антропософии, поскольку представлял собой излияние на землю космической интеллигенции. Свою реальность в среде людей он мог обретать лишь в осуществлении себя, и поэтому вызвал к жизни антропософское движение. Движение это стало его внешней, обращенной к повседневной жизни людей стороной. Но поскольку главное этого импульса было эзотерическим, потребовалось создать Общество, которое, занимаясь познанием, могло бы эзотерику Антропософии ставить в основание антропософских дел, инициатив, т.е. определенным образом тем импульсом управлять.

Мы, видимо, не ошибемся, сказав, что наилучшим образом импульсу Антропософии служат люди, сочетающие систематическое познание Антропософии с практической деятельностью, которая строится на этом познании. Они тогда работают, отождествляясь с импульсом, а не наблюдая его со стороны, или, того хуже, пытаются им управлять не «делая Антропософию».* Бесмысленна, разумеется, и работа в прикладных сферах Антропософии, где отказываются ее серьезно изучать.**

Антропософское Общество и Движение соотносились между собой до Р.С. как форма и содержание. Причем эти их понятия были взаимозаменяемыми: Движение было формой, в которой содержание Антропософии как учения соединялось с жизнью, а Общество, в котором это учение усваивалось, давало методологическую форму практическим инициативам. По крайней мере — должно было

* Рудольф Штайнер: «...это причиняло мне бесконечное страдание, ибо я видел, как личности, желающие там либо здесь забрать в руки руль управления в Антропософском Обществе, хотят при этом править вообще не исходя из духа Антропософии». (ИПН. 259, S. 110.)

** Например, в Вальдорфских школах, где порой уже с негодованием реагируют на всякое упоминание Антропософии.

давать. На практике же, конечно, почти все приходилось делать Рудольфу Штайнеру самому. Поэтому и назрел в Обществе кризис.

Но не только кризис был причиной, основанием того, что началось на Рождество 1923/1924 г. В жизни все подвержено развитию, совершающемуся путем качественных изменений. Необходимость в такого рода изменениях назрела к 1923 году также в АО и в Движении. Пришла пора им слиться, чтобы можно было «Антропософию делать» также и в Обществе: делать на пути познания, для чего требуется изменить качество сознания, а это уже вопрос инициации. Следовательно, в Обществе стало необходимо менять метод познания, делать его таким, чтобы он вел к порогу сверхчувственного мира и, более того, рождал бы в ауре цивилизации субстанцию нового духа, освобождающего от оков материи.

Короче говоря, именно такой метод познания и стремился привить членам Общества Рудольф Штайнер. А им требовалось тем методом начать овладевать. Они же этого делать (и даже замечать) не хотели, чем и привели Общество к упадку. Необходимость же взять на себя эту задачу соответствовала новой ступени повзросления феномена Антропософии в ее Обществе, в ее носителях. То есть им требовалось не только проснуться, но и «повзрослеть».*

Сам Рудольф Штайнер о различиях между АО и Движением говорил следующее: «Дело это обстоит так, что до Рождественского Собрания нужно было постоянно подчеркивать: строго различаются между собой антропософское Движение и Антропософское Общество.

Антропософское Движение представляло собой излияние в человеческую цивилизацию сокровища мудрости и духовных жизненных импульсов, которые именно для нашего, настоящего времени могут быть почерпнуты и должны быть почерпнуты из духовного мира. Это антропософское Движение существует здесь не потому, что людям нравится это, но оно здесь потому, что духовным силам,

* Рудольф Штайнер: «Мы можем сказать: эта вторая фаза (этап) была такой, что Антропософия пребывала в ней (уже) не в эмбриональном состоянии, как это было до 1908-го или 1909-го года. Эта вторая фаза длилась, примерно, года до 1915, 1916-го.... Ну а затем пришло время, когда ребенок естественным образом должен был достичь зрелости; это третья фаза антропософского Движения, начавшаяся около 1916 года. (Следовательно, в 1923 г. должна была начаться четвертая фаза. — Авт.)» (ИПН. 259, S. 106.)

ведущим и направляющим мир... так представляется правильным, давать духовному свету, который может прийти сегодня благодаря Антропософии, вливаться соответствующим образом в человеческую цивилизацию.

[В дополнение] к этому (dazu) было затем основано Антропософское Общество, чтобы как управляющее Общество управлять мудростью и жизненным достоянием Антропософии.... Антропософия есть нечто большее, чем Общество. ... Антропософское Общество есть именно экзотерический управитель.

После Рождественского Собрания здесь в Гетеануме... имеет место прямо противоположное. ... теперь все происходящее должно быть самой Антропософией. Антропософия должна делаться в Антропософском Обществе. Благодаря этому каждое отдельное деяние должно носить непосредственно эзотерический характер». (18.04. 1924.)

Такова была задача, поставленная Рудольфом Штайнером перед антропософами фактом проведения Рождественского Собрания. Благодаря ему эзотерический импульс Антропософии должен был войти в АО, а с внешней стороны, со стороны социальных и иных отношений, это Общество нужно было строить сообразно этому импульсу и сообразно задачам эпохи.

Таким образом, создание АО Р.С. было объективной необходимостью, вызванной циклическим развитием антропософского Движения. И люди, приведшие себя в связь с тем Обществом, получили тогда вполне определенные задачи, не справившись с которыми, они рисковали навредить и Движению, и себе.

Антропософский импульс обладает общечеловеческим значением, от его развития зависит дальнейшая судьба земного зона.* Поэтому у земных людей нет задач более важных, чем соединение с ним. И кто это понимает, идет в своей антропософской работе до конца, готов и самого себя принести в жертву, если этого требует подлинное служение развитию человечества. Так переживал свою жизненную задачу и Рудольф Штайнер.

К Рождеству 1923/1924 г. вопрос о дистанцировании от Общества для него отпал. Он решил идти вперед, что бы это ему ни стоило. Об этом говорила ему его моральная фантазия, нрав-

* «Будущее Земли неотделимо от Антропософии.» (ИПН. 259, S. 310.)

ственные интуиции. Если бы к ним примешалось хоть что-то личностное, он рисковал в своей деятельности быть не принятым духовным миром. Ибо пришедший импульс — это одно, а то, как он будет соединен с миром людей, — другое. Он должен быть соединен только правильно, и как это сделать, может знать лишь земной человек.

Перед Рудольфом Штайнером встала задача создать такое учреждение, которое одновременно стало бы и центром новых Мистерий, соответствующих духу времени, эпохе души сознательной, и неким объединением, подобным большинству уже существующих в мире, открытым для всех людей. Естественно, такая большая задача не могла быть решена в один прием. На Рождество 1923/1924 г. был завершен хотя и самый значительный, но лишь один ее этап: Рудольф Штайнер основал Всеобщее Антропософское Общество. О том, следует ли его при этом считать и интернациональным, сам он сказал следующее: «это, попросту говоря, оккультный, скажем, закон, что всякое действительно обладающее несущей силой, плодотворное спиритуальное движение является общечеловеческим, таким, что в тривиальной жизни его называют интернациональным. Оно является всеобщечеловеческим». (ИПН. 259, S. 604.)

Этому «всеобщечеловеческому» учреждению надлежало стать средоточием как «тривиальной», т.е. повседневной жизни, так и самой серьезной, оккультной жизни, соответствующей нашей эпохе. Поэтому АО Р.С. нуждалось еще в ином учреждении, которое служило бы ему: 1) защитой от вредных и враждебных сил, влияний и действий экзотерического рода и 2) опосредовало бы его связь с повседневной жизнью человечества в эпоху господства материализма.

Подобным образом обстояло и с Мистериями древности. Древнеегипетские Мистерии защищались всей мощью государственного устройства Египта. В древней Греции Эфесские Мистерии пользовались повсюду высочайшим авторитетом. Когда, как рассказывается в «Деяниях апостолов», ап. Павел по наговору ремесленников, изготовлявших серебряные копии храма Артемиды, был обвинен в неуважении к богине, то все горожане около двух часов кричали: «Велика Артемида Эфесская!» (Деян. 19, 34).

В какого-то рода защитной оболочке нуждалось и АО Р.С., но во время проведения Собрания Рудольф Штайнер еще об этом не

говорил. Ибо задача создания нового АО сама по себе была достаточно велика. Кроме того, он не руководствовался в своей работе абстрактными схемами. Нужно было сначала нечто совершить, а потом созерцать совершённое, ища, что можно сделать дальше.

Реально продолжение начатого на Рождество 1923/1924 г. выступило 29 июня 1924 г. О необходимости создать объединение, в которое вошло бы АО Р.С., Рудольф Штайнер говорил и ранее, но в тот день было сделано нечто практическое. На «третьем внеочередном генеральном собрании Объединения Гетеанума свободной высшей школы Духовной науки» было решено включить это Объединение составной частью в Объединение ВАО. Объединение же Гетеанума имело целью не только строительство Гетеанума. Во втором параграфе его статута было записано: «Целью Объединения является забота (попечение) о научных и художественных стремлениях» антропософов.

Примерно пять недель спустя, 3 августа, состоялось то загадочное собрание, о котором пишет Р. Менцер. Протокол его не сохранился, а может быть, и вообще не был написан. На том собрании было окончательно построено Объединение ВАО. Об этом свидетельствует сохранившийся набросок устава нового Объединения*. В его первом параграфе было записано: «Под именем «Всеобщее Антропософское Общество» подразумевается (besteht) Объединение в смысле статьи 60 след. швейц. Z.G.V. Его местопребыванием является Дорнах».

Структура Объединения была определена в § 2: «Отделениями Объединения являются:

а) Всеобщее Антропософское Общество в узком смысле (т.е. АО, созданное во время Р.С. — Авт.);

б) Объединение Гетеанума свободной Высшей Школы Духовной науки;

в) Философско-антропософское издательство;

г) Клинико-терапевтический институт д-ра Иты Вегман».¹⁷⁾

Необходимость создания такого объединения Рудольф Штайнер еще во время собрания 29 июня мотивировал следующим образом: «Нам будет необходимо, чтобы здесь существовало Всеобщее

* Он написан рукой Иты Вегман и в него рукой Рудольфа Штайнера внесены некоторые дополнения (см. факсимиле стр. 66–67).

2/

§ 3

Die Organe des Vereins sind:

- a) Die Vereinsversammlung (Mitgliederversammlung
Generalversammlung)
- b) Der Vorstand. Der identsch ist mit
dem Vorstande am Goethebaum
- c) Die Rechnungsrevisoren

§ 4

Die Mitglieder des Vereins sind:

- a) Leitende (ordentliche)
- b) Teilnehmende (ausserordentliche)

Die leitende ^(ordentliche) Mitgliedschaft wird erworben
durch Berufung seitens des Vorstandes

§ 6

Das Gesuch um Aufnahme als teilnehmendes
^(ausserordentliches) Mitglied ist an den Vorsitzenden oder Schriftführer
des Vorstandes am Goethebaum zu richten und
es steht diesem die Erledigung zu

§ 7

Der Austritt eines Mitgliedes hat durch eine
schriftliche Austritts-Erklärung an den Vorsitzen-
den oder Schriftführer des Vorstandes zu erfolgen.
Durch Beschluss des Vorstandes kann ein
Mitglied ^(ohne Disziplinierung) ausgeschlossen werden.

(Ergänzungen Rudolf Steiners *kursiv* gesetzt)

Verein «Allgemeine Anthroposophische
Gesellschaft in Dornach (Schweiz)»

(Eingetragen im Handelsregister des Cantons Solothurn)

Satzungen:

vom 3. August 1924

§ 1. Unter dem Namen «Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft» besteht ein Verein im Sinne der Art. 60 ff. des schweiz. Z.G.B. Sitz des Vereins ist Dornach (Kanton Solothurn, Schweiz).

§ 2. Zweck des Vereins ist die Pflege aller vom Goetheanum, der freien Hochschule für Geisteswissenschaft, im Sinne von dessen Leitung (dem Vorstande am Goetheanum) ausgehenden wissenschaftlichen und künstlerischen Bestrebungen.

Die Abteilungen des Vereins sind:

- a) Die Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft im engeren Sinne.
- b) Der Verein des Goetheanums der Freien Hochschule für Geisteswissenschaft.
- c) Der Philosophisch-Anthroposophische Verlag.
- d) Das Klinisch-Therapeutische Institut von Dr. med. I. Wegman.

§ 3. Die Organe des Vereins sind:

- a) Die Vereinsversammlung (Mitgliederversammlung, Generalversammlung).
- b) Der Vorstand, der identisch ist mit dem Vorstande am Goetheanum.
- c) Die Rechnungsrevisoren.

§ 4. Die Mitglieder des Vereins sind:

- a) leitende (*ordentliche*)
- b) teilnehmende (*außerordentliche*).

§ 5. Die leitende (*ordentliche*) Mitgliedschaft wird erworben durch Berufung seitens des Vorstandes.

§ 6. Das Gesuch um Aufnahme als teilnehmendes (*außerordentliches*) Mitglied ist an den Vorsitzenden oder Schriftführer des Vorstandes zu richten und es steht diesem die Erledigung zu.

§ 7. Der Austritt eines Mitgliedes hat durch eine schriftliche Austrittserklärung an den Vorsitzenden oder Schriftführer des Vorstandes zu erfolgen. Durch Beschluß des Vorstandes kann ein Mitglied *ohne Begründung* ausgeschlossen werden.

Антропософское Общество как внесенное в хандельсрегистер Объединение (Выделено нами. — Авт.)». (ИПН. 260а, S. 503.) Он, таким образом, указал на те две (ограждающие) цели создания Объединения, о которых мы говорили. Мы поймем это, если будем читать все внимательнее, беря отдельные вещи в более широком контексте.

Чисто юридически ВАО Рождественского Собрания можно было внести в «реестр торговых фирм»*, но суть его была не соединима с миром «торгующих и покупающих». Вот почему Рудольф Штайнер говорит об Объединении, которое будет в тот реестр внесено, дабы импульс Антропософии мог влиять, одухотворяюще, и на тот мир. Поэтому статутами нового Объединения стали (в несколько измененном виде) статуты Объединения Гетеанума. Они изначально были написаны в духе светских учреждений, и их краткое изложение предполагалось внести в Хандельсрегистер.

Однако все это было лишь внешней стороной того, что устроил Рудольф Штайнер. Внутренняя сторона Объединения была иная — эзотерическая. И трудно представить себе, чтобы ее не было, чтобы все исчерпывалось этими внешними административно-бюрократическими процедурами. Смысл той стороны не должен был поспешно оглашаться. Продвинутые антропософы должны были распознать его сами, тем более, что они получали сильные подсказки, например, такого рода: «Каждое отдельное деяние [в ВАО Р.С.] должно благодаря тому [Р.С.] носить непосредственно эзотерический характер. Поэтому учреждение дорнахского Форштанда во время Рождественского Собрания было эзотерическим мероприятием, мероприятием, которое в прямом смысле следует представлять себе как возникшее из духовного мира». (18.04.1924).

Мы не знаем, было ли всё это понято хотя бы кем-нибудь и кем именно. Вскоре после того августовского собрания события в Объединении ВАО пошли столь трагическим путем, что уже и смысла не было поднимать эту тему. Иное дело — теперь, когда объявились так называемые «наследники», «правопреемники» того спиритуального достояния Антропософии.

* Таков буквальный перевод слова Handelsregister.

* * *

В цитируемой нами брошюре Михаэля Гзэнгера имеется одна особенно ценная идея. Он считает Гетеанум прафеноменом Объединения ВАО. Он пишет, что Объединение «Всеобщее Антропософское Общество является двойным образованием. Оно есть социальное двухкупольное строение Высшей Школы и Общества». (S. 26) Более подробно Гзэнгер эту тему, к сожалению не развивает, и мы, кажется, понимаем, почему. Зная нелюбовь членов Общества к толстым, до к тому же сложным книгам, он решил пойти им навстречу и изложить свои идеи кратко. Но краткость его полна содержания. Над нею тоже нужно думать. Ну а мы в нашей книге рискнули пойти на «длинноты», сказав себе: что будет, то будет.

Итак, рассмотрим подробнее, что это за «двухкупольность». Начнем с констатации того факта, что центры Мистерий всегда являются отображением больших, макрокосмических соотношений и закономерностей. Главной характерной чертой Мистерии Антропософии является её эволюционизм. Духовно-материальная эволюция мира и человека — это ее прафеномен, и познание его стремится она донести до самосознающей личности. Поэтому, чтобы понять Объединение Всеобщее Антропософское Общество, необходимо обратиться к познанию сути и структуры Мироздания, взятого в развитии. Мы, несмотря на наши «длинноты», постараемся этот вопрос в рамках данного исследования изложить с предельной краткостью и простотой. Однако заинтересованному читателю и тут придется немного напрячь свое воображение.

Наш эволюционный цикл, состоящий из семи эонов, является откровением единого, безграничного, безначального Бога. Христос называет Его Отцом. Открыв Себя, Бог тем самым поставил Себя в некое пра-начало. И в этом праначале безначальный Бог открывает Себя как Логос, Слово, или, выражаясь образно, как Сын. Сын и Отец суть одно, но — в вечности. Приступая же к творению нового мира, они являют Себя иерархически, в разных положениях, на разных уровнях. Совершенно недвусмысленно об этом сказано в Ев. От Иоанна:

«В начале было Слово,
И Слово было у Бога (с Богом)*,
И Слово было Бог».

* В старославянском тексте Евангелия даже стоит: «к Богу».

Бог есть Мировая Индивидуальность. Индивидуален Он и во всех Своих откровениях, но по-разному. Явив Себя «в начале», Он открыл Себя как две Мировых индивидуальности. Нечто подобное происходит и с человеком на его микроуровне. Обладая Я-сознанием как единством, он в повседневной жизни проявляет его как малое, живущее по милости рассудка «я»; в актах же творчества он восходит к своему высшему Я. И то и другое совершает один и тот же человек.

Поставив Себя в праначало, безначальный Бог стал, как Логос, единым Богом возникшего цикла эволюции. И Он открылся в этом праначале трояко: 1) как Творец, Логос (Сын), 2) как Воля к творению, дающая ему субстанцию из сознательного всеознания (в Боге воля, субстанция и сознание суть одно), 3) как Идея нового мира (Св. Дух). Таковы Ипостаси Св. Троицы. Безначальный Бог открывается в ней как принцип ее единства, т.е. Сам Он не ипостасен. Это отражено в известном символе «всевидящего Ока», который можно встретить в церковных алтарях и в иных местах.

Именно об этом неипостасном Боге как об Отце говорит Христос. Это Он послал Сына в мир. И если бы Он был Ипостасью, то Христос был бы Ипостасью Ипостаси, что следовало бы считать Его принижением.

В Боге нет места для абстракций. В Нем все персонифицировано. И если говорится, что Бог христиан триедин, то, значит, и Его единство следует мыслить персонифицированным. Единство остается в вечности, стоит выше всех начал. И просто немислимо представить себе, чтобы единый Бог абсолютно все предшествующее привел бы к завершению, а затем начал нечто новое. Все новое проистекает из безграничности и безначальности Бога.

В эволюции единый Бог открывает Себя в первую очередь как вторую Ипостась, как Логос или как Сына безначального Бога, Отчей Основы мира.

Поясним нашу мысль рисунком (рис. 1). Безначальный Бог недоступен определениям. Поэтому условно Его можно представить себе (в духе Пифагорейского метода мышления) в виде точки, из которой проистекает все, в которой все пребывает во всем. Можно воспользоваться также принципом круга. Согласно представлениям геометрии точка выворачивается в круг, а круг — в точку; и сфера есть разложенная точка.

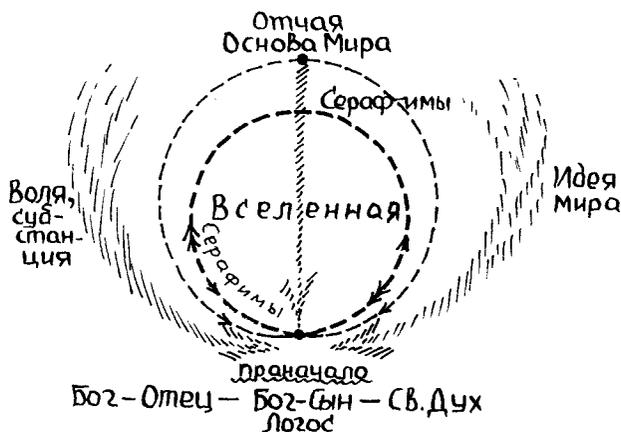

Рис. 1

В пранаполе единый Бог открывает Себя трояко. Как Вседержитель, Творец, Он ставит себя неким образом в центре творения, как претворяющая его (поскольку допускается развитие) сила. Поскольку творению предназначено проходить развитие в пространственно-временном мире, то Воля Божия, Бог-Отец, ставит себя в поток развития, идущий из прошлого в будущее. Как Бог-Дух Он движется из будущего в прошлое.

Может показаться, что развиваемый нами ход мыслей приходит в противоречие с традиционным представлением о Троице. На это мы должны сказать, что в богословской традиции имеется один изъян, обусловленный тем, что в ней отрицается развитие. Кроме того, в той традиции недостаточно точно читается Евангелие. Бог-Отец как Ипостась — это есть эманация Воли безначального Бога творить новый (или еще один) мир. И эта Воля есть также Бог, но в откровении. Воля Бога (Отец мира) действует как универсальный импульс, как сила, благодаря которой те субстанциональные жертвы, которые на алтарь творения приносят Божественные Иерархии, становятся субстанциями сотворенного, вплоть до состояния безжизненной минеральной материи. Но субстанция (и вещество) не может породить формы без идеи творения. Поэтому Воля Бога постоянно соединяется с Его замыслом, с Ипостасью Св. Духа.

Бог-Сын всегда приходит свыше. Это Он определил духу спуститься до материи, и Он же материю снова ведет к одухотворению, для чего должен был вочеловечиться в ней. Это произошло в зоне Земли. И мы вправе здесь сказать, что у Матери-Земли и Отца-Неба (Св. Духа) рождается Сын. Но понятия эти не следует догматизировать, ибо в ином отношении, стоя на Земле, среди царств природы, человек может сказать себе: это Отец. Из Отчего принципа протекла эволюция видов, закон наследственности. Но всё это произошло также благодаря Божественной Мудрости, Св. Духу, небесной Софии, Матери Мира.

Лишь человек с ленивым умом или узкий материалист назовет всё это «размыванием» понятий. Это дело человеческого познания — прибегать к образности, чтобы составить себе представление о том, что пребывает выше всяких понятий. И мы лишь придем к благодатной ясности в понимании самого существенного для человека вопроса: что такое Бог? — если станем делать различие между Ипостасями Бога, его откровением, и единым безначальным, неизреченным Богом. Для индусов он есть Атман, для христиан — Отчая Основа мира. И в Евангелиях, если их правильно перевести, Христос обращается не просто к Отцу, а к Отчей Основе мира.

Теперь обратимся к вопросу, как Божественное откровение переходит к творению мира.

Открыв Себя как Триединство, Бог в этом откровении, говоря языком философии Гегеля, открывается в-себе-и-для-себя. Чтобы откровение могло стать творением, оно должно далее проявиться иным, не божественным (не путать с антибожественным) образом, персонифицировать себя вне Триединства. Такая персонификация открывается как существа Серафимов, которые «лицезреют Бога» и воспринимают от Триединства план новой мировой системы.

Поскольку они открываются в праначале мира, где Творец есть Сын, то они открываются в Сыне. До того они пребывают в более высоком состоянии сознания, в отождествлении с Отчей Основой мира, с безначальным Богом. Это было состояние некой сверхпрадаи. Открываясь в Сыне, они словно бы пробуждаются к новому бытию. Их сознание понижается, но зато становится более индивидуальным.

Единственное, чего они желают при своем «пробуждении», это вновь взойти в сферы безначального Бога. И они начинают делать

это, двигаясь путями Ипостасей (а иных путей в том состоянии еще и нет): путем Отца и путем Св. Духа, Божественной Воли и Идеи мира. Но, обладая при «пробуждении» более слабым сознанием, они безначального Бога не достигают и, выражаясь образно, сделав некий «круг», возвращаются в Бога начала. Очерченное ими в этом их движении и есть наша Вселенная. Они суть ее персонификация, ибо Вселенная — это Я-существо. Она выступает в лоне безначального Бога как Его «овнутрение», как совокупное бытие Серафимов (поскольку в ней овнутряется триединый Бог), соединенных в своем высшем бытии универсальным Я вечности.

Когда Серафимы возвращаются в точку своего откровения, в Бога-Сына, Он начинает Свою деятельность как Творец. Он направляет сознание-бытие Серафимов «вовне». Вселенную как внутреннее безначального Бога Он тем самым открывает вовне. Так рождается инобытие, а единая Вселенная получает форму лемнискаты и таковой остается в каждой зоне. Вселенная, таким образом, и дуалистична и едина. Она едина в своей чувственно-сверхчувственной реальности. В нижней петле ее лемнискаты эволюция со временем принимает даже материальный характер, но во всем, приходя из верхней петли, действует мир прафеноменов: персонификация феноменов мира.

Поскольку в Боге все реально и персонифицировано, то такими должны быть и все описанные нами движения и отношения. В основе мира их персонификация четырехчленна, будучи обусловленной тем, как открывает Себя Бог: в виде трех Ипостасей и единства. Единство полагает во Вселенной некую силовую ось. Она идет от Отчей Основы мира к Сыну и далее в инобытие. Между Отцом и Св. Духом возникает другая силовая ось мира. По вертикальной оси действует в творении индивидуализирующее начало, приходящее из безграничных высей и достигающее в Сыне чувственно-материального бытия. Бог Воли и Субстанции подступает к этой оси, скажем, «слева», идя из прошлого в будущее. «Справа» к той оси подступает Идея Мира, Бог-Дух. Он всегда действует из будущего. (Иначе как были бы возможны в развитии новообразования?)

Идея мира в каждом творении приходит в соприкосновение с Субстанцией. Сущностно соединяет их, наделяет жизнью в ином импульс Творца, Сына Отчей Основы мира. Тогда в развитии возникают новые формы. Они всегда есть плод творчества (даже в эво-

люции видов), не могут быть заранее predeterminedены, поскольку силы, строящие их, приходят от трех (и даже четырех: еще снизу, от природы) разных сторон мира. При каждом акте оплодотворения белок яйцеклетки лишается структуры, отбрасывается в хаос, и новое существо возникает как бы от начала мира.

Действиями Бога-Отца и Св. Духа создаётся горизонтальная ось развития. Вместе с вертикальной они образуют мировой крест. Крест этот есть структура Вселенной. Она персонифицирована существами Херувимов. Они, как и Серафимы, открываются в Боге праначала и устремляются по путям Ипостасей к Отчей Основе мира. Но их сознание еще слабее, чем у Серафимов. Эти последние даруют им единство внутри овнутренней Вселенной. Херувимы отождествляются с Ипостасями и как бы «встают» по четырем сторонам света, опосредуя отношения Ипостасей Бога и Его единства (рис. 2)

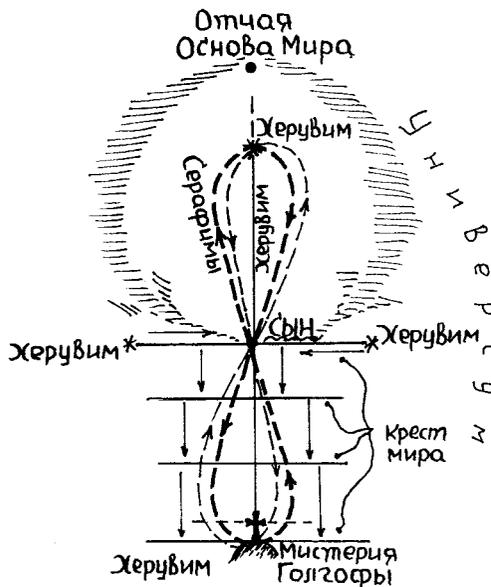

Рис. 2

Всё это сначала совершается в высочайших сферах духа, на плане Махапаринирваны. Но потом Вселенная получает характер лемнискаты и мировой крест простирается в инобытие, «за пределы»

откровения Бога в-себе-и-для-себя. Это «простираение» также следует мыслить персонифицированным. Его персонифицирует Сам Христос.

Направляя действие Иерархий в мир инобытия, Христос берет крест мира на Себя. Он делает это от начала мира. В мире, как сложной системе, Он становится принципом его единства, или, говоря языком современной науки, системообразующим принципом эволюционирующей Вселенной, придает ей характер организма, целостности.

Действуя по вертикали мирового духа, Христос в каждой точке, на каждом этапе становления горизонтальную ось эволюции опускает «вниз», вплоть до границы нижней петли мировой лемнискаты и вслед за ней Сам нисходит в чувственное бытие, где совершает великое претворение, Мистерию Голгофы, чем мировому нисходящему в материальное развитию дает универсальный импульс к восхождению.

На нижней границе Универсума пребывает человек, он персонифицирует это состояние мира своим низшим, абстрактно мыслящим «я». Христос вочеловечивается именно потому, что ниже этой границы персонификация развития невозможна, и человеку здесь нужно дать силу для восхождения к своему высшему Я. Для этого он должен следовать за Христом, принять участие в работе Бога: взять на себя крест эволюции в своей субъективной мировой констелляции.

Он может начать это делать, метаморфизируя свое сознание. Для этого ему следует сначала понять, что в структуре своего мышления он может переживать в отображении структур Мироздания.

Чтобы помочь человеку свободно с пониманием сути дела взять на себя свой крест, в мир и пришла Антропософия. Она делает это, исходя из совокупности всех описанных нами основополагающих мировых принципов. Поэтому ее мистериальный центр своей структурой и формой должен был отображать форму и структуру Мироздания.

Эту цель Рудольф Штайнер преследовал в своей работе сознательно. Начал он со строительства первого Гетеанума, а закончил 3 августа 1924 года основанием Объединения ВАО. Конечно, гибель физического Гетеанума была невосполнимой потерей в этой работе. Но Гетеанум продолжал действовать духовно, а потому пока

были люди, способные* нести свой крест, ту работу можно было продолжать.

Сообразно форме и структуре Мироздания был построен первый Гетеанум. И когда его не стало на физическом плане, он, как праобраз, начал воплощаться в строениях Объединения ВАО. В этом смысле он был его прафеноменом. Мы поясним это рисунком (рис. 3).

Строение Гетеанума имело крестообразную форму (с одной осью симметрии) и было точно ориентировано по сторонам света.

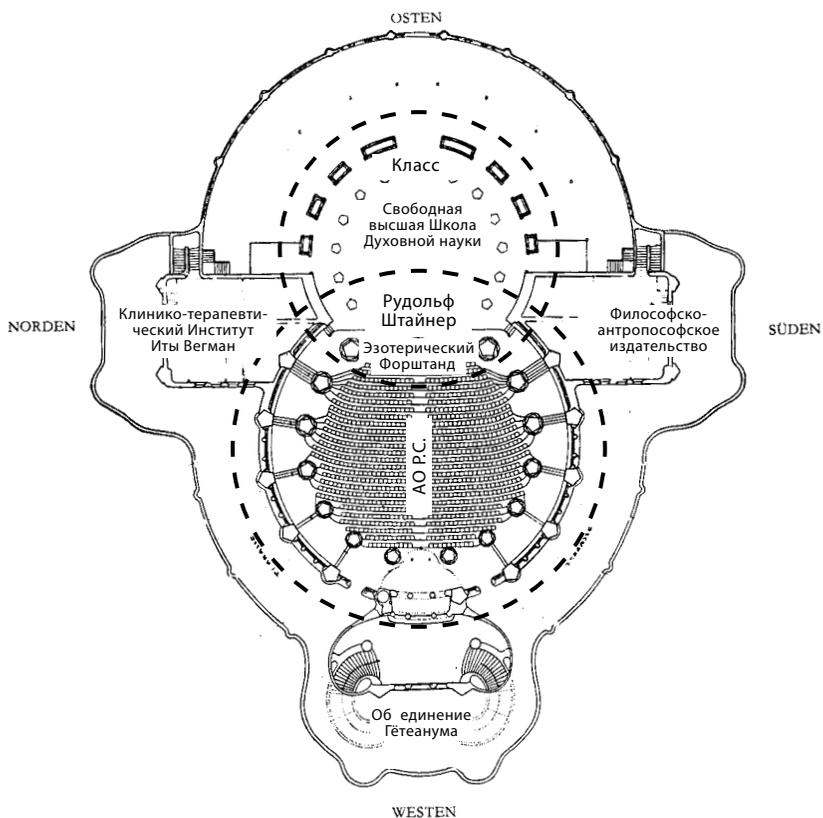

Рис. 3

* В этом деле мало желания, нужно еще обладать умением.

Его главная ось проходила с запада на восток, а другая, перпендикулярная ей ось — с севера на юг. С запада к этой второй оси чашеобразно примыкали 14 колонн, в которых символически был два раза выражен наш эволюционный цикл, состоящий из семи эонов. С востока к оси примыкал чашеобразный ряд из 12 колонн, стоявших на сцене. Они соответствовали состояниям пралай, разделяющих манвантары эонов, выраженные в западной чаше колонн.

Ось Гетеанума, шедшая с запада на восток, была чувственным образом мировой вертикали. В соответствии с нею Спаситель пришел с Востока, а души, проходя врата смерти, уходят на «вечный Восток». Туда же, к вершинам духа, движется и посвящаемый. По этой оси восходят Я-существа мира. В Гетеануме это должно было быть обозначено большой деревянной скульптурной группой «Представителя Человечества», для которой в глубине сцены, в окружении шести и шести колонн была приготовлена специальная ниша.

Над колоннадами возвышались два купола, выражавшие собой лемнискату Мироздания. Под большим куполом был зрительный зал: «мир манвантар». Под малым куполом, на сцене ставились Драмы-Мистерии, давались эвритмические представления, а также читались лекции. Все это можно было переживать, сидя в зале, как внешнее, данное в оболочке искусства и слова доклада, явление Врат Посвящения. Как бы под их аркой должен был стоять (работа не была закончена) образ Великого Стража Порога, каковым в наше время является Христос. Туда, к этим вратам, в выси должна была вести Высшая Школа Общества, ее первый Класс.

Зрительный зал Гетеанума был при создании Объединения ВАО приведен в связь с Объединением Гетеанума, имевшим целью опекать художественные и научные импульсы Антропософии. Это Объединение также было выражением открытой формы Объединения ВАО. Поэтому через его статуты человек вступал в Антропософское Общество, как бы «входил» в него через западный (главный) вход Гетеанума. Статуты же АО Р.С. описывали внутреннюю жизнь Общества, ориентированную по двум линиям креста, но главным образом — вдоль вертикальной, т.е. идущей на восток, оси.

Идущая с юга на север ось Гетеанума соответствовала эволюционной оси Мироздания. Объективная мировая эволюция в земном эоне движется то с востока на запад, то с запада на восток. Крест же Гетеанума соответствовал индивидуальной эволюции человека,

ступившего на путь посвящения, т.е. взявшего свой крест на себя. Таковым, собственно, является крест в архитектонике христианских церквей, и потому их алтари воздвигнуты на восточной стороне.

Но можно сказать еще и так: эволюция движется во всех четырех направлениях: по лемнискате. Именно поэтому в Гетеануме темы колонн, их капителей были повторены дважды как в зале, так и на сцене. Благодаря тому они соотнесены как с «вертикальной», так и с «горизонтальной» осями здания. Но по-преимуществу пространственно-временной эволюции соответствовала в Гетеануме ось, идущая с севера на юг. В структуре Объединения с её левой частью была приведена в связь клиника (институт) Иты Вегман, с правой — издательство. Оба их следует постараться понять ещё и как осмысленные образы, символы.

Мы знаем, что именно в процессе уже совершавшейся эволюции человек подпал искушению и был изгнан из Рая (из верхней петли мировой лемнискаты). Следствием этого события стали болезни и смерть. Поэтому и Христос пришел в мир (в нижнюю петлю мировой лемнискаты) как Целитель. Он спасает исцеляя.

Болезнь первородного греха была в последние примерно 2500 лет усилена тем, что человек, придя к мышлению в понятиях, начав мыслить абстрактно, претерпел еще одно изгнание — на этот раз из природы. Мысля, он разрушает свое тело, свою нервную систему. Соответственно, и в душе, и в мыслящем духе, подпав материализму, он нуждается в исцеляющем развитии. Поэтому врачевание в новую эпоху должно носить комплексный характер, лечить следует одновременно и тело, и душу; более того, и характер мировоззрения должен быть принят во внимание терапевтически. Единство же всего коренится в Я. Вовсе не случайно в прошлом тамплиеры, розенкрейцеры, мальтийцы были часто терапевтами.

Таким образом, клинико-терапевтический институт Иты Вегман должен был пониматься в смысле особенностей эволюции, в смысле намерения исправлять ее издержки, падения, учитывая учение о реинкарнации и карме.

Издательство Общества, руководимое Марией Штайнер, имело целью нести человечеству весть о новом откровении Духа. Ибо Антропософия есть учение, в котором человечеству наших дней открывается Св. Дух.

Конечно, чисто внешне такие слова, как «клиника», «издательство» звучат тривиально (а как звучит «хандельсрегистер»?). И если не проникнуть в их глубинный, даже эзотерический смысл, то не понять и Объединения ВАО. А не поняв его, мы закрываем себе доступ к пониманию Антропософского Общества, основанного на Рождественском Собрании.

Не следует также забывать, что Объединение ВАО было единством чувственно-сверхчувственного рода. Одной своей стороной оно выходило во внешнюю жизнь с ее повседневными проблемами. Хотя и здесь у него имелись особенности. Об одной из них можно прочесть в брошюре М.Гзэнгера. Это идея «малого» и «большого» объединения, которая должна была позволить Рудольфу Штайнеру избежать возникновения в Объединении бюрократизма (если бы, конечно, Объединению тому была суждена долгая жизнь).

Другая особенность состояла в том, что в статутах Объединения ВАО был сохранен параграф из статуты Объединения Гетеанума, согласно которому членов Объединения разрешалось исключать. Рудольф Штайнер собственноручно вписал в этот параграф дополнение: «без объяснения причины» (см. факсимиле выше).

До настоящего времени горячие споры ведутся вокруг этого вопроса: можно или нет исключать из ВАО? Если речь идет об АО Р.С., то, конечно, нельзя. Перед тем Обществом такого вопроса даже не вставало. Его статуты, как говорил Рудольф Штайнер, имели целью просто рассказать о том, как Общество хочет жить и работать. В том Обществе были воздвигнуты Врата Посвящения, и кто способен к ним приблизиться — это решают Бог и отдельный человек. Но оградить их от враждебных атак из внешнего мира, от профанаций — это входило в задачу Объединения ВАО: его правления, ну и, конечно, его статуты.

Если быть реалистом, то невозможно даже представить себе, особенно в наше, так чудовищно изолгавшееся время, Общество, доступ в которое был бы широко открыт для кого угодно. Люди различаются не только по полу, возрасту, вероисповеданию и т.п. объективным признакам, но они еще различаются по уровню своего нравственного развития.

Когда говорится, что члены Общества должны проявлять терпимость в отношении иных воззрений и верований, то при этом имеются в виду именно такие люди, которые действительно имеют свои

воззрения и верования; и что особенно важно — это разумеется само собой, — что это все порядочные в обычном смысле слова люди. Если же перед вами обманщик, лжец, то что уважать в нем, к чему проявлять терпимость? И что означает искать с ним взаимопонимание? Иной вступает в Общество, чтобы сознательно бороться с ним изнутри. Всех такого рода членов нужно, конечно, из Общества исключать, и именно «без объяснения причины». Ибо известно ведь, что супостат — великий демагог. Когда он захватывает власть, то становится диктатором, а пока он ее еще не захватил, то нет более ярого, чем он, «демократа», «либерала».

Рудольф Штайнер много внимания уделял нападкам на Антропософию. В 1921 г. он говорил: «Антропософия как таковая будет в ближайшее время неслыханным образом атакована с самых разных сторон». (ИПН. 342, 13.6.1921; утренний доклад). Следует ли думать, что, создавая Объединение ВАО, он готов был принять в него всех его врагов?

Исследователю духа, говорил он в другом месте, необходим покой; именно поэтому враги (они тоже знают об этом) навязывают нам борьбу. Но если нам ее навязывают, то мы обязаны защищаться и не впадать при этом в сентиментальность. «Если кто-то находит, что мы слишком остро ведем полемику, то пусть он обращается не к нам, а к тем, кто на нас нападает (подч. нами. — Авт.) Ибо если мы умело дадим отпор, то это как-то поможет делу...» (ИПН. 202, 27.11.1920.)

Мы уже упоминали об истории, когда Ф.Риттельмайер попытался проявить терпимость и прийти ко взаимопониманию с бессовестным клеветником. Рудольф Штайнер тогда возмущался: «Подлеца просят о том, чтобы он подал нам руку!»*

Итак, совершенно очевидно, что Рудольф Штайнер не намеревался делать из Объединения ВАО проходной двор для всякого рода лжецов, проходимцев, подлецов, клеветников, для тех, кто поставил себе целью всеми средствами бороться с Антропософией. (Даже из первого Класа он исключал, и не врагов, а тех, кто был не способен искоренить в себе разгильдяйство в отношении к эзотерике.)

* Риттельмайер писал тому субъекту: «Если Вы в этих основных принципах можете подать нам руку, то мы сможем дать миру образец истинно духовного, стоящего на высоте диалога».

Ну и в наше время, представим себе только на миг, что ВАО сохранило бы свой истинный облик, — что было бы делать ему, например, с тем известным «оппозиционером»? Безумный старик совершенно разучился отличать белую магию от черной и при этом еще смеет выдавать себя за борца за истинную Антропософию. Что было бы делать ВАО с шеф-редактором «Дезинфо-2» и его командой пишущих плэйбоев? С движением «нео-Гондишапур»? Следовало бы им позволять безнаказанно выступать от имени Антропософии? — Разумеется, нет!

Также и в вопросе принятия решений Рудольф Штайнер был реалистом. В устав Объединения ВАО, обсуждавшийся и, вероятно, принятый 3 августа 1924 г., он, опять-таки собственноручно, внес дополнения, согласно которым члены Объединения делились на две категории: на обладающих правом решающего голоса, «постоянных» (*ordentliche, leitende*), и обладающих правом совещательного голоса, «экстраординарных» (*ausserordentliche, teilnehmende*). Также и это не могло быть иначе. Ибо с какой стати только что вступивший в Объединение, еще, может быть, и не понявший, куда и зачем он вступил, должен иметь равное право со старым членом, всю свою жизнь посвятившим Антропософии, решать ее дела, направление, характер работы и проч.?

Такое происходит в наши дни, когда съехавшихся со всего света на пасхальный тагунг членов, желающих посмотреть Драмы-Мистерии — некоторые из них при этом посещают Дорнах в первый раз, — приглашают на генеральное собрание и просят проголосовать за решения, принимаемые правлением. В прошлом, как говорят, это приводило к изнурительным перебранкам, а теперь все просто голосуют «за». Получается некоего рода «обратная» демократия. Ну а прежде, видимо, была «прямая».

Не забудем еще и о том, что перед Рудольфом Штайнером стояла задача создать общество в такое время, когда обществ вообще нельзя создавать. Ибо в мире идет жестокая, изощренная борьба нескольких мощных сил. Стоит лишь создать какое угодно объединение, как агенты тех сил мгновенно инфильтруют его и начинают борьбу между собой за то, чтобы поставить его на служение своим разрушительным для человечества интересам.

Поэтому Объединение ВАО просто обязано было во всех отношениях быть особенным, даже уникальным, — и реалистичным.

В его статутах были названы имена конкретных людей. Уже одно это означало, что они действительны лишь до тех пор, пока эти люди работают в Объединении. Далее, Правление было названо «инициативным». Но, внешне взяв, «выражение “инициативное правление” в большом объединении, — как справедливо замечает Гзэнгер, — просто не имеет смысла! В нем инициативным является собрание членов». (S. 25). И Рудольф Штайнер находит способ, как такую задачу решить. (Гзэнгер описывает это.)

Нам, конечно, легко могут возразить: в объединении с такими статутами всё неизбежно должно было свестись к диктаторству и бюрократическому произволу, а также к фанатизму; о каких тогда терпимости и братстве может идти речь? Отвечая на это возражение, подчеркнем еще раз: терпимость и братство возможны лишь в кругу порядочных людей, свободно принявших долг быть правдивыми и честными. Это во-первых. А во-вторых, члена ВАО можно исключать лишь в том случае, если его правление способно в этом вопросе не ошибаться. Такое было возможно в Объединении ВАО лишь до тех пор, пока его возглавлял Рудольф Штайнер. А когда он ушел с физического плана, то учрежденное им встало перед опасностью превратиться в свою противоположность. С того момента приведенное выше возражение становится правомерным. Но поспорить с ним в современных условиях можно одним-единственным способом: не создавая никаких обществ!

Таким образом, мы видим, сколь не простым и необыкновенным образованием было то, что Рудольф Штайнер создавал, начиная с Рождества 1923/1924 г. и до момента, когда его сковала болезнь. АО Р.С. было хотя и самым главным, но лишь отдельным органом в том едином, живом, эзотерическом и социальном организме. И мы теперь без труда можем представить себе, сколь фантастичны попытки нынешнего правления ВАО заявить права на АО Р.С. Это все равно, что желать получить сердце, вырвав его из организма. Оно тогда перестает биться, превращается в прах, а если это сердце духовного организма, то — в абстракцию.

Нам скажут (продолжим наш образный пример): его можно попытаться трансплантировать в другой организм. Да, но тот организм должен быть одного рода с первым. Такового у современных членов нет. У них нет даже мыслей о нем. И нет гениального «хирурга», способного ту операцию совершить. Наконец, духовный мир — это не

холодильная камера, в которой как угодно долго хранятся в неизменном виде духовные импульсы, не воспринятые людьми. Ну, а если Импульс Рождественского Собрания постоянно изменяется, то кто и где описал его современное состояние?

Выводы, к которым приводит нас наше исследование, вопросы, которые при этом встают, ни в коей мере не могут показаться убедительными и заслуживающими внимания тому, кто не желает иметь дела с методологическими основами Антропософии, согласно которым, например (повторим это еще раз), реальны в мире только единства, целостности. У них же есть единство, — целостность образующий принцип. И он всегда есть Я. Следовательно, все реальное в мире — чувственно-сверхчувствительного рода. Отказываясь понимать это, мы непременно будем впадать либо в материализм, либо в односторонний, беспочвенный идеализм.

Рудольф Штайнер неоднократно разъяснял, что Антропософия — это реальное существо. Чтобы действовать от его имени, недостаточно лишь признавать его; нужно быть еще признанным им. Только в таком случае человек может считать себя его представителем в мире. Формируя отношения с ним чисто юридически, человек уже одним этим лишает себя права решать дела Антропософии на земле. Такова еще одна аксиома антропософской жизни.

«Это относится к условиям жизни, — говорит Рудольф Штайнер, — Антропософию рассматривать как живое существо. ... Антропософия сама по себе — это невидимый человек ... который действительно должен быть воспринят как нечто реально существующее (обладающее наличным бытием — *Daseiendes*. — Авт.), кого можно спрашивать о том, что оно может сказать по поводу действий, совершаемых [людьми] в жизни». «Итак — это есть нечто необходимое: действительная серьезность в следовании за тем невидимым человеком». (ИПН. 258, 16.6.1923.)

Таким образом, для понимания сути Р.С. и всего антропософского дела в обоих мирах — чувственном и сверхчувственном, необходимо уметь следовать не только за Рудольфом Штайнером, но и за самим существом Антропософии. Оно есть «человек», но иерархического рода: сверхчеловек.

Живое существо Антропософии осуществляло себя в учреждении Общества Рождественского Собрания, а потом Объединения ВАО. И в этом учреждении совершенно особенную, первостепен-

ную роль играл Гетеанум, — еще одно единство, целостность чувственно-сверхчувственного рода. Благодаря ему в ходе Р.С. действовало, зарождаясь, триединство следующего рода: создаваемое Общество, Эзотерическая Школа, эзотерический Форшланд, возглавляемый Рудольфом Штайнером, и духовный Гетеанум.

Именно этим триединством был обусловлен характер создававшегося Объединения ВАО, каким мы его показали на рис. 3. Без него рисунок этот — лишь надуманная схема.

Отношение к Гетеануму является некоего рода лакмусовой бумажкой, которая безошибочно показывает, насколько реально отношение человека к Антропософии, а вместе с тем: имеет ли он право распоряжаться от ее имени.

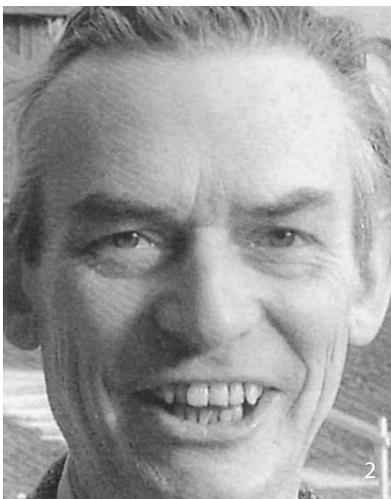
Еженедельник «Гетеанум» сделал полезное дело, запечатлев на фотографиях для истории антропософского движения лица тех, кто организовал и провел конференцию 2002 года, — можно сказать, элиту ВАО, его руководителей ветвей, генеральных секретарей и др. Всмотримся, читатель, в их лица. Не для того, чтобы их критиковать или осуждать. Нет, нет! Всмотримся в них чтобы воочию убедиться: эти люди не знают, не переживают, не чувствуют и не понимают существо Гетеанума*. Поэтому с полным безразличием (а порой и охотно) приняли они все то, что господа Хаслер и Хитч понатворили с пластикой и живописью первого Гетеанума в большом зале второго.

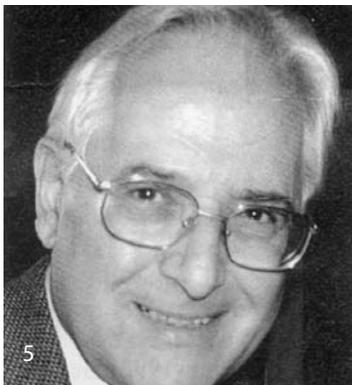
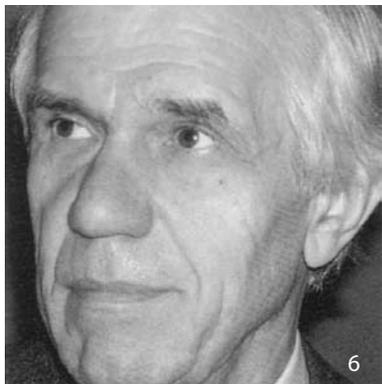
Рудольф Штайнер разъяснял: из непосредственного духовного мира пытались люди творить, возводя Гетеанум, творить «не символически, но духовную действительность, какой она также и сегодня может открывать себя». (ИПН 186, 20.12.1918.)

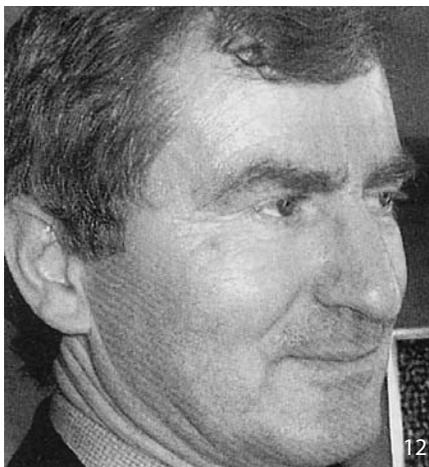
Именно, зная об этом, из «духовной действительности» первого Гетеанума понаделали символов. А «созерцание символов усыпляет людей». (Ibid.)

Рудольф Штайнер говорил, что многое, о чем он мог бы рассказать в стенах Гетеанума, не может быть высказано вслух, когда тех стен не стало. В наши дни было сделано нечто противоположное этому: многие бесчинства в ВАО стало возможным совершать

* Если бы кто-то из них стал нам возражать, то мы были бы только рады. Пусть лишь он делает это содержательно.

Генеральные секретари национальных АО: 1. США, 2. Англии, 3. Германии, 4. Франции, 5. Швейцарии, 6. Австрии, 7. Норвегии, 8. Новой Зеландии, 9. Австралии, 10 Финляндии, 11. Польши, 12. Грузии, 13. Р.Ф.

после того, как в большом зале был учинен оккультный «погром» первого Гетеанума*.

Все это составляет непосредственно данное ныне творимой истории ВАО. И его нужно знать. Зачем? Ну хотя бы затем, чтобы не падали в пустоту слова Рудольфа Штайнера вроде следующих: «Нам, собственно говоря, не следовало бы испытывать никакой радости, никакого удовлетворения от Бау, если мы в то же время не прилагаем все наши силы к тому, чтобы выступать за антропософское дело. Ибо Гетеанум может стать побуждением к разрушению нашего дела, если не найдется достаточно сил, чтобы его защищать». (ИПН. 184, 20.9.1918.)

Так именно это мы и переживаем в наши дни, переживаем, как сбывается это пророчество. И никакой загадки тут нет. Нет предмета для дискуссий. Враги Антропософии действуют со знанием дела, чего нельзя сказать о ее друзьях.

Тема Гетеанума проходит через все Рождественское Собрание, звучит до него и после него. Говорит об этом, правда, только Рудольф Штайнер. В день открытия Р.С., утром 24 декабря: «Гетеанум как средоточие Антропософского Общества» (ИПН. 260, S. 30); в конце Собрания: «Дух этого Гетеанума, если мы действительно хотим быть честными и прямыми, не может быть взят от нас» (S. 251).

Поставлено условие: «если». А если мы совсем не такие? То не взят ли от нас — ну не как у отдельных людей, а у ВАО в целом — также и Гетеанум? Да, взят. А это означает, что ВАО пребывает в состоянии духовной протрации и дистрофии. Может оно в таком состоянии, если, предположим, импульс Рождественского Собрания было бы можно вернуть, действительно соединиться с ним? Прострой ответ напрашивается сам собой; однако посмотрим все же, что в данном случае требовалось от сподвижников Рудольфа Штайнера, и, сравнивая себя с ними, посмотрим на себя вполне реалистически.

На Пасху 1924 г. Рудольф Штайнер говорил в Дорнахе: «Сама Антропософия во всем ее действии (является) пасхальным переживанием, переживанием воскресения и положения во гроб». И далее

* См. об этом отдельную статью в нашей книге «Что делать?». М. 1999, стр. 84–99.

он говорит о тайне «умри и будь», какой она выразилась в пожарах эфесского храма и Гетеанума: «Как через Аристотеля и Александра был [плодотворно] использован огонь Эфеса, когда он вновь запылал в их сердцах, но прежде того запылав в эфире, вовне, благодаря чему им по-новому явились тайны, которые затем могли быть постигнуты простейшим образом, — как тогда стало возможным использовать огонь Эфеса, так надлежит [теперь] нам, и да окажемся мы на это способны, воспользоваться тем, что ... также в эфир благодаря пламени Гетеанума было внесено то, что волится через Антропософию, что и далее должно волиться».

Мы должны почувствовать: «То, что до того (до пожара. — Авт.) было более или менее земным делом, было выработано, основано как земное дело, — это с пламенем внесено в мировые дали. Нам можно, именно потому, что нас постигло это несчастье, в познании следствий этого несчастья сказать: отныне мы понимаем это, что нам надлежит представлять не просто земное дело, но дело далей эфирного мира, в котором живет дух. Ибо дело Гетеанума — это дело эфирных далей, где живет исполненная духа мудрость мира. Это вынесено вовне, и мы должны пронизать себя импульсами Гетеанума как приходящими из Космоса». Дух не умирает, «если он умирает благодаря миру, он всегда воскресает. И в Духе все вновь воскресающем из вечных основ, должна держаться Антропософия». (ИПН. 233а, 22.4.1924.)

На Рождество 1923/1924 гг. была предпринята попытка учредить центр Мистерий эволюции. Для человека они должны впредь стать путем развития, который уже не будет путем эволюции видов. Он будет состоять из чреды духовных умираний и воскресений. Первое воскресение, уже теперь, человек должен пережить в созерцающей силе суждения. Для этого нужно пожертвовать низшим «я», умереть в нем.*

* Уже более 15 лет мы пытаемся достучаться в двери антропософской общности, с этой центральной идеей антропософской жизни и познания. В ответ мы получили тотальную блокаду наших книг, нашего методологического семинара и самую черную сплетню, распространяемую в кругах этой общности: «он — главный враг Антропософии!» Имеются отдельные случаи, когда «антропософы» сжигали наши книги. Однако мы не станем углубляться в личное.

* * *

Михаэль Гзэнгер пишет: «Через дискуссию о статутах [Общества] тянется невысказанный вопрос: как могло случиться, что Рудольф Штайнер не дал ясного объяснения этих важных мероприятий? Почему своим сотрудникам он не высказал ни одного разъясняющего слова?» (S. 43). Мы думаем, что это не было сделано в силу следующих причин. Создаваемое Рудольфом Штайнером Объединение в своей сути должно было быть центром посвящения, а в таких случаях ученикам не рассказывают того, о чем они не спрашивают. Это оккультный закон.* Если даже они и спрашивают, им рассказывают далеко не все. (Следует, однако, признать, что Рудольф Штайнер все-таки очень многое разъяснял.) С ними сначала разговаривают притчами, как Христос говорил с народом. Ученикам же (апостолам) полагалось понимать глубинный смысл тех притч. Такой «притчей» в духе нового времени был, например, разговор о том, что АО Р.С. нужно внести в Хандельсрегистер. Притча — не ложь, но первый ее смысл — самый поверхностный.

Период с Рождества и до осени 1924 г. отличался еще той особенностью, что тогда нужно было не только нечто понимать, но и делать. Рудольф Штайнер взял на себя инициативу, которую должны были взять его ученики. Но в таком случае они должны были хотя бы умело следовать за ним, не в духе известной евангельской притчи, когда Христос говорит ученикам: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, хлебов мы не взяли». (Мф. 16, 6–7)

Самым трагичным в событиях 1924 г. было то, что пути Рудольфа Штайнера и членов Общества в понимании происходившего все более и более расходились. И можно достаточно отчетливо почувствовать, что произошедшее 3 августа 1924 г. имело для Рудольфа Штайнера двойной смысл: с одной стороны, он завершил великое дело объединения Общества с Движением, возвел развитие Антропософии на новую ступень, ввел её в её четвертую фазу, где ей, согласно законам семичленного цикла развития, надлежало особен-

* Кто не желает с такими законами считаться, может сказать и в случае посвящения Парсифаля, что не нужно было тогда все так усложнять, нужно было, видя, что он молчит, спросить его, а не желает ли он знать, что это такое ему показывают?

но широко и интенсивно входить во все сферы культуры и цивилизации, отождествляться с ними; с другой стороны, он видел, что члены Общества и даже ученики не следуют за ним. Они остаются в предшествующем периоде развития Антропософии.

В таких условиях с внесением объединения ВАО в Хандельс-регистер следовало подождать. Следовало подождать и с «ясным объяснением» смысла происходящего. Нельзя было объяснить того, что начало становится все менее «ясным». А то, что проступало все яснее, в объяснении не нуждалось: факт, что Рождественское Собрание членами не понято и не воспринято. Оно в них не состоялось. Они остались такими же, какими были и до него.*

Ну а потом пришла болезнь. Это событие было также исключительным. Ведь известно, что великие посвященные не болеют так, чтобы лежать в постели, или не болеют вовсе. Люди такого ранга обычно сами решают, когда им покидать физический план. Для Рудольфа Штайнера такой момент в конце 1924 г. явно не наступил. Его постиг удар тяжелой кармы членов Общества, с которой он соединился, став во главе Объединения ВАО. И вот ему пришлось в полном сознании противостоять мировому напору сил смерти. Мы, простые смертные, вряд ли можем представить себе, что за борьбу вел он, будучи прикованным к больничной койке, что происходило при этом на плане мировой метаистории. Благодаря косвенным свидетельствам кое о чем можно догадаться, но вряд ли стоит говорить об этом вслух. Достаточно лишь предостеречь всех, кто исследует тот период, те события, от тривиальных материалистических выводов.

В начале 1925 г. Рудольф Штайнер в той борьбе изнемог. Почему он продолжал высказываться в том духе, что будет здоров, объясняется опять-таки тем, что это был также вопрос человеческой метаистории: должен ли он был быть отозван с физического плана раньше времени или нет? Но физических сил у него оставалось все меньше и меньше, ему все труднее было удерживать связь с физическим телом.

Всё, что он был в состоянии в таком положении сделать, — это в экземпляр протокола заседания, состоявшегося 29 июня 1924 г., слабеющей рукой (это видно по почерку) внести одно изменение,

* Интересный пример на эту тему дали в своей статье два работника «Наследия». ¹⁸⁾

которое для дальнейшей судьбы Объединения ВАО стало решающим. Благодаря ему оно фактически упразднилось. Всеобщим Антропософским Обществом (уже не Объединением!) становилось Объединение Гетеанума — составная часть бывшего Объединения ВАО.

В старом протоколе стояло: «Объединение Гетеанума свободной высшей Школы Духовной науки»; к этому рукой Рудольфа Штайнера было приписано: «Его название изменится на Всеобщее Антропософское Общество...» (см. факсимиле на стр. 93).

Этот документ полностью снимает с Гюнтера Ваксмута подозрение в том, будто бы он «обманул» Рудольфа Штайнера. Нет, он всего лишь исполнил его волю.

Имя Рудольфа Штайнера было вписано в статуты (§ 15) АО Р.С., а также в статуты Объединения ВАО. И если он уходил, то те статуты теряли свою главную суть. Это просто факт, зафиксированный также и юридически. Но если утрачивали свой смысл статуты, то как могло существовать далее без изменений то учреждение, которое они определяли?

Г.Ваксмут исполнил возложенную на него задачу как умел. Кроме того, исполнял он ее не в одиночку. Всё получилось не наилучшим образом — противоречиво, путанно. Ибо делалось людьми, находившимися в состоянии глубокого внутреннего потрясения.

Не поняв, что такое было Объединение ВАО, антропософы не смогли понять и того, с чем они остались после 8 февраля 1925 г. Вместо живого единства, структурированного в виде креста эволюции, они получили «крест» администрации. То, что было способно в дальнейшем вновь вдохнуть в него жизнь — Гетеанум, — пребывало в сверхчувственном мире, а со сверхчувственным без Рудольфа Штайнера никто не был способен работать.

Оставшееся Объединение включало в себя четыре подразделения:

- а) администрацию Антропософского Общества
(там не было написано “Всеобщего”. — Авт.);
- б) философско-антропософское издательство;
- в) администрацию строительства нового Гетеанума;
- г) клинико-терапевтический институт в Арлесхайме
(имя И.Вегман было снято. — Авт.).»

Это было не единство, не система, а сумма из четырех элементов

- 6 - (A)

Also wir haben : Verein des Goetheanum der freien Hochschule für Geisteswissenschaft in Dornach (Schweiz) eingetragen im Handelsregister des Kt. Solothurn.

Der Name würde
Des würde geändert werden *daß* ~~daß~~ *eben stehen würde*
Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft, Unter-Abteilung Verein des Goetheanums der freien Hochschule für Geisteswissenschaft in Dornach (Schweiz)

Das würde wegfallen : " eingetragen im Handelsregister des Kt. Solothurn ", weil die Anthroposophische Gesellschaft eingetragen ist.

Dann würde kommen : Satzungen vom 29. Juni 1924

Dr. Groscheintz : Jetzt § 1. Unter dem Namen " verein des Goetheanum der freien Hochschule für Geisteswissenschaft " besteht ein Verein im Sinne der Art. 60 ff. des Schweiz. Z.G.B. Sitz des Vereins ist Dornach (Kanton Solothurn, Schweiz).

Allegemeine
bei Anthroposophie
Gesellschaft
besteht ein Verein
im Sinne
Dr. Steiner : Der geänderte § würde lauten : Unter dem Namen Verein ~~des Goetheanum der freien Hochschule für Geisteswissenschaft~~ besteht als ein Glied der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft ein Verein mit dem Sitz in Dornach Kt. Solothurn, Schweiz.

Dr. Groscheintz : § 2 : Zweck des Vereins ist die Pflege künstlerische und wissenschaftlicher Bestrebungen.

без системообразующего принципа. Тем не менее этой сумме дали статуты Объединения ВАО, сняв в них пункт о разделении членов на ординарных и экстраординарных. Все получили равное право голоса в принятии решений.

Они не поняли, что пережили еще один пожар и нужно было не крепить иллюзию, будто бы ничего не произошло, а, подобно птице Феникс, возродиться из пепла. И потому всё пошло вкось и вкривь. Сумма из четырех элементов, естественно, распалась. Она просто не могла не распасться, поскольку Ариман и Люцифер действительно существуют. В «эзотерическом» Форштанде осталось два члена, которые не могли представлять ни вертикальную, ни горизонтальную ось развития. Общество утратило единство, форму, структуру, жизнь. Получилось, резюмирует Гзэнгер, что «вместо свободного соглашения остались протокольные записи Хандельс-регистера; вместо бессамостного участия выступила сила права решающего голоса; статуты Рождественского Собрания стали программой; многообразию свободных мнений начала угрожать анафема». (S. 64)

Мы, современные антропософы, продолжаем взирать все на то же самое пепелище. А надо возродиться. Начинать возрождение следует с глубокого понимания эзотерического смысла того, что начало совершаться на Рождество 1923/1924 г. Сделать это нам способна помочь только методология Антропософии, а не парапсихологические наития и юридические препирательства.

8. Две Мистерии

А.

Когда Парсифаль входит в замок Грааля, то видит там, как об этом повествует Вольфрам фон Эшенбах, лежащего на ложе больного, изможденного страданием человека. Тот дает ему меч своей племянницы. Далее Парсифаль видит оруженосца, несущего копье, по которому стекает кровь. Затем появляется дева с золотой чашей, испускающей неземное сияние. Эту чашу несколько раз во время трапезы проносят через зал и уносят в соседнюю комнату, где находится отец «Короля рыбаков» Амфортаса, питающийся не земной пищей, а тем, что содержится в чаше Грааля.

С удивлением наблюдает все это Парсифаль, но вопросов не задает, поскольку повстречавшийся ему по пути рыцарь посоветовал поменьше спрашивать. Он решает: спрошу обо всем утром. Но утром он находит замок пустым. Во дворе стоит его оседланная лошадь. Он садится на нее и быстро скачет к мосту через крепостной ров, который уже поднимается, так что лошади приходится с него прыгать.

Позже Парсифалю много раз разъяснят, что он должен непременно спрашивать (не праздно, разумеется), что это даже связано с его миссией, и, не спросив, что означало увиденное им в замке, он совершил большую оплошность и причинил другим страдание. В Парсифале, говорит Рудольф Штайнер в лекции из цикла «Пятое Евангелие», мы имеем личность, воспитанную вне культуры внешнего мира. И, будучи подведенной к чуду Св. Грааля, она должна была спросить об этом чуде девственной, не подвергнутой влиянию этой культуры душой. Импульс Христа действует как внешне, так и сверхчувственно; Его сверхчувственное действие должно проявиться в душе Парсифала. Поэтому свой вопрос он должен был поставить в центре главной Мистерии Христианства, там, где хранится Грааль.

Но в Парсифале еще жил опыт ученика в Саисе, которому было запрещено видеть образ Изиды, поскольку его душа была к этому не готова. Покинув замок Грааля, Парсифаль встречает на своем пути жену, оплакивающую своего мертвого жениха, которого она держит на коленях. Это, говорит Рудольф Штайнер, есть «истинный образ скорбящей матери с сыном, выраженный позднее в теме

«Пиеты». Так указывается, что испытал бы Парсифаль ... если бы спросил. В новой форме открылась бы ему взаимосвязь между Изидой и Горусом, между Матерью и Сыном Человеческим». (ИПН. 148, 6.1.1914.)

С тех времен, которые описаны Вольфрамом фон Эшенбахом в его сказании, люди, принадлежащие к эзотерическому течению Христианства, должны научиться спрашивать, и «это означает не что иное, как: человек должен испытывать потребность действительно развивать то, что заложено в его душе» (подч. нами. — Авт.), а заложено в ней реальное действие Христа, ибо после Мистерии Голгофы Христос излился в ауру Земли; «тайна Св. Грааля излилась в земную ауру», где живут земные люди, взыскующие высшего развития.

Правда, не все земные люди таковы. В развитии цивилизации имеется течение, о представителях которого можно сказать: «они никакие не «вопрошатели», ибо они уже все знают». (Ibid.) Но если даже они и спросят порой, их вопрос всегда носит абстрактный, поверхностный характер. Это, скажем, не вопрос, рожденный в душе сознательной, стремящейся наполниться Самодухом. Это не те святые вопросы, с которыми обращаются к высшим, духовным сферам бытия.

Рудольф Штайнер так завершает цитируемую лекцию: «дело ныне заключается в правильных вопросах, т.е. в приведении себя в правильное отношение к тому, что возвещается как спиритуальное мировоззрение. Если человек исходит из настроения суждения, то он может прочесть все книги, все циклы (Р.Штайнера. — Авт.) и все что угодно другое, — он ничего при этом не испытает, ибо ему будет недоставать настроения Парсифаля. Но если кто-то придет с настроением вопроса, то он испытает нечто совсем иное, чем то, что заключено в словах. В своей душе он переживет слова плодотворно, в их связи с источником их сил. Чтобы спиритуально возвещаемое нам вело к такому внутреннему переживанию, — в этом заключается все дело"» (Ibid.).

В лекции другого цикла, который называется «Христос и духовный мир. О поиске Св. Грааля», Рудольф Штайнер говорит: «Будем считать обновленным исканием Грааля то, о чем мы заботимся в нашей Антропософии...» (ИПН. 149, 2.2.1914.) Это, поистине, одно из основополагающих руководящих положений для антропософа.

Б.

Мистерия Антропософии является обновленной формой Мистерии Грааля, в какой она желает явить себя миру в изменившихся условиях времени, когда существо человека может быть им самим изменено даже в его видовых признаках. Это не одна и та же Мистерия, они соотносятся между собой как феномен и прафеномен.

Потребовалось бы написать, вероятно, двухтомное сочинение, чтобы более или менее разобраться в этой теме духовнонаучно. В границах настоящей книги мы себе такой задачи, естественно, поставить не можем. До известной степени вопрос этот раскрыт в нашей книге «“Философия свободы” Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления», в которую может заглянуть заинтересовавшийся читатель. В данный же момент мы берем эту тему в узком смысле, ставя себе целью лишь осветить подход к познанию Рождественского Собрания.

Мистерия Антропософии достигла на Рождество 1923/24 г. своей кульминации, в том смысле, что, будучи подчиненной закону развития, который Гете выражает словами «умри и будь», она подошла к моменту своей полной метаморфозы. Многие умерло в антропософском Движении к концу 1923 г.: сгорел Гетеанум, к нулевой точке пришло Общество, стало окончательно ясно, что со старым багажом интеллектуализма, в одном случае, и с «мистикой» старого Теософского общества — в другом, члены развивать импульс Антропософии, нести его в мир и в будущее больше не могут. Но поскольку импульс обладал необыкновенной жизненной силой, то потери лишь рождали в нем (это тоже закон) равное по силе противодействие силам окостенения и умирания, рождали силу восстания из пепла. Подобно волшебной птице Фениксу, Антропософия должна была обрести силу воскресения в людях на качественно новом уровне. В этом Рудольф Штайнер убедился на собственном опыте. Он говорил, что решение проводить Р.С. (к которому он пришел на основании собственных (!) моральных интуиций) могло бы оказаться и ошибочным, но обнаружилось, что после Собрания духовные источники познания открылись еще шире. Поток духовных откровений сделался особенно мощным, о чем мы можем судить и сами по плодам деятельности Рудольфа Штайнера в 1924 году.

Но это стало известно потом. А до проведения Собрания всё за-

висело от того, как поведут себя участники, окажутся ли они способными «умереть» в своей ветхой сути и «стать» в новой — в сути свободного духа. Если нет, то, как это было при первом посещении замка Парсифалем, их ждет оседланный конь и захлопывающиеся врата Мистерии. Они тогда вместо величайшего блага принесут страдание: в первую очередь новому Хранителю Грааля, которым является Рудольф Штайнер*. Страдания эти носят иной, чем у Амфортаса характер, они подобны земным страданиям Спасителя.

В событии Рождественского Собрания все носило иносказательный смысл. И по-другому это быть не могло. Это тоже аксиома, которую нет нужды доказывать тому, кто имел желание и не пожалел труда, чтобы приблизиться к переживанию духа Мистерий.

Чтобы участвовать в нем, нужно было не абстрактно, а всей душой принять два кредо нового ученика. Оба они сформулированы еще Гете. Это «обдумай что, но более обдумай как» и: «умри и будь». Чтобы по-настоящему руководствоваться ими, нужно до известной степени развить созерцающую силу суждения, наличие которой Рудольф Штайнер был вправе предполагать в своих учениках после десятилетий работы с ними.

И вот, с учетом всего этого — а, значит, иными глазами — попытаемся взглянуть на то, что происходило во время Рождественского Собрания.

Сначала, чисто внешне, встанем на экзотерическую точку зрения. Она, кстати сказать, и по сей день остается доминирующей, несмотря на все громогласные заверения в «понимании» «в виду насущной необходимости» и проч. Так вот, если обратиться лишь к внешней стороне тех событий, то имеются все основания честно сказать себе, что ничего особенного тогда и не происходило. Тагунг (т.е. конференция) как тагунг, плюс реорганизация, выборы правления и т.д.; подобное можно наблюдать и в других объединениях и партиях. В самом деле: вот собрание открывают, Рудольф Штайнер говорит вступительное слово, потом читает лекцию, в которой указывает на возрастающую враждебность к Антропософии, что вполне понятно. Правда, он замечает, что вражда та не «из земного

* К этому выводу мы приходим неизбежно, если с умом и сердцем, а не подобно «блуждающим огням» из Штуттгарта и Дорнаха, войдем в познание Антропософии и предшествующих ей эзотерических течений Христианства.

произвола рождена» (ИПН. 260, S. 35); тут бы надо задуматься: а откуда или кем? Тем более, что дальше говорится: Антропософское Общество будет существовать, если происходящее на Р.С. будет услышано и соединено с «кровью сердца». Но тут, видимо (тогда, как и теперь), в душах сработал своеобразный механизм, каждый сказал себе: да, да, конечно, с «кровью сердца» и никак иначе! И в следующий момент уже и забыл об этом.

Потом на Собрании речь пошла о статутах. Ну это уж совсем обычное дело. Тут каждый всегда найдется, что сказать, а затем нужно всем проголосовать. Когда на конференции 2002 г. вновь вернулись к тем статутам, то их даже дописали, и оттого, конечно, они стали еще «лучше». Например, внесли пункт об исключении из ВАО. От разных членов и не-членов получили при этом целый поток писем с предложениями, что и как улучшать, «поправлять», «дополнять». Но всем им отказали. Еще разбалуются! И на всех не угодишь!

Потом в течение семи дней Рудольф Штайнер давал некую медитацию, выделяя в ней отдельные места. Зачем? — осталось не ясным. Считают, что она самая важная, «краеугольная», однако чуть позже, в первом классе были даны вещи и поинтереснее. Ну, а вообще, д-р Штайнер дал так много упражнений и медитаций, что их и за несколько воплощений не переделаешь.

Читался на Тагунге еще цикл лекций. Да, интересный, но многое на эту тему д-р Штайнер уже рассказывал и ранее. Одним словом, Тагунг был, конечно, интересный, важный, но называть его «решающим», «всеопределяющим», — это все-таки натяжка. Тем более, утверждать, что он носил мистериальный характер. Ибо никто не видел никакого «копья», а было очень холодно и не уютно, поскольку из-за недостатка места в столойной пришлось разобрать некоторые перегородки и на крайние места сзади порой даже падал мокрый снег.

Если кто-то станет нас упрекать, что мы, говоря так, упрощаем и даже гипертрофируем реальное положение вещей, то мы в ответ сошлемся на конференцию 28–29 дек. 2002 г., которая фактически (т.е. за исключением фразеологии) исходила именно из такого понимания Р.С.

* * *

Изложенный нами с внешней стороны взгляд на Р.С. есть в своем роде мертвая точка, на которой члены (и не члены) стоят вот уже 80 лет и никуда сдвинуться с нее не могут. Не помогают делу и раздающиеся порой пустопорожные глорификации.

Однако в действительности были на Рождественском Собрании и копьё Лонгина, и воспаление раны Амфортаса в членах; был даже Клинтзор в лице своих представителей и вассалов. А еще было... Однако все по-порядку.

Если мы приняли четыре минимальных условия познания Р.С., то начнем ими пользоваться. У нас в этом случае должны возникнуть минимум два принципиальных вопроса. Они суть следующие:

— Было ли Р.С. неким законченным в себе, отдельным, самодовлеющим деянием, для участия в котором и для последующего соединения с которым не нужно памятовать и размышлять о всей предшествующей деятельности и учении Рудольфа Штайнера, а также о том, что происходило в течение 1924 года?

— Было ли оно совершенно новым началом или, напротив, оно закономерно проистекало из всего предшествующего периода развития Антропософии, вобрало его в себя и метаморфизировало?

Вспомним п.2 статуты, в котором сказано, что участники Р.С. «пронизаны мировоззрением» Духовной науки, которое вырабатывалось «в течение многих лет». При обсуждении этого параграфа Рудольф Штайнер сделал пояснение, сказав, что речь в нем идет примерно о двух десятилетиях, а точнее — со времени выхода в свет «Философии свободы». (ИПН. 260, S. 120.) Ну а "Философия свободы», как мы хорошо понимаем, выкристаллизовалась из гетеанистических работ Рудольфа Штайнера.

Таким образом, понимание Р.С. следует искать через углубление во все содержание Антропософии. Если кто-то нам возразит, что это разумеется само собой и наши вопросы носят чисто риторический характер, то мы, со своей стороны, попросим показать нам, где и кем это фактически делается.* Все, что до сих пор можно наблюдать в многообразной возне вокруг той злополучной конференции

* Если кто-то сошлется на Прокофьева, то это будет лишь означать, что такой человек имеет в душе большую склонность к сарказму.

2002 г., носит исключительно юридический характер. С Р.С. дело обстоит так же, как и с «Философией свободы»: многие считают Собрание «очень важным», а почему? — объяснить не могут. Есть, конечно, и такие, кто объяснить может, но это, к сожалению, очень часто враги Антропософии.* Так обстоят дела в антропософском Движении наших дней реально. И с этого следовало бы и начинать в 2002-м году, а не упиваться той, лишь на первый взгляд умной, но лишенной всякого содержания, риторикой, которой теперь много пишется и ходит по рукам.

Если Р.С. вобрало в себя все содержание Антропософии, то как забыть о том, что первый краеугольный камень в ее основание Рудольф Штайнер заложил в сфере теории познания, в которой он апеллирует к Гете, развившему в себе созерцающую силу суждения, т.е. восприимчивое мышление? Да и все антропософское учение Рудольфа Штайнера в целом, не является ли оно целостной, гигантской, не виданно универсальной теорией познания? Уже на первой стадии ее развития он показал, что снятие (в диалектическом смысле) рефлектирующего мышления, при достаточно сильно развитом чистом мышлении, вводит мыслящий дух в состояние чистой интенциональности, актуальности сознания, которому открывается восприятие идеи непосредственно из объекта восприятия.

Тому, кто эти и другие, подобные им размышления, обращенные на гносеологию Рудольфа Штайнера, образующую «золотой фонд» методологии Антропософии, находит трудными, специальными, второстепенными, кого интересуют лишь оккультные сообщения Рудольфа Штайнера (либо административные игры с краплеными картами), тому следует просто отказаться думать о Р.С. Ибо никогда и ничего он в нем не поймет.

Мы же, исходя именно из таких размышлений, обратимся к такому важному событию, как формирование эзотерического Форштанда. Рудольф Штайнер особо подчеркнул, что Форштанд не был ни назначен, ни избран.** Он был «образован» (gebildet); или:

* Напомним, что и Р.С. Рудольф Штайнер начал с мысли о врагах Антропософии. И как забыть об этом теперь, видя, что вытворяют они на глазах у всех.

** Как и в случае «Философии свободы», в которой содержание не является самым главным, рационалистический ум и здесь должен «упереться» в вопрос: А как еще может возникнуть какое бы то ни было правление?

«во время учредительного Рождественского Собрания 1923 г. был основан (begründet) Форштанд...» (S.161).*

Что означает это «образован» («основан»), ни тогда, в 1923 г., ни теперь никто не знает. У кого-то, наверняка, даже закрадывалась мысль: «кокетничает» тут д-р Штайнер, не хочет признаться, что просто собственной волей тот Форштанд назначил. Такой образ мыслей известен, он открыто заявил о себе в докладе фон Платона, члена нынешнего правления, которое объявило себя преемником правления Р.С. Так же думает и Р. Менцер.

Чтобы понять, как был образован Форштанд Р.С., необходимо подумать о характере, о роде мышления Рудольфа Штайнера. Тут, опять-таки из лагеря его критиков, давно звучит требование (его выдвинул К.Линденберг) отсортировать сообщения, сделанные Рудольфом Штайнером, исходя из сверхчувственного опыта, от тех, которые он (как и все мы!) сформировал абстрактно мыслящим умом. Но дело в том, что низшей ступенью мышления Рудольфа Штайнера было созерцание, т.е. идеальное восприятие идей непосредственно из объектов восприятия (в т.ч. и идеальных). Если некоторые из своих суждений он развивал формально-логически, то лишь в силу необходимости построить мост от своего сознания к сознанию абстрактно мыслящего читателя. Долго и упорно работал он над таким мостом для Эд. фон Гартмана, желая перевести его на сторону своего сознания (не умозаключений!).

Именно созерцающая жизнь антропософского Движения во всех ее аспектах, Рудольф Штайнер идеально в созерцании воспринял, кто это Движение может возглавить, если с силой подошедшего тогда к нему из духа импульса преобразовать его в новое Общество. Внешне он выразил это так: «Основываясь на долгих размышлениях в течение последних недель, я позволю себе предложить Вам в качестве Правления следующих личностей» (S. 56). Нужно ничего не понимать в духе Антропософии, если допустить мысль, что Рудольф Штайнер «размышлял» точно так же, как, скажем, делал это канцлер Шредер, формируя свой кабинет министров.

Двадцатилетнее развитие Движения породило в духе свой иде-

* И ещё раз: «Учреждение дорнахского Форштанда во время Рождественского Собрания было ... мероприятием, которое следует понимать как возникшее из духовного мира». (18.4.1924.)

альный противополож, прафеномен, который был социально-окультурно-кармической природы.* Рудольф Штайнер, созерцая Движение, идеально воспринял, в ком тот прафеномен мог в то время воплотиться наилучшим образом, чтобы дать Движению новую форму. И себя самого он воспринял как системообразующий принцип такой формы. Это стало для него просто фактом, которого прежде не было. Полученный таким способом Форштанд был эзотерическим, как эзотерическими были «прафеномен», «прарастение» и «тип» Гете. И как Гете не мог те идеи «назначить» или утвердить их голосованием ботаников и биологов, так не мог Рудольф Штайнер назначить тот Форштанд или устроить его выборы.

Идеально воспринятый Форштанд был включен в статуты Общества (п. 15). Ибо образовавшееся АО было конкретной целостностью, организмом, обладавшим самосознанием, и Форштанд был его нераздельной частью; и только его! Если бы Общество просуществовало достаточно долго, то в новых условиях нужно было бы кому-то опять созерцающей силой суждения искать его новое правление, возможно, даже менять его форму, способ и стиль работы, статуты, т.е. обходиться с ним так, как обходятся с живыми, развивающимися организмами.

Теперешние власти предречащие любят в оправдание себя повторять известный афоризм: каков народ, таков у него и правитель. Хитрая уловка! Насамом деле каждое человеческое сообщество заслуживает того, чтобы им управляли его лучшие представители. В этом заключен его прогресс. Этот закон действует даже в органической природе. Но в человеческом сообществе возможен искусственный отбор: селекция худших во властные структуры. Это достигается путем обмана и насилия. Чтобы узнать, каких вождей заслуживают антропософские сообщества, нужно учиться эти последние созерцать. Но об этом стараются не говорить, не давать говорить.

У нас, однако, речь сейчас не об этом. Нам нужно понять, сколь беспочвенны притязания современной администрации ВАО быть правопреемницей АО Р.С. Тогда члены поймут, в чьи руки они так охотно отдают свою свободу, а главное — судьбу Антропософии. Ведь именно об этих правителях Рудольф Штайнер сказал Гюнтеру

* Его следует отличать от прафеномена Антропософии, который первичен.

Ваксмуту: когда мы в конце столетия снова придем сюда, то нас в Гетеанум, вероятно, даже не пустят.

Человек наивный тут же возразит на это: Штайнер ошибся! В Гетеанум может войти всякий. Г-н Хаслер даже «передал его народам мира!» — Но так это кажется лишь материалисту. Когда большевики в России стали в церквях устраивать партийные собрания, то верующие перестали туда ходить. Перед оккультистом не требуется ставить полицейский кордон. Его можно «не пустить», осквернив святыни, извратив принципы светлого, божественного оккультизма. Антропософ не может теперь войти во второй Гетеанум, где были извращены, убиты эзотерические и художественные импульсы первого Гетеанума, как обычный человек не может войти в помещение, наполненное вредным газом.

В лекции от 18 января 1924 г. (т.е. вскоре после Р.С.) Рудольф Штайнер говорил: «Через антропософские тагунги постоянно проходят враги, и враждебным существом является та молодая особа, которую зовут наивностью; эта наивность ведь постоянно присутствует среди наших членов». (ИПН. 260а, S.98.)*

Многие вещи Рудольф Штайнер говорил и делал, не объясняя их глубинный смысл (если его об этом специально не спрашивали), свято чтя свободную волю учеников. А тем постоянно недоставало настроения, скажем, «позднего» Парсифаля, когда они приближались к святым вещам. Святым же является для нас всякое существо, когда познанием мы хотим проникнуть до его сокровенной сути. Поэтому условием созерцающего мышления является любовь (а не любопытство) к объекту познания. Это относится к принципам антропософской методологии.

К Рождественскому Собранию следует приближаться с настроением и мыслями, подобными тем, о которых говорит Рудольф Штайнер, имея в виду Св. Грааль: «Обдумай «что», но более обдумай «ка к»! Ибо дело не в том, что мы такие вещи (как Грааль. — Авт.) характеризуем словами, которые я употребляю сейчас, или какими-то другими словами. К Граалю не приблизиться ни с какими словами, не говоря уж о философских спекуляциях. Ибо к Граалю приближаются, если способны все эти слова превратить в ощущения, и если способны почувствовать в Св. Граале совокупность

* Боже, сколько же было этих врагов 28–29 дек. 2002 г.!

всего святого, способны почувствовать слияние того, что перешло [на Землю] с Луны, что сначала выступило в земной Матери Еве, далее явилось обновленным в девственной Матери, что в Боге Ягве стало Господом Земли, что как новый Господь Земли явилось в Существом Христа, излившимся в ауру Земли. В этом случае чувствуют слияние в единство того, что действует, идя от звезд вниз, будучи символизированным в звездных письменах, с земным развитием человечества. Если все это принять во внимание и прочувствовать как созвучие человеческой истории со звездными письменами, тогда поймут также тайну, которая должна была быть отпечатлена в словах, поверенных Парсифалю, имеющих свой отзвук также и в сказании: что каждый раз, когда король Грааля, истинный, призванный Хранитель Грааля, умирает, то на Граале является имя его достойного преемника». (ИПН. 149, 2.1.1914.)

В этом сообщении Рудольфа Штайнера мы имеем ключи к пониманию той Мистерии Рождества 1923/24 г. Но подобного понимания, настроения не было у ее участников ни в декабре 1923 г., ни в течение всего 1924 года. Поэтому Рудольф Штайнер был обречен страдать — не от собственной раны, как Амфортас, а от раны Амфортаса в членах Общества. Но должно ли так продолжаться до бесконечности? Не пора ли хотя бы теперь повиниться, наконец, в своих окаянствах, а не множить их и далее, и начать новую осмысленную, ответственную жизнь?

9. Статуты Р.С.

Характеризуя Рождественское Собрание, Рудольф Штайнер говорил: «Произошло нечто такое, что из духовного мира пришло само. Была предпринята попытка со всем тем, что составляет суть объединения, порвать и дать духовному просиять сквозь каждое отдельное деяние, которое тогда было совершенно. Но духовное имеет ... свои собственные законы». Они иные, чем господствующие в чувственной реальности. (ИПН. 260а, S. 92.)

Опасно совершать что-либо в чувственной реальности, не считаясь с законами физического мира. Еще опаснее касаться реальности сверхчувственной, не зная или не думая о ее законах. Поэтому взятое на себя участниками Р.С., было, по словам Рудольфа Штайнера, «рискованным предприятием» (Wagnis). Рождение нового, завоевание высшего всегда связано с риском именно потому, что тогда неизбежно происходит смена действующих закономерностей. В результате проведения Р.С. возникла возможность «взойти от основополагающих к высшим истинам»; она возникла, в первую очередь, для тех, «кто уже долгое время занимался Антропософией» (ИПН. 260а, S. 39) и, следовательно, в той или иной мере просто обязан был знать, с чем он имеет дело.

Известно, что испокон веков в соприкосновение с высшими истинами человек приходил в Мистериях, совершив предварительно необходимое подготовку. В Антропософии подготовкой к такому восхождению служит усвоение истин Духовной науки, ведущее к познанию сверхчувственного мира до сознательного вступления в этот мир. Совершенно очевидно, что такое познание не может быть лишь абстрактным, оно должно захватить всего человека и изменить его существо, в первую очередь — характер и качество мышления. Если с познающим в Антропософии ничего не происходит и он лишь «наращивает объем информации», то говорить с ним об иных, более высоких познаниях просто не имеет смысла; как не имеет смысла говорить о них и с тем, кто не любит мыслительного напряжения.

В ходе Р.С. должна была возникнуть совершенно особая, не просто познавательная, а реальная живая связь отдельного человека со сверхчувственным, чтобы он мог затем иначе действовать среди людей, неся в их мир Антропософию. Надлежало быть гото-

вым во внешнем, чувственном свершении Р.С. распознавать особое действие сверхчувственного импульса, чтобы мочь сочетать в себе две реальности. В Мистериях древности за ошибки в таком деле жестко наказывали.

От участников Р.С. требовалось знание «основополагающих истин» Антропософии, что дается лишь при овладении ее методологией.* Простое запоминание отдельных фактов в любой области знания оставляет человека беспомощным дилетантом.

Основу антропософского учения о методе познания (об осуществлении познания, о методической «стратегии») составляет теория познания, разработанная в книгах «Истина и наука», «Философия свободы» и в ряде других методологических работ Рудольфа Штайнера; свою кульминацию она получает в книге «Как достигается познание высших миров?» Далее, антропософская методология строится на учении об эволюции мира и человека в их чувственно-сверхчувственной сути. Она также включает в себя обновленный пифагорейский метод мышления. Всё происходящее в мире имеет отношение к законам числа. Не зря Платон говорил, что Бог геометризует (математизирует). Он имел при этом в виду не столько исчислимость мира, сколько его ритмику, законы жизни и движения. Принцип числа оказывает особенно большую помощь при познании сверхчувственного, когда приходится касаться сферы не выразимого в понятиях.

Особым значением в эзотерическом познании обладают три числа: 1, 3 и 7. В них символически выражают себя Абсолют, принципы его единства и развития. Рудольф Штайнер говорит даже о Мистерии семеричности, в которой лемниската организует семи-членность в целостность, в систему.

В антропософской среде в последние одно-два десятилетия усиленно внедряется мода на суждения. Ее законодатели время от времени пускают в оборот какое-нибудь мнение, и все, боясь показать себя «старомодными», начинают его повторять, словно бы оно является их собственным. Так, благодаря именно такой моде слышишь ныне со всех сторон, что Штайнер был необыкновенно

* Попробуем поставить этот вопрос иначе: возможно ли овладение основополагающими истинами физики, химии, биологии без знания методологии современного естествознания? Очевидно — нет.

противоречив; под диктатом этой моды все боятся теперь цитировать Рудольфа Штайнера.* И против принципа лемнискаты и семичленности уже высказано модное мнение, что-де надоело то и дело слышать о ней. Однако жизни не надоедает повсюду проявлять себя лемнискатообразно и семичленно; физикам не надоедает веками твердить о гравитации, художникам — о колорите и т.д.

Рудольф Штайнер говорит, что структура Апокалипсиса (а в нем описано будущее мира!) построена в соответствии с числом семь; что в органической жизни господствует закон числа семь; что «для всех оккультистов семь было всегда самым совершенным числом; существует просто руководящее положение оккультизма: семь это наисовершеннейшее число. ... Если человек сам живет в числе семь, то он может различным образом понимать инспирации. ... Во Вселенной, так сказать, всё возможное организовано (упорядочено) согласно числу семь; значительно меньше — согласно числу двенадцать и другим числам. Исходя из каждой точки, можно в многообразии семи, понимая, следовать за происходящим».** (ИПН. 346, S. 181f.)

Рождественское Собрание также было организовано и проведено в соответствии с законом семеричности, зная о чем, можно было пережить его инспирирующую силу. «Знать» же следовало уже благодаря работе с «Философией свободы». Как это можно сделать, мы, как нам представляется, довольно обстоятельно изложили в нашей книге «“Философия свободы” Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления».

Семичленность как макрокосмический факт проистекает из триединого откровения Бога. Этим обстоятельством обусловлена семичленность нашего эволюционного цикла, состоящего из семи эонов. Цикл этот и на всех своих ступенях (в подциклах) определяется законами семичленных метаморфоз. Поэтому мудрость Гермеса Трисмегиста гласит: вверху — как внизу. Это значит, что макрокосмомерности становления Универсумалишь повторяют себя на всех нижестоящих ступенях, адаптируясь к их особенностям, не позволяющим развернуться им в полную силу, но не изменяя своей сути.

* Его истины начинают высказывать как свои собственные! — Ну что может быть удобнее?

** И теперь понятно, почему это объявлено «немодным».

Для достижения целей, поставленных в настоящем исследовании, достаточно описать лишь свойства, присущие каждой ступени семичленной метаморфозы, когда она проявляется в мыслящем духе человека, т.е. на периферии мирового бытия, и это позволит нам понятийное познание соединить с переживанием.

Антропософу необходимо понять, что он — природный эволюционист. Это значит, что абсолютно все он познает не в статике, а в развитии. И само познание развития он стремится дополнить переживанием качественного видоизменения сознания, в чем выражается также и его развитие. Таким образом, постоянно меняющийся мир познавать в меняющемся состоянии сознания — такова задача, которую ставит себе человек, руководствующийся антропософской методологией. Поэтому мы и говорим, что она одновременно и всеобща и субъективна.

Следуя нашей, узко поставленной цели, мы приведем лишь несколько образных характеристик семичленной метаморфозы мышления, чтобы дать основу для чувства, необходимого для того, чтобы мышление переживать, воспринимать его в его меняющейся сути по мере того, как оно вбирает в себя бытие. Ибо именно таким мышлением следует познавать Р.С.

Мысля семичленными циклами (лемнискатообразно), человек остается еще в стихии понятийного, но организует его по законам движения живого. Так он восходит от формально-логического к созерцаемому. Необыкновенно яркую образную характеристику сути такого движения, которое одновременно может быть и органическим, и философским, дает Яков Бёме в своей «Авроре». Язык Бёме — это язык эзотерической философии, алхимии, и его выразительные средства оказываются особенно плодотворными для показа того, как гносеология мышления может быть преодолена его онтологией в тонкой субстанциональности мыслительной деятельности.

Рудольф Штайнер в книге «Мистика» излагает квинтэссенцию бёмовских выкладок, имея при этом в виду собственную методологию. Воспользуемся тем, что там сказано. Первую ступень алхимически-мыслительного, но также и творящего, божественного импульса Бёме описывает так: «В темной терпкости (соль) получает первосущество облик — глухой, замкнутый в себе и неподвижный». Таков был эон древнего Сатурна; так начинался эон Земли; и

также начинает человек процесс мышления: не с категории бытия (Гегель) или Я (Фихте), а с мысли. Это есть тезис, из которого затем вырастает диалектическая триада. В ней человек в своей бессущности — творец собственного низшего «я».

«Через поглощение своей противоположности первый природный облик вступает в форму второго. Терпкое, неподвижное воспринимает движение, в него вступают сила и жизнь (ртуть)». Таким можно представить себе эон Солнца, когда физическое эона Сатурна было пронизано эфирным, собственным жизненным принципом. В человеческом духе (в микрокосме) таков антитезис, которым снимается (не упраздняется!) тезис в его первоначальном, «темном», «неподвижном» — догматическом, скажем мы — первооблике.

«В борьбе покоя и движения, смерти с жизнью открывается третий облик природы (сера)». Это диалектический синтез, но и эон древней Луны, когда человеческие монады были наделены астральностью, ощущением и так закреплены в инобытии, обретя самобытие.

Затем возникает четвертое состояние. Оно соответствует первой половине земного эона, когда все перешедшее в инобытие и имманентно закрепившееся в нем готовится воспринять в себя Я: реальность принять в мир сущего ничто, иллюзии реального. В этом состоянии низшее «я» должно снять себя, «умереть», чтобы затем возродиться в высшем. В этом роде протекает созерцание. Человек как бы отбрасывает себя в изначальную точку творения, в мировое ничто. И тогда из мирового единства в него входит сущностное индивидуальное начало. Бёме: «Эта борющаяся в себе жизнь становится для себя очевидной; далее она больше не живет внешней борьбой своих частей (тезис-антитезис. — Авт.); ее существо сотрясается словно бы освещающей саму себя вспышкой единой молнии (огонь)».

Из созерцания приходит идеальное восприятие идеи. Так из первой половины земного эона рождается вторая половина (Марс-Меркурий). «Этот четвертый природный облик восходит к пятому, который есть в себе покоящаяся живая борьба частей (вода). ... молчание внутренних противоположностей».

Мысль, полученная в идеальном восприятии, не абстрактна; она есть мысль-существо. Она интеллигибельной природы, в ней содержится мысль-эфир. Для субъекта познания она есть явление

всеобщего, мудрости. (Как, скажем, всеобще идеально воспринятое понятие прарастения.) В ней на новой ступени, а posteriori созерцания является в новом облике тезис. А поскольку это мысле-существо, то оно стремится обрести индивидуализированное выражение в познающем субъекте: «На шестой ступени первосущество (тезис. — Авт.) осознает себя как такая внутренняя жизнь; оно воспринимает себя через органы чувств. Одаренные органами восприятия живые существа представляют собой этот природный облик (звук)».

Завершается цикл всеединством, из которого изошла первая ступень творения и мышления. Индивидуальное сливается со всеобщим, находит себя в нем, сохраняя себя, обретает себя во всеобщем. «Седьмой природный облик есть поднимающийся на основе своих восприятий дух (мудрость). Внутри формирующегося из гармонии и дисгармонии, произрастающего в праоснове мира он вновь находит себя как самого себя, как пра (перво)-основу». И Бёме заключает: «Святой Дух вводит блеск величия в существо, внутри которого Божество пребывает открыто». (ИПН. 7, S. 127f.)

Макрокосмическая семеричность эволюции проецируется на мыслящее сознание, воспроизводя себя таким образом на периферии бытия, в мыслящем сознании человека, которое образует границу (не пространственную, разумеется) Вселенной. Эманация Божественного сознательного всеознания, достигая рефлектирующего человеческого сознания, возвращается к себе. Она возвращается по лемнискате. Эта лемниската есть форма соединения человека с Богом в духе. В ее нижней петле имеет место диалектическое самодвижение мысли, в котором системообразующим принципом выступает низшее «я». В триаде верхней петли, образованной идеальным восприятием идеи, ее индивидуализацией и возвращением через индивидуальное во всеединство, системообразующим принципом является индивидуальное высшее Я в своем первоначальном явлении в человеке.

В системе лемнискаты низшее «я» и высшее приходят к единству, они начинают взаимопревращаться, что влечет за собой интенсивное развитие триединой души и сказывается даже на эволюции триединого тела. В точке перехода нижних, логических процессов в высшие, созерцаемые, происходит сам процесс созерцания. В ней нижняя петля выворачивается в верхнюю и наоборот. Созерцаю-

щая сила мышления, воля в мышлении, действуя в пустотном сознании, вызывают это выворачивание, метаморфозу (рис.4)

Созерцание требует полного отождествления с объектом познания; отождествление же требует полного самозабвения, снятия эгоцентризма низшего «я». Такое дается развитием высокой степе-

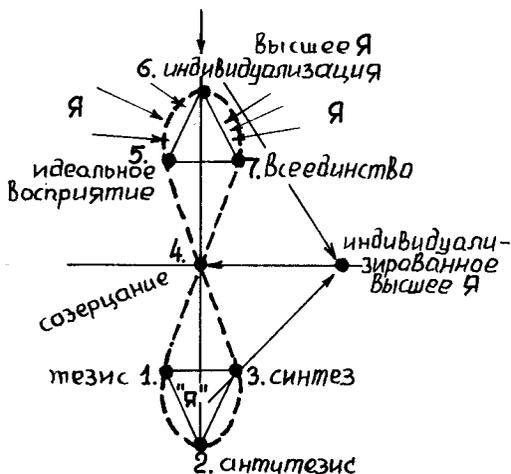

Рис. 4

ни любви к объекту познания, основанной на понимании единства мира, всех его существ, всех форм бытия. Лишь систематической работой со всеми ингредиентами триединой души, преобразованием ее характерологической и понятийной основ, как это описано в 9-й главе «Философии свободы», человек способен развить силу отождествления. Путь к созерцающему мышлению является, по сути, и путем к свободе.

Через созерцание человек восходит к «высшим истинам», в мир интеллигибельных мысле-существ, космической интеллигенции. Для этого требуется мышление, протекающее вне физического мозга. Чтобы развить такое мышление, необходимо сформировать эфирный орган в области головы, который Рудольф Штайнер называет «эфирным сердцем». Путь, ведущий к развитию такого органа, является посвятително-эволюционным. Он дан в «Философии свободы».

Семичленный цикл развития является в мире универсальным. Его наглядный образ являет в цикле года каждое высшее растение (рис. 5).

Между семенем и почвой всегда существует противоречие, приводящее к их снятию. Тогда возникает их синтез — росток. Рост растения происходит за счет его отождествления с окружающей средой: воздухом, светом, влагой, теплом. Так «созерцает» груп-

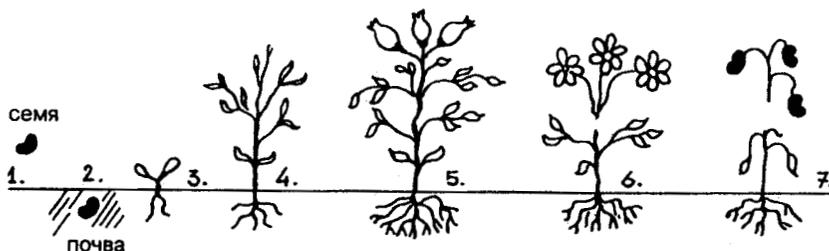

Рис. 5

повое «Я» растений. На этом уровне бытия созерцание-познание есть процесс роста. Заканчивается такое «созерцание» полностью сформированным растением, увенчанным бутонами. В цветении, оплодотворении растение индивидуализируется, совершает попытку оторваться от видового, обусловленного. Но все кончается возвращением во всеобщее вида: новыми семенами. В каких-то ничтожно малых дозах при этом из года в год происходит и накопление определенного качества, которое некогда вызовет мутацию вида, но это уже другая тема.

Приведем, наконец, описание семичленного единства, которое дает Рудольф Штайнер в одной из лекций, читанных для пасторов Общины Христиан. Он говорит там: «Хочу дать один пример. Если кому-то потребуется образовать изречение (молитву для верующих. — Авт.), то пусть он разовьет его в семи строках. В первых трех строках тогда оказался бы выраженный в существенном человек, каким он еще продолжает находиться под влиянием наследственных отношений (диалектический склад ума европеец ныне получает по наследству от родителей. — Авт.), каким он, таким образом, рожден из Отчего принципа мира. Четвертая строка, средняя, могла бы тогда являть собой то, как этот принцип наследственности преодолевается душевными принципами. А три последних строки

пусть являются собой, как благодаря этому человек становится получателем духа. Общине такие семь строк можно было бы прочитать так, что первые три строки были бы произнесены как бы абстрактным, резким голосом; при средней, четвертой, строке нужно перейти к теплому голосу, а последние три нужно произнести торжественным голосом, в возвышенном тоне». (ИПН. 342, S. 126f.)

Это, по сути, буквально то же самое, что мы описали в связи с рис. 4 и 5, и о чем пишет Яков Бёме. В приведенной цитате показано, как мышление может по принципу семичленной метаморфозы взойти в сферу религиозно-поэтического. Столь универсален этот принцип.

* * *

Отметим себе еще раз: на Рождественском Собрании все происходило согласно семичленной лемнискообразной метаморфозе, которая рождается из триединства, последнее же — из единства. Зная теперь качественный характер ее ступеней, магию ее чисел, обратимся к анализу статуюв Р.С. Они содержат в себе два раза по семь параграфов. Что означает п.15, поговорим позже.

Сделаем еще одну оговорку. Предпринятый нами экскурс в область методологии Духовной науки, если даже кому-то он покажется сложным, должен быть внимательно прочитан; это является неперменным условием дальнейшего следования за нашим рассмотрением. Работая над статутами, Рудольф Штайнер не мог не действовать как методолог, т.е. не считаться с объективными закономерностями, правящими в чувственно-сверхчувственной реальности, с мировыми ритмами. Желая вдохнуть в возводимое им Общество жизнь, он и статуты строил по законам существования живого. И, конечно, участники Р.С. должны были это понимать. Рудольф Штайнер старался им в этом помочь. Он говорил: «От Антропософского Общества должен изойти научный (конечно же — духовнонаучный. — Авт.) импульс. И это должно заявить о себе в момент, когда мы Антропософское Общество желаем, так сказать, ввести в новый фарватер». (ИПН. 260, S. 211.) Дело Рудольфа Штайнера было указать на суть происходившего, а «дело» антропософов — приходится, увы, сказать — в том, чтобы в очередной раз этого не услышать.

А услышать было можно. Весьма осязаемая подсказка поступила в 1923 г. даже от врагов! Клика «неантропософских знатоков Антропософии» в Берлине сформулировала свои претензии к Антропософии. Среди них был такой пункт: «4. Поэтому Антропософия — это никакая не наука, значит, никакая не «Духовная наука». Также и формально этот ее ненаучный характер обнаруживает отсутствие у нее метода».¹⁹⁾

Не следует все нападки врагов считать пустыми и клеветническими. Порой они используют наши упущения и ошибки. Истинный эзотерик говорит себе: хоть сам Ариман укажи мне на мою ошибку, — если я ее совершил, то я это признаю. В физическом мире с этим обстоит проще. Если вы споткнулись и Ариман, используя силу тяжести, повлечет вас в ближайшую лужу, то вы сразу же признаете справедливость его довода и выругаете себя за рассеянность и потерю чувства реальности.

Имея в виду методологию Духовной науки, Рудольф Штайнер вел в 1923 г. нелюбимые разговоры со «штуттгартской системой», строго вопрошая: почему тормозится опубликование результатов очень важных лабораторных исследований г-жи Колиско? Участникам Р.С. он говорил, что современная научность нуждается в целостности (Gesamtheit)*, и если дело пойдет в духе тех начинаний, которыми занимаются в научно-исследовательском институте г-жи Колиско, «то, может быть, через 50 или 75 лет мы придем к тому, к чему, собственно, прийти необходимо, что множество отдельных будет сведено в единство. Это единство (совокупность) будет тогда обладать широким и далеко идущим действием не только для жизни познания, но и для всей практической жизни». (ИПН. 260, S. 212.)

Имеются ли хотя бы сегодня уши, способные это услышать и понять, что речь тут Рудольф Штайнер ведет как раз о единой научной методологии, создать которую можно только на базе Антропософии? Внешний мир пришел к этой проблематике примерно через 40–50 лет после Рудольфа Штайнера, однако лишь на своих, материалистических путях, и успеха достиг только в материальных начинаниях, например, в развитии вооружения.

* Во второй половине XX века наука заговорила об этом, что называется, во весь голос, заговорила о том, что создание единой методологии науки становится главным условием дальнейшего научно-технического прогресса.

* * *

О статутах Р.С. в последнее время много говорится и пишется, но главным образом в плане тривиальной юриспруденции. Изредка встречается другая крайность, когда утверждают, что 14 их параграфов (не 15!) имеют отношение «к различным духовно-космическим взаимосвязям человеческого существа».

Сам Рудольф Штайнер пишет о них следующее: «Описание того, что люди в чисто человеческой жизненной взаимосвязи — такой как Антропософское Общество — желали бы осуществлять, должно быть дано как раз в таких «статутах». ...Не принципы, которые требуется исповедовать, должны быть выдвинуты, но должна быть описана реальность в ее неповторимости.

«Статутом» должен быть никакой не «статут», а изложение того, что может произойти из такого чисто человеческого, полного жизни отношения, имеющего форму Общества...» (ИПН. 260а, S. 29.)

Что следует из такой расстановки акцентов? — А то, что как и состав эзотерического Форштанда, содержание статута Рудольф Штайнер воспринял, вернее будет сказать, развил с помощью созерцающей силы суждения. Созерцал же он опять-таки антропософское Движение, каким оно стало к концу 1923 г., а также приближившийся из духовных высей импульс Рождественского Собрания.

Идеально воспринятое можно описать. И в этом смысле оно элементарно просто. Правда, простота та — ангельская, созерцаемая. Она приходит после больших сложностей. И совсем не верно говорить, что к статутам относится «Упражняйся в памятовании о Духе». ²⁰⁾ Нет, к ним относится «Упражняйся в узрении Духа!» И методология Антропософии объясняет, как это следует делать. Рожденное из созерцания и ведет к созерцанию. В этом был смысл и эзотерического Форштанда, и статута Р.С.

Вновь обратимся к тому, что говорит Рудольф Штайнер. Он разъясняет участникам Р.С.: «статуты должны быть составлены так, чтобы каждый человек мог бы их прочесть в течение четверти часа и из них еще имел бы пять минут на их обдумывание. Поэтому я стремился сделать эти статуты как можно короче». (ИПН. 260, S. 157.)

Под «каждым человеком» Рудольф Штайнер имеет здесь в виду антропософа, и такого, который не подумает, слыша это, что его призывают к верхоглядству. Да, 10 минут, 5 минут, но какого «чтения»? какого «обдумывания»? Чисто интеллектуального? Так имен-

но и «поняли» это организаторы конференции 2002 г. и, пародируя высказывание Рудольфа Штайнера, дали ее участникам на чтение и обдумывание поступивших от членов (и не членов) предложений (152 стр. форматом А4) пятнадцать минут!

— А как быть новичкам, вступающим в ВАО? — возразят нам. — Да, так, что со статутами им придется сначала ознакомиться в душе осязающей. Тогда все и быстро станет ясным. Потом придут вопросы, вызванные душой рассудочной. Мы же сейчас говорим о статутах с позиций души сознательной. Здесь также возможна простота: простота «познания разом», дающаяся в созерцании. Ее и имел в виду Рудольф Штайнер, обращаясь к участникам Р.С.

Рассказ Гете о прарастении Шиллер воспринял душой рассудочной, поэтому прарастение было для него всего лишь идеей. Гете возразил, что это дает ему право сказать, что он видит свои идеи глазами — глазами духа, следует понимать, — и что, зная теперь прарастение, он мог бы нарисовать множество таких растений, которые хотя и не существуют, но вполне могли бы существовать. — За этими словами стоит не поэтическое воображение, а семенная сила живого мышления. Такое мышление способно «прорасти» и приносить реальные плоды духа, содержать в себе субстанцию.

Участники Р.С. воспринимали слова Рудольфа Штайнера как идеи, идеи же пробудили в них лишь юридическое (латинское по сути) мышление. И так это происходит до сих пор. Иначе как могли бы возникнуть все те дописки к статутам Р.С., с энтузиазмом принятые на конференции 2002 г.? Для гетеаниста они выглядят как на корове седло.*

* Возьмем для примера п. I. Рудольфом Штайнером он был написан так: «Антропософское Общество должно быть объединением людей, которые душевную жизнь в отдельном человеке и в человеческом сообществе желают опекать (лелеять — рflegen) на основе истинного познания духовного мира.»

Новыми «правопреемниками» дела Рудольфа Штайнера параграф был «дополнен» следующим образом: «Это объединение образует согласно статьям 60 и след. Швейцарского гражданского законодательства (ZGB) союз с центром в Дорнахе. Союз [в статутах называется «Всеобщее Антропософское Общество (Рождественского собрания)»] вносится в Хандельсрегистр согласно статье 61 ZGB (в переводе сохранен стиль подлинника)».

Столь велико «мужество» (невежество) реформаторов. Ведь это все равно, что здоровую ногу согнуть в колене, привязать к ней деревянный костыль и утверждать затем, что такая нога лучше.

Если же статуты имеют отношение «к различным духовно-космическим взаимосвязям человеческого существа» (это мнение разделяет Прокофьев), то как посмели в те «взаимосвязи» вмешиваться административно? А введя параграф, дающий право членов исключать, администрация наделила себя, фактически, полномочием лишать человека его «духовно-космических взаимосвязей»! Тогда становится понятно, почему все члены сжимаются в страхе перед возможностью быть исключенными из ВАО.

Тем, кто на те дописки возражает, но вместо них предлагает лишь другое «седло», следовало бы внимательнее вчитаться в то, что о статутах говорит сам Рудольф Штайнер: «из семени педантических статутов непременно произрастут вопросы такта», «моральные принципы такта», играющие большую роль в «Философии свободы». (ИПН. 260, S. 173.)

Иными словами, на Р.С. должны были быть посеяны «семена» свободы в душах людей. Свобода же без созерцающего мышления невозможна, ибо лишь такому мышлению открываются моральные интуиции. Овладеть же идеальным восприятием (созерцанием) можно, лишь развивая из Я душу сознательную (т.е. изгоняя из нее все инстинктивное, групповое, азурическое). При таком подходе к статутам их лемниската могла бы прийти в духовно-органическую связь с лемникатой развития триединой души.

В статутах мы имеем даже не одну, а две лемнискаты. Рассмотрим первую из них в духе тех качественных свойств семичленности, которые мы привели выше.

Параграф 1, как всякий тезис, есть свободное полагание начала. Он проистекает из свободной воли и мышления мыслящего субъекта, каковым в данном случае выступает основатель того Общества, для которого пишутся статуты. Это, можно сказать, наилучшая конstellляция для их возникновения. Рудольф Штайнер, пережив в себе принцип, способный образовать систему рождающегося объединения людей, свободно полагает: Та к начнем! Создадим объединение, в котором будем заниматься развитием души «на основе истинного познания духовного мира». Прежде развитие души не шло рука об руку с духопознанием. Колоссальные познания не меняли людей внутренне. Далее так продолжаться не могло. Люди говорили о карме, реинкарнации и т.п., но жили так, как будто ничего этого и не существует. Но в Мистерии подобного быть не должно, иначе возникает нечто противоположное желаемому.

Параграф 1 сформулирован емко, определенно, значительно. Он легко разворачивается в душе в панораму предшествующего драматического становления антропософского Движения. Но сначала он предстает, как у Бёме, в виде «первосущества» будущего Общества (которому еще только предстоит сформироваться) в его «в себе замкнутом и неподвижном» облике.

В п.2 выступает «материя» (в философском смысле), ядро — «Grundstock» Общества: его члены; при этом, что следует особенно отметить, только те, которые собрались на Р.С.* — Это записано в статуты! — И они принятием статутов берут на себя целый ряд совсем не простых обязательств. Столь конкретно строилось то Общество — как организм. В самом деле, нельзя же создать организм в общем смысле. Ну а если организм создан, то всякое приращение к нему не меняет его сути, само пронизывает себя его сутью и является лишь количественным приращением. Так в случае, скажем, печени может существовать больше или меньше клеток, но все они будут клетками печени. Сама же печень возникла еще на зародышевой стадии эмбриона.

Просто удивительно, как мало способны мы, антропософы, понимать то, что стоит непосредственно в текстах. В обычном мире такой путаницы происходит меньше. Там, например, никому не придет в голову объявить, что правительство Ирака является правопреемником законов Хамурапи или американский сенат — правопреемником римского сената, и потому-де Италию нужно присоединить к США.

В пп.1 и 2 статутов Р.С. противостоят друг другу идея Всеобщего Общества и его реальное ядро — конкретные люди. Кому не чужд дух диалектики, должны понять, что идея Общества неизбежно снимается его членами. Иначе это не общество, а групповой скульптурный портрет. Формальное снимается живым взаимодействием людей; идея этих людей: мы собрались, чтобы создать Общество, — приходит в противоречие с самой собой и в себе, поскольку она есть также и живое явление: участники Р.С. В них она присутствует в снятом виде, и это описано в п.2: как задачи осуществления.

Из противоположности идеи и бытия, идеи и восприятия, иде-

* «... а также группы, которые послали своих представителей», т.е. сознательно соотнесли с Р.С.

альной сущности и ее явления рождается п.3, в котором «первосущество» параграфа 1 возрождается, подобно фениксу, в новом облике, вобрав в себя то, что его снимало. Это поистине диалектика, новсфересоциально-эзотерического делания, социальной алхимии: соль-ртуть-сера.*

В п.3 всеобщая идея Общества возрождается вся в каждом отдельном члене, и особым образом — в Форштанде. Но происходит это при том условии, что все они свободно берут на себя то, что записано в п.2. Взяв же его, они идею Общества и задачи деятельности его членов (общие задачи) приводят к синтезу на своем индивидуальном пути развития («духовнонаучное ученичество»). Если же они, став членами, ничего не будут в этом смысле делать, то, естественно, не будет и задуманного Общества, как не будет жить организм, если органы перестанут осуществлять свои функции. (Подобными сравнениями мы пытаемся не физиологизировать представление о духовном, а показать определенный универсализм в проявлениях жизни.)

Метаморфоза содержания параграфов совершается столь явно, что мы видим непосредственно, что во что переходит, превращается:

п.1. «Антропософское Общество должно быть объединением людей...»

п.2. «Ядро этого Общества образуют» собравшиеся на Р.С. «личности».

п.3. «Собравшиеся как ядро Общества ... личности...»

п.4. «Антропософское Общество это...»

Образующийся ритм напоминает способ стихосложения, когда последняя строка предыдущего четверостишия берется первой строкой следующего.

Тему «каждого человека без национальных» и иных различий мы находим и в п.3 и в п.4, но в разных, так сказать, «тональностях». В п.3 она имеет отношение к внутреннему устройству Общества; в п.4 Общество провозглашает это вовне. Вспомним опять Якова Бёме. Четвертая ступень: «Эта борющаяся в себе жизнь становится для себя очевидной». Такое Антропософское Общество (§ 4) может

* Или еще эзотеричнее: «Salzprozess» — «Mercurprozess» — «Sulphurprozess» (см. ИПН. 266/1, S. 324—348)

начать расти во внешнем мире, открываться миру, отождествляясь с ним своим содержанием, жизнью, учением. Это должно было быть как процесс созерцания. Общество не навязывает себя миру, оно растет в нем как его естественная составная часть. Пианист забывает музыкальную грамоту, когда садится за рояль, учитель забывает метод обучения, когда входит в класс. Антропософ, как единичный представитель всего Общества, может забыть себя, осуществляя себя и дело Антропософии в мире. В результате такого «созерцания» происходит явление духа: талантливо исполненное и пережитое слушателями музыкальное (фортепьянное) произведение; воспитанные по методу Вальдорфской педагогики дети; Антропософия, осуществившая себя еще в одной части мира благодаря своему данному представителю. А если кто желает действовать как антропософ еще до овладения Антропософией, то его намерение следует считать просто фантастическим.

Именно благодаря п.4 Общество должно было получить, как это не раз подчеркивал Рудольф Штайнер, «открытый характер». В параграфе описаны также и границы Общества (его «вид»). Если они искажаются, то начинается сектантство — искажение эволюционирующего вида.

В своей открытости Общество хранит в чистоте свое эзотерическое ядро: «Высшую Школу Духовной науки». Она выступает в п.5, соответствующем в семичленной метаморфозе ступени идеального восприятия. Таким образом, в осуществленном в виде статуты цикла мышления «Школа» в силу развития предыдущих ступеней является внутренней духовной необходимостью. Внутреннее единство формы, эзотерическое по сути, и внешне учреждаемое Общество, которое не может быть тайным в своем внешнем явлении, — как это можно соединить? В п.4 Общество «выворачивается» на сторону внешнего социального мира, а его общественное единство одновременно «выворачивается» вовнутрь, метаморфозируется в эзотерическое единство. Это процес становления лемнискаты из ее центра, элемента 4, где происходит созерцание.* Так закономерно возникает необходимость в трех «Классах» Школы. Это необходи-

* То есть Общество рождается во времени, с п.1, и в надвременном, из своей сверхчувственной сути, которая открывается в пустотном сознании, созерцающей силе мышления.

мость, присущая живому процессу становления духовного феномена. Он тогда не может не быть Мистерией.

Эзотерическое единство Общества являет себя и в п.5 — как всеобщее. Параграф 5 напоминает своей «декларативностью» (но в лучшем смысле этого слова) п.1. Его всеобщность снимается параграфом 6 — конкретными членами Школы, которые, как и в случае триады первых параграфов, реально существуют лишь как деятельные, но уже в более высоком, эзотерическом смысле, чем обычные члены Общества, о которых повествуют три первых параграфа

С п.5 мы вступили в верхнюю (онтологическую) петлю лемнискаты (см. рис. 1). Ее триада диалектически-эзотерическая. Чтобы снять п.1, достаточно стать членом Общества в указанном смысле. Чтобы снять внешнее учреждение Школы, нужно, выполняя обязанности члена, стать на посвятительный путь ученичества. Рудольф Штайнер разъяснял, что представителем Антропософии в мире может в полном смысле слова быть лишь член Школы, отвечающий ее требованиям.

В п.7 сущностное ядро Общества, Школа являет себя как принцип всеединства всего учреждения. И всеединство то индивидуализированное — не в ученике, а в Учителе Школы. Параграфом 7 определено, что системообразующий принцип Антропософского Общества, созданного на Р.С., явлен в Рудольфе Штайнере. Так начальный тезис, т.е. АО, в своей кульминации являет себя как Я: «И Общество становится человеком!» — так можем мы сказать, перифразируя тему розового витража Гетеанума.

В дальнейшем начинается новый, более конкретный, приземленный семичленный цикл статутов. Наконец, оба цикла претерпевают снятие и возрождение в новом облике в п. 15. Так образуется еще одна триада, состоящая из пп.1–7, пп.8–14 и п.15.

Вторая лемниската статутов относится к первой, как нижняя петля к верхней. То есть, если в лемнискате развитие идет снизу вверх — от земного, мыслимого, к духовному, созерцаемому, то в двух семичленностях статутов высший импульс Рождественского Собрания сначала обретает форму в первой лемнискате, а затем нисходит во вторую. Антропософия заново рождается в Обществе, а затем нисходит в «как» его повседневной жизнедеятельности.

За недостатком места мы не станем анализировать вторую седмицу статутов, укажем лишь на родство всего их состава со струк-

турой «Философии свободы». В ней также содержится два раза по семь глав — это две ее части; третья часть состоит из одной главы, она называется «Выводы монизма». Подобие это не случайное. Создана она Р.С. Обществом, целью которого способствовать осуществлению того, что описано в «Философии свободы»: метаморфозе человека разумного в свободного, *Homo sapiens* в *Homo liber*, если выразаться языком науки.

В письме от 14 марта 1905 г. к Марии фон Сиверс Рудольф Штайнер пишет: «Семичленность, если она не возвращается к трехчленности, ведет лишь к заблуждению». И рождается семичленность из трехчленности. Конечное триединство мы показали. Исходным триединством — оно является основополагающим — были: Антропософское Общество Рождественского Собрания, эзотерическая Школа и Рудольф Штайнер. Это триединство духовно сложилось еще до начала Р.С. А над всем царило триединство Антропософии, Гетеанума и Рудольфа Штайнера. Такова была девятичленность, породившая Рождественское Собрание. А что было единством девятичленности? — Архангел Михаэль как Дух эпохи и Лик Господень.

Все эти глубоко эзотерические, можно сказать, святые вещи мы способны понять, лишь руководствуясь методологией Антропософии, а поняв, иными глазами взглянуть на ныне происходящее, например на то, почему пытаются дискредитировать Рудольфа Штайнера в ВАО, а еще — на то, куда следует идти далее и что делать.

10. Медитация камня основы

Первое Антропософское Общество было основано на Рождество 1912/1913 г., а 20 сентября (т.е. в преддверии Праздника Михаэля) 1913 г. был заложен краеугольный камень первого Гетеанума. Он имел форму пентагондодекаэдра, был сделан из меди, и внутрь его был положен рисунок, выражающий суть архитектурного замысла с эзотерической точки зрения. На рисунке были сделаны надписи в виде отдельных букв, обозначающие розенкрейцерскую формулу и имена девяти Иерархий.

Что основание Общества и закладка Гетеанума были единым актом, нет нужды доказывать. Полагалось начало Мистерий нового времени, и тот акт был не менее значителен, чем Рождественское Собрание. В 1923 году все это кончилось трагедией, масштабы которой неизмеримы. Это была мировая трагедия. Ее пережили и в Божественных сферах. Рудольф Штайнер стал склоняться к решению антропософское Общество распустить и далее продолжать работу лишь в маленькой группе самых верных учеников, уйдя с социального плана. Прими он это решение, и весь наш мир, вероятно, уже давно реализовал бы «1984-й» Джорджа Орвела; или вообще человеческая цивилизация впала бы в первобытное варварство с его животной борьбой за существование.

Но духовные импульсы способны, подобно фениксу, возрождаться из пепла. Рудольф Штайнер начал создание нового Общества и закладку (в проекте) второго Гетеанума. Внутри этого Гетеанума первый Гетеанум должен был возродиться в душах людей, по-новому нашедших себя и друг друга в новом Антропософском Обществе. И именно в их души и начал Рудольф Штайнер закладку краеугольного камня первого Гетеанума, ставшего чисто духовным. Это была посвятельная акция, и от способности участников Р.С. следовать в ней за Рудольфом Штайнером зависел ее успех.

13 января 1924 г. Рудольф Штайнер писал об этом, изложив предварительно статуты АО: «В теснейшей связи с собранием, которым открылся тагунг, состоявшемся в первой половине дня 25 декабря, стояло празднество, имевшее место утром того же дня и называвшееся «Закладка краеугольного камня основы всеобщего Антропософского Общества».

Речь там могла идти лишь об идеально-духовной закладке камня основы. Почвой, в которую «краеугольный камень» был положен, могли быть только сердца и души людей, соединившихся в Обществе, и сам камень должен быть образован из настроения, проистекающего из антропософского образа жизни (Выделено нами. — Авт.). Это настроение в том роде, как этого требуют знаки настоящего времени, формируется волей найти через человеческую конституцию души путь к созерцанию духа (Выделено нами. — Авт.) и к жизни, проистекающей из духа». (ИПН. 260а, S. 33f.)*

На Рождество 1923/24 г. Рудольф Штайнер закладывал единый камень основы духовного первого Гетеанума в души людей, а на нем возводил возрожденное в новом качестве Антропософское Общество. Также и на этот «камень» он нанес некие письмена, а именно медитацию, в которой соединил всю антропософскую мудрость в единой мантрической формуле.

Духовный камень основы Рождественского Собрания есть, по сути дела, семя, способное в человеческом духе прорасти по законам органического мира, наделять сознание реальным бытием, эфиризировать мышление, приводить мыслящее сознание к идеальному восприятию идей, что составляет предступень при восхождении к импинативному сознанию.

В медитацию этот камень основы облачен таким образом, что содержание медитации вводит его в души людей за счет того, что работа с нею строится по законам семичленной метаморфозы. Своим содержанием медитация охватывает всю эволюцию мира и человека вместе с их творцами. Но вместе с ее содержанием Рудольф Штайнер дает и метод работы с нею. Заложённая в ней семичленная метаморфоза — более высокого рода, чем та, какую мы открыли в статутах; она находится во взаимосвязи с семичленностью всего нашего эволюционного цикла. Работая с ее ступенями, человек вырастает в свою макрокосмическую сущность.

И человек, и мир произошли в их развитии из Божественного Троиинства. Поэтому из него исходит семичленная система (целост-

* Все это ныне либо вовсе уже не читается, либо читается как «проповедь», способная лишь на краткий миг согреть душу, а потом бесследно исчезнуть. Иначе откуда бы взялась у новоявленных «реформаторов» смелость соединить свою пустоту с тем мистериальным деянием колоссальной силы и значения?

ность) медитации и в него возвращается.* Девятичленность медитации представлена девятью Иерархиями. Девять Иерархий вместе с Божественным Триединством образуют двенадцатичленность. В тексте, вложенном в краеугольный камень первого Гетеанума, указано четыре числа: 3, 5, 7, 12. Число 5 — это микрокосм, человек.

Правильный подход к медитации возможен лишь в том случае, если семь ее ступеней мы переживем в духе той семичленности, которую мы рассмотрели в связи с рис. 1. Однажды такая работа уже была проделана нами. Она изложена в «Практическом заключении» к нашей книге «Триединый человек тела, души и духа». Но чтобы не вынуждать читателя обращаться к ней, мы вновь произведем краткий структурный анализ медитации.

Читая ее, мы тотчас же замечаем, что она состоит из трех взаимосвязанных частей. Четвертая часть выражает их единство. В трех первых частях присутствует Божественная Троица. Ее единство образует «Христос-Солнце», соединившийся с Землей. Такова, следует сказать, новозаветная Троица; ее изображение мы находим на иконе Андрея Рублева. На ней нарисовано то, что в медитации камня основы выражено словами.**

Трехчленность, обладающая принципом единства, способна благодаря ему метаморфозироваться, «выворачиваться», переходить на другую сторону бытия, отражаться, рождать (будучи бытием) инобытие. Так получаются два треугольника в лемнискате, показанной на рис. 1. Их системообразующие принципы соединены в точке (элементе) 4. Но лемниската обладает тремя триединствами, т.е. переход одной ее троичности в другую может быть пережит также в виде троичности. Ее образуют элементы 3, 4 и 5. Все три триады несут в себе черты диалектического принципа, но выраженного в каждой из них качественно по-иному. Так глубоко и органично сочетаются в семичленной лемнискате единство, трех-, девяти- и семичленность.

Движущее противоречие, присущее диалектическим триадам, может носить разный характер. Это могут быть: Я и мир, бытие и не-

* Основополагающим принципом Р.С. было триединство. Рудольф Штайнер возвестил об этом в самом начале тремя ударами молотка. Это не было имитацией каких-то там ритуалов. Здесь эзотерика рождалась непосредственно, приходя из сверхчувственного мира.

** Истолкование иконы читатель может найти в нашей книге «Ожидающая культура».

бытие, бытие и сознание, идея и восприятие, материя и дух, мышление и созерцание, внутреннее и внешнее и др. Противоречие как таковое развилось из отношения, присущего высшему миру, божественным существам, и вновь возводит к нему, если приходит к своему разрешению в субъекте. Через синтез противоположностей возникает все новое. Диалектика как жизнь логики есть одна из форм мирового процесса становления. Поэтому мы находим диалектику

и в тексте медитации, которая вне интеллектуального никак не может стать доступной для человека. Каждый из первых трех отделов медитации состоит из двух частей, и первоначально они образуют противоречие: Божественного и человеческого. Человек есть творение божие и тем не менее он пришел в противоречие с Богом, чтобы стать самообусловленным, т.е. богоподобным существом.

Противоречие между человеком и Богом — трех родов, и нужно определенным образом упражняться, чтобы развить душу (она есть всецело достояние человека) и вернуться к отношению с Богом. С божественной стороны ему в этом деле уже протянута рука помощи, о чем говорится в четвертой части медитации.

Упражняться, также и медитативно, можно лишь в соответствии с основополагающими законами развития.* Поэтому триединство медитации разворачивается в упражняющемся субъекте в семичленное единство, в цикл метаморфозы.

В первый день, 25 декабря, Рудольф Штайнер дал весь текст медитации, но таким образом, что сначала прозвучали первые (человеческие) части трех первых отделов, потом четвертый отдел и, наконец, три первых отдела полностью. Так было положено исходное триединство: человек — Бог — человек и Бог. Затем произошло обсуждение всех статуты в целом.

Семичленную структуру медитации Рудольф Штайнер начал развивать с 26 декабря. Он тогда сформулировал первое медитативное упражнение. Его основу составляют первые (человеческие) части трех первых отделов. И это естественно, поскольку начало медитативной работы полагается в человеке. Духовный импульс Рождественского Собрания дает ему первое медитативное упражнение, с которого он начинает в своей душе возводить духовный Гетеанум: его зримое художественное выражение эволюционизма претворять в ритмы и субстанции своей души. Это упражнение есть также своего рода тезис, первоположение творения в Я. Его великим праобразом было начало творения эона древнего Сатурна — начала всех начал.

Первое упражнение, или первая ступень медитативной семичленности, было дано в среду — в день Меркурия, под знаком которого стоит вторая половина земного эона. Но начинать систему упражнений, конечно, следует в субботу — «с самого начала». За-

* Кто этого не знает, тот не может быть эзотериком.

кладка камня основы первого Гетеанума состоялась в субботу (день Сатурна), когда, как было отмечено, Меркурий стоял в Весах.

Первая ступень медитации трехчастна, и каждая из ее частей, в свою очередь, состоит из двух частей. Тремя способами, в трех сферах души — мыслительной, чувственной и волевой — индивидуальный человек, человек-Я стремится пережить свою связь с Богом. Это переживание отрывает его от пространственно-временной, видовой эволюции и приводит в связь с духовной «вертикалью» развития, ведущей от земли к небу.

«Памятование о Духе	Размышление о Духе	Узрение (созерцание) Духа
Собственное Я [человека.]	Собственное Я	Собственному Я
В Я Бога Обретает бытие —	С Я мира соединяется —	Для свободной воли Даруется —» (ИПН. 260, S. 96.)

В процессе медитативной работы происходит «взятие на себя» креста мировой эволюции. В индивидуальной духовной эволюции человек устремляется к импульсам, которые обычную эволюцию, эволюцию видов, определяют из высей (как Иерархии и групповые «Я»). При этом он движется и во времени, от инкарнации к инкарнации: от пра-тождественности с Богом («обретает бытие») к отношению с Ним («соединяется») и, наконец, — к свободной воле. Так полагает ученик тезис своего нового развития.

Вторая ступень медитации была дана в четверг 27 декабря, когда началось обсуждение отдельных параграфов статуты. Она также состоит из трех отделов, но теперь каждый из них имеет по три части. Все при этом нисходит на одну ступень вниз, к конкретному отдельному человеку, чтобы обратить его к его макрокосмической сути.

«Собственное Я В Я Бога Обретает бытие жить в мировом существе человека.	Собственное Я С Я мира Соединяется чувствовать в душевной деятельности человека.	Собственному Я Для свободной воли Даруется мыслить в духовных основах человека». (S. 106)
---	---	--

Эта ступень показывает нам, что первоначально человек по «вертикали» духа движется не вверх, а вниз: к простым земным мышлению, чувствованию и волеизъявлению («жить»). Так обретает он малое, но индивидуальное «я», с которым только он и может начать восходить. «Чтобы делать золото, нужно иметь золото» — так гласит алхимическая поговорка. Но в малом «я» человек отпадает от Бога, порой даже отрицает его. Таков антитезис медитации. Жизнь в малом «я» понуждает субъект снять «памятование» и т.д. Духа. Но снятие — это не уничтожение. Божественное Триединство присутствует, скажем, структурно в малом «я», в душе человека, которая мыслит, чувствует, волит. В «треугольнике» этих последних и рождается «я» как принцип их единства. Так триединство в ином становится антитезисом сущего Триединства.

Ступень синтеза в медитации является выражением переориентации субъекта на духовные выси. Здесь тезис является вновь, но в ином, обожествленном облике. Вертикальная ось мирового креста в человеке становится «вертикалью» его восхождения. Человеческому Я открывается Божественное Триединство в процессе творения и поддержания мира, а также как его основополагающая динамическая структура. В тезисе три рода упражнений были даны, в известной мере, «в безмолвии» (Бёме), на них было лишь указано. Но теперь становится ясно, почему ими следует заниматься: чтобы преодолеть тенденцию нисхождения в материю, в эгоизм, в абстрактность. В медитации три раза звучит «ибо».

«Упражняйся в памятовании о Духе	Упражняйся в размышлении о Духе	Упражняйся в узрении Духа
Ибо правит Дух-Отец в высях В глубинах мира бытие порождая.	Ибо правит воля Христа в окружении В мировых ритмах благословляя души.	Ибо правят Духа мировые мысли В существе мира моля о свете». (S. 138)

В своем «несении креста» человек чувствует себя пронизанным силами Троицы. При этом идущее сверху вниз есть воля Отца. Снизу вверх человека ведет Ипостась Св. Духа. Во времени (в истории) развитие человека ведет Бог-Сын, соединившись после Мистерии Голгофы со временем Земли. Он ведет человека к высшему Я.

Таково первое триединство медитации. В нем мы имеем дело с

эзотерикой диалектики. Медитация делает формальное, логическое самодвижение мысли субстанциональным, отчего меняется природа всех трех тел человека. Он овладевает сильным, индивидуально поволненным мышлением, без которого созерцание невозможно. Таким образом, даже не преуспев в ясновидении, мы, совершая медитацию, ускоряем наше продвижение по пути эволюции.

Четвертая ступень медитации требует от упражняющегося сущностную диалектику его духа снять. Поскольку работа эта медитативная, а не понятийно-мыслительная, то, в отличие от гносеологической лемнискаты (рис.4), где требуется снять малое «я», здесь, при восхождении на четвертую ступень следует совершить некое, скажем, индивидуализированное священнодействие. А почему бы и нет, если речь идет о посвятителном процессе. В нем были призваны принять участие все, присутствовавшие на Р.С. В Евангелии Христос говорит: «Некогда придет время и оно уже близко, когда истинно божественное почитание Отца будет совершаться силой духа и в познании Истины. ... Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны это делать силой духа и в познании истины». (Ин. 4, 23; согл. переводу Эмиля Бокка.)

В людях глубоко сидят фарисейское и саддукейское начало: они не в силах осознать, поверить, что евангельские обетования могут осуществляться также и в их время. Так, видимо, и членам ВАО во все времена представляется невероятным, чтобы Рудольф Штайнер на Р.С. мог заложить камень основы такого храма, в котором поклонение Богу должно совершаться «силой духа», «в познании истины» — силой Св. Духа. Но храмом именно такого Христианства является первый Гетеанум. Духовно его победить нельзя, но можно исказить его образ в душах людей. Однако подумаем, что сидит в людях, идущих на такое дело, способных посягнуть на эзотерику Гётеанума!

На первых трех ступенях медитации совершается «введение» или «вхождение» ученика в храм. На одном из его витражей было написано: «И Бау становится человеком» — медитативная формула потрясающей глубины! Если попытаться комментировать ее, то пришлось бы приняться за рассмотрение всех уроков первого Класа. Но так далеко мы не пойдем. Ибо и медитация камня основы также необъятна, поэтому даже в ней мы особо выделяем лишь один момент — структурный, а также ритмику ее возведения, ко-

торая должна стать для медитирующего ритмичкой самосозидания. Чтобы «Бау» стало человеком!

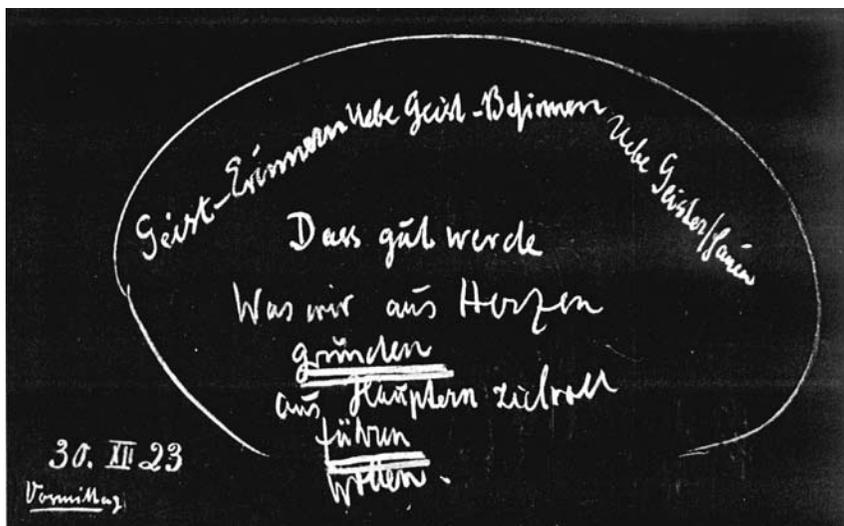
Итак, мы взошли на четвертую ступень, в ту «окружающую среду», в которой медитация развивает свою целостную семичленность. Эта «среда», этот «мир» медитации настолько не прост, что ученик, снявший малое «я», чтобы в любви отождествиться с этим миром, рискует попросту потерять себя. Поэтому уже на первых трех ступенях он должен был укреплять связь со своим высшим Я, чтобы стать способным низшее «я» принести в жертву — всякое священнодействие имеет своим центральным актом жертвоприношение — в духе апостола Павла, сказавшего: «Не я, но Христос во мне».

Также и на четвертой ступени медитация строится на троекратном «упражняйся», простирается же она до размеров Вселенной, объемлет собой все девять Иерархий. Это, можно сказать, величайший из всех возможных объектов созерцания. И тем не менее, и на этой ступени самотождественность индивидуальности ученика ни в коем случае не должна быть утрачена. Итак, постараемся вырасти до размеров Мироздания.

<p>«Упражняйся в памятовании о Духе</p> <p>Серафимы Херувимы Престолы</p> <p>Дайте из высот прозвучать, Что в глубинах найдет эхо.</p>	<p>Упражняйся в размышлении о Духе</p> <p>Кириотетес (Господства) Динамис (Силы) Эксузиаи (Власти)</p> <p>Дайте с Востока возгореться (тому), Что через Запад формируется.</p>	<p>Упражняйся в узрении Духа</p> <p>Архаи Архангелы Ангелы</p> <p>Дайте из глубин испросить, Что в высотах будет услышано». (S. 187)</p>
--	--	--

Человек, созерцая (т.е. мысля в созерцании, путем идеально-восприятия), встает в центр креста эволюции, а вдоль его обеих осей открываются действия Иерархий. «Горизонталь» культурно-исторического развития в этом смысле оплодотворяется «вертикалью» взаимодействия высей и глубин.

Следует еще отметить, что на антропософском пути посвящения ученик приходит к свободным, новым имажинациям. Это означает, что он не просто пребывает в ожидании, что, может быть, что-то откроется из сверхчувственного и скрасит серые будни повседневности. Нет, уже в поустороннем, восходя от рефлексии к созерцанию, он определенно ставит себе цель, что он желает увидеть. И делает он это не праздно, а исходя из реальных потребностей жизни.

Он видит, как и мыслит: по собственному усмотрению. В медитации камня основой таковым является желание познать себя в триединой сути как образ и подобие триединого Бога.

Что следует для медитирующего из созерцания Иерархий, открывается на пятой ступени. Он должен воспринять это идеально, тринадцатым органом чувств, которым постепенно становится «эфирное сердце», формирующееся в индивидуализированном эфирном теле над головой. То, как он принес жертву на четвертой ступени, было тремя «упражняйся» («Царство Небесное силою берется...» Мф. 11, 12). Они образовали чашу причастия. И в нее теперь нисходит гостия (просвира): человек нравственный, обращенный к активному деланию добра в гармоническом взаимодействии ума и сердца. (На доске Рудольф Штайнер изобразил ту чашу таким образом, что она, подобно своду, осеняет человека сверху и он как бы восходит к ней, в нее.)

Что основывали участники Р.С.? — Духовный Гетеанум в своих сердцах, чтобы исходя из его духа «вершить» Антропософию в мире. И это ведь нужно было понимать!

На пятой ступени медитирующему, или созерцающему, открывается высокая всеобщая (общая) задача. Осуществлять ее можно только индивидуально. Но как? Шестая ступень дает ответ на этот вопрос.

Она является вторым элементом в верхней триаде лемнискаты. Вместе с пятой ступенью они образуют противоречие между всеобщим и индивидуальным. Разрешается оно с помощью принципа, который хранил нас в средней триаде (ступени 3, 4, 5). Это «не я, но Христос во мне». Далеко не безразлично, каким путем человек приходит к своему высшему Я. Нужно во что бы то ни стало прийти к нему под водительством Христа. Ибо возле высшего Я, на подступах к нему нас подкарауливают азуры.

Обретая свое высшее Я во Христе, человек начинает сливаться с аурой Земли, чтобы работать над претворением эона Земли в эон Юпитера. Так несет он свой крест эволюции.

И это-то и является тем, что уже не «мы», а отдельный человек, как свободная индивидуальность, желает «основывать» и «вершить». И в таком случае все творимое ею будет «добром». Начнет она свою работу с царств природы, помогая ее элементарным духам, как некогда ей самой помогали существа Иерархий. И все в ее

деяниях будет пронизано пониманием роли любви в становлении мира.

«Божественный Свет
Христос — Солнце

*

Это слышат элементарные духи
На востоке, западе, севере, юге.
Да услышат это люди!» (S. 210)

Задачей индивидуализации мысле-субстанции медитации обусловлено то, что на шестой ступени трехчастность предыдущих ступеней сведена в единство. Я в любых своих явлениях едино. В центре мирового креста, простершегося по четырем сторонам света — таков прафеномен земной ауры, — являет Себя Бог, нисшедший из высей и ставший Господом Земли, ее средоточием. И в этом центре пытается пережить себя медитирующей как благовестник Христа, несущий весть о Нем духам элементов и людям. Это констелляция, в которой Бог и человек стоят в центре земного креста; она тоже краеугольная.

С раскрытием седьмой ступени медитации камня основы возведение Антропософского Собрания было завершено. Весь тагунг длился девять дней. Триединство и семичленность слились в одно. Такова сущность всеединства — Бау (строение) седьмой ступени метаморфозы. Бау стало человеком — триединым человеком головы и нервов, ритмической системы дыхания и кровообращения, конечностей и обмена веществ. Они образуют основу для того, что открылось на второй ступени как жизнь души, протекающая в мыслях, чувствах и волеизъявлениях. Они же, в свою очередь, есть динамическая основа Я. Теперь все это нужно привести в окончательную взаимосвязь, которая включала бы в себя и Божественное триединство. Тогда микрокосм станет един с Абсолютом.

«Ты живешь в конечностях,
Ибо правит Дух-Отец высей,
В глубинах мира бытие порождая.

*

Ты живешь в биении сердца и легких,
Ибо правит воля Христа в окружении,
В мировых ритмах благословляя души.

*

Ты живешь в покоящейся голове,
Ибо правят Духа мировые мысли,
В существе мира моля о свете».

(S. 255)

Распростертый над поверхностью Земли крест шестой ступени на седьмой встает вертикально. Это Мистерия выпрямления: физического — для будущего царств природы, душевно-духовного — для человека.

Мы видим также, что седьмая ступень — это тоже синтез, только высшей степени. Трем родам «упражняйся» открылся триединый человек трех систем его жизни. При этом мы знаем, что в конечностях живет воля и она действует в воспоминании, простираясь вплоть до начала мира, где открывается Бог-Отец. В ритмической системе живет чувство. В нем зарождается человеческая душа — новообразование во Вселенной. В ней действует Христос, пришедший из высей и соединившийся ради этой души с «горизонталью» Отчей эволюции, с историей. В голове живут мысли. Изменяя метод мышления, мы приходим к восприятию того, как они — космические интеллигенции — нисходят в индивидуальный дух человека. И таким же образом его достигают интуиции Св. Духа. Они приходят также и из будущего.

Человек, Бог и эволюция сливаются воедино. К этой цели и устремляется медитант, упражняясь в воспоминании, размышлении, узрении духа. Это есть всеединство высей, глубей и далей, а также прошлого, настоящего и будущего нашего эволюционного цикла. Таково содержание седьмой ступени.

Понимая медитацию таким образом, мы превращаем ее в инструмент сильного воздействия на наше эфирное тело, ускоряющего его развитие, т.е. индивидуализацию. Развивается ведь только живое. Поэтому Рудольф Штайнер вел Р.С. таким образом, чтобы Антропософии на земле дать жизнь в живом Антропософском Обществе. И ни в каком другом она существовать не может.

11. Участники Р.С.

Может случиться, что на нашу книгу набредет читатель, который скажет себе: кое-что в ней я нахожу для себя приемлемым, но ее критический тон вынуждает меня отвергнуть ее. Мы тотчас же признаем за этим читателем право так поступить, если он, например, прочитав упомянутый выше французский доклад фон Платона, скажет себе: мне очень нравится этот молодой аристократ-демократ, но, ввиду критического тона его выступления, я отвергаю и его доклад, и его самого как члена правления ВАО. Правда, различие между нашей критикой и критикой фон Платона — как между светом и тьмой. Однако, ладно, мы готовы идти на уступки, лишь бы люди проявлялись самостоятельно и без лукавства. Когда же этого не происходит, когда наблюдаешь, что позволяют себе отдельные личности в деле разрушения Антропософии внутри ВАО, а другие всё это охотно принимают, то просто невозможно удержаться и от негодования, и от праведного гнева.

Но когда мы изучаем дела наших предшественников, то нашу критическую позицию лучше будет назвать аналитической. Мы изучаем то, что делали они, чтобы на их ошибках учиться. Критиковать же их как конкретных людей мы не вправе хотя бы потому, что не можем сказать с уверенностью, а смогли бы мы поступать правильно, будучи на их месте. А не уснули бы и мы в Гефсиманском саду?

Познание же истинного облика прошлого позволяет предметно думать о будущем. Реальный человек всегда пребывает в точке настоящего. Она же есть центр претворений прошлого в будущее. Необходимо иметь как можно больше ясных представлений о прошлом, чтобы, метаморфозируя их, творить будущее. Метаморфоза же их осуществляется силой, не принадлежащей временно му развитию. Она приходит в точку настоящего из высей. Идущий к свободе человек переживает ее в виде нравственных интуиций (рис. 6)*

Таковы некоторые методологические принципы познания, имеющего дело с временным, социальным, историческим и т.п. развитием.

* Не напрасно Мефистофель стремится завладеть моментом настоящего.

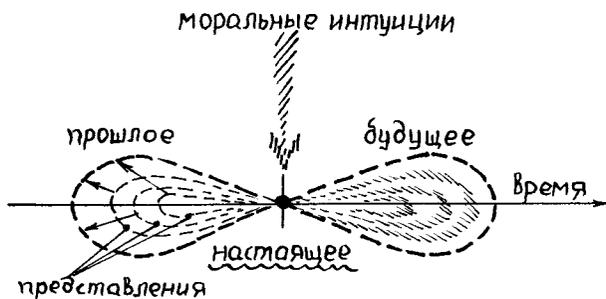

Рис. 6

* * *

Рождественское Собрание было осуществлено как мистериальное действо, в основе которого господствовал принцип семичленного единства, т.е. эволюционизма. Поэтому оно находилось в преемственной связи с лучшими традициями Мистерий прошлого. Рудольф Штайнер говорит по этому поводу следующее: «Если в старых Мистериях кто-то должен был пройти через посвящение, то первая процедура, которой он должен был быть подвергнут, состояла в том, что его способность познавать и воспринимать, вся его человеческая душевная конституция направлялась на постижение значения протекающего семичленным цикле мирового культурного развития». (ИПН. 346, S. 88.) Мистерию Антропософии отличает в этом смысле от прошлых Мистерий то, что ее ученики постигают циклы развития даже в границах семи эонов.

Вовсе не случайно в начале своей научной деятельности Рудольф Штайнер отдал дань уважения Эрнсту Геккелю, а эзотерический базис Антропософии начал возводить на учении об эволюции. И гносеология его, как особенное, которого нет больше ни у кого, содержит в себе принцип эволюционизма, развития уровней сознания, образующего наивысшую ступень эволюции видов. Вся другая эзотерика нашего времени носит упадочный характер главным образом потому, что не имеет отношения к теории развития и к теории познания.

Эволюция мира, в антропософском ее понимании, совершается в форме мирового креста. Крест является ее прафеноменом. На

этом кресте (и это имел в виду Платон) уже в первую коренную расу нашей, четвертой глобы начала распинаться Душа Всечеловека — Адама Кадмона. И Сам Бог, низойдя на Землю, явил Мистерию, в центре которой был воздвигнут крест. Его горизонтальная ось символизирует пространственно-временную эволюцию. Его вертикальная ось символизирует Я-принцип, который всегда нисходит из высей и эволюирует во временной эволюции. Он ее оплодотворяет, метаморфозирует. Вдоль вертикальной оси боги нисходят к людям, а люди направляют свои надежды и упования к богам. Благодаря этому временно е становление получает смысл. Издревле места, где свыше божественные импульсы входили в земное развитие, в культурно-историческое развитие, оплодотворяя его, назывались Мистериями.

Рудольф Штайнер различным образом пытался обратить внимание участников Р.С. на то, что они суть участники совершающейся Мистерии, в основе которой правит принцип эволюционизма. Он указывал на глубинную связь пожара Гетеанума с пожаром эфесского храма Артемиды, и прямо говорил при этом, что Мистерии — это места встречи людей с богами и что от этих встреч зависит бесконечно многое. Он также говорил, что антропософское Движение «в его целостности» есть «служение Богу». Будучи понятым, вписанным в сердце, это знание свяжет всех участников Собрания «с праистоками всего человеческого в духовном мире». (ИПН. 260, S. 35.) А еще участникам нужно понять, «каким образом духовно-эзотерическое должно стать основанием всей нашей деятельности и сути...» (S. 38). Духовные силы Универсума желают по-новому войти в земное становление человека, они требуют нечто от людей, а именно, чтобы «некий род революции в Космосе»* стал стремлением людей к «новой духовности» (S. 271).

Антропософское Движение есть «служение Богу» «силой духа и в познании Истины». Поэтому спекулятивное отношение к истине в нем упраздняет всякое к нему отношение. Мировой необходимостью оно вызвано к жизни в тот период эпохи души сознательной, когда особенно высоко поднялись «волны» материализма и всего того, что он влечет за собой. В эти-то волны и «ударило с другой

* Имеется в виду отпадение планетарных интеллигенций от центрального водительства интеллигенции Солнца.

стороны (по вертикали. — Авт.) ... откровение Духа... явилось откровение духовного человечеству. И не из земного произвола, но следуя призыву, прозвучавшему из духовного мира, не из земного произвола, но перед лицом грандиозных образов, даруемых духовной жизни человечества из духовного мира в виде откровений нового времени, проистек Импульс антропософского Движения» (S. 35). И Импульс тот с совершенно особенной силой подействовал во время Рождественского Собрания.

Еще и поэтому образованный тогда Форшланд был эзотерическим. «Он должен, — разъяснял Рудольф Штайнер, — постичь задачи, поставленные антропософскому Движению из духовного мира; должен* их воспринять (усвоить), должен ввести их в мир и не должен быть лишь просто правящим Форшландом». (ИПН. 260а, S. 371.)

Наконец, Рудольф Штайнер прямо сказал, что нечто в духовном мире желает через Р.С. войти в антропософское Движение, а потому других, подобных этому, тагунгов в истории Движения еще не было.

Можно быть уверенным, что все участники Р.С. получили в своем высшем сознании, подобно тому, как это описано в «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца», «письменное» приглашение, которое им принесло некое ангелоподобное существо. Потом, как и в «Свадьбе», были и «вороны», и сильный «встречный ветер», так что одни опоздали (Фробёзе), другие не приехали совсем (Дунлоп).

Но что было особенно важно — это прийти на Собрание, как сказано в евангельской притче, «в брачной одежде», что означает: духовно бодрственным, эзотерически настроенным, оставив дома всё своё низменное, повседневное, мелкое, и во всеоружии духовного знания. Было ли это сделано? Когда читаешь описание (стенографические записи) того, что происходило во время Р.С, то создается впечатление, что — нет!

В докладе, прочитанном утром 24 декабря, которым Рудольф Штайнер открыл Собрание, он начал свою речь с того, чем, собственно, и закончил в вечернем, последнем докладе 1923 года. Он говорил о руинах Гетеанума. Апеллируя к тому, что участни-

* Ну а если должен, то, ведь, и может?

ки должны были уже знать, он указал на необходимость войти в большие всемирно-исторические отношения, столь основательно изменившиеся в новой эпохе. А еще он хотел обратить внимание присутствующих на то, что место, где они собрались, — это не Ноев Ковчег. Вокруг антропософского Движения и даже внутри его находятся люди Клингзора. Их может оказаться в нем еще больше (об этом говорится в последующие дни), ибо создаваемое Общество будет открытым*. И нужно понять, что открытость его ко многому обязывает носителей Импульса Антропософии. От них требуется намного больше внимательности, трезвости, реализма. Следовательно, никому тогда (и теперь тоже), в особенности ядру старых членов, правлению, ни в коем случае не следовало расслабляться, впадать в наивно-благодушное состояние; но одновременно нужно было оставаться открытым.

Однако это лишь внешняя сторона дела. А какова была внутренняя? Рудольф Штайнер в том утреннем докладе говорит: «Так можем ли мы, мои дорогие друзья, что-либо иное, кроме того, что выразилось в этих грудях руин, привести в связь с нынешними событиями времени? Это стоит сегодня перед нами прежде всего как подавляющий образ. И хотелось бы сказать: те пламена, которые год назад в новогоднюю ночь перед нашими физическими глазами и, режуще, перед нашими душевными очами столь ужасно бушевали, вздымаясь в выси неба, те пламена — мы ведь видим их в духе, по сути говоря, над многим, что мы построили в последние двадцать лет».

А далее он говорит о «грандиозном откровении» духа людям, начавшемся в последней трети XIX в., и что оно импульсирует антропософское Движение. Таковы были две стороны дела непосредственно в самом антропософском Движении. Исходя из них, Рудольф Штайнер формулировал задачи, которые встали перед участниками Р.С. Проникновенными словами, в которых сплелись боль утрат и понимание колоссальной серьезности сложившегося положения в делах человеческих, он говорил: Мы хотим в начале этого нашего Собрания «воспринять в наши сердца», «хотим глубоко вписать в наши сердца, что это антропософское Движение

* Вспомним еще раз приведенные выше высказывания Прокофьева по поводу «формы», которую могут заполнить «другие» силы, и т.д.

желает душу каждого в отдельности, кто хочет посвятить себя ему, связать с первоистоками всего человеческого в духовном мире*, что это антропософское Движение желает привести человека к тому пока что последнему для него в ходе развития человечества на Земле утоляющему [жажду духовного] просветлению (озарению), которое в отношении к начавшемуся откровению может быть облечено в слова: Воистину, это есмь Я как человек, как поволенный Богом человек Земли, как Богом поволенный человек Мироздания». (ИПН. 260, S. 35.)

«Und der Bau wird Mensch»
(И Бау становится человеком)

* * *

Таковы были далеко не простые предварительные условия, выполнение которых делало реальным участие в Р.С. С полным самосознанием поставить их перед своей душой и означало прийти на Тагунг в «брачных одеждах» и быть уверенным, что не случится того, о чем повествуется в известной евангельской притче.

Но вот начинается работа Тагунга. Идет обсуждение статутов. Рудольф Штайнер излагает их в целом и спрашивает, кто желает эти статуты принять в первом чтении. Голосуют единогласно. Рудольф Штайнер: «Таким образом, набросок статутов принят в первом чтении. (Дружные оживленные аплодисменты.)» (S. 115)

Как будто бы все идет прекрасно. Рудольф Штайнер открывает «специальные дебаты» по каждому из параграфов. Участников просят высказываться. И что же говорят они? — Нечто крайне заурядное, тривиальное, и не просто по содержанию, а — что особенно трагично — по роду, по типу мышления. В замечаниях, дополнениях, поправках, которые предлагают участники, не проявляется ни малейшего понимания того, с чем они имеют дело. Они мыслят рассудочно, абстрактно, по преимуществу юридически, полагая, что так же мыслил о статутах и Рудольф Штайнер.

Да, тут вновь вспоминаешь, как он объяснял, что желает быть не уважаемым, а понятым. Ведь в том же 1923-м году он говорил о своей «Философии свободы»: «Когда в 90-х годах книга была из-

* Мистерии — места встречи богов с людьми.

дана, то люди вообще не знали, что им с ней делать. Это выглядело так, словно бы кто-то в Европе написал книгу по-китайски и потому никто не может ее понять. Ну, конечно, она была написана по-немецки, но такими мыслями, к которым люди совсем не привыкли, ибо совершенно намеренно из тех мыслей было исключено все латинское. В первый раз совершенно сознательно было принято решение: в книге не должно быть ни одной мысли, порожденной под влиянием латинского, но только самостоятельные мысли. Ведь «латинянин» — это только физический мозг. Эфирное же тело человека — это ни в коей мере не «латинянин». Поэтому пришлось постараться выразить на языке такие мысли, которые имеешь, получая их в эфирном теле». (ИПН. 350, 28.6.1923.)

«Философия свободы» вышла в свет в 1894 году, а после того Рудольф Штайнер много раз с самых различных точек зрения показывал, что для антропософа ступень *Homo sapiens* уже не преимущество, а тормоз на пути к духу, к созерцающему мышлению *Homo liber*'a. И потому он имел право и основание надеяться, что антропософы придут на Р.С. не «латинянами», не в будничном платье латинского способа мышления. Они же пришли! И в этом был корень трагедии, разражающейся по сей день.

Если мыслить формально-логически, рассудочно и юридически, то пришлось бы сказать, что поправки те и дополнения разумны, и жаль, что Рудольф Штайнер почти все их отверг*. Но дело-то в том, что общение Рудольфа Штайнера с участниками происходило на языке, который они слышали двадцать лет, но понимать его так и не научились. Он остался для них словно бы китайским.

Почему это так случилось, мы сказать не можем. — Почему оказался непонятым язык души сознательной, в котором суть «латинского» была снята, а вместе с нею и малое рефлектирующее «я», а на место его поставлена созерцающая сила суждения, которой Гете пользовался уже в последней трети XVIII века? Да и могло ли мистериальное действие звучать на другом языке, например на том, на котором говорят в современном парламенте?

Ведь рефлектирующее мышление отражает-отбрасывает подступающую к нам космическую интеллигенцию, и астральное тело

* В тексте ИПН 260 они выделены курсивом и просим читателя все их прочесть. Это стр. 116–134.

удерживает лишь тени ее прикосновений. Импульс же Р.С. хотел войти в эфирные тела участников и совершенно сознательно, следовательно, мыслить о нем надлежало тем «эфирным сердцем», которое сначала формируется у нас в области головы. Об этом «сердце» Рудольф Штайнер говорит в лекции от 1 мая 1915 г. (ИПН. 161.): Когда же человек

Рис. 7

начинает «развивать имагинативное познание» (а мы как раз оказываемся на полпути к нему, учась мыслить способом идеального восприятия), «он эфирно вырастает из самого себя», за пределы своего физического тела и развивает нечто вроде «эфирного сердца» в области головы. И свои слова Рудольф Штайнер поясняет рисунком (рис. 7)

Тема эта развита и в других лекциях, в книге «Как достигается познание высших миров?» Поэтому речь Рудольфа Штайнера должна была бы быть понятной членам задолго до Р.С.

Рудольф Штайнер не принимал дополнений к статутам потому, что они имели вид механических приставок к тому, что было духовно-органическим. Чтобы это понимать, нужно было исполнить призыв, прозвучавший еще 2000 лет тому назад из уст Иоанна Крестителя: «Измените ваш способ восприятия и постижения мира. Приблизилось Царство Небесное». (Мф. 3,2; согл. переводу Эмиля Бокка.)

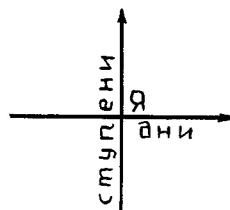
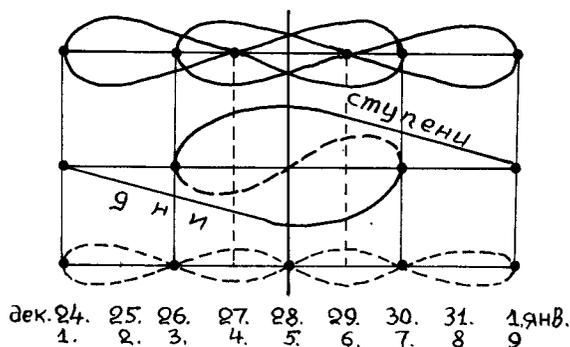
Рудольф Штайнер действовал во время Р.С. от имени космической интеллигенции. И он действовал как космическая интеллигенция. Она же даже в понятийном, логическом мышлении действует как принцип отрицания. Мы говорим о самодвижении мышления в диалектике, но каково его происхождение? В нашем рефлектирующем мышлении рождаются тезисы. Это наша заслуга, что мы их объективируем. Но поскольку они бессущностны, космическая интеллигенция всем им говорит нет. Таким образом, уже в абстрактном мышлении мы ведем диалог с космическими интеллигенциями и благодаря ему приходим к суждениям, синтезам. Но

далее и их нужно снять, а с ними и малое «я»; тогда в мышление входит бытие, мышление эфиризируется. И из такого мышления нужно было вести диалог с Рудольфом Штайнером.

Рудольф Штайнер пытается в ходе Р.С. вывести участников на нужный путь. Он говорит, что параграфы статуты развиваются, что зарождающееся в одном из них (например в п. 5) нужно проследить далее (до п.7; см. S. 130f.), что п.3 и п.7 соединяет не противоречие и т.д. Но участники в своем юридическом энтузиазме ничего этого не слышат. Эзотерический же ритм Собрания (не поспешность!) требует завершить работу со статутами 28 декабря, т.е. на пятый день, когда в семичленном цикле мышления идея выступает из созерцания и воспринимается идеально. В параллельном, еще более эзотерическом потоке в этот день (28 дек.) давалась третья степень медитации камня основы — синтез.

С точки зрения магии чисел, Мистерия Рождественского Собрания была организована так, что от его начала развивалось семичленное единство дней, а с 26 декабря до 1 января — единство семи ступеней медитации камня основы. Обе семичленности сводил в единство цикл из 3x3 лекций, своим содержанием ясно указывавший на эволюционный характер этой Мистерии (рис. 8).

Общую систему статуты можно было бы понять, разгадав ее мазетизис. А он такой же, как и в «Философии свободы» с ее 2x7 главами и третьей частью, состоящей из одной главы («Выводы монизма»). И в одном, и в другом случае мы имеем дело с проекцией макроза-

Цикл: «Мировая история в свете Антропософии как основа познания человеческого духа».

Рис. 8

кономерностей на план человеческого социально-эзотерического и индивидуально-духовного бытия.

Рудольф Штайнер, несомненно, имел основание надеяться встретить в участниках Р.С. такого рода понимание, силу со-мыслить с ним. Однако на самом деле случилось нечто иное, нечто, увы, заурядное, что можно уподобить такому, скажем, фантастическому случаю. Представим себе, что Гегель захотел бы основать какое-нибудь Общество диалектиков. На учредительном собрании он сказал бы участникам: Мы исходим в нашем познании из принципа триады; наша основополагающая триада состоит в том, что бытие отрицает себя в себе и благодаря этому делается становлением. Что Вы по этому поводу думаете? И вот, кто-то из участников подал бы такой совет: Давайте скажем «всякое бытие». Гегель ответил бы: Это излишне, иначе кто-то, пародируя нас, станет говорить, что всякое бытие отрицается всяким небытием и так возникает всякое становление. Конечно, в том случае участники, вероятно, рассмеялись бы и, возможно, затем был бы поставлен такой вопрос: Но какое все-таки бытие имеем мы в виду: бытие-в-себе, бытие-для-себя, наличное бытие? На это Гегель ответил бы: Ну это другое дело! Этот вопрос нам нужно рассмотреть детально. Но участникам Р.С. было не до смеха. Они воспроизводили выдуманную нами историю лишь в ее первой части, например, при обсуждении п.1 и 2 статуты или в том случае (речь о нем пойдет ниже), когда, желая прекратить позорные дебаты о членских взносах, Рудольф Штайнер предложил: так сделаем уплату 12-ти шиллингов условием создания Общества. Никто тогда не рассмеялся, а иные, наверное, и обиделись. И, видимо, лишь совсем немногие поняли, что он старался указать на неуместность их чисто рационалистического и к тому же просто тривиального образа мышления.

Ну, в самом деле, возьмем п.1 статуты. Он сформулирован понятийным мышлением, поскольку, так сказать, стоит на границе между АО и внешним миром, где мыслят только понятийно, а также потому, что он должен быть снят. И в своей известной формулировке он отвечает обоим этим требованиям. Но г-н Кайзер спрашивает: почему в нем сказано о «душевной жизни», а не о «всей жизни»? Да потому, что в человеке основные противоречия коренятся между чувством и волей, между чувством и мыслью, между понятием и восприятием, а не, скажем, между почками и печенью; не решив

их, он не знает, что ему делать, и оттого начинается деструкция его «я». То есть это именно сфера душевной жизни, которую можно изменить, познав ее, изменив сам характер познания путем снятия рефлектирующего мышления. И еще Рудольф Штайнер поясняет: «В первом параграфе должно быть уже дано также нечто как можно более конкретное» (ИПН. 260, S. 116), а «вся жизнь» — это нечто расплывчатое.

Параграф 2 раскрывает содержание душевной жизни, какой она будет лелеяться в Обществе. Она включает в себя моральные, религиозные и художественные элементы. Основу такой жизни будет составлять познание Духовной науки. Все это станет возможным при условии создания новых взаимоотношений, «совместной жизни» членов в Обществе, т.е. если между умом и сердцем у них не будет трагического разлада. Параграф 3 вводит элемент воли, в котором к синтезу приходят и мысль, и чувство. Тогда Антропософия становится продуктивной «не только в духовной, но и в практической сфере».* В духовной сфере она может быть продуктивной и в единенно работающем антропософе.

Отчаявшись вызвать в участниках понимание происходящего, Рудольф Штайнер прекращает дебаты таким образом, что на этом стоит специально задержаться. Долго и мучительно идет обсуждение трех первых параграфов, когда стороны говорят на разных языках. Особенно трудно дается п.3. Один из участников предлагает вместо «einen gleichen Fortschritt» поставить «ebenso Fortschritte»** Рудольф Штайнер защищает слово «gleich» как более живое, «имеющее запах» и т.д., и далее говорит: «Ведь мы и без того, к сожалению, также и в языке стоим на пути к абстракции».

Но теперь дело обстоит так: если о п.3 требуется говорить еще, то дебаты о следующем параграфе, после того, как сделано предложение дебаты прекратить, я должен перенести на завтра. Ибо нам уже не добраться до голосования (по нему). Я прошу, однако, обра-

* Один из участников предлагает эту часть параграфа переписать следующим образом: «как в духовной, так и в практической сферах» (S. 129). Для «латинянина» в мышлении так, конечно, звучит лучше. В 2002 г. в этом духе мыслили еще «масштабнее». В таких случаях создается упоительная иллюзия, что и ты участвуешь в мировом свершении, даже пальцем не шевельнув для того, чтобы хоть как-то подготовить себя для этого «участия».

** «одинаковый, такой же успех...», «в равной мере успехи...»

тить внимание на то, что предложение закончить дебаты я должен сейчас же поставить на голосование. И я прошу, в соответствии с процедурой, тех друзей, которые предложили дебаты прекратить, подтвердить свое предложение.

Д-р Унгер: Но речь идет лишь о п.3. Ведь мы ведем специальные дебаты.

Д-р Штайнер: Прошу тех, кто против прекращения дебатов, поднять руку. — Да, это не проходит, прошу прощения! Мы переходим к голосованию по принятию или отклонению п.3... Итак, пункт 3 во втором чтении принят. Завтра мы продолжим специальные дебаты, начав их с пункта 4». (S. 133f.)*

Такое прекращение дебатов произвело впечатление на участников. Они, словно бы в полусне, почувствовали, что дело идет не так, как надо, что чего-то они недопонимают. И что же предпринимают они? — Капитулируют! Если доводы рассудка в такой работе не годятся, то прочь с мышлением вообще!

На другой день перед началом дебатов поступает предложение, которое высказывает генеральный секретарь английского АО мистер Коллисон. «Как очень старому члену, — говорит он, — Вы простите мне, если я скажу несколько слов об этих статутах. Мы теперь подошли к пункту 4. Я полагаю, что это не может входить в наши намерения статуты улучшать. Господин д-р Штайнер приложил столько усилий к ним, и они, поистине, всеобъемлющи. Мне кажется, что дебаты об отдельных пунктах должны иметь целью ставить какие-нибудь вопросы о значении и важности этих пунктов (бурные продолжительные аплодисменты)».**

Рудольф Штайнер, не проронив ни единого слова по поводу сказанного Коллисоном, ставит вопрос: «Кто желает иметь слово по п.4?» Далее в стенограмме стоит: «Предлагается (участниками) принять статуты путем выражения общего одобрения.

Д-р Штайнер: М-да, я должен тем не менее спросить: кто хочет иметь слово по п.4? — В этом п.4 речь главным образом идет о

* Мы не станем удлинять текст пространным цитированием. Пусть читатель сам прочтет все это. Тогда впечатление, описываемое нами, встанет в нем с еще большей силой.

** «Бурные аплодисменты» вопиющей поверхности, полнейшему непониманию и даже скрытой иронии!

том, что мы в ближайшее время представим миру Антропософское Общество как в полном смысле открытое...» (S.139)

Рудольф Штайнер спрашивает в третий раз: кто хочет высказаться по поводу п.4. — Никто не хочет. Никто не ставит вопросов и о «значении и важности».

После принятия п.5 Рудольф Штайнер замечает: «Как кажется, слова мистера Коллисона произвели странное приглушающее действие!» (S. 146)* После п.6, поскольку молчание продолжается, он опять замечает: «Мистер Коллисон — поистине маг!»

Наконец один из участников обнаруживает в тексте статута опечатку — вместо «anerkannte» напечатано «erkannte». Опечатку исправляют, и тогда кое-кто решается задавать вопросы. Дело, как будто бы, сдвигается с мертвой точки, да вот беда — это опять вопросы рассудка, да к тому же и не по делу. Спрашивают, лишь бы что-то спросить:

— Можно ли будет циклы покупать в магазине?

— Можно ли давать их читать новым членам? И т.д. (Это во время обсуждения статута!)

А в ходе Собрания начинает назревать внутренняя катастрофа, ибо, повторим еще раз, — оно не было обыкновенной конференцией. Участники все более демонстрируют свою неспособность следовать за Рудольфом Штайнером, понимать его, и он день ото дня все более остается один.

Если не опьянять себя порождениями идеологического порядка, не внушать себе и другим, что Р.С. было победным шествием Антропософии к своему апофеозу, а вместо этого внимательно вчитаться в материалы Тагунга, в стенографические отчеты, то нам предстанет поистине печальная картина.

Вот еще один пример. Рудольф Штайнер объявляет, что собрание швейцарских вальдорфских педагогов состоится в Гласхауз**, но поскольку места там мало, он просит не приходить туда членов из Германии, «несмотря на то, что это, естественно, очень неприятно». (S. 163). Но туда могут прийти друзья из «не немецких стран», т.е. из всех стран, кроме Германии... ну и еще Австрии, поскольку в этих странах большие проблемы с валютой. (?)

* Мы бы тут поставили два восклицательных знака и один вопросительный.

** Так называют сохранившееся и поныне здание, где делали витражи для Гетанума.

Спросим себя: что это означало? Ну да, это правда, — ме ста в Гласхауз было маловато, но ведь в Штуттгарте была первая и, по сути, базовая Вальдорфская школа. И собрание педагогов не рядовое, а во время Р.С.

Так не было ли это внешнее событие лишь знаком чего-то другого, о чем вслух не было сказано? Вспомним опять 1923-й год, борьбу Рудольфа Штайнера со «штуттгартской системой», когда он не побоялся говорить неліцеприятно, называть вещи своими именами. В первые дни Р.С. гости из Штуттгарта (за исключением Карла Унгера) молчат, да и потом почти молчат или делают довольно странные замечания. А ведь это всё именитые гости. Они что, обиделись на Рудольфа Штайнера и решили объявить ему во время Р.С. бойкот?*

Штуттгарт в те годы много на себя взял. А, как известно, кто много на себя берет, с того много и спрашивается. Но вот — спросить оказалось не с кого!? И потому в той «просьбе» Рудольфа Штайнера слышится начало драмы, вплетающейся в Мистерию, каковой было Рождественское Собрание. На нем как-будто бы начинает звучать тема известной евангельской притчи: «И брачный пир (в духе “Химической свадьбы Христиана Розенкрейца”. — Авт.) наполнился возлежащими. Царь, вошедши, посмотрел возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг, как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал». (Мф. 22, 10–12)

Это впечатление еще больше усиливается, если обратить внимание на нелепое или, если угодно, высокомерное заявление д-ра Колиско, что он отдает (жест доброй воли) Философско-антропологическому издательству курсы лекций, которые Рудольф Штайнер читал в Штуттгарте (см. S. 152)! Но особенно тягостное, гнетущее, обескураживающее впечатление производит вспыхнувшая во время Р.С. дискуссия по поводу членских взносов.

29 декабря в 8.30 утра в Гласхауз собираются генеральные секретари и Э.Ляйнхас (Штуттгарт), член правления немецкого АО, переводит разговор с поставленной темы на членские взносы. Рудольф Штайнер просит г.Ваксмута осветить этот вопрос, но на том

* Тут следует еще раз указать на статью Г.Баластер и Х.Висберггер. (См. прим. 18.)

дело не кончается. Рудольфа Штайнера втягивают в мучительное препирательство по поводу того, что платить 12 шиллингов в год — это очень много. Говорит баронесса Ренцис: «Ведь это 50 лир. Для Италии это никак не возможно!». (S. 176) Мистер Кауфман (Адамс) из Англии предлагает платить лишь 7 шиллингов. Рудольф Штайнер разъясняет, увещевает; наконец и он не выдерживает и говорит прямо: «Я бы только хотел заметить, что это обсуждение, перешедшее на такие вещи, оно ведь, по сути, не имеет отношения к теме сегодняшнего дня...» (S. 179) Но ничто не помогает, и возражения лишь нарастают.

Находится, что сказать, один лишь Бюхенбахер. Он на Тагунге представлял Свободное Антропософское Общество Германии. Он был тогда сравнительно молодым членом, и он напомнил маститым об одной аксиоме, которую те не должны были забывать. Он рассказал, что в разоренной, голодающей Германии одни члены их Общества находят возможность материально поддерживать других, одни бедные — других, которые еще беднее. Если все проявляют участие, заключил он, то дело идет. (S. 179)

31 декабря утром Рудольф Штайнер читает доклад на тему «Будущая идея Бау в Дорнахе». Он говорит о планах строительства второго Гетеанума, а вечером того же дня в восьмой лекции рождественского цикла (восемь — это ступень октавы) он эту тему углубляет до, поистине, мистериального звучания. В этот день, год назад, также поздно вечером был пожар Гетеанума. Рудольф Штайнер говорит о связи этого пожара с пожаром в Эфесе, и все это дается во взаимосвязи с содержанием предыдущих лекций цикла. Зависть люциферических богов, говорит он, сожгла храм в Эфесе, наш Гетеанум сожгла зависть людей.

Роль Гетеанума в жизни и судьбе антропософского Движения столь велика, что описать ее одному человеку не под силу, а кроме того, главное тут заключается в переживании, которое растет и зреет годами.* Но то, что сказал Рудольф Штайнер в заключение той

* Приведем лишь один из примеров того, как значение Гетеанума понимал сам Рудольф Штайнер. Когда в 1920 г. иссякли средства на его строительство, а он еще был не завершен, Рудольф Штайнер в лекции от 28 августа в Дорнахе говорил: «Если тут в самом деле не дойдет до сознания, чем должно стать это строение, если оно останется в нынешнем состоянии, то тогда, мои дорогие друзья, тогда мы останемся лишь с каркасом этого строения. Завершить мы

лекции, столь значительно, что мы приведем ее окончание целиком; и даже далекий от Гетеанума читатель вряд ли останется при этом совершенно бесчувственным.

То, поистине, была кульминация Рождественского Собрания, где, наконец, в душах людей, осознавших, на перекрестке каких космических взаимосвязей и течений они стоят, неизбежно должны были пасть твердыни эгоизма низшего «я», «оберегающие» человека от вторжений истинного духа.

Рудольф Штайнер говорил: «Дух Гетеанума, если только наше желание честно и искренне, не может быть взят от нас. И менее всего он может быть взят от нас, если мы в этот серьезный праздничный час, когда лишь короткое время отделяет нас от того момента, когда год назад пламя вырвалось из нашего любимого Гетеанума, если мы в этот момент не только вновь переживем боль, но из этой боли исходя, дадим в себе торжественное обещание остаться верными тому духу, место которому мы возводим здесь в течение десяти лет, тогда, мои дорогие друзья, если это внутреннее торжественное обещание честно, искреннее исходит сегодня из нашего сердца, если мы боль, страдание сможем превратить в импульс к деянию, то тогда печальное событие мы преобразуем в благословение. Боль от того не станет меньше, но нам надлежит именно из боли обрести побуждение к деянию, к деянию в духе. ... Так повторим в этот миг с еще большей глубиной те слова, которые год назад я примерно в это же время сказал там (в Гетеануме). Тогда я сказал примерно следующее: мы достигли кануна нового года (Сильвестра), и теперь нам следует направить свою жизнь к новому мировому году. — О, если бы Гетеанум еще стоял среди нас, этот призыв мог бы быть в этот момент обновлен! Но он больше не стоит среди нас. И именно потому, что он больше не стоит среди нас, тот призыв должен быть в этот вечер Сильвестра высказан с многократ-

его тогда не сможем; тогда это строение останется завещанием сокрушенной Средней Европы, завещанием погибшей Средней Европы. Но, мне кажется, это не в интересах развития современного человечества возвести здесь лишь завещание, не довершить дела». (ИПН. 255 b.)

О том, как говорил Рудольф Штайнер о Гетеануме, мы можем прочесть в воспоминаниях Адельхайд Петерсен: «Это было захватывающе, с каким внутренним движением — часто это было едва ли не со слезами — говорил он о значении этого строения для духовного мира, об участии умерших в этом строении...»

но большей силой. Перенесем Душу Гетеанума в новый мировой год и постараемся возвести в новом Гетеануме телу прежнего Гетеанума достойное свидетельство, достойный памятник!

Это, мои дорогие друзья, да соединит наши сердца с прежним Гетеанумом, который мы были вынуждены передать элементам. И да соединит это наши сердца с Духом, с Душой Гетеанума. И с этим торжественным обещанием, данным из лучшей части нашего существа, мы желаем не просто перевести нашу жизнь в новый год, мы желаем перевести ее деятельно сильной, несущей дух, ведущей душу в новый мировой год.

Моим дорогим друзьям, Вы спониманием восприняли меня, если в воспоминании Вы вознеслись в старый Гетеанум, если Вы живете в воспоминании об этом Гетеануме. Давайте встанем теперь в знак того, что мы дали торжественное обещание действовать далее в духе Гетеанума, исходя из наших лучших сил, какие мы только можем найти в образе нашего человеческого существа. Да будет так. Аминь.

Да будет это нашей волей, дорогие друзья, столь долго, сколь только мы можем следовать этому, следовать той воле, которая наши человеческие души соединяет с душами Богов, которым мы желаем сохранить верность в том духе, исходя из которого мы искали проявить эту верность им в тот момент нашей жизни, когда мы искали Духовную науку Гетеанума. Так сумеем же эту верность сохранить». (S. 251f.)

Больше никогда и нигде Рудольф Штайнер не говорил таким образом, как в этот последний вечер 1923-го года. Из нестерпимой боли потерь, в тот момент мировой истории, когда позади было безумие первой мировой войны, а впереди уже маячил ужас второй и весь надвинувшийся Апокалипсис XX и XXI веков, он как верховный Иерофант всеобъемлющих спасительных для человечества Мистерий делал последнюю попытку пробудить в людях самосознание, чувство ответственности, энтузиазм и готовность пойти на жертвенное служение человечеству, делая его интересы своими личными, в момент неслыханного кризиса, постигшего мир.

И Рудольф Штайнер знал, что из духа человечеству еще раз протянута рука помощи, что в зале собрались люди, способные ту руку принять. И если они это сделают, то пережитые человечеством страдания можно будет превратить в духовное обновление, войти «в новый мировой год», с которого начнется, наконец, реальное

движение людей к свободе, а благодаря таким людям — спиритуализация культуры и цивилизации; Антропософия широко пойдет в мир, неся импульсы духовного возрождения во все сферы человеческой жизни.

Так завершил Рудольф Штайнер необыкновенно трудный для Антропософии 1923-й год. Утром 1 января 1924 г. он дал последнюю ступень медитации. Потом он вновь заговорил о необходимости строить второй Гетеанум и в конце спросил: «Желает ли кто высказаться по этому вопросу возобновления строительства?» Слово взяла некая мисс Х. Она сказала о том, что эвритмия способствует популярности Антропософии в Южной Америке и попросила дать ей фото Марии Штайнер для опубликования.

Потом выступили еще два господина. Рудольф Штайнер все это время молчал. И тогда заговорила мадмуазель Зауервайн — генеральный секретарь французского АО. Она вновь подняла вопрос о членских взносах. (И 29-го декабря она выступала на стороне тех, кто считал, что 12 шиллингов — это слишком много.) И Рудольф Штайнер, вместо того, чтобы говорить о Гетеануме, вынужден был терпеливо разъяснять, что «это всего лишь 1 шиллинг в месяц. Сосчитайте, сколь мизерная сумма приходится на один день!» (S. 264) Ведь если мы не соберем этих денег, продолжает он, то будет невозможно вести Общество и т.д. Легко представить себе, что переживал он при этом разговоре. Не сдержавшись, в конце концов, он предлагает членам: «А не лучше ли было бы сказать нам: вот нам необходимо получить от каждого члена по 12 шиллингов, и тогда мы оснуем Антропософское Общество. Это, наверно, был бы более рациональный путь!» (S. 264)

Никто, разумеется, не рассмеялся. Мадмуазель Зауервайн не хотя соглашается платить эти 12 шиллингов: «если они уж так необходимы», то Франция* их соберет; только «к какому сроку нужно это сделать»? И еще у нее вопрос: пойдут ли эти деньги Обществу или на строительство? (S. 265, 263)**

* А ведь Франция, в отличие от Германии, была страной-победительницей и репарации платила не она, их платили ей.

** Заметим и здесь, что мы не занимаемся критикой, мы лишь описываем факты. Известно, что мадмуазель Зауервайн сделала много полезного для ВАО; правда, то было уже ВАО после 1925 года.

А теперь давайте подумаем о том ужасном контрасте, который обнаружил себя в первый день 1924-го года. Главным, можно сказать, рефреном Рождественского Собрания была тема Гетеанума, мысль о том, что его духовные стены окружают участников, что, лишившись материального воплощения, в котором он являл зримый облик Антропософии, он нуждается в воплощении в душах антропософов, что он есть сверхчувственная реальность, внутри которой только и можно уберечь и лелеять импульс Антропософии, что, наконец, второй Гетеанум должен служить всем напоминанием о первом, Душу которого мы внесем во второй. В ответ же звучит: А почему это от нас требуют членских взносов по шиллингу в месяц? И Рудольфу Штайнеру не остается ничего другого, как в одиночку глотать все обиды и только благодарить и взбадривать.

И мы, антропософы XXI века, вправе спросить себя: если дело на Р.С. приняло такой оборот, то где были при этом наши знаменитые предшественники, о которых даже написаны специальные книги?

А Рудольф Штайнер пришел в конце Рождественского Собрания к своей «Гефсимании». Наверное, и в его душе зазвучал тогда горький упрек: «Так не могли вы один час бодрствовать со Мною?»

В цикле лекций, посвященном Евангелию от Марка, он говорит о том, что печалит Христа в Гефсиманском саду: «Что Он не боится креста — это разумеется само собой. Его страшит сомнение, смогут ли те, кого Он избрал, устоять в тот момент, в который должно решиться: хотят ли они своей душой идти с Ним, пережить все, вплоть до креста? Будет ли состояние их сознания таково, что они смогут пережить все, вплоть до креста? Это должно решиться. Это та “чаша”, которая приближается к Нему». ...Он молится: «... не дай Мне еще узнать, что Я стою совсем один, как Сын Человеческий, но что и другие идут со Мной». Однако ученики засыпают. «И Ему ясно, что Он стоит один, они не идут с Ним до креста. Чаша не прошла мимо». (ИПН. 139, 23.9.1912.)

В наше время Христианство вступает в стадию своего осуществления. Новую весть об этом посылает оно в мир. И вестью этой является Антропософия. И вот в решающий момент ученик Христа встает перед тем же вопросом: способны ли люди следовать за новой благой вестью Христианства, за Христом Иисусом в Его втором

Пришествии? Бог молился: да минует Меня чаша сия, ибо иначе очень трудной будет судьба человечества. Новый Хранитель Гра-
аля молился: да найдут они силу следовать за мной, за импульсом Антропософии, нести который в мир выпало на мою долю; если не найдут, то страданиям их не будет конца, путь развития всего человечества будет отклонен от его главной цели, и сколько душ тогда может потеряться в духовной тьме и хаосе разрушения?

Но горькая чаша не миновала и Рудольфа Штайнера. Спустя несколько часов после тех «дебатов» об 1 шиллинге служитель Клингзора поднес ее ему. Она была поистине горькой — в ней был яд. А ученики при этом спали. Нет, не внешне. Внешне они пили чай и вели оживленные беседы. Они спали в Я. И потому все мы, антропософы, чуть более года после того их сна оказались выброшенными «во тьму внешнюю» где беспрерывно лишь нарастают «плач и скрежет зубовой» (Мф. 22, 13). Ну а если кто-то не видит их и не слышит, «процветает» на антропософской ниве, хорошо «кормится от Антропософии» (К. Свасьян), то тем сокрушительнее обрушатся они на него, когда он после смерти переступит Порог и окажется в Камалоче.

Опасно вставать поперек дороги идущему поезду. Неизреченный ужас постигнет того, кто встает поперек дороги идущему к свободному духу человечеству.

* * *

Благодаря колоссальной силе своего духа и Божьему промыслу Рудольф Штайнер после той «чаши» остался жив. Понимая, что отступить просто некуда, он настолько превозмог себя, что в тот же вечер прочитал последний доклад, стоявший в программе Собрания. Это был девятый доклад рождественского цикла. В нем он открыл участникам то, чего они сами так и не поняли: что за ответственность «благодаря этому Собранию» (S. 272) легла на них. Она имеет размеры «грядущей судьбы земного человечества»!

Он рассказал, что современные люди в состоянии сна толпятся в своих астральных телах перед Стражем Порога. И они требуют в этом спящем состоянии впустить их в духовный мир, простирающийся за Порогом, но каждая из душ слышит от Стража: «Ради собственного блага ты не должен переступать Порога. Ты не должен иметь доступа в духовный мир». (S. 273) Ибо позволь Страж этим душам войти в духовный мир с теми понятиями, которые им

прививает современная школа, образование, цивилизация, и они окажутся парализованными. При пробуждении они тогда почувствовали бы: «Однако я не могу думать, мои мысли не в состоянии овладеть моим мозгом, я вынужден идти через мир, не имея мыслей». (S. 274)*

Однако то, что Страж не позволяет им делать во сне, они проделывают после смерти. И потому в будущем люди станут рождаться такими, что будут начисто лишены рассудка, всякой «возможности применять в жизни идеи... Больной, лишь руководствующийся инстинктами человеческого род населил бы в таком случае Землю», и Земля тогда тотально варваризировалась бы. (S. 275)

Такого рода знания, видимо, привели, наконец, участников в некое движение, беспокойство. Вполне возможно, что к ним просочились сведения и об отравлении. И вот, от имени всех участников со словом благодарности к Рудольфу Штайнеру обращается член правления немецкого АО Луис Вербек. Он так прямо и признался, что лишь сказанное Рудольфом Штайнером «сегодня вечером» (и дважды повторил это) глубоко потрясло всех.

Далее, опять-таки от имени всех присутствующих, он сказал Рудольфу Штайнеру «спасибо» и что пришло время «слово благодарности» превратить в «дела благодарности». Как фраза это, может быть, звучит и красиво, даже завораживает. Но если вдуматься в нее, то придется сказать, что она «достойно» венчает все предшествующее ей непонимание. Ведь если говорить по большому счету, то получается: Боги сотворили нас, и из чувства благодарности за это мы готовы признать, что нам нужно что-то делать!

Совершилось мистериальное действие, принявшее крайне драматический характер. И вот от его сплеховавших участников верховному Иерофанту звучит: Danke! И хочется спросить: а почему намного раньше не приходило время для «дел благодарности»? тех дел, которые совершает индивидуальность, исходя из понимания, чувства ответственности, долга, в силу задач развития, наконец, из свободы?

* Прокофьев же хочет нас убедить в том, что участников Р.С. Рудольф Штайнер провел через Порог в бессознательном (т.е. спящем) состоянии. И не менее, чем 49,5 тысячам членов ВАО из 50 тыс. это кажется убедительным и даже блестящим открытием. Когда же Ирина Гордиенко в своем критическом, строго обоснованном и систематическом анализе творчества Прокофьева подвергла это и другие подобные его утверждения сомнению, то ее доводы вызвали у 49,5 тыс. членов лишь негодование.

И, конечно, было уже просто бестактностью говорить о Рудольфе Штайнере в его присутствии перед большим собранием людей: «О, мои дорогие друзья, мы знаем, что в нем действует сверхчеловек, Божественное!... Вчера он говорил... с могучим огнем его большого сердца...» И в заключение: «Да пребудь с нами с небесной силой Твоего отчего благословения!» (S. 286)

Говорить такое Учителю свободы! Не он ли в конце четырнадцатой главы «Философии свободы» писал: «При постижении свободной индивидуальности дело сводится лишь к тому, чтобы перенести в наш дух во всей чистоте (без смешения с нашим понятийным содержанием; — подч. нами. — Авт.) понятия этой индивидуальности, согласно которым она сама себя определяет?» (ИПН. 4, S.241.) А Рудольф Штайнер был свободной индивидуальностью.

Рудольф Штайнер сказал в ответ: благодарите не меня, а «Дух Гетеанума». Но этого-то участники как раз и не могли понять. Для них это были лишь слова, а слова — это «дешевый реквизит», как выразился Вербек в начале своего спича. Для всех ли? Скорее всего, нет. Да и сам Вербек был очень неплохим человеком и антропософом, пытался защищать Рудольфа Штайнера от враждебных нападок. Но Рождественское Собрание требовало особых дел, которые обладают духовной реальностью. Для таких дел нужна иная форма сознания, а ее-то и не было.

Рудольф Штайнер бился за всех до осени, а потом слег. Импульс Рождественского Собрания еще сравнительно долгое время шел к антропософам и мог бы быть воспринят ими. Но они только рефлектировали. К концу лета 1924 г. стало делаться все яснее, что «Рождественское Собрание не удалось», о чем Рудольф Штайнер сам сказал некоторым членам.²¹⁾

Мария Штайнер позже свидетельствовала: «Описание Рождественского Собрания есть труднейшая задача, какую только может поставить себе человек. ... Это была мощная попытка воспитателя людей возвысить своих современников над их малой самостью (Выделено нами. — Авт.), пробудить их к сознательному волеию... И, конечно, это Рождественское Собрание связано в то же время с бесконечным трагизмом. Ибо остается лишь сказать: да, мы были «званы», но не были «избранными». Мы не доросли до призыва. Дальнейшее развитие показало это».²²⁾

12. Какой должна была быть «брачная одежда»?

Да не подумает никто, прочитавший последние страницы, будто бы мы утверждаем, что нам не следует испытывать чувства благодарности к Рудольфу Штайнеру. Напротив, оно неизбежно и постоянно наполняет нас. Ведь мы хорошо понимаем, что в полную силу смысл нашей жизни мы обретаем лишь благодаря Антропософии. Говоря о благодарственной речи Вербека, мы считаем неприемлемым лишь такое беспомощное утопание в элементе души ощущающей. Ведь это именно для нее мыслительная работа есть «дешевый реквизит». В эзотерике, оставаясь с одной этой душой, лишь рискуешь наделать беды, поскольку она легко делается игрушкой в руках супостатов. Она — отчаянная эгоистка, и если испытывает благодарность, то лишь короткий миг, а если раскаивается, то лишь чтобы снять с себя бремя ответственности.

Описывая исходные условия, которые нужно было осознавать и принять, чтобы мочь участвовать в Р.С., Рудольф Штайнер говорил о трех ингредиентах души: мышлении, чувствовании и волеии, которые нужно привести в особого рода активное состояние и дать им действовать в единстве, осуществляемом «я». Всякая односторонность в этой деятельности души в условиях повышенной духовности Р.С. вела к деформации индивидуальных проявлений. Напротив, их гармоническое взаимодействие могло повести к явлению высшего Я в триединой душе

Рудольф Штайнер говорил: я указал вам на «основные условия», «которые на нашем Собрании должны быть поставлены перед нашими сердцами, чтобы можно было основать всеобщее Антропософское Общество. Ему надлежит быть в указанном смысле Обществом убеждений, образа мыслей (Gesinnungsgesellschaft), но ни в коем случае не Обществом статутов. Статуты должны лишь внешне выражать то, что живо пребывает в душах». (ИПН. 260, S. 48.)

А в конце Собрания он подчеркивает: нам необходимо воспринять духовный импульс, но так, чтобы тем самым «сердца могли бы открыться восприятию (этого) духовного импульса...» (S. 271)

Тут думающий антропософ должен спросить себя: в каком смысле следует понимать этот призыв к сердечности? Ведь сегодня где только о ней не говорят, также и там, где царит откровенная

враждебность к мышлению. Что же тогда имеет в виду Рудольф Штайнер? Ответ мы находим в «Листке сообщений» от 27 января 1924 г., где Рудольф Штайнер пишет: «Первоформа, в которой она (Антропософия) может выступать среди людей, есть идея; и первые врата, в которые она стучится в людях, есть понимание, прозрение (Einsicht). И если бы это было не так, то у нее не было бы никакого содержания. Она была бы лишь чувственными грезами». При этом основная черта Антропософии — «жизнь, льющаяся из духа». Поэтому лелеять ее может лишь «живая душа», «горячее сердце». (ИПН. 260а, S. 41.)

Наконец, в первом же параграфе статута написано, что Общество есть объединение таких людей, «которые душевную жизнь ... желают лелеять на основе истинного познания духовного мира». А в п. 2 говорится о «науке о духовном мире». Чтобы ее лелеять в реальной жизни человека, человек этот должен планомерно, со знанием дела, метода развивать триединую душу, в которой мышление пребывает в гармоническом взаимодействии с чувством и волеизъявлением. При соответствующем воспитании чувства и метаморфозе способа, рода мышления это последнее становится чистой волей. И тогда даже одной жизнью мышления можно «Антропософию делать», о чем с особой силой во время Р.С. говорил Рудольф Штайнер. Будь это не так, на Р.С. нужно было бы пригласить лишь участников антропософских практических инициатив.

Еще в 1918 г. в дополнении к «Выводам монизма» в «Философии свободы» Рудольф Штайнер разъяснял, что первая часть книги «показывает интуитивное мышление как переживаемую внутреннюю духовную деятельность человека. Понять в переживании такую сущность мышления равносильно познанию свободы интуитивного мышления». (ИПН. 4, S. 254.) Поскольку же интуитивно переживаемое (в восприятии) мышление есть «покоящаяся на себе самой» сущность (Ibid.), то и деятельность та — сущностная.

Так приходим мы к пониманию того, каким образом следовало «шить» «брачные одежды» для Р.С. и каково было их предназначение, а также почему Рудольф Штайнер говорил: мы строим Общество не на «основных положениях» (на них можно было бы построить союз педагогов, крестьян, врачей и т.д.), а на живых людях, которые собрались теперь на это Собрание. Рассуждая абстрактно, можно было бы спросить себя: а демократичто ли было так выра-

жаться, зная, что в Обществе тогда насчитывалось 12 тыс. членов, а на Собрание съехалось около 800? — Но менее всего речь на Р.С. шла о демократии. Она шла об истинной человечности, которая возникает в человеке с того момента, как он осознает ее, становится душой сознательной. Врожденная доброта легко обращается в свою противоположность; человечность в душе рассудочной — часто лишь фраза.

На Р.С. были приглашены люди, в которых скорее всего можно было ожидать значительного развития души сознательной. К ней и обращался Рудольф Штайнер — к способности участников духовознание соединять с горячим сердцем, бьющимся в унисон с мировыми задачами человечества, к их способности интересы человечества переживать как свои собственные.

В главе 9 «Философии свободы» Рудольф Штайнер описывает душу человека как состоящую из двух основ: понятийной и характерологической. Первая производит мотивы деятельности, вторая — побуждения. Так проявляется в человеке взаимосвязь мысли, чувства и воли. В душе сознательной даже пронизанная чувством характерологическая основа производит в качестве побуждений к действиям представления, т.е. индивидуализированные за счет жизненного опыта (чувств и мыслей) понятия. Мотивами понятийной основы там являются:

- 1) «наибольшее благо человечества»,
 - 2) «культурный прогресс», нравственное развитие человечества.
- (ИПН.4, S. 156.)

И лишь поднимаясь над всем этим, над этими высокими целями и над жизнью чувств, рождающей представления, человек обретает возможность совершать свободные поступки. Многие ли из собравшихся на Р.С. имели подобные «брачные одежды», мы не знаем, но зато хорошо понимаем, почему Рудольф Штайнер говорил, что педанты не годятся для управления Обществом. Ведь они безнадежно застряли в душе рассудочной. А что касается самого Общества, то оно было ни национальным, ни интернациональным, а «всеобщечеловеческим» (ИПН. 260, S. 53), т.е. было просто открыто для всех, что управление им делало особенно сложным.

Особенное Общества заключалось в его «как». От всех других, естественнонаучных и т.п., обществ его должно было отличать лишь то, «что как содержание» текло бы через его «вены» (S. 43).

— Как! — возразят нам. — Ведь содержание — это есть «что». — В данном случае — нет. Рудольфа Штайнера нужно воспринимать точно. Он говорит о таком содержании, которое образует отношения между членами, образует жизнь, которая наполнит Общество. А жизнь — это процесс динамический, и существенное в ней — как эта жизнь формируется, как люди в этой духовной жизни Общества меняют себя и тем дают ему смысл, «делая Антропософию» как духовную субстанцию. Позднейшее показало, что когда ту динамику жизни, то «как» потеряли, то от Общества осталась лишь его неизменяющаяся тень. Ну а еще позже, примерно с начала 80-х годов,* пришло другое «как», и ВАО стало опускаться ниже нулевого уровня, началось его отрицательное существование.

Через своих подвинутых членов, знающих как это делать, Общество должно было черпать свое содержание из сверхчувственных миров, из импульса Христа, и приводить его умело в связь с чувственным миром. Поэтому Собрание было проведено на Рождество. Особенно значительное разъяснение этого факта, взятого как раз в связи с душой сознательной, Рудольф Штайнер дает в «Антропософских тезисах». Он пишет там: «Человеческий мир должен быть познан таким, что он являет во Христе изначальный и вечный Логос, который в области, изначально связанной с человеком божественно-духовной Сущности действует таким образом, что приводит к развитию (раскрытию) Духо-существо человека.

Направить в любви человеческое сердце к этим великим космическим связям — таково истинное содержание того праздничного воспоминания, которое при взгляде на мировую святую Ночь [Мировое Рождество] каждый год подступает к человеку. Если такая любовь живет в человеческом сердце, то оно пронизывает своим пламенем холодный элемент, световой элемент души сознательной. И если бы она осталась без этого пронизания пламенем, то человек никогда не пришел бы к ее проодухотворению. Он угас бы в холоде интеллектуального сознания, или ему пришлось бы застрять в такой духовной жизни, которая не ведет к раскрытию (развитию) души сознательной. Он тогда остановился бы на ступени души расщепленной, или характера.

Но по своей сути душа сознательная не холодна. Она лишь

* Тогда в правление ВАО был принят Манфред Шмидт (Брабант).

кажется таковой в начале своего раскрытия, ибо тогда она может явить полноту света своего содержания, но еще не мировое тепло, из которого она ведь происходит». (ИПН. 26, S. 164f.)

Такова была космически-человеческая конstellация Рождественского Собрания, и каждому из его участников нужно было вписаться в нее в духе того, что было изложено в цитированном руководящем положении, содержание которого можно найти и в ряде лекций Рудольфа Штайнера.

Рудольф Штайнер рассматривает Рождество и Мистерию Голгофы как одно событие. Оно, по сути, даже триедино, ибо включает в себя и Крещение. Создание Антропософского Общества на Рождественском Собрании было по замыслу особого рода конкретизацией, адаптацией События Христа к условиям эпохи души сознательной.* У каждой культурной эпохи своя задача — развитие того или иного члена человеческого существа. И такая задача является в эпохе главной. С развитием души сознательной человек достигает, можно сказать, поворотного момента во всей своей эволюции. Из существа обусловленного он становится самообусловленным и обуславливающим. Именно задачами, особенностями и трудностями становления души сознательной был обусловлен приход Антропософии в мир. Она стала главной Мистерией эпохи.** И когда Рудольф Штайнер говорит, что задача Общества — служить богам (Иерархиям), то он имеет в виду служение в элементе души сознательной. О том же говорит и Христос Иисус, имея в виду Христианство нашей эпохи: «истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников ищет Отец Себе»... (Ин. 4, 23).

Что Бог не имеет в виду чисто понятийное, абстрактное постижение истины, — это не требует никакого доказательства. «В духе и истине» души сознательной пришли боги на встречу с людьми на Рождество 1923/24 г. И встреча та была Мистерией души сознательной. Как в кругу короля Артура тысячелетиями совершалась Мистерия души осязающей (она была инагурирована еще в третью культурную эпоху), так начиная с того Рождественского Собрания Антропософское Общество должно было стать местом мистериаль-

* В начале 90-х годов одного маститого антропософа из Дорнаха спросили в Москве, почему то Собрание было названо Рождественским. Он ответил: Потому, что оно проходило во время Рождества (!).

** Имеются также Мистерии, стоящие выше отдельных культурных эпох.

ного служения душе сознательной, т.е. решать главную задачу пятой культурной эпохи и готовить приход шестой. В этом смысле следует понимать слова Рудольфа Штайнера о том, что, с одной стороны, «в Антропософии дело заключается в истинах, которые могут открываться через нее» (ИПН. 260а, S. 46), а с другой, — что «в конце концов, это зависит от человека — переживает ли он Антропософию или просто представляет себе» (S. 54), что Антропософия должна стать жизнью, а жизнью «нечто может стать лишь в том случае, если будет постоянно возбуждаться жизнью» (S. 62), если человек будет говорить к человеку, «а не воспринятая мысль» (S. 42), если в антропософском смысле будет образована «гармония сердец». (ИПН. 260, S. 36) Душу сознательную нельзя развивать, ведя войну эгоизмов.

Нас ничуть не удивит, если при современном катастрофическом ослаблении силы суждения нам тут же возразят: Так чего же ты критикуешь фон Платона, а еще раньше критиковал генеральную секретаршу норвежского АО Маргариту Зольстад, которая в интервью Еженедельнику говорила по поводу одной встречи членов ВАО: «Прогресс!... О негативном нечего говорить, это неважно. ... Каждый мог нечто привнести; не всегда по делу... Была тишина — и затем в эту тишину кто-то говорил: великолепно! Большое спасибо Правлению (ВАО)... Если при этом что-то попало мимо цели — мне «до лампочки», ибо для меня важнейшее — жест»?²³⁾

В своей беспредметной экзальтации Зольстад выражается, конечно, не совсем точно: на той встрече говорили не в «тишину», а в пустоту и то, что кому спонтанно придет в голову. И возможность просто говорить друг с другом — никакое не чудо, а естественное свойство людей. Лишь бы было о чем говорить! И, наконец, почему это мы, антропософы, так по-детски радуемся дару речи, словно

Margrethe Solstad - Bodo von Plato - Ronald Templeton

«Жесты»

впервые обрели его? Куда важнее радоваться речи, которая несет в себе большую смысловую нагрузку, заключает в себе мудрость и истину. Главная особенность антропософской жизни состоит в том, что в ней люди ищут друг друга в сфере души сознательной. «Ищут» не значит, что тут же и находят. Это длительный процесс индивидуального становления, часто противоречивый и мучительный. Но войти в него — неоценимое благо для каждого; войдя же, нужно помнить, что только высокие цели, идеалы дают истинный смысл человеческим стремлениям, да и всей практической деятельности. Искать человека не во имя высшего развития — это задача, остающаяся за пределами антропософского стремления.

В «Антропософских руководящих положениях» Рудольф Штайнер недвусмысленно пишет об этом. Нам нужно лишь, как мы условились, считаться с тем, как антропософское дело определяет сам Рудольф Штайнер. Тогда можно надеяться, что берущие на себя роль руководителей антропософской работы будут соответствовать ее сути и характеру. Рудольф Штайнер говорил участникам Р.С.: «Ну конечно, членами правления могут быть лишь такие люди, которые свою жизнь неутомимо и беспрестанно посвящают делу Антропософии — внутренне и внешне.» (ИПН. 260, S. 56). Посвятить же себя «делу Антропософии» можно только в том случае, если знаешь его и искренне ценишь. А это вновь возвращает нас к проблеме развития души сознательной.

В руководящих положениях 134 и 135 Рудольф Штайнер пишет: «В самое первое время развития души сознательной человек почувствовал, как им утрачивается данный ему прежде имагинативный образ человечества, образ его собственного существа. Не имея силы найти его в душе сознательной, он ищет его на пути естествознания или на историческом пути. Ему хотелось бы дать возникнуть в себе древнему образу человечества (который был дан групповому сознанию. — Авт.).

Это приводит человека не к подлинной наполненности человеческим существом, а лишь к иллюзиям. Но этого не замечают, а видят в этом нечто такое, что поддерживает собой человечество». (ИПН. 26, S. 156.) Так именно к этим иллюзиям и зовут нас руководители типа фон Платона и Зольстад. Более того, они принуждают нас в том духе, как это научились делать деспоты-«демократы». Но подобный род и способ действий всецело деструктивен. В эпоху

Архангела Михаэля в цивилизацию должен быть внесен импульс, способный обратить ее к решению ее главной задачи. В отдельных личностях он впечатляющим образом проявился еще перед началом и в самом начале эпохи души сознательной. В тех же «Руководящих положениях» Рудольф Штайнер пишет о Гусе, Виклифе и других личностях, «в которых ярче всего сияла сущность души сознательной; они обладали душевным строем, связывавшим их с силами Михаэля, столь крепко, сколь для прочих это должно было наступить лишь через сотни лет...» Таким был и Николай Кузанский. «“Ученое незнание”, о котором говорит он, есть постижение, лежащее выше восприятия, направленного на мир внешних чувств, постижение, ведущее мышление вверх, за пределы интеллектуальности, т.е. обычного знания, в области, где в незнании, но зато в переживающем созерцании постигается духовное». (Ibid., S. 142, 144.)

Таким образом, уже при первых проблесках эпохи души сознательной люди, стоявшие на высоте задач своего времени, обращали свои силы на служение Архангелу Михаэлю — Регенту Космической интеллигенции — и на выработку созерцающей силы суждения. Когда они сходились в группы для совместной работы, продолжает Рудольф Штайнер, то в совместном обретении ими друг друга главным было убеждение в том, «что тот, кто принадлежал к ним, обладал правильным сознанием Миссии Михаэля». (Ibid. S. 145.)

Так, именно в этом смысле и следует понимать задачу: искать человека в антропософском сообществе. Поэтому пусть не дурят нам голову люди поверхностные или взявшиеся не за свое дело.* С настроением легкого совместного времяпровождения, с тривиальными понятиями рассудка, с оккультным администрированием встать на высоту задач современной эпохи Михаэля нельзя. Для антропософов задача эта осложняется еще тем, что через Антропософию импульс души сознательной открывается феноменально, как в кругу короля Артура открывался феномен души ощущающей.

* Вероятно, г-жа Зольстад — хорошая эвритмистка, Михаэла Глэклер — хороший, много знающий врач. Но играть какую-либо роль в нынешнем мутном болоте административной и т.п. борьбы внутри ВАО — это не их дело. И лучше им было бы его оставить.

Зольстад судьба помогла это сделать. Недавно ее сместили с поста генеральной секретарши.

То была Мистерия, и мы теперь также имеем дело с Мистерией: с Мистерией души сознательной, в которой прафеномен этой последней стремится через антропософов прийти в правильную связь со всей культурной, научной, социальной и иной феноменологией жизни. Мистерия эта есть составная часть Мистерии Голгофы во всей ее полноте, простирающейся от Рождества до Вознесения Господнего и Пятидесятницы.

Мистерия Бога — всеобъемлюща, ибо она есть Мистерия все-ленского Я, приводящего человека к воскресению плоти. Сам человек идет к нему эволюционным путем, развивая индивидуальное Я в триединой душе.

Исторически это сложилось так, что круг Артура опосредует связь Мистерии Бога с господствующей и в современных людях душой ощущающей, указуя также и ей путь к Граалю. Тамплиеры были первым духовным течением, в котором на сопряжении эзотерики и социальности началась подготовка эпохи души сознательной. Пройдя через «умри и будь», их импульс возродился в новом облике в Мистерии Христиана Розенкрейца. И вот наступило время для Мистерии души сознательной, призванной опосредовать связь Бога со всей современной цивилизацией. Эту задачу и стремился решать Рудольф Штайнер, учреждая Антропософское Общество в михаэлическом духе и под водительством Михаэля. Люди типа Кузанского, с одной стороны, и Гуса, Виклифа — с другой, могли бы образовать его ядро, сообщество людей, способных на духовное углубление, понимающих суть проблемы и задачи нашего времени, обладающих социальным мужеством. И пока такие люди не появятся, никакие внешние реформы не спасут ВАО; Мистерия Антропософии будет пребывать в латентном состоянии, а человечество — нести невосполнимые потери.

13. Мистерия и цивилизация

У изучающего Антропософию лишь от случая к случаю должен непременно возникнуть вопрос: зачем нужно еще особое мистериальное служение развитию человеческой души, если она в силу одних только культурно-исторических условий вырабатывает в себе член за членом? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к учению Рудольфа Штайнера об эволюции и сделать это в ключе методологии. Вот что по этому вопросу думал сам Рудольф Штайнер. Во время Р.С., после того, как он дал шестую ступень медитации камня основы, он сказал: «Ведь это имело бы совершенно особенное значение, если бы в отдельные ветви научной жизни компетентными личностями из наших рядов была бы внедрена действительная антропософская методика. С определенной точки зрения это обладает, это совершенно очевидно, величайшим значением». (ИПН. 260, S. 210)

Это было, конечно, не первым его высказыванием такого рода. Например, в одной из его лекций 1919 года можно прочесть следующее: «Для того, кто понимает нерв Антропософии (антропософского), это ядро антропософского простирает свой свет назад, на то, что я должен был выработать (доказать) философски». (ИПН. 255b., 16.11.1919.) А «философски», как мы хорошо знаем, Рудольф Штайнер заложил основы антропософской методологии. Так вот, недооценивая ее, мы лишаемся возможности постичь «нerv» и «ядро» Антропософии. Таково мнение самого Рудольфа Штайнера.

Рудольф Штайнер говорил о «методике», поскольку в начале века наукой еще не было вполне осознано «величайшее значение» всеобщей методологии науки. Это было понято лишь начиная с 50-х годов, когда ее разработка сделалась условием дальнейшего научного и технического прогресса. Правда, первые «камни» в ее фундамент были заложены еще Гете и Фихте, но их идеи не понимаются и отвергаются позитивистски-материалистической эпохой по сию пору. Поэтому вместо синтеза наук наблюдается лишь их дальнейшая дифференциация и размежевание. Ну а о связи науки с искусством и религией и думать не позволяется. Но это разделение, говорит Рудольф Штайнер, может быть преодолено антропософской работой, которая имеет в себе три аспекта: научный, художественный и религиозный. Такова и всеобщая антропософская методология. О ней можно еще сказать, что она объемлет собой все

области жизни, а свой венец имеет в науке посвящения. Поэтому не будем шокироваться таким, абстрактно звучащим на первый взгляд понятием, как методология. Великие посвященные всегда были и остаются великими методологами своей эпохи: они знают, как делать абсолютно все, относящееся к ней.

Истинная методология неразрывно связана со структурой познающего субъекта; он, по сути, даже является ее составной частью. Она всеобща и субъективна в одно и то же время. Зная все это, мы можем понять значение того, что Рудольф Штайнер говорил по поводу п.2 статута. Имея в виду именно методологический базис Антропософии, на который опиралось Р.С., он говорил: «Заметьте себе, мои дорогие друзья, что мы при этом строим ... на тех людях, которые собрались здесь. А что скажут другие, кто подойдет к этому? — Что они в существенном согласны с этими людьми в отношении того, что здесь [в статутах] стоит». (S. 49)

Ведь если отрицать антропософскую методологию, то нужно сказать себе: да что это за неслыханное дело — строить Всеобщее Антропософское Общество на кучке однажды сошедшихся вместе людей! И подобных сомнений не нужно бояться. К их числу относится и наш вопрос, который в краткой формулировке звучит так: а развил бы человек душу ощущающую, если бы не было «круглого стола» короля Артура? Если развил бы, то разовьет и душу сознательную за счет одного лишь культурного процесса (тем более, что, например у англичан, она врожденная). Тут, правда, встают разные попутные вопросы типа: а почему ею не владеют народы, создавшие более великую культуру, чем англичане? И т.д. Чтобы разобраться в этом, нужно обратиться к законам развития; они же входят в предмет методологии.

Вспомним еще раз: мир построен согласно принципу: сверху — как внизу. Это значит, что абсолютно все законы существования и развития на всех уровнях бытия являются одними и теми же: великими макрокосмическими универсальными законами, лишь приспособляющимися к каждой сфере своего действия. Поэтому Ньютон, наблюдая падение яблока, открыл закон всемирного тяготения, а Архимед, купаясь в ванной, — свой «архимедов принцип» универсально действующей силы выталкивания.

Антропософия потому и стремится восходить до духовных первооснов бытия, что тогда открываются все загадки вторичной реальности, которой является видимая вселенная. Очевидно, что

познание такого рода не может не быть со-звучным с религией.

Во все времена людям было свойственно доискиваться начала всех начал. «Нет Бога кроме Бога», — так звучит кредо исламского монотеизма. Христианин говорит о первооткровении единого Бога в трех Ипостасях. Все такого рода религиозные представления, которые конфессионально могут быть лишь объектами веры, следует выносить на свет мыслящего сознания. Тогда начинает раскрываться их глубокий эзотерически-методологический смысл; они тогда начинают разъяснять нам строение, принципы существования и развития Универсума в его единой чувственно-сверхчувственной сути.

Особенно большую услугу в такого рода познании может оказать пифагорейский метод мышления, опирающийся на законы числа и формы. Вкратце мы уже говорили о нем. Попробуем теперь, пользуясь им, рассмотреть один практический вопрос, связанный с целями настоящего исследования.*

Представление о едином Боге трудно соединимо с понятийной работой ума, но, возводя его, можно начать с образа точечного объекта, содержание которого есть «всё во всем» (Р.Штайнер). Его откровение рождает понятия (категории) простираения и объективации. Бог есть вселенский субъект. Следовательно, в Своем откровении, простираении Он сохраняет Свою целостность и самоидентичность. И, значит, выход Его из Себя, из вечного, пребывающего, из состояния, лишённого каких-либо определений, в проявленное состояние, наделенное предикатами, есть одновременно и Его возвращение к Себе. Откровение и в-Себя-возвращение Бога есть единство. Открывая Себя, Бог эмануирует некую реальность, которая есть Он Сам. И это есть один из макрозаконов Универсума. Его действие простирается на все сотворенное. Человеку дано овладеть этим законом в своем индивидуальном духе, если он желает сохранить свою самоидентичность. И это есть универсальный закон жизни. Поясним сказанное рисунком (рис. 9).

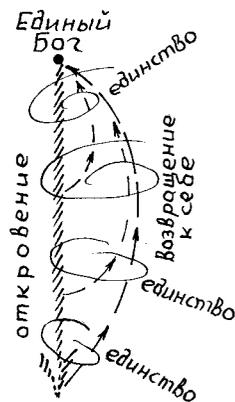

Рис. 9

* Более широкое использование этого метода читатель найдет в наших других работах, где мы постоянно опираемся на него.

Как можно понять из рисунка, божественное простираение есть исполненный силы живой процесс, в каждой своей точке возвращающийся к своему первоисточнику. При этом божественная эманация в каждой точке снимает себя и благодаря этому возвращается к себе. Очевидно, что в некоей точке сила откровения приходит к своему нулю, снимает себя в последний раз и тем обозначает свою границу. Этим снятием является диалектическое снятие в абстрактно мыслящем человеческом духе. Этот последний стоит, таким образом, на самой внешней границе божественного откровения. Он есть последнее выражение его триединства.

Откровение триедино по той причине, что переход от эманации к возврату к себе есть в нем также реальность. Это есть точка превращения, присущая любой метаморфозе. Она не столько феномен, сколько принцип, действие. Оно и вызывает снятие, негацию.

В эволюции мира этот принцип находит свое выражение в материализациях, в периодических сгущениях и одухотворениях бытия. Дематериализация означает победу духа над материей: победу пути к Богу над путем от Бога. Разным формам материализации соответствует разная сила духовность.

Триединство Божественного откровения проявляется в каждом органическом существе. Возьмем, например, растение. Оно наглядно демонстрирует описываемый нами мировой принцип. Оно растет, простирается, как целостный объект. Если это дерево, то его ветви — это не отброшенные, независимые от ствола части. По мере роста материальное начало в растении ослабляется, снимается и приходит к нулю в таинственном процессе опыления и оплодотворения, после которого растение возвращается в свою исходную точку — к семени. Цикл, как мы знаем, носит эфирно-физический характер. Он присущ и неорганическим объектам, таким, как, например, река, которая имеет «эфирное тело», текущее в обратном по отношению к течению воды направлении.

Поэтому остается признать, что и Бог монотеистов в своем откровении есть триединое существо. Христианство в этом смысле сделало шаг вперед, явив миру образ Бога трех единосущих Ипостасей.

Поскольку Божественное откровение не есть одномоментный факт, а имеет длительность, то оно обладает еще одной категорией — временем. И потому феноменально откровение Бога

крестообразно. Крест, как мы уже говорили, есть прафеномен эволюции мира, состоящей из семи эонов. По одной его оси развитие принимает пространственно-временной характер, а по другой, вертикальной, в него вносится индивидуализация.

Крест выражает принцип эволюции, он есть ее основная структура, сама же она в своем осуществлении имеет форму чаши. И у нее несколько аспектов. Наш эволюционный цикл, состоящий из семи эонов, имеет вид двух чаш: чаши откровения (она прафеноменальна) и чаши осуществления (она феноменальна). Поскольку Божественное откровение в себе стоит выше пространства и времени, то в нем весь эволюционный цикл в его начале открылся целиком. Он там весь соткан из одних лишь закономерностей, т.е. идеален. И он симметрично, вдоль горизонтальной оси, отражается в феноменологии семи эонов. Эти последние, по мере своего осуществления, видоизменяют, естественно, и свои праобразы, и так возникает сложное единое осуществление Божественного творения. Отражение, таким образом, есть еще одна из основополагающих категорий откровения. Все описанные элементы и взаимосвязи видны на рис. 10.

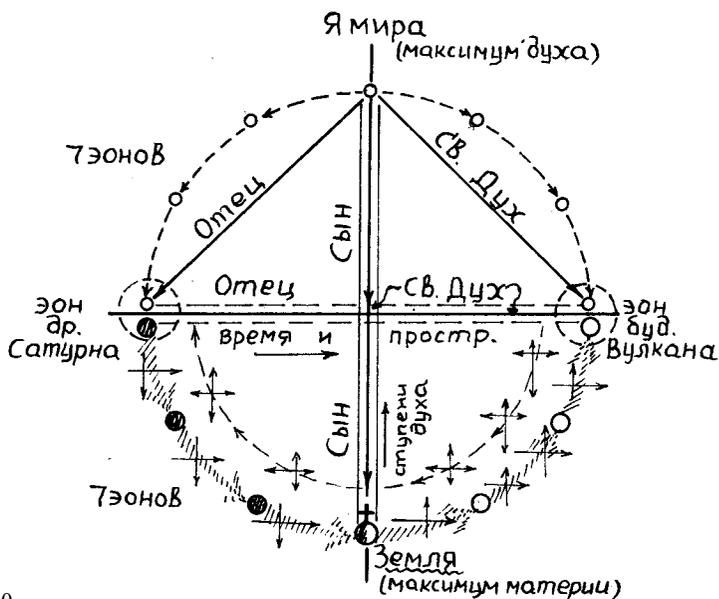

Рис. 10

Верхняя чаша эволюции являет собой мир предопределения, нижняя — осуществления. В единство обе чаши соединяет крест эволюции, образующий две оси симметрии. Симметрия — это еще одна категория откровения. Крест эволюции триедин. Его третий элемент образуется при пересечении его осей. Вернее сказать, пересечение осей возникает благодаря этому элементу и принципу, а в Божественной Сути — благодаря Богу-Сыну. Лишь благодаря ему «горизонталь» и «вертикаль» развития действуют в единстве. Они действуют в каждой точке нижней чаши, и так возникает ее феноменология; вся она есть различные формы соединения бытия и сознания. Это значит, что на всех уровнях и этапах развития инобытия, вплоть до его исторических, социальных и мыслительных форм, действует Божественное Триединство. Мировой крест присутствует во всем развивающемся. В чаше инобытия Отец импульсирует физически-эфирное становление, идущее из прошлого в будущее, принимающее в конце концов характер эволюции видов. Св. Дух действует астрально из будущего в настоящем и прошлом, благодаря чему формы оказываются новообразованиями. Сын является Регентом мировой жизни, эфирной субстанции, несущим существам истинное Я.

С определенного момента развитие в нижней чаше начинает двигаться силой имманентных закономерностей. Бог целиком отождествляется со своим откровением, чтобы в нем прийти к Себе — в новом качестве, разумеется. Процесс становления мирового имманентизма завершил Христос через Мистерию Голгофы. Он принес в инобытие истинное Я, субстанцию высшего, первичного мира, которым оплодотворяется инобытие. Так философское Я и Ничто стали единством, но пока лишь в человеке, и то лишь при условии, что он обращается к высшему развитию.

В царствах природы мировое единство осуществляет себя таким образом, что силой Отчей эволюции живое существо обретает в себе процессы жизнедеятельности и роста, но рождение нового импульсируется свыше. В седьмой лекции Рождественского цикла 1923 г.* Рудольф Штайнер говорит, что белок органического

* Мы это подчеркиваем, дабы еще раз обратить внимание читателя на глубинную симптоматику Рождественского Соборания. Ведь для поверхностного ума, что могло бы быть более неуместным, чем разговор об оплодотворении яйцеклетки во время проведения этого Соборания.

существа упорядочен сообразно земным (Отчим, скажем мы) закономерностям, но белок, материя яйцеклетки в момент оплодотворения «полностью отбрасывается в хаос, больше не сохраняет никакой структуры... больше не подчиняется Земле. ... подпадает влиянию всей мировой сферы». На нее воздействуют силы, «которые действуют в человеческом эфирном теле, подчиненном силам Космоса». (ИПН. 233, 30.12.1923.)

Если мы возьмем в качестве примера высшее растение, то нам открывается, что до момента образования пестика оно развивается в лоне Отчей эволюции, где имманентизм означает и предопределение (рис. 11). Но даже растение старается преодолеть его. Оно устремляется вверх, по «вертикали» эволюции, откуда приходит индивидуализация, и достигает ее в виде цветения, астрализации. Импульс свыше помогает растению переформируя его. Вещество зародыша теряет всю выработанную в ходе длительной эволюции структуру, отбрасывается к исходной точке своего возникновения, сотворения. Но на переформированную яйцеклетку тут же накладывает свою «длань» предопределение. Поэтому растение пока что не может в земных условиях получить индивидуальное Я. Оно лишь копит для него соответствующий нужной мутации потенциал качества и остается под властью видового «Я». Это, собственно говоря, оно («Я») опосредует

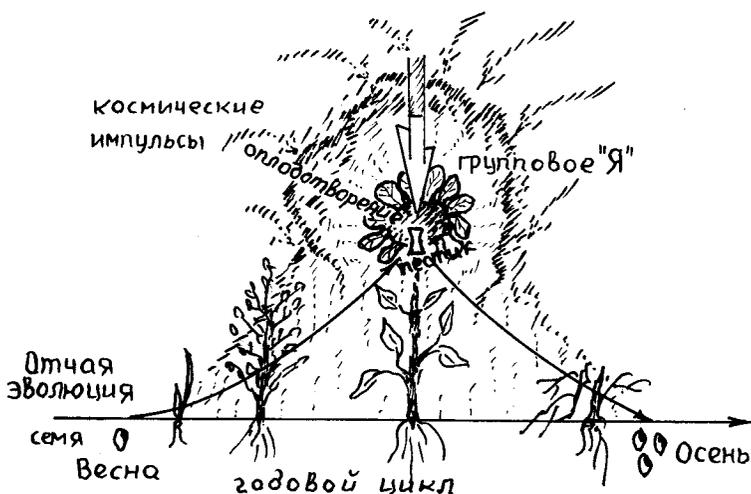

Рис. 11

импульсы Вселенной, давая им вызвать оплодотворение; и оно же вслед за тем возвращает растение в лоно видовой эволюции.

Когда речь идет о мыслящем человеке и о «живом мышлении», то нужно увидеть и понять, что и в нем действуют те же законы, которые в царствах природы вызывают рост и размножение. Также и человек, если он стремится сознание соединить с бытием и движется по лемнискате мышления (см. рис. 1), при переходе от 3-го к 4-му элементу (от суждения к созерцанию) встает перед необходимостью упразднить диалектическую структуру мыслящего «я», снять его, вернуться к праистоку группового сознания, т.е. вызвать в себе пустотное сознание, но сохранить его чистую интенциональность.* Тогда из сферы высшего индивидуально ориентированного на субъекта Я произойдет наполнение сознания субстанцией космических интеллигенций. Произойдет, собственно говоря, явление высшего Я (поскольку оно тождественно тем интеллигенциям) в земном бытии субъекта. Осознание этого явления имеет форму нравственной интуиции. В ней «горизонталь» и «вертикаль» развития являют себя в единстве. Можно даже сказать так: совокупный облик эволюции мира обретает единство в человеке. О таком человеке апостол Павел и говорит: «Не я, но Христос во мне».

Чтобы такое могло совершиться, Бог стал человеком: дабы человек стал Богом — «Я сказал: вы боги» (Ин. 10, 34). Этот принцип становления индивидуального человека выражает Чаша Грааля. Высшее Я есть дар божий, который нужно заслужить упорной работой над собой. Обретая его, человек становится системообразующим принципом 14-тичленной структуры нашего эволюционного цикла. Он берет крест эволюции на себя — как микрокосм, истинный образ и подобие Божие (рис. 12).

Прафеномен эволюционного цикла действует как благодать на становление существ в нижней чаше эволюции. Вочеловечение Бога внесло в нее силу одухотворения, вознесения как имманентную силу инобытия. Ее носителем в первую очередь становится человек. Свой процесс вознесения он начинает в мышлении, когда лемнискатообразно и семиступенно метаморфизует метод мышления и даже сам его характер. Тогда он достигает своего истинного бытия и его роль в становлении мира меняется.

* В эмоциональном плане это можно назвать состоянием «ожидания чуда».

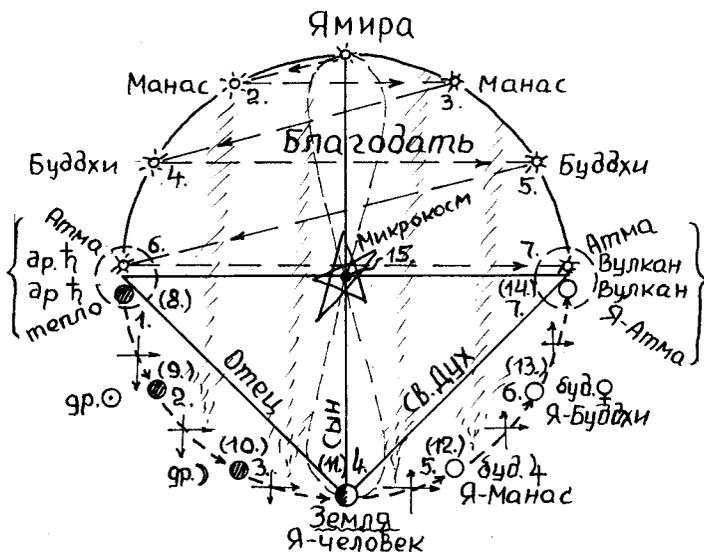

Рис. 12

Возвращаясь к поставленному ранее вопросу о сущности развития душевной жизни, мы должны сказать, что ее роль в становлении мира вначале пассивная: культурно-исторический процесс, способствуя развитию во множестве людей трехчленной души, способствует развитию я-сознания. Но чтобы играть свою новую, творческую роль в эволюции мира, человеку необходимо триединую душу вырабатывать как бы заново, на пути духовного ученичества, чтобы с нею соединилось его истинное Я.*

* * *

Еще один экскурс в сферу антропософской методологии позволяет нам обоснованно сделать следующий шаг в исследуемой нами теме. Человеческая цивилизация есть плод эволюционного процесса, который на своей высшей ступени рождает культурно-историческое развитие человечества. Оно, хотя и менее, чем эволюционный процесс, также обусловлено имманентными закономерностями.

* См. об этом главу 9 «Философии свободы».

Ему также присуще, хотя и в ином качестве — в душевно-духовном роде — единство фило- и онтогенеза. Элемент свободы входит в него через отдельных индивидуальностей, рождается в них, можно сказать, свыше, по вертикали духа. Такое развитие не может быть опосредовано законами природы, а только высшими Я. Поэтому в истории культуры всегда существовали Мистерии. Были они и на доисторической ступени, например в древней Лемурии. Вождями, учителями в них выступали полубожественные существа. Но постепенно на Земле стали появляться люди, значительно опережающие всеобщее развитие. Они стали водителями людей, искавших встречи с богами.

В Мистериях имеет место развитие, состоящее во вхождении в сферу действия законов, которые еще не имманентны чувственному бытию в его культурной форме. На этом пути малое «я», обретаемое в потоке культурного филогенеза, подвергается снятию. Оно бессущностно, в нем выражается конечный пункт простираения Божественного откровения. От этой нулевой точки оно (откровение) возвращается к себе, чем указывается и путь всему человеку: он должен от низшего «я» двигаться по лемнискату в сферу сущностного высшего Я (см. рис. 12). Исчерпывающий метод такого движения дала миру Антропософия.

В новое время развитие, доступное ученику Мистерий, пришло в особенно тесную связь с горизонталью эволюции, с эволюцией инобытия. Это объясняется тем, что с середины земного эона тотальное нисхождение духа в материю (оно длилось 3,5 эона!) метаморфозируется в столь же тотальное восхождение (оно будет длиться 3,5 эона; рис. 9). Середина земного эона — уникальная фаза во всем эволюционном цикле. Простираясь во все царства природы, человеческого царства она достигла с пришествием Христа, а каждого отдельного человека разумного она достигла лишь с окончанием Кали-Юги. Иными словами, своим Я человек переступает эту середину именно в наше время — в XX и XXI вв.! Процедура эта, в силу ее абсолютной новизны, дается ему с большим трудом, отчего в мире назрел кризис. Вместе с кризисом, однако, перед человеком открываются и колоссальные, невиданные доселе возможности развития.

Уже в греко-латинской культурной эпохе для человека в развитии складываются две альтернативы: либо начинать тотальное

восхождение к эону будущего Юпитера, либо продолжать нисхождение, рискуя вообще выпасть из правомерной эволюции мира, уйти в подматериальное, в мир зла. Дело в том, что с возникновением рефлектирующего мышления (в 4-й культуре) человек пережил второе грехопадение — изгнание из мира природы; а теперь (с окончанием Кали-Юги) человек рискует испытать третье грехопадение: быть изгнанным из своего «я», т.е. пережить вторую, душевную смерть. Потому-то в изречениях мудрости и звучит человеку: сними свободно свое «я» в твоём устремлении к Я высшему, «умри и будь», а не то ты умрешь в ариманически-люциферическом расстройении, низвергнешься в бездну небытия.

Чтобы уберечь человека от такой колоссальной опасности, Бог и пришел в четвертой культурной эпохе на помощь человеку. Он может помочь ему только в земном бытии — в горизонтали развития, если говорить языком методологии. Его Мистерия открылась внешнему миру, ибо стала имманентной ему. Сточки зрения древних Мистерий это было величайшим святотатством, поэтому древнееврейское жречество и отвергло Христа. Оно оказалось неспособным понять наступивший великий перелом, — что мир начал восходить к духу, прежде всего в своем наивысшем, собственно человеческом, царстве, за которым движутся остальные царства природы. То непонимание сохранилось и по сей день в различных оккультных орденах, братствах и т.п. Но оно совершенно неуместно в Антропософии, которая есть форма перехода Христианства от стадии приготовления к стадии осуществления. Для этого необходим свободный человек (а не просто человек-sapiens), обретший господство над собственной идеей.

Пройдя через Мистерию Голгофы, Христос связал Себя с историей, с горизонталью развития. Царство Божие пришло в среду людей. И осуществлять себя здесь оно может только в людях. (Остальные царства природы еще долго будут идти чисто Отчим путем.) Царство же Божие триедино. Христос олицетворяет его в единстве с Отцом и Св. Духом. В лекции от 16 июня 1921 г. Рудольф Штайнер, комментируя заключительные слова молитвы «Отче наш», говорит: «Ограничение является символом “Царства”. То, что является Царством, объемлет определенную область. ... Сила, которая излучается из центра (средоточия), — это есть “Власть”. Излучающаяся сила, господствующая над Царством, есть “Власть”. ... Излучаю-

шееся изнутри есть “Власть”. Утверждение “Власти” на поверхности (царства) и блистание ее оттуда далее вовне есть “Слава”»; все это переводит «в матезис, в созерцающее представление о том, что может подразумеваться под идеями Царства, Власти и Славы...» (ИПН. 342, S. 193f.)

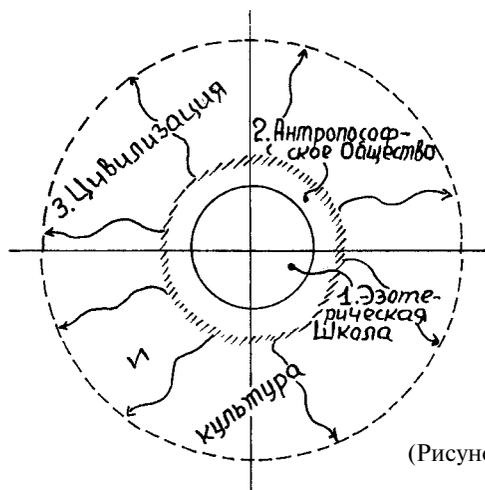
Сказанное Рудольф Штайнер сопровождает рисунком, который мы вправе целиком отнести к той констелляции Антропософии, которую ей подобает занимать в современной цивилизации (рис. 13). Но поскольку достичь этого она может лишь с помощью людей, а люди часто медлят с исполнением своего долга перед развитием, то Рождественским Собранием Рудольф Штайнер надеялся дать им в этом коренном вопросе решительное побуждение.

До Р.С. Антропософия в сфере цивилизации существовала в виде отдельных очагов. Она также была представлена Обществом. Рудольф Штайнер стоял вне его.* А еще было антропософское Движение. Конечно, такое состояние могло быть лишь предварительным. В нем вызревала метаморфоза, и поскольку «наступление» ее затянулось, то назрел кризис. Антропософия не могла до бесконечности двигаться вперед путем одних лишь количественных накоплений (членов, знаний, ветвей). Из духовных высей Антропософское Общество должно было плодотворить новый импульс, после чего оно должно было (подобно тому, как это происходит в эволюции природы) родиться как новый вид**. Таким образом, Р.С. было объективной необходимостью духовного рода.

Антропософия должна стать центром современной цивилизации, воплощением в ней Царства Божественной Власти в смысле слов Христа: «Мое Царство не от мира сего». В тот, другой мир (мир вертикали мирового креста) желает она вести мир Отчей эволюции, становящейся Царством Сына. И Царство это должен пронизать свет духопознания, мудрость Св. Духа, являя тем Славу Его.

* Р.Штайнер говорил, что никогда в духовной истории Архангел Михаэль — инспиратор откровений — не был связан с людьми, взявшими на себя управление и ответственность за какое-нибудь земное учреждение. Р.Штайнер подчеркивал, что Михаэль в таком случае почувствовал бы загрязнение своего существа. Р.Штайнер, беря управление Обществом на себя, рисковал. Но в его случае произошло нечто исключительное: инспирации Михаэля еще более возрасли.

** Все эти вещи, конечно, стали познаваемы лишь после того, как они совершились, ибо нравственными интуициями творилось Р.С.

1. Сила — апелляция к Духочеловеку.
2. Царство — апелляция к Жизнедуху.
3. Слава — апелляция к Самодуху

Рис. 13.

(Рисунок следует обдумать совместно с § 4 статутков.)

На Р.С. Рудольф Штайнер создал Общество, центр которого составляла эзотерическая Школа. Она должна была впоследствии развиться до центра новых Мистерий. В ней должна была являться Власть Бога в ее новом откровении миру — как сила духовного преображения, наделяющая человеческое сознание сущностной творящей силой. Силой той, на ее пути во весь внешний мир, должно было в первую очередь пронизаться Царство антропософской жизни, жизни открытого всем людям Антропософского Общества. Через него и через всеобщее Антропософское Общество духопознание должно было нести всем факторам культуры и цивилизации силу обновления, одухотворения, восхождения к духу; и так в цивилизации явилась бы Слава Божия.

Антропософское Общество как «Царство», имея отношение к эфирной субстанции, должно было быть (или когда-то будет) живым процессом. Поэтому во время Р.С. Рудольф Штайнер так много говорил о том, что в Обществе всё должно быть жизнью. Мировой крест эволюции, который антропософ-христианин* должен взять на себя и нести, следуя за Христом, представлен в связи с Р.С. таким образом, что его горизонтальная ось несет на себе мировую цивилизацию, а вертикальная представлена эзотерической Шко-

* Перед антропософом-нехристианином этой задачи не стоит; он должен сначала дорасти до ее понимания.

лой. Антропософское Общество должно было соединить обе оси в единство. Общество же состоит из членов, ведущих работу познания и работу в Школе.

Школа, как и в Мистериях древности, должна была быть местом встречи людей с богами. Она должна была быть тем «внутренним», которым держалась бы «открытая Мистерия» Общества. Она не была просто культурно-историческим феноменом. Человек может подготовить себя к ней путем индивидуальной работы над собой. Мы, разумеется, имеем в виду при этом три эзотерических класса, а не секции.

На Р.С. должно было проявиться: проделали ли участники эту работу, много лет обучаясь у Рудольфа Штайнера, или нет. В том случае, если бы они оказались подготовленными, на них в то Рождество должно было излиться особое откровение Духа, импульсирующее назревшую метаморфозу Антропософии на ее пути к человечеству. Таково было намерение высших сил, проводником которых в дни Р.С. был Рудольф Штайнер.

Участники Собрания должны были пережить нечто, напоминающее праздник Троицы. Как мы знаем, апостолы силой действующего из высей Духа были как бы приподняты над потоком эволюции и истории, их души оплодотворило явление Св. Духа, нисшедший в них Манас. Они были посвящены в тот решающий момент, когда Мистерия Христа соединялась с аурой Земли.

То посвящение апостолов было не правилом, а исключением, как исключением из всех известных правил было все деяние Христа. И апостолы смогли после того исполнить свою миссию: они внесли во всю человеческую культуру своего времени свет, Славу Христова Царства, после чего она засветила и во «тьму» последующих веков.

Апостолы были простыми людьми, в них действовала душа ощущающая с ее прафеноменальной силой. Они были способны на созерцание духа без предварительной мыслительно-познавательной подготовки. Исключением среди них был апостол Павел, прошедший через древнее посвящение, много поработавший над собой как эзотерик. Можно, видимо, даже утверждать, что после встречи со Христом перед Дамаском он действовал в мире, исходя из души сознательной. И он оказался самым эффективным, деятельным, самым пробужденным из апостолов.

Две тысячи лет спустя, когда наступила «светлая эпоха», эпо-

ха Архангела Михаэля — регента космической интеллигенции, Мистерия Христа по-новому соединяется с человечеством. В новых условиях всестороннее развитие низшего «я» и способность упразднить его при переходе к созерцанию являются условиями познания и переживания этой Мистерии. Однако, как и во времена апостолов, Божественный Импульс являет людям милость, готовность одарить их своим явлением, чтобы сделать их способными исполнить древнюю миссию по-новому: внести в мир Христианство души сознательной, которое делает возможным познание Мистерии Голгофы. От людей при этом требуется настолько овладеть душой сознательной, чтобы можно было на ее границе с Самодухом перейти от рефлексии к созерцанию: к восприятийному соприкосновению с космической интеллигенцией.

Если бы участники Р.С. оказались на высоте своей задачи, они поистине пережили бы нисхождение Св. Духа в свои души. Но возможность эта сохранялась и дольше, вплоть до осени 1924 г. А потом Дух начал отходить от антропософов. Что это было за событие — можно пережить, слушая увертюру к опере Вагнера «Лоэнгрин».

Апостолы после Пятидесятницы стали просто другими людьми. Они пробудились к пониманию Мистерии, свидетелями и участниками которой они были. И на этот раз они пошли за Христом до конца, вплоть до мученической смерти. Они соединили Импульс Христа с миром. Апостол Павел стал основателем первых школ эзотерического Христианства; потом был Дионисий Ареопагит; потом была школа Шартра, школа Фомы Аквинского, потом было время тамплиеров, розенкрейцеров. Все это оживляло внутренне, сущностно поток исторического Христианства.

Ныне внутреннее и внешнее Христианство приходят в своем явлении к единству, что и находит свое выражение в Антропософии. Как не всегда все обстояло наилучшим образом среди апостолов (кто-то желал сесть одесную Бога, кто-то отрекался и т.д.), так и в Антропософии сначала всё рождалось с трудом (разрыв с Теософским Обществом, упадок первого АО и т.д.). Но вот наступила антропософская Пятидесятница — теперь нужно было пробудиться, а на нее пришли не в «брачных одеждах»; во время ее и после нее остались такими же, какими были до нее. В 2002 году подошли к «тьме внешней», а на цивилизацию, не вобравшую в себя силу претворения, изливается чаша Божьего гнева. Так неужели и это не заставит нас пробудиться и взяться за ум?

14. Школа

Вероятно, трудно было ожидать, что все участники Р.С. окажутся на соответствующей ему высоте сознания и познания. Однако таких могло быть много, может быть, даже большинство. И уж непременно то особое дыхание Духа должно было пережить ядро старых членов.

Рудольф Штайнер в одной из лекций 1922 г. говорил: «Вы можете, по сути дела, все то, что составляет первую аксиому, первоначальное и элементарное антропософского метода исследования найти в моей “Философии свободы” и даже в еще более ранних книгах. ... самое элементарное (первоначальное) понимание антропософского исследовательского метода можно почерпнуть из этой “Философии свободы”». (ИПН. 82, 10.4.1922.) Иными словами, перед своими читателями и слушателями Рудольф Штайнер развивал методологию Антропософии в течение всей своей духовнонаучной деятельности. И могли ли они это не знать?

Методология эта такова, что в ней объект и субъект исследования сливаются в одно, и тогда становится возможным акт идеального восприятия (созерцания). Человек тогда в определенной мере возвращается к единой мировой основе, не утрачивая себя как Я. Поэтому овладение антропософской методологией предполагает изменение типа личности, прежде всего, качества ее сознания, благодаря чему путь познания в Антропософии становится и путем посвящения. Познаваемое, этическое, эзотерическое и методологическое пребывают в Антропософии в единстве, и единство это — особого рода. В цитированной выше лекции Рудольф Штайнер говорит далее: «Но род и способ, каким эта «Философия свободы» пытается говорить о моральном мире, качественно не отличается от того, что мы получаем в себе как состояние нашей души, когда мы занимаемся математикой (математизируем)»; и он еще добавляет, что истинное математизирование можно найти у Новалиса, который, например, пишет: «В математизировании мы имеем, по сути говоря, прекраснейшее, грандиозное, потрясающее поэтическое произведение!» (Ibid., S. 116f.)

Разумеется, такого рода «математизирование» совершается и переживается в духе древней Пифагорейской школы, которую Ру-

дольф Штайнер обновлял, развивал и давал своим ученикам в течение более чем двух десятилетий.

Все это, конечно, не осталось не понятым. Мария Штайнер пишет: «Но между тем он дал нам то, что, будучи правильно понятым и пережитым, может действовать преобразуя мир, заново творя душу, творя духовно»²⁴⁾

Для тех, кто был способен все это понимать и переживать, предполагалось создать эзотерическую Школу — ядро всеобщего Антропософского Общества. Она должна была существовать не на «демократической» основе, а на основе, так сказать, эзотерической «совместимости» ее правления, участников и закономерностей (требований) оккультного ученичества. Все три стороны свое единство должны были обретать в водительстве Рудольфа Штайнера. Но когда его не стало, триединство превратилось в трехчленность, эзотерически правильно возведенное стало эзотерически ложным.

Нужно быть совершенным профаном в эзотерике и ничего не понять из того, чему учил Рудольф Штайнер, чтобы думать, будто бы его место в созданной им Школе и Обществе мог бы занять кто-нибудь другой, выбранный, как любили говорить в СССР, «по просьбе трудящихся», а членов названного им Форштанда можно заменять кем угодно — теми, кто пробьется на самый верх. Думать так означает обманывать себя или просто быть материалистом. Но таких духовный мир отбрасывает от себя со всеми их делами. Какой быть эзотерической Школе, (эзотерическим Классам) — это определяет Архангел Михаэль, и знать это может лишь тот, кто способен сознательно воспринимать Его волю. Таковых в ВАО с 1925 года и по сей день нет. Значит, никто не в праве и возглавлять Школу.

Когда г-жа Глётлер говорит: «Там, где нужда особенно велика, там особенно сильно чувствуется и близость духовного мира...»²⁵⁾, то это всего лишь играющая на чувствах фраза, какую можно часто слышать в религиозных сектах. Куда уж как большой была нужда, вызванная двумя мировыми войнами, а близости духа человечество так и не почувствовало. Не поучительный ли пример? Глётлер еще прибавляет: там, «где люди действительно пребывают в поиске». Вот этот «действительный» поиск и означает глубокое научное познание Антропософии как системы наук, обладающей универсальной методологией. Но именно так очень мало кто желает в ней искать. Многие «ищут» лишь личного преуспеяния, а в последнее

время — еще привлекают на помощь парапсихологию! Имеется, правда, в ВАО одна особая категория людей. К ней относится и Михаэла Глэклер. Наблюдая ее, невольно вспоминаешь иранских детей, которых муллы во время ирано-иракской войны посылали с золотыми ключиками от рая на минные поля иракцев. Таков же отчасти и Сергей Прокофьев, но только отчасти, ибо в иных случаях он и сам большой «мулла».

* * *

Говоря об учрежденной на Р.С. Школе, мы ограничимся рассмотрением только ее эзотерических Классов, ибо в нашем исследовании мы ставим себе задачу пытаться решать комплекс проблем, связанных с судьбой Р.С, лишь предварительно, в надежде привлечь внимание к правильной их постановке.

В определениях, какие Рудольф Штайнер дает Школе, легко различаются два аспекта. С одной стороны, он характеризует ее едва ли не как экзотерическое учреждение. Так, отвечая на возражение одного из участников с характерной фамилией Mauger, сказавшего, что п.5 (в котором речь идет о Школе) «было бы лучше открыто не лансировать», т.к. нужно помнить о врагах и т.п., Рудольф Штайнер подчеркивает, что речь здесь идет о «классах», а не о «градусах», и продолжает: «Эта Высшая Школа Духовной науки в Дорнахе имеет три класса, подобно тому, как (скажем) во Фрайбурге в Высшей школе (в университете) на медицинском факультете имеется четыре класса, т.е. четыре года обучения. — Так что ее следует описывать совершенно точно по образу существующих высших учебных заведений... Представьте себе университет, в нем всё происходит так, что руководство решает, можно ли студента переводить на следующий курс или нет». (ИПН. 260, S. 85f.)

Далее, поясняя свою мысль, Рудольф Штайнер говорит о том, что прежде в университетах философия была общеобразовательной дисциплиной, овладев которой, студент выбирал для себя один из трех факультетов: теологический, юридический или медицинский. В этом смысле Школу можно назвать «Всеобщим антропософско-философским факультетом, а затем Вы имеете три Класса, возведенные на нем. Это учреждено совершенно подобно университету». (S. 87f.)

То же самое говорил Рудольф Штайнер и об Обществе, что оно должно быть подобно другим, естественнонаучным и т.п. обществам. Отличие от них коренится в содержании, но, правда, не в том смысле, в каком, скажем, немецкое Общество Гете отличается от Общества физиков. Антропософское Общество строится на «духовных основах», «на основе истины» (S. 43), понимаемой не в тривиальном смысле, когда имеется в виду, что его члены не должны лгать. Несомненно, в жизни Общества нужна и такая истинность, но одной ее недостаточно.

И тут возникает другая сторона и Школы, и Общества. Их общая духовная основа — Гетеанум. В связи с ним следует углубить и понимание истины. Рудольф Штайнер говорит: «Мы придерживаемся того мнения, что Гетеанум продолжает существовать»; «Бау существует душевно»; «перед нашим духовным взором Гетеанум стоит здесь!» (S. 121.) Иначе это и быть не могло. Гетеанум был задуман и возведен как храм новых Мистерий. Совершенно открытый внешне, он был для профана мало доступен внутренне. Плохо понимается он и до сего времени, даже антропософами старшего поколения. Об этом убедительно свидетельствует их «позитивное», а то и даже восторженное принятие того, что было понаделано при перестройке большого зала второго Гетеанума. Эзотерику порой ставятся испытания (с использованием сил зла), не выдержав которые, он дискредитирует себя перед духовным миром. А это намного хуже, чем вызвать недовольство того или иного антропософского начальника или даже упасть в глазах антропософского общественного мнения, которым проходимцы разного рода манипулируют как хотят.

Корень поражений, которые антропософское Движение терпит во всё возрастающем числе и силе, следует искать в непонимании его приверженцами того, какого рода Мистерии учредил Рудольф Штайнер*. Это непременно должно было быть понято на Р.С. И поскольку этого не произошло, то его трагедия распростерла свою тень на многие десятилетия; мы и сегодня еще не знаем, где ее конец.

В прочитанном на то Рождество цикле лекций Рудольф Штайнер совершенно определенно с самого начала сказал, что Собрание

* Ведутся спекуляции о том, что это мистерии воли, а не мудрости. Чтобы судить о таких вещах, нужно Антропософию знать по сути, а не информативно.

строится на эволюционном принципе и объяснил — почему*. Свою первую лекцию он начал так: «В эти вечерние часы нашего совместного рождественского пребывания я хотел бы дать Вам такой обзор развития человечества на Земле, который привел бы нас к возможности интимнее и интенсивнее воспринять в сознание человека современности. Именно в это, в настоящее время, когда такое, исключительно значительное, следует сказать, готовится для всего культурного человечества**, каждому глубоко мыслящему человеку должен был бы быть особенно близок такой вопрос: каким образом современная конфигурация, современная конституция человеческой души произошла из длившегося долгое время развития? — Ибо нельзя ведь отрицать, что современное состояние будет понято лишь в том случае, если его постараются понять, исходя из прошлого». (ИПН. 233, 24.12.1923.)

Эволюция же имеет две стороны: внешнюю, пространственно-временную, и внутреннюю; человек переживает эту последнюю в своем душевно-духовном, в Я-существе. Этот факт учитывался в Мистериях древности. В пятой лекции цикла Рудольф Штайнер говорит: «...мудрые жрецы восточных Мистерий свои грандиозные, гигантские познания, воззрения получали лишь в зависимости от времени и пространства ... определенная зависимость от пространства и времени на Земле — это было характерно именно для Мистерий Востока».

Иными были Мистерии греко-латинской культуры. Огромная перемена произошла в сути Мистерий при переходе их с Востока на Запад. «Греческие Мистерии были таковы, что в них выступил человек в связи с тем, что он приносил навстречу богам. Бог приходил, так сказать, в своем теновом облике или в световом спектре, если человек благодаря (соответствующей) подготовке удостоивался того, что Бог приходил к нему в световом спектре. Благодаря этому греческие Мистерии действительно стали подготовкой нового человечества». (ИПН. 233, 28.12.1923.)

В той же, четвертой, культурной эпохе возник и синтез внешнего и внутреннего путей в Мистериях. Это был факт исключитель-

* Напомним читателю и здесь, что мы условились воспринимать, осознавать и принимать за основу наших размышлений то, что говорит сам Рудольф Штайнер

** Имеются в виду Антропософия и Рождественское Собрание.

ного значения, и он совершился в Эфесских Мистериях Артемиды: «И вот в середину между древними восточными и греческими Мистериями встала Мистерия Эфеса. У неё было совершенно особенное положение. Ибо те, кто получал посвящение в Эфесе, могли еще отчасти приобщиться к гигантским, величественным истинам древнего Востока. А еще они были затронуты внутренним ощущением и чувством связи человека с Макрокосмом и божественно-духовной сутью Макрокосма. О, в Эфесе еще можно было воспринять много такого, что было сверхземным». (Ibid., S. 88.) В некоем роде параллельным Эфесу, но еще более глубоким духовным течением были Мистерии Гибернии.

В Дорнахе 1923/24 г. была предпринята попытка тот синтез Мистерий обновить в соответствии с задачами развития в эпохе души сознательной, а именно, указать способ «несения» креста эволюции индивидуальным духом, благодаря которому этот крест возносится над современной цивилизацией и возникает еще одно, пятое, царство: царство свободных индивидуальностей, переходящих от теневой (понятийной) к полной света подлинной связи с богами. Человек пятого царства становится со-творцом в делах Божиих.

Именно эту задачу как самую актуальную и непосредственную предполагалось начать решать в трех Классах эзотерической Школы Гетеанума. Задачи такого рода обладают вселенским значением и не решаются массами людей сразу. К ним сначала способно приступить лишь совсем небольшое число людей, поставивших себя на служение человечеству соответствующим конкретному времени образом. Так было после Мистерии Голгофы, когда всего лишь 12 человек понесли Импульс Христа в мир. Поэтому на них и низшел Св. Дух — укрепляющий, дарующий понимание, возносящий по вертикали эволюции Дар Божий.

Залогом того, что некоторые из участников Р.С. были способны стать в эзотерическом смысле авангардом развития в эпоху души сознательной, служили их прошлые земные воплощения, о некоторых из которых мы знаем. Среди участников Собрания были люди, прошедшие путем ученичества и в восточных, и в эфесских, и в гибернийских Мистериях. Рудольф Штайнер знал о них, читая свой рождественский цикл лекций.* Такие люди, с особенной консти-

*В другое время Рудольф Штайнер говорил, например, что Альберт Стеффен был антропософом еще до встречи с нею.

туцией души, могли возглавить и вести Школу, работать даже в ее втором и третьем классах. Но неизменным условием для всех членов Общества при этом было: «что человек духовный мир сначала познает в форме идей (так писал Рудольф Штайнер в январе 1924 года). В этом смысле будет Духовная наука лелеяться во Всеобщем Антропософском Обществе». (ИПН. 260а, S.108.)

Для кого познание является путем в сверхчувственное, должен рефлексию претворить в созерцание, вместо интеллектуальной развить созерцающую силу мышления. Тогда эзотерическим становится и познание. Своего рода нулевым классом является познание Антропософии, и он есть основа «для всякого пути в духовный мир». (Ibid., S.101.)

Нужно иметь особую карму, чтобы претендовать на вступление в духовный мир до его познания в идеях, т.е. достаточно много потрудиться над выработкой предметного сознания уже в прошлых инкарнациях. Такой человек должен в Антропософии явить плоды совершенно особого ума, и он, несомненно, должен быть прирожденным методологом в духовнонаучном смысле. Образцом тут может служить пока что лишь Рудольф Штайнер, поэтому и необходимо Рудольфа Штайнера понимать. Для тех, кто на это не способен, он стал камнем преткновения, а не краеугольным камнем их нового эзотерического пути, ведущего к свободе, в пятое, будущее человеческое царство. Но тогда, вообще, какое право имеют они говорить об эзотерической Школе и даже брать на себя управление ею?

В Евангелии от Матфея рассказывается, что проходившие мимо Голгофского Креста, в том числе и первосвященники, трясли бородами и злобно восклицали: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста!... Других спасал, а Себя Самого не может спасти! ... пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него». (Мф. 27, 40–42). И сколько же их, о Боже, «трясущих бородами», обретаются в антропософской среде! А у креста почти никого нет.

15. Что можно делать после 1924 года?

Нам представляется теперь достаточно доказанным и очевидным, что после ухода Рудольфа Штайнера из жизни все созданное им во время Рождественского Собрания далее без него существовать не могло. Он не назвал преемника, ибо такового на тот момент в его окружении еще не было, он не успел такового воспитать и посвятить. А не успел он потому, что слишком затянулся у членов «гефсиманский сон». И вот, в течение восьмидесяти лет стоит потому перед истинными антропософами мучительный вопрос: как лелеять Антропософию в резко изменившихся условиях? Как нести ее в мир?

Рудольф Штайнер говорил, что силы, поддерживающие, импульсирующие антропософское Движение в духовном мире, как бы протягивают руку помощи вниз, тем, кто работает на физическом плане. Но руку эту они могут взять и назад. О том, что в 1925 г. это было сделано ими, свидетельствует преждевременный уход Рудольфа Штайнера. Трагедия началась еще задолго до Р.С., но на Р.С. она, если можно так выразиться, вошла в решающую фазу — все были поставлены перед выбором: либо будут исключены условия, ее порождающие, либо все кончится большой бедой. Рудольф Штайнер писал вскоре после Р.С.: Рождественское Собрание — совершенно особенное. Оно «впервые становится реальным [лишь] благодаря тому, что из него получается в дальнейшем. Уже взирание на Рождественское Собрание рождает в душе определенную ответственность за его действительное осуществление, ибо в ротивном случае оно уйдет прочь от земного бытия... Оно было здесь в мире, естественно, во вполне определенном смысле. И будет ли оно, как Рождественское Собрание, действенно для жизни — это зависит от того, будет ли оно продолжено». (ИПН. 240, 6.2.1924.) «Продолжено» именно сразу после его проведения, а не 80 лет спустя.

Если Рождественское Собрание воспринимать как другие, «прежние тагунги», то «оно потеряет свое содержание» и его в таком случае было бы лучше не собирать. «Ибо духовное обладает одной особенностью: если его не удерживают, то оно исчезает... с того места, где оно дальше не лелеется.* Оно тогда ищет себе другое место

* Нет ведь ни одного факта, подтверждающего, что Р.С. после 8 февр. 1925 г. лелеяли в ВАО-Бауферайн. И имеется множество фактов, подтверждающих обратное!

в Космосе». Не следует думать, что заложенное на Рождественском Собрании, если оно «разветится по причине неисполнения импульса, явится где-либо еще на Земле. В этом нет нужды. Оно может совсем в других мирах искать себе приюта!» (ИПН. 260а, S. 92.)

Такова печальная правда, и потому нам остается лишь прервать пустые мечтания о том, как вернуть импульс Рождественского Собрания. Вместо этого лучше сосредоточить силы на том, чтобы понять, с чем мы имеем дело после 8 февраля 1925 г. На другой день после того события Альберт Штеффен записал в дневнике: «Общество может (теперь) сказать: Ни Бау! Ни клиники! Другой (выделено нами. —Авт.) Форштанд и т.д.»²⁶⁾ Да, это было именно так. Рудольф Штайнер писал 12 апреля 1924 г.: «Ибо ведь Антропософское Общество, управляемое мною, должно, естественно, представлять собою нечто совсем иное, чем если бы оно управлялось кем-нибудь другим!» (ИПН. 260а, S. 204.)*

Общество, возникшее на Рождество 1925/26 г., вполне мог возглавить Альберт Штеффен. Нужно только было осознать и со всей определенностью высказать всем членам: мы в силах сохранить лишь часть замысла Рудольфа Штайнера, иметь Общество, ставящее себе целью познание духовного мира в идеях; мы имеем отныне лишь Общество познания. Поэтому и на конференции 2002/03 г. оппозиции если и стоило за что биться, то лишь за реорганизацию ВАО в духе того, что было высказано в призыве Объединения, руководимого д-ром К.Бухляйтнером: «В данной ситуации задача может состоять лишь в том, чтобы создавать свободные объединения людей, сообщества, которые посвятили бы себя ясным задачам познания».

Проблема и в такой постановке совсем не проста. Ибо всякое познание имеет свой метод. И мы, таким образом, вновь возвращаемся к нашему кардинальному вопросу: что представляет собой методология Антропософии? Этот вопрос мог бы стать кардинальным в жизнедеятельности ВАО, и оно тогда обрело бы реальный смысл, которого оно лишено в нынешней своей ориентированности.

* Так же и здесь, либо мы придаем значение тому, что говорит Рудольф Штайнер, и тогда от одной этой мысли рассыпаются в прах все махинации 2002–2003 гг., либо мы этого не делаем, и в таком случае должны закрыть дверь Антропософии снаружи.

Рудольф Штайнер говорил, что духовным миром нужно прежде овладеть в понятиях, в идеях, но не так, как это делают, работая с понятиями во внешнем мире. Он говорил также, что для Школы АО является нижним строением, фундаментом (Unterbau), в нем «в центре поставлена душевная жизнь». (ИПН. 260, S. 116.) Это значит, «что в том, что каким-то образом может рассматриваться как восхождение в ученичестве, во внимание принимаются не просто интеллектуальные способности и менее всего интеллектуалистическое, эмпирическое обучение, принятое повсеместно во внешнем мире, где оно абсолютно необходимо в специальных областях. Нет, дело будет заключаться в том, что чувство, способность непосредственного постижения эзотерического, оккультного, моральные качества и др. должны будут в дальнейшем играть большую роль». (S. 140f.) Иными словами, перед антропософами поставлена задача познавать всем существом души: мыслью, чувством и волей, какими они развиваются в триединой душе по мере ее очищения от низшей чувственности, когда познающий делается способен в чистой любви к объекту познания слиться с ним в одно и так перейти к созерцанию, к созерцающему мышлению, силой которого можно овладеть лишь на вершинах души сознательной. Таким мышлением душа сознательная подготавливается к нисхождению в нее Самодуха, что метаморфозирует ее в душу имажинации. Так путь познания в Антропософии становится эзотерическим, посвятельным путем также и для тех, кто кармой не предопределен для прямого вхождения в сверхчувственный мир. А таковы, как кажется, в настоящее время все антропософы.

Этот всеобщезначимый, «королевский», как его называет Рудольф Штайнер, путь посвящения дан (в его теории и практике) в «Философии свободы». И, идя от нее, следует в таком случае искать отношение к «Как достигается познание высших миров?»

В целом путь познания в Антропософии можно охарактеризовать, выразив его в виде схемы, как это показано на рис. 14. Своеобразие этого пути состоит в том, что без овладения методологией Антропософии ступить на него в полном смысле слова нельзя. Но в этом состоит и его преимущество. Можно сказать, впервые в науке посвящения ученик, овладевая ее методологией, становится и сам себе учителем. Иное дело — три эзотерических класса. Не будучи ведо мы посвященным, они не могут существовать. Это просто ак-

сиома для всякого, в той или иной мере постигшего суть Антропософии*.

Три эзотерических Класса, которые предполагал учредить Рудольф Штайнер (на рис. они обозначены римскими цифрами), — они иные по сравнению, так сказать, с методологическими классами. Эти последние имеют целью заложить надежный фундамент в измененной субстанции триединой души для индивидуализированного восхождения к сверхчувственному восприятию и мышлению.

Стремящемуся овладеть методологией Антропософии следует привести в целенаправленное действие обе главные составляющие души: характерологическую предрасположенность и понятийную

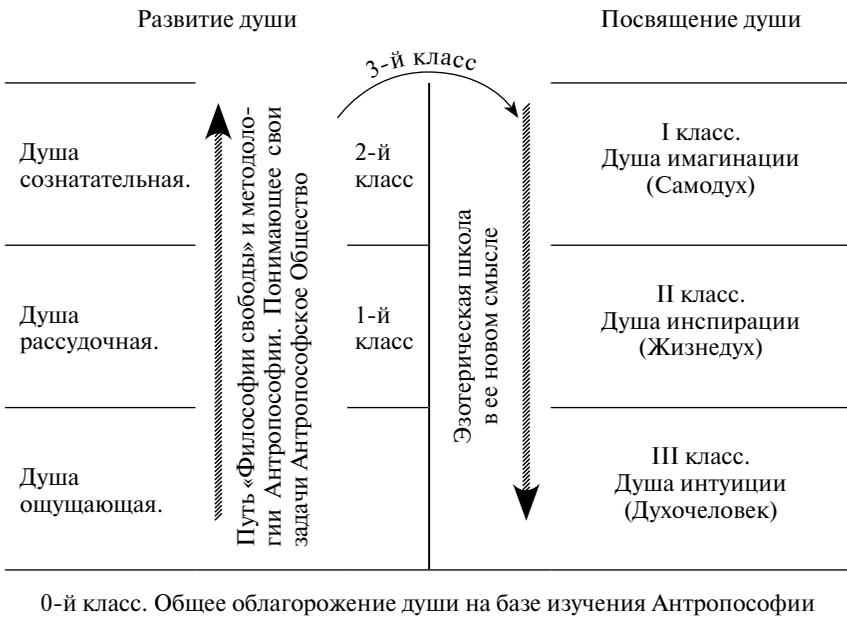

Рис. 14

* Правоту нашего вывода подтверждают опасные и легкомысленные операции с Классом, которым все более предаются группы диллетантов, в руки которых лишь в силу несчастного случая попала теперь Школа. Они пытаются соединять ее с масонскими ритуалами, с парапсихологическими манипуляциями, с экзерцисами иезуитов.

основу. Это предполагает прохождение через всю школу методов мышления: наивно-образного, аналитического, понятийно-абстрактного, чистого и созерцающего.

Развитие, укрепление интеллектуальной силы мышления составляет непрерывную задачу на пути духовнонаучного посвящения. Ученик идет к нему путем метаморфозы сознания. А чтобы сознание метаморфозировать, его прежде нужно развить. В одной из лекций 1921 г. Рудольф Штайнер говорит: «ибо свобода достижения только внутри культуры интеллектуализма». (ИПН. 343, S. 187.) В другой лекции, из 1909 года, мы находим разъяснение, почему это так: «Почему вообще боги дали возникнуть человеку? — спрашивает он там. — Потому, что лишь в человеке они могли развить способности, каких иначе они вообще не могли бы развить: способность мыслить, представлять себе нечто в мыслях, так что мысли обращаются к различению. Такая способность могла быть впервые выработана лишь на нашей Земле; прежде ее вообще не существовало; она впервые смогла явиться благодаря тому, что возникли люди. ... Кто не желает думать на Земле, тот лишает богов того, на что они рассчитывают, и, следовательно, не может никоим образом достичь человеческого предназначения, решать собственно человеческую задачу» (ИПН. 117, 13.11.1909.): соединять понятия с восприятиями (продолжим мы, основываясь на «Философии свободы»), приходиться к целостной картине мира, к монизму, к науке свободы и т.д.

В той же лекции Рудольф Штайнер говорит и о принципах антропософской работы, о законах развития «спиритуального движения», которое должно содержать в себе нечто от законов Мироздания, осуществляющего себя в циклах семичленных метаморфоз; о том, почему Антропософию нужно давать как учение, а не просто снабжать каждого указаниями, выполнив которые, он едва ли не автоматически проник бы в сверхчувственный мир.

Что говорил Рудольф Штайнер в 1909 г. (и еще до того), спустя примерно два семилетия неким образом «предъявило свой счет». Рудольф Штайнер был лишь строго последовательным, когда в 1924 г. он старался объяснить, что методология Антропософии может начинаться только в абстрактном, а чтобы с помощью ее войти в сферу созерцающего мышления, нужно изменить род и способ мышления, следовательно — природу души. И эта необходимость коренится к законах мировой эволюции.

* * *

Не развитый ученик сначала сообщаемое посвященным постигает с помощью понятийного мышления, только и понятия при этом живо захватывают его душу, поскольку в познаваемом он распознает собственную судьбу. Например, уже одна категория «сознание», будучи вскрыта духовнонаучно, разоблачает для нас тайну нашего собственного низшего «я» как последнего, «периферийного» явления пространственно-временного континуума, проистекающего из божественного первоисточника — сознательного всесознания, откровением которого и стал наш семичленный эволюционный цикл.

Прафеноменально эволюцию мира можно выразить в форме креста. Его горизонтальной осью представлен Отчий принцип (импульс) эволюции. В действительности эволюция получает тройное отношение к этой оси: она нисходит к ней, достигает средней (нижней) точки и вновь восходит. То есть ее движение имеет форму чаши. Эта «чаша» эволюционного цикла в сознательном всесознании возникает вся целиком: от древнего Сатурна до будущего Вулкана. Она выражает собой Божественное откровение и предопределение. Горизонтальная ось креста является по отношению к этой чаше границей двух миров: чувственного и сверхчувственного, а также осью симметрии. Чаша полностью отражается в мире инобытия и становится чашей осуществления Божественного откровения.

Этот образ не противоречит тому, что было получено на рис. 12. Тут нужно лишь уметь посмотреть на одно и то же с двух разных методологических точек зрения. Тогда матезис мировой структуры являет нам ее метаморфозу, выворачивание на эволютивную и эмпирическую сторону бытия, наподобие того, как это имеет место в случае треугольника (рис. 15).

Чтобы разъяснить, чем отличаются рис. 12 и 15, достаточно указать на то, что на рис. 12 мы имеем дело с отношением, в котором наибольшей материализации, имеющей место в зоне Земли, в Космосе соответствует наибольшая духовность. На рис. 15 мы имеем дело с принципом развития, согласно которому откровение, дух нисходит в верхней чаше к зону Земли, а в нижней имеет место зарождение и восхождение индивидуального человеческого духа

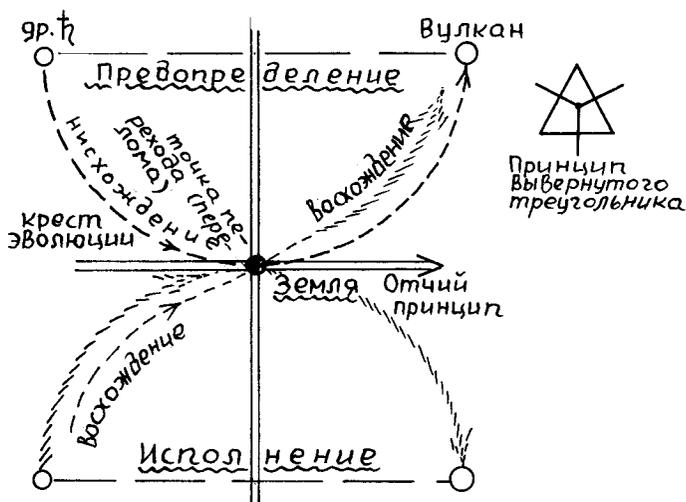

Рис. 15

к универсальному. В точке эона Земли индивидуальное Я должно войти в верхнюю чашу праобразов, иначе его постигнет упадок, нисхождение.

Показанное на рис. 15 позволяет нам понять принцип возникновения свободы — кардинальный во всякой антропософской работе, следовательно, и на Собрании 1923/24 г. Отчий принцип в соединении с принципом Св. Духа являет себя на горизонтальной оси креста эволюции как становление Мировой Идеи многообразием феноменов. Относительно этого факта существуют в среде людей два полярно противоположных мнения. Согласно одному из них, эти феномены не развиваются. Вся череда форм, через которые проходит феномен от своего зарождения до завершения (скажем, растение в ходе годового цикла) предопределена и просто повторяется, подобно кадрам киноленты. Другой, эволюционистский, взгляд, с его эволюцией видов, признает возникновение новых форм.

Исключительно важные для данного круга вопросов факты сообщает Рудольф Штайнер в седьмой лекции рождественского цикла, о которой мы уже говорили выше (см. рис.11). Если, читая ее, ограничиться одним лишь рассудком, то придется сказать, что она в том цикле лишняя — дана «не по теме». Если же цикл читать, не

забывая о методологии, то обнаружится, что она обладает, выражаясь образно, «замковым» значением в «своде» Р.С.

В лекции говорится о том, что человек на Земле испытывает на себе действие двух родов сил: идущих от центра Земли и от всего мирового круга к Земле. Их взаимодействием обусловлено размножение всего живого. Самая важная субстанция живого — белок. Обычно он в организме упорядочен, организован. Таков он и в яйцеклетке до ее оплодотворения. Получив же импульс оплодотворения, белок приходит в хаотическое состояние, он становится «отображением всей Вселенной, поскольку субстанция белка потрясена, разрушена, отброшена в хаос и именно благодаря этому, став мировой «пылью», прахом, подчинена всему Космосу», мировому эфирному Космосу. (ИПН. 233, 30.12.1923.)

Земля есть плод эволюции, принявшей пространственно-временной характер. В своих трех царствах природы, а отчасти и в четвертом, человеческом, эта эволюция носит Отчий характер, подчинена закону предопределения. Ее формы консервативны, они стремятся к неизменности и к вечному повторению. В этом смысле в них действительно нет никакого развития. Существуют они, правда, не от начала мира; но каждый раз, взойдя на ту или иную ступень, они стремятся ее увековечить. Поскольку формы эти органические, то они обладают физическим и эфирным телами. Наличие эфирного способно подвинуть их к развитию, но лишь до определенного предела. Скажем, в растительной форме ее эфирное тело способно семя превратить в растение и довести его до стадии, после которой начинается цветение. Но, оставаясь под действием лишь земных сил, растение должно бы было вслед за тем просто увянуть. В этом смысле отрицание развития обнаруживает свой абсурдный характер.

На кресте мировой эволюции Отчее начало возводит растение до момента оплодотворения, а там, и даже уже раньше, при образовании цветов, к нему по вертикальной оси креста подступает действие мировой жизни; его цветка, говоря языком Мистерий, касается «копье любви». Это действие исходит от Ипостаси Бога-Сына, мировой Жизни. Этой жизнью снимается сознание Отца. Пестик цветка опыляется, его белковая структура отбрасывается к началу мира, а затем возвращается назад, но уже со структурой, способной произвести новые семена.

В момент оплодотворения снимается Отчая система живого организма, в которой законы физического мира до известной степени доминируют над законами эфирного. Это выражается также в том, что системообразующий принцип растения, его групповое «Я» подчинено Отчему принципу эволюции. Будучи снято (в момент оплодотворения) феноменологически, это «Я» продолжает действовать прафеноменологически, и потому новые семена оказываются точным повторением исходного семени, т.е., пережив хаотизирующее действие импульса свободы, растение затем возвращается в лоно предопределения*.

В ходе годового цикла в групповое «Я» растения вступает сила Макрокосмоса, действующая по вертикальной оси эволюции. При этом актуализируется и приходящее из будущего формообразующее действие Ипостаси Св. Духа, управляющего мировой астральностью. Оно осеняет растение в период его цветения. И так групповое «Я» растения, будучи пронизанным силами Божественного Триединства, приподнимает растение над природой, приводит его в связь с вертикальной осью, возвещая о грядущей индивидуализации.

Так Божественное Триединство присутствует при рождении каждой живой формы, творя свою Мистерию жизни. Человек также участвует в ней, будучи органическим существом. Но когда своим индивидуальным духом он возвышается над природой, над Отчей эволюцией, то выпадает из Мистерии мировой жизни. А, выпав из нее, он остается с одним лишь сознанием, т.е. опять-таки соединяется с Отчим принципом, но в его изначальной сути, которую он обретает в человеке лишь тeneвым, бессущностным образом. Такой характер носит, можно сказать, «оплодотворение» индивидуально-человеческого духа. Он есть последняя по времени стадия становления мирового Духа и при этом начинает свое существование как бы от начала мира. В нем при этом, как и в растении, действует всё Божественное Триединство, но в форме диалектических триад абстрактного мышления. В них господствует предопределение, но

* Повторение, правда, не бывает буквальным. Каждый год растение испытывает хотя и ничтожно малое, но и качественное изменение. Происходит накопление этих изменений, весть о которых элементарные духи доносят групповому «Я», и так медленно готовится грядущая мутация вида.

они не обладают жизнью. Им еще только предстоит жизнь обрести. Человек в этом смысле должен вновь начать в некоем роде Отчую эволюцию, но лишь внутри своего «я». Как мировая Идея стала живыми формами бытия, так абстрактным идеям человека надлежит стать живыми мыслеформами. В этом, собственно, и заключается начало взятия человеком креста эволюции на себя. Антропософия предлагает ему в этом деле великолепный метод.

Тот макрокосмический эфирный импульс, который в яйце клетке разрушает ее видовую структуру, нисходит и на духовного (мыслящего) человека. Но он нисходит из его высшего Я и имеет вид лемнискаты мышления, показанной на рис. 4. По сути говоря, это и есть нисхождение Св. Духа на человека, его индивидуальная Пятидесятница, которая в новое время обретается человеком в результате долгой и упорной работы над собой, совершаемой в духе «Философии свободы». Эфиризацию этого импульса свыше человек осуществляет также сам, вырабатывая эфирный орган мышления («эфирное сердце»; см. рис. 7) в области ауры головы, действуя по принципу: «Не “я”, но Христос (Я) во мне».

Не только как органическое существо, но и своим малым «я», живущим за счет восприятий чувственного мира и понятийного мышления о нем, человек связан с горизонтальной осью креста эволюции. Чтобы прийти в связь с его вертикальной осью, низшему «я» в его структуре (так сказать, «белку» личности) следует быть ввергнутым «в хаос»; т.е. «я» должно быть снято и затем рождено вновь, но уже мыслящим в созерцании. Параллелизм с происходящим в мире растений простирается в этом случае еще дальше: «я», будучи снятым как мыслящее и чувствующее, сохраняет себя как чистую актуальность мышления; созерцание не вспыхивает как некая галлюцинация, оно действительно выступает как более высокая форма индивидуального мышления. А всё мышление в целом получает строго определенную структуру, показанную на рис. 4. Как оплодотворяющий нравственными интуициями импульс, делающий человека свободным, соединяется оно с человеком, являясь его «копьем любви» (рис. 16). Точнее сказать, он сам соединяет его с собой, оплодотворяет себя силой собственного высшего Я. В этом смысле человек уникален. И в этой своей уникальности он как высшее Я восстанавливает в себе всю свою родовую (видовую) сущность вплоть до состояния Адама-Кадмона.

В антропософской среде, к сожалению, очень мало говорится о том (а об этом нужно много говорить во всем мире), что человек современный самым непосредственным образом поставлен перед новой видовой метаморфозой, которая со временем его как Я-сущность возведет на ступень Всечеловека. Метаморфоза эта может быть осуществлена только с помощью индивидуальной работы над собой. Антропософия дает точный и конкретный метод, как следует ту метаморфозу осуществлять, как я-сознание наделить субстанциональным (не теньвым) бытием, выработать эфирный мозг («сердце») и начать мыслить-созерцать им. Такое мышление носит воспрятийный характер, оно состоит из идеальных восприятий, которые осуществляет высшее Я, однако все еще в связи с опытом чувственного мира.

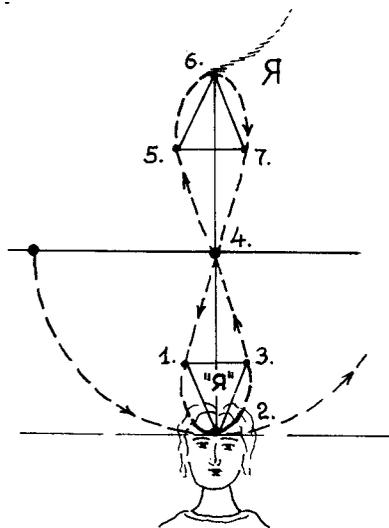

рис. 16

Всякое восприятие формирует основу души, оно всегда живо. Восприятие идей эфирным мозгом не отражает их, а помогает их соединению с тройственной телесностью человека. Эфирность, которой надделено высшее Я, иная, чем та, которая вплетена в поток Отчего принципа эволюции. Это эфирность Жизнедуха (Буддхи). Она исходит от Ипостаси Бога-Сына, и человека она достигает в элементе Манаса — Ипостаси Св. Духа. По этой причине грех против Духа Святого не может быть прощен человеку. Отказываясь от познания Духа или искажая ту весть, которую Дух «Утешитель» несет человеку, давая ему возможность познать Мистерию Христа, человек попросту исключает себя из высшего развития и тем самым выносит сам себе приговор.

В лемнискате мышления деятельность Манаса проявляется как плоды Я в элементе 6. Низшего «я» она достигает как сила диалектического отрицания (в элементе 2). Элемент созерцания (4) нахо-

дится посередине — между элементами 2 и 6. В нем рассудочность претворяется в созерцательность. Снятое присутствие «я» сказывается и в образовании верхней триады. Она онтологична в своей субстанции, но по форме напоминает (повторяет на более высоком уровне) диалектическую триаду. Вней всеобщезначимому идеальному восприятию, являющегося в элементе 5, противостоит его индивидуализации в элементе 6. В элементе 7 они приходят к высшему синтезу: всеобщее становится достоянием индивидуального, индивидуальное находит себя во всеобщем. Так некогда человек сольется с Универсумом, с Богом, не утрачивая однако себя как Я.

* * *

Таково начало метаморфозы, меняющей человека как вид. По мере становления свободным духом человек может триаде сознания, жизни и формы дать еще более высокое выражение в своем Я. От созерцающего мышления он может взойти к имагинативному, в котором необходимость чувственных восприятий отпадает полностью. Жизнь имагинативного сознания коренится в инспиративном сознании. К единству в Я то и другое приходят в интуитивном сознании (рис. 17).

I. Бог			II. Человек	III. Сверхчеловек		
ОТЕЦ	СЫН	СВ. ДУХ	самосознание → жизнь сознания → субстанциальная форма сознания	имаги-	→ инспи-	→ интуи-
созна- тельное всесозна- ние	→ жизнь мира	→ формы творения		нация	рация	ция

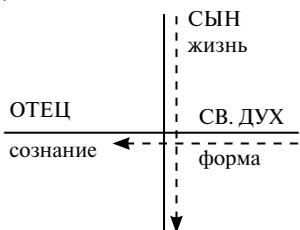

Рис. 17

Перед нами, таким образом, триада, каждый элемент которой трехчленен. И вся эта девятичленность коренится в человеке, приходя к единству в его индивидуальном высшем Я. Сначала она проявляется в становлении триединого тела, потом триединой души и, наконец, — триединого духа. Человек сначала движется в своем развитии вдоль горизонтальной оси эволюции, где действуют имманентные законы общемирового развития. Кульминацией такого процесса является культурно-исторический процесс, в котором возникает душевно-духовный филогенез личности, позволяющий этой последней «горизонталь» своего развития соединить с «вертикалью». Делается это — когда речь начинает идти об овладении высшим Я — с помощью лемнискаты мышления. Мысля по методу семичленной метаморфозы, человек совершает предварительный (без ясновидения) переход Порога сверхчувственного мира. Чтобы решить эту задачу, ему необходимы две вещи: чистая воля в мышлении и овладение (до известной степени) душой сознательной, что требует катарсиса астрального тела. Поэтому на первом месте в Антропософском Обществе Познания должно стоять развитие триединой души. Познание же, поскольку оно меняет структуру даже трех тел, становится тогда чистой эзотерикой: внутренним миром Общества познания. Ведь не случайно Рудольф Штайнер говорил: «Всё антропософское мышление является, собственно говоря, чем-то сакраментальным, что я высказывал уже в моей теории познания мировоззрения Гете. Мышление — это причастие человека. Познание, если оно действительно является познанием, становится сакраментом» (подч. нами. — Авт.) (ИПН. 345, 12.7.1923.)

Так подошли мы к тому, что, на наш взгляд, является ключом к вопросу: какой быть Антропософии в наше время? Кто свою судьбу соединяет с судьбой Антропософии (другие могут готовить себя к этому), должен с интересом, с живым естественным энтузиазмом стремиться взять на себя прежде всего крест собственной эволюции. Работая в сфере эволюции души в ходе культурных эпох («по горизонтали»), он должен развивать свою душу сознательную. Ибо, лишь овладевая ею, можно обрести силу оставаться бодрственным в пустотном сознании: «приподниматься» над горизонталью развития и соединяться с импульсами, приходящими свыше, входя в состояние идеального восприятия. Такое развитие души сознательной (как, впрочем, и двух других) дается лишь ценой целена-

правленной духовнонаучной работы над собой; даже если культурный филогенез принес в данной личности (за счет хорошего воспитания, образования) богатые плоды. Человек должен в своем этическом монизме интересы человечества начать переживать как свои собственные. Метод такого онтогенеза изложен в девятой главе «Философии свободы».

За вертикаль индивидуального развития следует, несомненно, взять теоретико-познавательную (в антропософском смысле) лемнискату и с помощью ее метаморфизировать качество сознания (рис. 18; его следует продумать вместе с рис. 11).

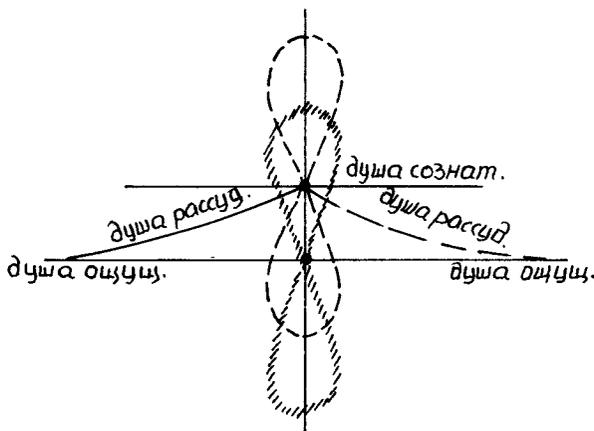

Рис. 18

Работа с этой лемнискатой и должна составить три класса эзотерической школы Общества Познания, о котором мы теперь ведем речь. В первом из них следует вести работу над укреплением логического мышления. Это класс диалектики. Прохождение его должно сделать ученика способным к чистому мышлению, способным пребывать я-сознанием в элементе чистой мысли, исключая из него чувственные восприятия. Это подготовит его к созерцанию и восприятию нравственных интуиций, к тому, чтобы «Антропософию делать».

Во втором классе главным является выработка созерцающей силы суждения. Это класс практических упражнений в переходе от

рефлексии к созерцанию, совершаемых с помощью текстов «Философии свободы» и других книг Рудольфа Штайнер; семичленными циклами идет развитие мысли и в его лекциях, но в них часто не все записано.

Наконец, третий класс — методологический. Истинное эффективное овладение методологией Антропософии невозможно без выработки особого эфирного мозга («сердца»), без способности воспринимать идеи из объектов наблюдения. Истинный методолог-антропософ — это посвященный нашего времени. Даже не имея сверхчувственного опыта, он способен правильно судить о нем до его наступления.

Особенность таких трех классов состоит в том, что все их следует проходить одновременно. И это также естественно, как естественно, развивая Я, работать одновременно с мыслью, чувством и волей или со всеми членами души. В то же время, задача каждого класса вполне самостоятельная и законченная в себе. Ее осуществление требует «сдачи экзамена» на овладение определенным качеством. Можно ли такой экзамен сдать самому себе? Можно, если, например, вспомнить талантливых певцов, музыкантов. Много работая над своим искусством, с которым они чувствуют себя едиными, они знают, когда у них «получается», а когда нет.

Все три класса находятся в полном соответствии с семичленной лемнисковатой мышления. В диалектической триаде ее нижней петли происходит укрепление логического мышления. В триединстве (триаде) элементов синтеза, созерцания и идеального восприятия работает противоположность между рефлексией и созерцающим мышлением. Их синтез — в восприятии идеи (рис. 19). Методолог вызревает во всей лемнисковатой, но в особенности в ее верхней триаде, где требуется владение до известной степени индивидуальным высшим Я, моральной фантазией, моральной техникой, способностью к дей-

Рис. 19

ствиям в сфере создания живых мыслеформ, а также и в практической жизни.

Если такой школе суждено существовать в Антропософском Обществе Познания, то его Правление должно быть не «правлящей администрацией», а коллегией антропософов-методологов, подобной ученому совету университета или академии наук. Его члены свою главную задачу должны видеть в том, чтобы развивать в Антропософии собственное духовнонаучное направление и увлекать за собой других, а также наблюдать за научным уровнем Антропософии, поддерживать научную критику.

Действие такой школы на становление индивидуального духа может стать столь сильным, что начнет менять человека даже как вид. Тогда начнет зреть раса людей будущего, которых и будут называть михаэлитами, т.е. учениками, приверженцами, служителями Архангела Михаэля.

Эзотерический 1-й Класс, учрежденный Рудольфом Штайнером, после его смерти закрылся с духовной стороны.* Но если искать к нему доступ в духе описанных нами трех классов познания и трансформации мышления, то, как знать, может быть, кому-то он откроется вновь и можно будет даже развивать его дальше.

* * *

Этими пятнадцатью главами мы не исчерпали всех аргументов, какие можно было бы привести в пользу нашего взгляда на суть и судьбу Рождественского Собрания. Более подробно этой аргументацией мы занимались, повторяем, в нашей книге «“Философия свободы” Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления».²⁷⁾ Настоящую работу мы завершим рассмотрением еще одного аспекта.

* Разного рода атавистические переживания парапсихологов, подступающих к нему, мы, естественно, принимать во внимание не можем.

16. «И кто не берет креста своего...»

Мы нашли, что за диалектической триадой на прафеноменальном плане выступает триединый принцип строения мира. Семичленный принцип эволюции рождается из того триединства. Реальное развитие в своих трехчленностях движется «чашеобразно», поскольку на своих этапах оно образует единства и метаморфозы, имеет стадии восхождения (нисхождения), кульминации и нисхождения (восхождения); проходит через фазы прошлого, настоящего и будущего; бывает внутренним, переходит во внешнее, и наоборот.

Чаша эволюции, выражаясь образно «наполнена» законами и импульсами развития. Вдоль осей мирового креста «чаши» симметрично отражаются одна в другой. По отношению к горизонтальной оси импульс в верхней чаше нисходит к человеку; в нижней чаше человек восходит к нему. В совокупности семи эонов в точке их встречи выступает эон Земли. И здесь человек должен претерпеть решающую, всеопределяющую в его судьбе метаморфозу: войти в верхнюю, прафеноменальную чашу бытия, пережив глубокую метаморфозу в своем я-сознании.

Чашеобразный характер эволюции симметричен и по отношению к вертикальной оси мирового креста. Законы и импульсы в тех «чашах» во многом подобны тем, которые действуют в двух первых чашах, но в чем-то отличны. Они в них не связаны с пространством и временем. Они действуют (движутся) из внутреннего духовного во внешнее чувственно-материальное. Человек в них из внутреннего своего малого «я» идет во внешнее своего высшего Я. Обе эти чаши выражают действие индивидуального и индивидуализирующего принципов (рис. 20).

Совокупность всех приведенных таким образом законов, импульсов сил (субстанций, элементов) Мироздания, одновременно данного и развивающегося, может быть пережита на разных уровнях сознания. На высшем Девахане (значит, в интуиции) вместо чаш нам предстанут положения и отношения Иерархий. Матезис методологически организованного мышления позволяет нам получить осмысленный образ тех положений и отношений (рис. 20).

С рождением эона Сатурна Божественное первооткровение объективировалось, и тогда было положено начало инобытию. Первофеномен метаморфизировался, и родилась единая в своей сути структура Вселенной (рис. 21). Образовались три основопола-

гающие лемнискаты мирового развития, соединенные между собой и перетекающие одна в другую. Лемниската семичленного мышления построена по их принципу. Суть же их открывается нам, если мы переживем рис. 21 рождающимся из рис. 20.

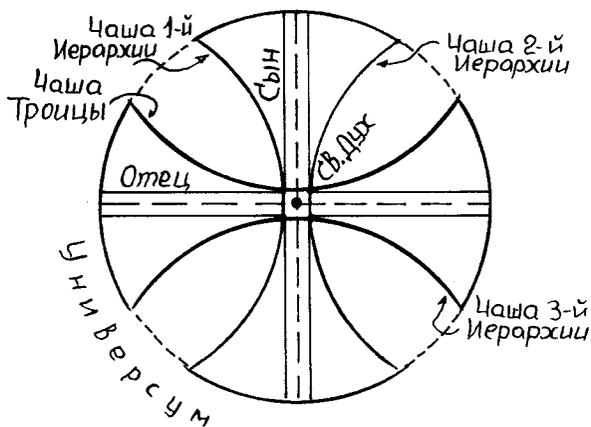

Рис. 20

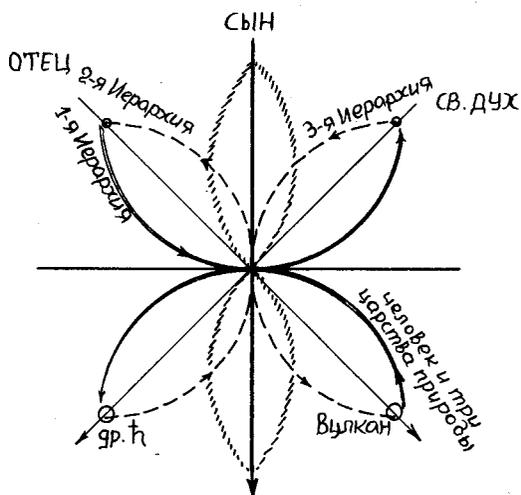

Рис. 21

С этим рисунком интересно сопоставить икону Рублева «Троица»

Божественным Триединством образованы три оси развития, идущие из высшего мира в нижний. А в этом последнем образовалось место (чаша) для становления человека и трех царств природы. Действием лемнискаты, идущей вдоль вертикальной оси, становление форм мирового сознания наделяется жизнью. Ипостась Сына вносит в это становление оплодотворяющие, обновляющие его импульсы.

* * *

Учение Антропософии о возникновении и развитии мира и человека глубочайшим образом связано с христологией, с учением об Импульсе Христа. Это находит свое отражение и в методологии Антропософии, поэтому совершенно правомерно поставить вопрос: а не должна ли она в таком случае содержаться в самом Св. Писании? Обратим внимание, прежде всего, на то, что крест и чаша являются главными атрибутами христианского богослужения. Пусть они были известны и в более глубокой древности — в Христианство они введены Самим Богом: на Тайной Вечере и на Голгофе.

Платон говорит, что мировая Душа распята на мировом кресте. Христос же говорит: «И кто не берет на себя креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший свою душу, потеряет ее, а потерявший душу ради Меня сбережет ее».* (Мф. 10, 38—39) Антропософия позволяет оба эти высказывания понять как методологические (да не смутит читателя, заметим еще раз, тривиальное звучание этого слова. Его можно заменить и другим — методо-софией, но к нему сначала нужно привыкнуть). В них речь идет о двух совершенно различных этапах эволюции. Платон имеет в виду самое начало земного эона, когда Всечеловек — Адам-Кадмон — нисшел с астрального плана в физически-эфирную глобу. Христос — Бог человеческого Я, имеет в виду земного человека, уже обретшего индивидуальное «я». Но в обоих случаях речь идет о кресте эволюции.

* В переводе Эмиля Бокка эти два стиха звучат следующим образом: «И кто не готов нести свой крест и шествовать путем Я, тот не достоин Моего Я. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою на пути Я — поистине обретет ее». (См. «Священное Писание в свете Духовной науки». М. 2000. Филос.-антроп. Издательство.)

Низойдя из мира прафеноменов в чашу инобытия, Всечеловек содержал в себе первоначально всю будущую Солнечную систему. И он пережил, как в силу законов развития нового эона возрастающая материализация тянет его вниз и помрачается сознание его связи с высями; с другой стороны, его существо начало как бы разрываться тенденциями двигаться вперед и сохранять связь с вечностью. Связь с блистательными высями духа и необходимость погружаться во мрак материи, тяга остаться со спиритуальным прошлым и движение в будущее — так испытывала распятие на кресте основных законов развития групповая Душа человечества.

Христос призывает человека взять этот крест на себя и понести в эволюции, следуя за Ним. То, как человек может это сделать, есть гетевское «умри и будь». Рудольф Штайнер раскрыл нам его смысл, сводящийся к тому, что на пути к высшему Я (а лишь оно способно нести крест) низшее «я» должно быть снято в духе Павлова «не я, но Христос во мне».

Христос, низойдя из необозримых высей на крест эволюции, соединился в Иисусе из Назарета с Отчей, пространственно-временной эволюцией. Он был послан к ней от начала мира Отцом Мира и нес бытию Отчего сознания в творении жизнь. Соединившись с эволюцией в человеке, в мире чувственного бытия, Он «идет к Отцу» через историю и эволюцию, задавая им направление к спиритуализации и одухотворению. Он идет в человеке. Неся же Бога в себе, человек способен определять не только историю, но и дальнейшую эволюцию. Он способен это делать благодаря овладению высшим Я во Христе.

Я есть феномен высшего, сверхчувственного бытия, которым определяется инобытие. Это последнее, не имея отношения к Я, есть иллюзия. Поэтому все царства природы (виды, роды) имеют групповые «Я». Человек в этом смысле есть образование исключительное: в нем достояние существ божественного рода, Иерархий, переходит на сторону небытия, т.е. — на сторону инобытия переходитегосуший прафеномен, обуславливающее его начало. Нопотому-то именно и делается возможной свобода. Вот почему «Философия свободы» имеет ключевое значение в методософии Рудольфа Штайнера, объясняющей познающему субъекту, как может он взять на себя «свой крест», т.е. свою часть работы над дальнейшим развитием себя и мира, сделав интересы мира в широчайшем смысле слова своими личными интересами. Так идет человек ко встре-

че с Богом, соединившим интересы человека с интересами мира. И потому «невозможное человекам» становится возможным, ибо «Богу все возможно» (Мф. 19, 26) — Богу в человеке.

Человек приобщается к макрокосмическому Я, не погасая как индивидуальность. Такое может сделать в нем только Бог, Христос, поскольку Он прошел через земную смерть, будучи началом всех начал. Но и задача человека при этом велика. Он, прежде всего, чувствует себя распятым в Я. Из прошлого он влачит за собой наследие группового «Я». Во многих отношениях оно притягивает его к себе и поныне своей стабильностью, фундаментальностью, суля переживание целостности, устойчивости, твердого основания, покоя. Но в резком противоречии с ним находится низшее «я» человека, тянущее в материальное бытие и не способное дать понимание смысла жизни, вызывающее отчуждение и расщепление личности. В то же время, только оно впервые дало человеку переживание своей автономности, истинного самосознания.

Коллизия между групповым и низшим я началась, по сути, с момента изгнания человека из Рая. То единое Я человечества, которое было даровано ему Духом Формы в эоне Земли, начало с той поры отдаляться от него по мере того, как он, как отдельный человек, погружался в сферу чувственного бытия (рис. 19)*. При этом оно дифференцировалось на разного рода групповые «Я», что было вызвано также и процессом отставания разных частей человечества. Такие групповые «Я» люциферизировались и ариманизировались. Квинтэссенция же Я человечества восходила, подобно звезде, над человеком в духовные выси. Вплоть до момента Мистерии Голгофы. Этой Мистерией отмечено наибольшее допустимое погружение человека в материю. В нем ему с особой силой светит из высей Я человечества как его собственное высшее Я.

Но человек на этом этапе своего развития претерпел, по сути, еще одно грехопадение. С IV–V в. до Р.Х., когда возникает понятийное мышление, философия, человек, можно сказать, изгоняется из природы. Это происходит таким образом, что он теряет переживание единства восприятия и мышления. Восприятие сохраняет жизнь и удерживается в Отчей линии эволюции. Рефлектирующее мышление становится тeneвым, бессущностным и нисходит на самую внешнюю «окраину» Мироздания. Из той опасной глубины индиви-

* Это было необходимо для индивидуализации человека в малом «я».

дуальный человек малого «я» взирает с надеждой на свое высшее Я, и именно из его сферы, отождествив его с Собой, Христос нисшел на Землю, чтобы спасти человека. После воскресения и вознесения Он ведет человека вперед и вверх, «предваряет его в Галилее», если выразаться языком Евангелий. Христос ведет малое «я» к соединению с индивидуальным высшим Я, которое бесконечно. На определенной высоте развития оно есть Я всего человечества, которое может вместить в себя отдельный человек. До того оно есть Я целого народа; и есть ступень посвящения, на которой посвященный овладевает им и получает имя своего народа: «истинный израильтянин (Нафанаил)», «истинный немец», «истинный русский» и т.д. Но Христос возводит человека вплоть до вселенского Я, до богоподобия: «Я сказал: вы — Боги» (Ин. 10, 34).

Христос выводит человека из низшей субъективности к высшей целостности; Он ведет его эволюционным путем, поэтому и в индивидуальном развитии человек переживает видовые метаморфозы. Ангел у гроба Господня возвестил апостолам: «Он воскрес из мертвых и предваряет вас (поведет вас) в Галилее; там его увидите». (Мф. 28, 7). «Галилея» означает цивилизацию современной культурной эпохи, в которую человек эмансипируется от всех групповых связей, но также и от отношения к высшему миру. И в этом «ничто» своего самобытия ему и надлежит начать обретать свободу. Путь к ней начинается с преодоления второго грехопадения. Для этого нужно мышление наделить бытием, не утрачивая индивидуальных черт. Именно это и достигается выработкой созерцающей силы мышления, когда мышление принимает восприятийный (созерцательный) характер. Тогда Христос возводит человека к Отцу — на горизонтальную ось креста эволюции, где человек и может взять его на себя.

Как видно из рисунка, крест мировой эволюции нисходил с человеком в сферу чувственной реальности. В четвертой культурной эпохе он, можно сказать, занял крайнее нижнее положение в духовном пространстве развития. Далее отсюда он может только восходить и, в первую очередь, — в человеке и через человека. Но в этой конstellации прафеномена развития мира человеку угрожает еще одно, третье грехопадение. На этот раз он рискует утратить индивидуальное «я»: умереть и не стать (см. рис. 22).

Если первое грехопадение было вызвано Люцифером, вто-

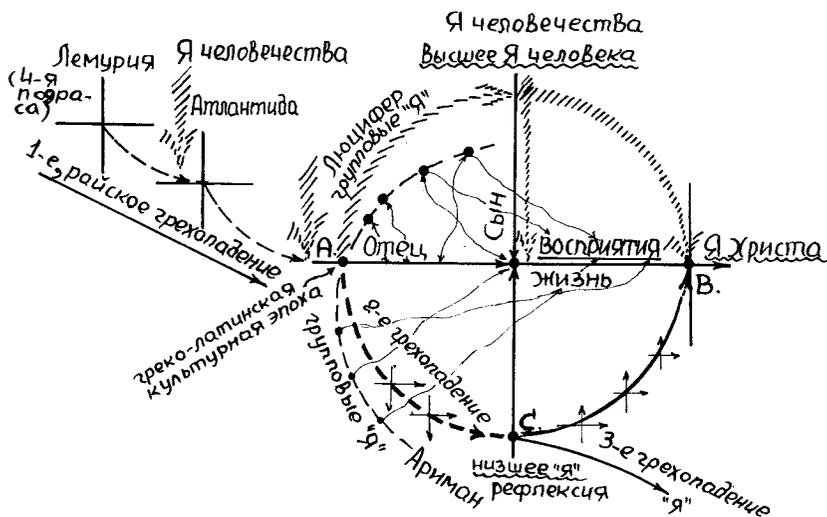

Рис. 22

рое — Ариманом, то третьи стремятся вызвать азурь. Их интересует человек-Я, он же обретает свою целостность, соединя понятия с восприятиями. Используя научно-технический прогресс азурь ведут дело к тому, чтобы: 1) соединить интеллект с «думающей» машиной и 2) моделировать чувственные восприятия.* Работа эта, как известно, идет крайне успешно, и мало кто, кажется, понимает, что она ведет человека ко второй, душевной смерти. Если два первых грехопадения были необходимы человеку, чтобы прийти к свободе, то третьего он обязан всеми силами стараться избежать. Третьим актом эволюции Я должен стать положительный синтез двух первых грехопадений. Он образуется при движении от точки С, показанной на рис. 22, к точке В. Этот путь человека сопровождается движением к точке В и высшего Я человека. Их первая встреча происходит в акте созерцания.

* * *

Таков, собственно, крест, на котором распят в «я» современный эмансипированный, отчужденный, дифференцированный, урбанизированный, интеллектуализированный человек. Не изменив

* В рамках этой книги у нас нет возможности подробнее развивать эту тему.

своего положения на этом кресте, человек не может его нести; он тогда может на нем лишь страдать. Крест этот «тянет», так сказать, в свою сторону каждая из образующих его сил. Этим обусловлены противоречия и кризис современного развития.

Человек способен справиться с этим кризисом, если постарается встать своим я в центр креста, взять его «за середину». Для этого он должен научиться метаморфозировать мышление по семичленной лемнискате. В этом, собственно, и состоит движение от точки С к В (рис. 22). Оно, естественно, длится во времени, но суть его такова, как показано далее на рис. 23. «Отвергнувшись себя» (Мк. 8, 34), человек в пустом сознании открывает сферу Манаса. При этом по горизонтальной оси он в триединой душе освобождается от всего родового, группового, наследственного и так овладевает душой сознательной. Созерцание в ней представляет собой нечто эволюционно обусловленное, соответствующее дальнейшему развитию я. Это совсем не то созерцание, в котором упражняется, например, йог, игнорирующий эволюцию и стремящийся мгновенно, действительно по вертикали, выскочить в Нирвану. Гетеанистическое созерцание обладает формой, в которой соединяются Христово и Отчее начала. То есть это форма явления в человеке Св. Духа. Потому-то столь категорично звучат слова Христа: «Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем». (Мф. 12, 32) Христос ведет человека путем духовной эволюции, путем проб и ошибок. Иначе развитие, ведущее к свободе, невозможно. Еще менее возможно оно без познания События Христа. Его несет нам Дух «Утешитель». Он, говорит Христос, «будет свидетельствовать обо Мне». (Ин. 15, 26) Таким свидетельством в нашей эпохе является Антропософия. Без ее помощи человеку почти невозможно не подпасть третьему грехопадению.

Необыкновенно конкретно, лаконично и точно основы духовнонаучной методософии выражены в Св. Писании. Этого часто не понимают только потому, что его переводы сделаны языком души ощущающей.*

В Евангелии от Иоанна Христос говорит: «Я есмь хлеб жизни»;

* Большой вклад в перевод его на язык души сознательной сделал Эмиль Бокк.

«Я есмь хлеб, спешший с небес»; «Я есмь хлеб живой... ядуший хлеб сей будет жить вовек». (Ин. 6; 35, 41, 51) О чем говорится здесь, как не о том, что Ипостась Сына олицетворяет Собой вертикальную ось эволюции, по которой в нее входят эфирные силы новообразований, силы рождения нового? Христос и в иных словах говорит об этом: «Я от вышних; вы — от мира сего; Я не от сего мира...» (Ин. 8, 23) «Сей мир» — это мир Отчей эволюции, в которой развивается тело мира и всех его существ. Прибегая к созерцающей силе суждения, человек возвышается над естественной эволюцией. В онтогенезе души и духа он приходит в связь с Ипостасью Христа и тем на горизонтали развития становится Его носителем: Христофорусом.

Если вновь воспользоваться образом чаши эволюции, то можно сказать, что до середины земного эона, а в человеческом царстве — до Мистерии Голгофы, доминировала ориентация божественных сил на горизонталь развития, которая нисходила во тьму материи, благодаря чему человек индивидуализировался. Философское выражение этому процессу дал Аристотель. После Мистерии Голгофы Сын «идет к Отцу», возводит в Его выси поволенную Им эволюцию путем снятия ее в иное. Этим объясняется неизбежный конфликт Логоса со ставшим миром, конфликт между предопределением и свободой. Поэтому Христос говорит ученикам: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от сего мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». (Ин. 15, 18) Такова глобальная коллизия между свободным Я и групповыми формами сознания. Ею человечество раскалывается на две части: на людей разумных и людей свободных. Первая часть подошла к исчерпанию своих, скажем, «нижних» задач. Вторая часть рождается из индивидуальных усилий людей, понявших задачу метаморфизирования себя как вида. Этой части Христос и говорит: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». (Ин. 16, 33) Другой части, опирающейся на наследственность, на голый интеллектуализм, Он говорит: «Я не от сего мира; потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших». (Ин. 8, 23) Это грехи бесконечного погружения в интеллектуализм и абстрактность, которые современный европеец уже просто наследует. Человек уже рождается со склонностью к изощренной рефлексии, к закоснению в низшем «я», где его подкарау-

ливаает Ариман, надеющийся через человека стянуть крест мировой эволюции в подматериальное. Новейшая история цивилизации — достаточное, впечатляющее доказательство этого.

Спасаясь от Аримана, человек нередко ищет убежища в групповом «Я», которое царит не только над родами, расами, но и над религиями и даже над политическими партиями, отчего политику все чаще связывают с религией. Так возникают религиозно-политический фундаментализм, противостояние Востока и Запада, идеи мирового господства. Во всех таких явлениях Люцифер стремится повернуть развитие вспять и, овладев человеком, получить господство над мировым крестом.

Наконец, даже апелляция к высшему Я вне Христа опасна. Тогда человека подкарауливают азуры. Их интерес к человеку возникает с того момента, как он подходит к «Я» в элементе души сознательной. Тогда они и начинают искушать его третьим грехопадением. Выход из рабства «тройного зла» — лишь в следовании за Христом, Который ведет в выси, но путем эволюции (рис. 23).*

На кресте эволюции человек включен в противостояние двух пар триединств: верхнего и нижнего, левого и правого. Эти противостояния хотя и мировые, но их разрешение будет все более приходиться в связь со свободной волей человека, мыслящего по методу идеального восприятия. Такой человек способен стоять в центре креста и приводить к гармонии, в целесообразное целое все проходящие через него импульсы сил. В непосредственно данное каждого момента развития через человека, через его моральную фантазию, в ставшее, обусловленное будет вноситься, отбрасывая в хаос его структуру, подобно тому, как это происходит в яйцеклетке в момент зачатия, импульс новообразования. Но в первую очередь это будет структурно-прафеноменальный хаос, возникающий в культурно и социально активном субъекте в момент снятия им своего низшего «я» — главного источника всех социально-политически-религиоз-

* Показанное на рис. 23 может быть продумано с точки зрения духовнонаучных основ политологии. Реальность показанного на нем осознается и во внешнем мире. Достаточно сравнить между собой символику таких фильмов, как «Гарри Поттер» и «Властелин колец». Когда Толкиен творил свою мифологию, мог ли он подумать, что «кольцом» «Фродо» в конце концов завладеет «Сэм» и еще до того, как тот задумает от него избавиться.

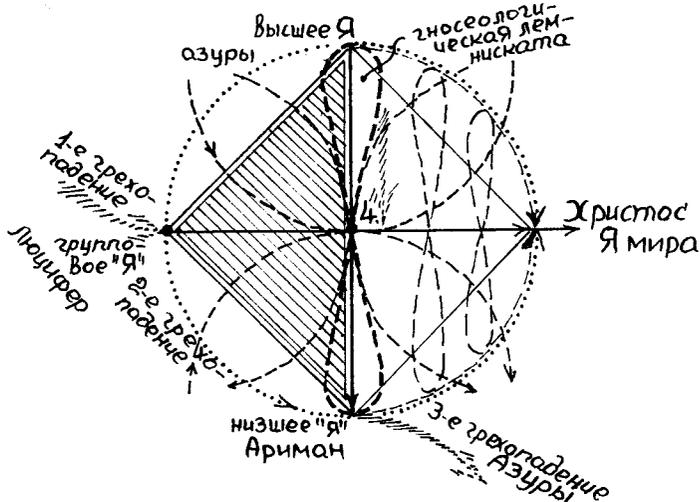

рис. 23

но-окультиных противостояний нашего мира, простирающихся в большой духовно-прафеноменальный мир.

Такова, по сути, и есть работа несения креста. Она начинается с того момента, как человек, работая с лемнискатой мышления, достигает ее элемента 4. О том, как при этом снимается низшее «я», мы уже говорили: путем развития в душе сознательной любви к объекту познания, приводящей субъект к полному отождествлению с ним. Христос говорит: «Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». (Ин. 15, 13) Друзья же человеку не только люди, но и звери, цветы, камни, звезды. Мир един. Христос имеет в виду душу сознательную, хотя и душе ощущающей отчасти доступны такие переживания. Он приводит в пример Самого Себя — Бога: «Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее: имею власть отдать ее и власть принять ее». (Ин. 10, 17–18) Человеку дано так поступить пока что только с призрачной жизнью мышления, поскольку отдать можно только то, чем действительно обладаешь как своим. Аэтологическое мышление души рассудочной и сознательной. И нужно в них, перефразируя слова Гете, умереть в любви и быть (стать — werden).

Пребывая в состоянии идеального восприятия, мы даем возможность Я-Манасу нисходить в нашу душу сознательную, сначала в виде нравственных интуиций, а затем и имагинаций.

Таковы некоторые принципы антропософской методософии с христологической точки зрения. Поняв их в этом смысле, мы еще больше убеждаемся в их универсальном значении. И нужно было в известной мере уже знать их, чтобы понять намерение Рудольфа Штайнера при проведении им Рождественского Собрания. Он хотел побудить наиболее продвинутых антропософов начать брать на себя крест эволюции, чтобы нести его, следуя за Христом. В помощь им из высей был послан импульс, дар Духа Святого, чтобы они в эпоху осуществления Христианства смогли учредить Антропософское Общество, несущее в мир всеохватывающую, обновленную весть о Христе второго Пришествия, Который может быть понят, когда Он говорит нам: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». (Ин. 8, 32)

17. Куда пойдет ВАО после 2002 года?

Ответим на этот вопрос сразу: оно пойдет туда же (только быстрее и откровеннее), куда оно уже шло в течение 90-х годов XX века. А теперь обо всем по порядку.

Как, вероятно, заметил добрый и умный читатель, нам долго пришлось пробиваться сквозь «тьму египетскую» современного бытия ВАО, прежде чем мы смогли проникнуть к свету духовнонаучных истин. Но вот теперь, правда уже с ними, нам придется еще раз погрузиться в ту тьму. Ибо ее нельзя забыть, нельзя игнорировать, нельзя оставить такой, какая она есть. Ее нужно метаморфизировать в свет. А для этого ее нужно хорошо познать. Итак: снова во тьму!

В 1921 г., наблюдая, как понижается духовность созданного в 1913 г. ВАО, как в нем укореняется дух «неправдивости», как оно «продырявлено» Ариманом, а также видя, как приходит в упадок вся цивилизация, Рудольф Штайнер говорил: «Лишь в познании того, что составляет силу времени, заключается то, что может уберечь нас от нуля в шпенглеровском смысле, а именно от наступления заката. Вы должны жаждать того, что способствует учреждению свободной духовной жизни». (ИПН. 342, S. 203.)

Нам представляется, что рассматривая, с которыми читатель познакомился в этой книге, находясь в соответствии с тем, «что составляет силу (нашего) времени». Познавая это время, мы приходим к пониманию того, как вывести антропософское Движение из кризиса. Но нужно быть реалистом и сказать себе, во-первых, что как раз познать дух времени, действующие в нем силы, нам менее всего позволят в современной «антропософской» среде* и, во-вторых, кризис тот необыкновенно глубок. Он коренится, так сказать, в колоссальной духовной «запушенности» антропософов — в их

* В подтверждение этого автор мог бы сослаться хотя бы на собственный опыт: после попытки сделать это в 1993 г., когда мы опубликовали нашу книгу «Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности», нас тотально, вот уже в течение 10 лет блокируют во всех АО и ветвях, распуская о нас самые черные слухи, будто мы примкнули к правым радикалам, к националистам, да не русским, а ... немецким!? Почему бы еще не к перуанским? или зимбабвийским?

трудно объяснимом страхе, некритичности, крайне слабом владении Антропософией и др. Именно по этой причине мы наблюдаем в последние десять лет, что нулевое состояние в нашем Движении и в ВАО — это не предел сползания.

Можно было бы, конечно, «оставить мертвым хоронить их мертвых», но беда в том, что они хоронят также и живых, хоронят живое. Вот почему приходится заниматься делами, происходящими в ВАО.

Помня о том, к чему мы пришли, исследуя Рождественское Собрание, обратимся еще раз к конференции 2002/03 г. Независимо от того, кто и как на это отзовется, мы должны содеянное на той конференции квалифицировать как еще одну гнусность в ряду тех, что творятся в ВАО в последние 12–14 лет. Подстать ей были и методы, которыми ее проводили. Когда сохранившая здравомыслие меньшая часть присутствующих (прим. 10%) попыталась воспротивиться им, то другая, бо льшая часть «побила ее камнями» группового негодования. (А где же при этой была их позитивность?) Один гость из России, видевший и слышавший это, рассказывал нам: «Я, к сожалению, не знаю тех немецких слов, которыми то большинство побивало меньшинство, но я бы не удивился, узнав, что то была нецензурная брань, — так грубо и зло они звучали»*. Другой знакомый, из Швейцарии, говорил, что его особенно потрясла готовность зала, ну просто одержимость желанием тянуть вверх руку с синим талоном лойяльности, голосуя за все, что бы ни предложил президиум. Это напоминало, заключил он, времена третьего Рейха. А, заметим, среди главных заправил, манипуляторов той конференции был фон Платон. Он был одним из творцов той одержимости, которая, конечно, была ему по вкусу; а вот если антропософы следуют за Рудольфом Штайнером, то, заявляет он, это «ведет в Освенцим». Таковы нравственность и чувство «правды» новых правителей в ВАО.

Происходить подобное может по той причине, что наши враги серьезнее, чем мы, относятся к Антропософии и в борьбе с ней действуют со знанием дела, в «широком стиле»; мы же, если все-таки решаемся защищать ее, ведем себя как дилетанты. Им, например,

* Это нам еще один пример того, каковы «позитивность» и «отказ от критики» членов ВАО.

гораздо лучше, чем нам, известно, что ключевой индивидуальностью в феномене Антропософии был и остается Рудольф Штайнер, что ее краеугольным камнем остается триединство, которое составляют Гетеанум, Рудольф Штайнер и задача основания Мистерий нового времени. Неудача, постигшая Рождественское Собрание, нанесла жестокий удар по этому триединству, но не разрушила его. Лишь резко изменились условия его существования. Особенно трудными стали они в последние двенадцать лет, когда темные дельцы, пользуясь наивностью и простотой членов ВАО, повели в нем новое наступление на Антропософию. Первым актом этой войны было избавление от урн ведущих антропософов. Мы писали об этом в нашей «Антропософии на скрещении...». Реакция читателей была минимальная. На членов ВАО это не произвело вообще никакого впечатления. Видя это, дельцы открыто рассказали членам о темной подоплеке своих преступлений.* И опять: гробовое молчание! И... да, «следующим этапом» был Гетеанум: путем переделки большого зала оккультно, с помощью художественных средств извратили спиритуальные импульсы первого Гетеанума, нанесли ему удар в духовном мире. На этот раз запротестовала небольшая кучка архитекторов. Ее отшвырнули, все стихло, большинство выразило свой восторг от переделки; и тогда взялись за эзотерическую Школу, используя в качестве инструмента Рождественское Собрание.

Служители Клингзора знают, что прошлое никуда не уходит, оно продолжает действовать в настоящем, создавая основу для

* Тот, на ком лежит бо льшая часть вины за переделку большого зала Гетеанума, писал: «Летом и осенью 1992 г. именно проект переделки зала висел на волоске и не двигался дальше. Дело зашло в тупик. Трудно обстояло и с другими переделками в доме (im Hause, т.е. в Гетеануме. — Авт.). В конце ноября благодаря некоему предложению был совершен прорыв как в планировании зала, так и в другом. Этому предшествовало совершившееся за несколько недель до того одно событие, которое едва заметным, но решающим образом изменило атмосферу в Гетеануме: прах Рудольфа Штайнера был предан земле в колумбарии, последние урны были удалены из Гетеанума. С того момента процесс изменений в Гетеануме пошел свободней и по прямой линии. Его следующим этапом стал большой зал». (Статья Ханса Хаслера в «Werkgemeinschaft am Goetheanum — Morgenarbeit zu den Goetheanum-Formen und biographische Skizzen». Издатель: Секция изобразительных искусств при Гетеануме и администрация Гетеанума. 1998, S. 59.) Цитир. согл. «Symptomatologische Illustrationen, № 30, Dez. 2002.

формирования будущего. Объявили, что прошлое можно без изменений, без метаморфозы перенести в будущее и жить им далее. И опять в среде членов — восторг, одобрение. Правда, в третий раз протестов было также довольно много. Но большинство из них начисто лишено понимания эзотерического смысла происходящего и потому бесплодно. Борьба сосредоточилась вокруг одних статутков и приняла чисто юридический характер. В этом вопросе ничего не изменилось за все прошедшие восемьдесят лет. Тон продолжает задавать латинский образ мышления.

И еще один волнующий вопрос встает по поводу той конференции и возникшей на ней борьбе. Спрашиваешь себя: а почему она не возникла в двух первых случаях, когда совершили бесчинства сурнами и залом? Не потому ли, что там дело касалось жизненного нерва самой Антропософии, а теперь дело пошло о власти? Ставя этот вопрос, мы никого конкретно не имеем в виду. Но не поставить его означало бы либо проявить слепоту, либо сильно покривить душой. Ибо он совершенно очевиден.

В кругах оппозиции Обществу то и дело обнаруживаешь отсутствие беспокойства, когда разрушают само существо Антропософии. В самом деле, где была оппозиция (ныне пошедшая даже на судебный процесс с ВАО), когда из Гетеанума, из Nachlass'a, из капеллы в швейцарском местечке Ля Мотта (там покоилась урна Иты Вегман) выбрасывали урны, в том числе и прах Христиана Моргенштерна — поэта европейского масштаба?* Где была оппозиция, когда в течение долгого времени творили безобразие в большом зале, широко оповещая всех о его ходе? Почему так решительно она проявилась вдруг только на этой конференции?

Мы не собираемся огульно осуждать всех, кто, наконец, возмутился творимым на Дорнахском холме. Среди них есть благородные люди, искренне приверженные Антропософии (таковые, правда, есть и в «тихом» ВАО), но они ли в своих рядах задают тон? Нередко также и их (а не только «тихий» членов ВАО) вовлекают в борьбу на роли статистов, сама же она инспирируется все теми же

* Теперь он, если верить тому, что нам говорят, покоится в общей ямке, куда ссыпали, по некоторым сведениям, прах из 1000 урн. За каждую из них, за право поставить ее в Гетеануме, была в свое время уплачена большая, а порой даже очень большая сумма денег.

силами, что инфильтруют ВАО и действуют за кулисами мировой политики. Это все одни и те же силы. И поэтому честным оппозиционерам (а также и честным «тихим» членам ВАО) нам хотелось бы сказать:

Защитить Антропософию, принеся ей пользу нельзя, не углубляясь в нее систематически, не познавая ее присутствием ей методом.

Наше горькое, но неизбежное слово в адрес оппозиции мы могли бы подкрепить и другими примерами. Так, лишь в нескольких случаях нам удалось вызвать в людях беспокойство, указывая на опасность, которая теперь нависла над изданием полного наследия Рудольфа Штайнера. Или вот еще пример. Осенью 2002 г. случилось неслыханное: «Гетеанум» опубликовал статью с критикой в адрес Прокофьева. «Чудо» объяснилось, когда та же статья была без сокращений опубликована в журнале «Die Drei». Оказалось, что ее автор обрушился на Прокофьева по одной-единственной причине: тот посмел подвергнуть критике К.Линденберга — фетиш «штуттгартской системы», которая жива до сих пор и способна диктовать свою волю даже Дорнаху. Много лет труды Прокофьева были знакомы пожилому автору той статьи. Но они его ничуть не беспокоили, поскольку были вредны лишь самой Антропософии.

Ранее подобное случилось и в журнале «Новалис». Там были готовы бесконечно долго лелеять харизму Прокофьева, если бы только он не затронул критикой их фетиш — Томберга.

После того, как была издана книга Ирины Гордиенко, содержащая системный критический анализ сочинений Прокофьева, самые разные люди обращались к нам за всевозможными разъяснениями. (Среди них встречались даже такие, которые ну никак не должны бы были обращаться к нам.) И подавляющему большинству из них та книга была нужна лишь в узко партийных целях, отстоящих бесконечно далеко от существа Антропософии.*

* Теперь из книги И.Гордиенко начинают молчком присваивать идеи для придания себе значительности. Так, например, появилась даже критика «метода» Прокофьева (без анализа его текстов, разумеется).

* * *

Видя и понимая все это, невольно спрашиваешь себя: так где же основание для надежды? И куда теперь пойдет все это? Попробуем за разъяснениями обратиться к историческим аналогиям.

Среди духовных течений человечества хорошо известен Орден тамплиеров. Он был разгромлен, однако свою духовную задачу исполнить успел. Борьба же с ним не затухает по сей день. С клерикальной стороны его постоянно клеймят как прибежище сатанизма, самой вопиющей ереси. Другая, противоположная клерикальной, сторона постоянно, так сказать, подбрасывает горячий материал для той критики, учреждая, столетия спустя, ложи тамплиеров, объявляя себя прямыми преемниками Ордена. Тут достаточно указать хотя бы на пресловутый О.Т.О. Кроули — объект бесконечных спекуляций на оккультно-политическую тему, бывших в моде даже у большевиков. В то же время, известно, что даже масонскими авторами Кроули был изобличен как беспринципный авантюрист и его ложа не была признана регулярной. Однако его афера и далее успешно дискредитирует глубоко спиритуальный импульс тамплиеров.

После тамплиеров светоч духовной жизни Европы был подхвачен розенкрейцерами. Но со временем также и они в основном исполнили свою задачу, и ныне метаморфозированное розенкрейцерство представлено в Антропософии. Но именно когда их дело стало приближаться к исполнению, в Европе начали возникать ложи розенкрейцеров, работавшие в основном по принципу: слышал звон, да не знаю, где он. В 90-е годы теперь уже истекшего столетия нам довелось пережить, до какой немислимой профанации доведено великое дело Христиана Розенкрейца в одной из разновидностей таких лож. В Голландии существуют так называемые «Золотые розенкрейцеры». Большую активность они развивают в Москве, стремясь на вербовать прозелитов и открыть здесь свои отделения. Однажды, после уговоров знакомых, мы решились посетить одно из их собраний, на которых они как раз и занимались вербовкой. После доклада на тему буквально ни о чем, кто-то из зала спросил: а кто такой Христиан Розенкрейц? «Это символ, — ответили из президиума. — В действительности такого человека никогда не существовало» (!). В фойе продавались книги основоположника «братства». Заглянув в них, мы обнаружили весьма экзотические

и оккультно опасные искажения фрагментов учения Рудольфа Штайнера вперемешку с самым разным оккультным вздором. Например, на одной схеме Жизнедух был приведен в связь с душой осязающей и с некой «астральной кровью» и проч.*

Когда публика на том собрании стала наседать с вопросами, то с подиума было заявлено: «Те, у кого возникает много вопросов, нам не интересны; в следующий раз они могут не приходиться».**

После Рождественского Собрания было 80 лет внешнего стояния на месте и внутренней медленной стагнации. И вот теперь кто-то решил, что поскольку-де Антропософия «закончилась», то пора ВАО, подобно тому, как это было с двумя названными спиритуальными течениями, превратить в ложу с тремя градусами. Чтобы легитимировать право на это, и была затеяна афера с правопреемством АО Р.С., после чего нынешнее профаническое правление может распоряжаться эзотерической Школой по своему усмотрению.

Заполучить такое наследство, как Антропософия, и употребить его на цели группового эгоизма, хотели бы многие. Более всего, естественно, содеянное на конференции 2002/03 г. не понравилось иезуитскому лобби. А с другой стороны — очень даже понравилось! Но это уже дела кулис, куда мы не желаем заглядывать.

В возникшей борьбе почти никого всерьез не интересует подлинное «золото» Антропософии. Его, выражаясь языком биржевых маклеров, предпочитают иметь в «акциях», чтобы с ними далее играть на бирже мировой политики и оккультизма. Для этого нужно будет в ВАО отделить «элику» от «профанов», создав в виде «ценных бумаг» второй и третий классы, и затем вальяжно манипу-

* А почему бы им этого и не делать, — возразит нам критик со стороны, — если ваши антропософские авторы позволяют себе писать, например, такое: «Христос — это Премудрость Божия», «Христос как София... в восточной традиции Новгородских софийных икон XVI века», «Христос ... как истинный Царь... который как София будет в конце времен вершить суд»? (См. «Антропософия. Сообщения об антропософской работе в Германии». III/2003, № 225.) «Авторы» же, в свою очередь, возражат: Прокофьеву и не такое позволяется, а нам — нельзя? — Весьма логично. Не правда ли?

** Целый ряд лиц из среды называющих себя в Москве антропософами в то братство вступил. И теперь они ходят с очень значительными лицами. Ну да — ведь они «носители тайны» среди профанов! Интересно, что и в Дорнахе их не забывают, не обходят вниманием!

ликовать 50-ю тысячами наличных членов. А через некоторое время можно будет сказать: Рудольф Штайнер? — Да это символ! Или признаться, что да, был такой «путаник», но теперь наши умные люди все поправили. Ведь есть же уже сейчас в Москве группа людей, где говорят: Ну, что там Штайнер? — Он был немец, России никогда не видел; нам об Антропософии лучше расскажет Сережа Прокофьев.

Примерно так, видимо, постараются теперь повести дело в ВАО.

Однако на этот раз все будет по-другому. Ибо антропософский импульс своей миссии еще не исполнил!

О нем можно сказать словами данной Рудольфом Штайнером медитации к Духу немецкого народа:

Он «не исполнил (еще) того,
Что должен совершить в становлении мира.
В заботах о будущем живет он, полный надежды;
Полный жизни он надеется на будущие деяния;
В своих глубинах мощно ощущает он
Сокровенное, которое, зрея, должно действовать. —
Как смеет враждебная власть бездумно
Питать в себе желание его конца,
Тогда как жизнь являет себя в нем,
Которая хранит его, творя в основах сущего?»

18. Два синтеза

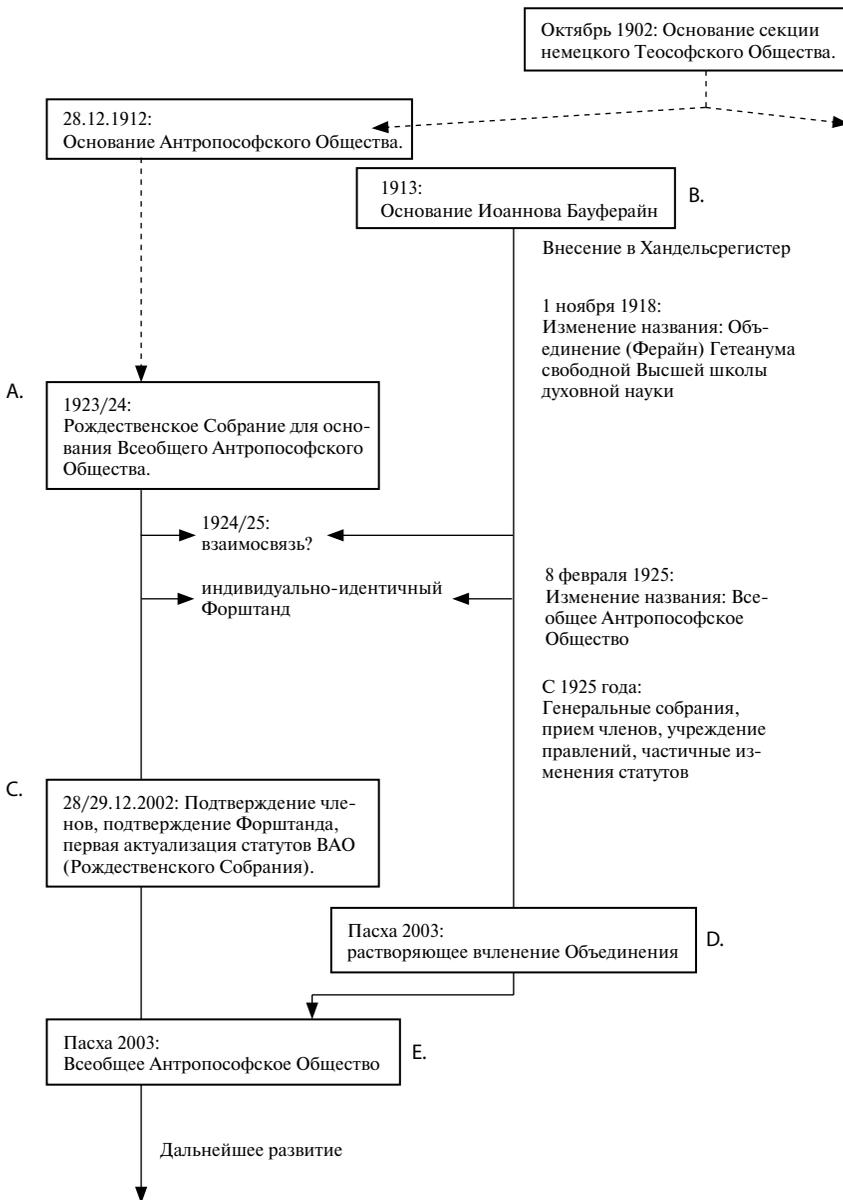
В нашей книге «Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности» мы писали о ВАО начала 90-х годов, сравнивая его с океанским лайнером, на котором имеется множество уютных кают и залов, но плывет он на рифы. И если не изменить его курса, то рискует он превратиться в «Летучего голландца», а тогда «горе всякому, кто останется на том корабле». Поскольку нам никогда не был присущ дух пророчества, то в то время, когда это было написано, мы не предполагали, что всего через десять лет наше предсказание сбудется.

В самом деле, ну попробуем хотя бы один раз совершенно непредвзято, отринув все пристрастия, посмотреть, к чему теперь все сведено в ВАО. Само же его администрацией признано, что в силу неких «ведомственных причин» антропософы вместо основанного на Р.С. Общества получили после 8 февраля 1924 г. «Бауферайн» и не ведали о том до 2002 года. Что было с ними в это время, пояснено в «Листке сообщений» с помощью некой схемы (см. стр. 227).²⁸⁾ Посмотрим очами разума, а не сектантского энтузиазма, группового сознания, что изображено на ней. Чтобы было удобно ее обсуждать, дадим на ней несколько буквенных обозначений.

В левой ее колонке мы имеем совершенно явное небытие, идущее вдоль линии АС. Показанное там есть полнейший вымысел даже согласно тому, что пишут в пояснении к этой схеме сами «перестройщики» ВАО. Они признаются, что реальностью (в каком смысле?) было то, что изображено в правой колонке. Но и оно, в конце концов, есть также небытие, поскольку 80 лет членам внушалось, что они пребывают в левой колонке. Именно это было в их сознании реальностью, т.е. то, чего не было.* Но вот из небытия всплывают чистые выдумки, сформулированные в позициях С и D. Из этих двух ничто учреждается приводящее их к «синтезу» еще одно ничто: позиция Е. Отсюда, якобы, исходит «дальнейшее развитие». И что это за развитие? — Да именно то, которое и сделало ВАО «Летучим голландцем». Ему-то и предназначено после конференции 2002/03 г. странствовать под флагом (именем) ВАО по

* В самом деле, ведь нельзя же быть членом Общества Гете в обществе, скажем, защиты животных.

Схематическое изображение корпоративного развития

мутным водам мировой цивилизации. На его борту литыми, мерцающими призрачным неоновым светом буквами написано: «Мы живем в такое время, когда человек не может быть призван ни к чему, в том числе и к Рудольфу Штайнеру». (фон Платон)

Большими голубыми глазами, в которых понемногу ослабевает свет индивидуального сознания, пассажиры того корабля взирают на звездное небо, на жестокую борьбу гигантских волн океана мировой жизни, но все это стало для них неким инобытием, другим миром, соприкоснуться с которым субстанционально они уже не могут, да и не хотят. Он является им порой в сновидениях, и им этого довольно. Кораблем управляет суровый командор. Он постоянно сумрачен, не умеет смеяться, и не любит, когда ему задают вопросы. Он особенно иллюзорен. Его никто никогда не видел, а если кто и видел, то думает, что это не он. Время от времени корабль посещает реальные гавани и берет на борт новых пассажиров. Пользуясь этим случаем, кое-кто из старых бежит с корабля. Никто их не удерживает. Ведь иллюзия обладает силой лишь до тех пор, пока в нее верят, принимают ее за действительность.*

Над тем кораблем то и дело возникают видения истинной Ан-

* В 2002 г. произошел с тем кораблем курьезный случай. Обычно, заходя в порты, он оставался в гавани и бросал там якорь. Но вот пришла на ум его водителям идея: выдать иллюзию за действительность. И потому решили они корабль пришвартовать к причалу и погулять среди реальных людей. Но что из этого вышло!

На причале среди пассажиров, голландца П.Макая — члена правления ВАО, голландца Дунсельмана — генсека Голландского АО и др., появились вдруг голландцы совсем иного, реального рода.

Подражая голландцам-пассажирам, готовым, защищая свою иллюзию, поставить на уши даже министерство иностранных дел и всю юриспруденцию мира (так поступили они, устраивая «охоту на ведьм» на автора этих строк в середине 90-х годов), они обратили внимание юриспруденции на попытку иллюзии причалить к действительности.

И вот, когда с корабля раздалась команда: Отдать швартовы! — то юриспруденция сделать это не позволила. Начался длинный и очень дорогой судебный процесс. Вся команда пришла в беспокойство, поднялся ропот возмущения: Чего медлим? Обрубить, к чертям, швартовы, и поплывем, куда хотим — во второй класс например! («В самом деле, отдаем ли мы себе отчет в том, какова позиция членов, которые просят нас этот судебный процесс не продолжать?») («Листок сообщений», 17 2004, S. 2) Но «судовладельцы» и водители думают иначе: «Но мы должны понимать, что тогда покоя нам не видать».)

тропософии. Оставшиеся на почве реальности с тоской и душевной болью взирают на них. Та боль стала их судьбой. И пусть утешением им будет знание, что лишь из страдания приходит спасение мира, рождается новое.

Многообразно являет ВАО свой «ничто-гештальт». Обо всем в одном месте не расскажешь. Но еще один пример мы все-таки рассмотрим: групповое фото членов правления ВАО, совершивших «синтез» двух ничто. (Оно опубликовано в «Листке сообщений», № 51–52/2002.)

Мы не знаем, фотограф ли, сделавший его, весьма и весьма себе на уме, или некий добрый дух старается раскрыть нам глаза на действительность, но фото получилось необыкновенно много говорящим. Как говорится, Бог шельму метит. Вглядимся в это фото. Первое, что бросается в глаза, — это что стоящие в первом ряду три члена старого, «брабантского» правления никак не могли пригласить в свой состав трех новых, стоящих во втором ряду. Это просто видно. За попытками старых членов улыбаться проглядывают напряжение и беспокойство. Причина их — в членах второго ряда, которые высовываются из-за первого ряда словно из-за забора, готовые его в любую минуту повалить. В них для старых членов заключена угроза их старому уютному, «в тепле и сырости» бытию.* Несколько особняком, персоной non grata уже в глазах пяти других членов (это их объединяет) выглядит шестой член. Он уж и шаг сделал в сторону от них. Чего в нем, конечно, нет, так это духа обывательства. Его погруженный в себя взгляд устремлен к неким внутренним вершинам, которые «зияют» лишь перед его духом и глубоко чужды пяти другим. Это некие ледяные вершины, где нет уютной теплой сырости.

Увидев все это (и многое другое, разумеется), спросим себя: так кто же на самом деле формирует это правление? Если не оно само делает это, то его власть, деятельность, инициативы также суть Fata Morgana. Но так ведь и должно быть на «Летучем голландце».

* * *

Полная ясность в деле превращения ВАО в «Летучего голландца» наступила 4 октября 2003 г., когда в «Листке сообщений» без всяких ужимок и недомолвок было с детской непосредственностью объявлено, что в течение 78-ми лет Общество, которое мы называли ВАО, было всего лишь переформированным Бауферайн, что

* И они это, конечно, вполне осознают. П.Макай: «Два года тому назад Хайнц Циммерман объявил на генеральном собрании, что он, как член Форштанда, хотел бы через некоторое время уйти в отставку. Мы, коллеги, еще раз посоветовались с Хайнцем Циммерманом по этому вопросу и в результате отставка Хайнца Циммермана отменяется. ... как в Форштанде, так и в Коллегии Высшей школы мы не можем лишиться сотрудничества с Хайнцем Циммерманом»²⁹⁾ «Мы», надо понимать, — это стоящие на фотографии в первом ряду; ну и еще, наверное, кто-то, кто фотографироваться не любит.

существует оно с 8 февраля 1925 года. В том же «Листке» было еще сказано, что в ноябре 2003 г. состоится внеочередное генеральное собрание, «главной составной частью» которого будет «включение нашего ферайна (т.е. ВАО. — Авт.) в основанное на Рождество 1923 г. Антропософское Общество». И далее: «Основанное на Рождество 1923 г. по инициативе Рудольфа Штайнера Антропософское Обществонасвоемвнеочередномсобрании членов, состоявшемся 28—29 декабря 2002 г. (!), назначило свой Форштанд и завершило свои статуты ... и так подготовило себя для этого вчленения. Оно также изменило свое название на «Всеобщее Антропософское Общество Рождественского Собрания». (Выделено нами. — Авт.)³⁰⁾

Защищаясь от такой неслыханной атаки на всякий здравый смысл, многие члены говорят себе: Ах, это очень сложные юридические вопросы, в которых я разобраться не в силах! Увы, уважаемый читатель, к юриспруденции вся эта галиматья не имеет никакого отношения. И понять это совсем не сложно. Ну а если кому-то она представляется правдоподобной, основанной на «фактах», то тому уже ничем не поможешь.*

Интересно при этом уже совсем другое. Те, кто позволяет себе устраивать подобные мероприятия, совсем не щадят своих людей «очень доброй воли». Они объявляют далее, что договор о слиянии будет заключен между Правлением ВАО Бауферайн и Правлением ВАО Р.С. (При этом они забыли сказать еще о Правлении ВАО, членами которого мы были более 70 лет, не подозревая, что оно есть реорганизованный Бауферайн.) «Оба (а точнее — три) Правления (beide Vorstände)», представляющие собой «две партии (beide Parteien)», работают в полном согласии между собой, в единодушии. — Но ведь это все один и тот же, существующий 70 лет Форштанд ВАО, последним председателем которого был Шмидт-Брабант, а до того — Гроссе, А.Стеффен!?

Но мало того. Слиться-то они слились, однако ВАО Р.С. (1923-го? 2002-го?) было при этом аннулировано! Аннулировано и ВАО Бауферайн. А что осталось? — Просто ВАО. А было до всей этой канители? — Просто ВАО.

* В ноябре 2003 г. такие члены собрались в Гетеануме. Им вновь было предложено «свободно» получить право участвовать в голосовании, заявив заранее о том, что они принимают все, что им будет предложено. Как и на Рождество 2002—2003 гг., голосование прошло с энтузиазмом, был опять лес поднятых рук; только «отщепенцев» было совсем мало. Они устали.

Ну, кто желает, может, конечно, записать себе на память, что существующий Форштанд вдруг ни с того ни с сего объявил себя Форштандом ВАО Р.С. (следовательно, эзотерическим по своей сути?!), что он есть «по сути» тот же самый Форштанд, который был назван Рудольфом Штайнером. В 2002 г. он раздвоился, растрои лся и даже расцветверился (если считать точнее). Возникли в одном составе: Форштанд ВАО Р.С. (1923), ВАО Р.С. (2002), Форштанд ВАО Бауферайн и ВАО, которое мы 70 лет имели фактически (а акты ведь вещь упорная!), но которого на самом деле не было. В 2003 г. все четыре Форштанда были сведены в один, став, таким образом, пятым Форштандом! Оформление последней процедуры взяли на себя от имени пяти Форштандов только два:

Договор о слиянии между

Всеобщим Антропософским Обществом (Рождественского Собрания),

Ул. Рюттвиг, 45,
Дорнах 4143,
представленного
д-ром Верджинией Сиз,
д-ром Хайнцем Циммерманом,
Паулем Макаем,
Бодо фон Платоном,
Сергеем Прокофьевым,
Корнелиусом Пицнером,
в дальнейшем называемом ВАО Р.С.

и Всеобщим Антропософским Обществом

Ул. Рюттвиг, 45,
Дорнах 4143,
представленного
д-ром Верджинией Сиз,
д-ром Хайнцем Циммерманом,
Паулем Макаем,
Бодо фон Платоном,
Сергеем Прокофьевым,
Корнелиусом Пицнером,
в дальнейшем называемом ВАО»³¹⁾

Далее следуют пункты договора. Пункт 5с: «Изменить название ВАО Р.С. на “Всеобщее Антропософское Общество”».

Человек думающий, но с недостаточно крепкими нервами, читая такого рода декларации и «документы», рискует от чрезмерного удивления лишиться дара речи. Ведь подобного законотворчества еще не знала мировая история. Даже злейшие диктатуры XX века не посмели открыто позволить себе такое. Поэтому в целях самозащиты, читая все это, нужно рассмеяться.

В «Похождениях бравого слодата Швейка» имеется такая история. В чреде остроумных симуляций, с помощью которых Швейк старается избежать отправки на фронт, он попадает в сумасшед-

ший дом, наполненный такими же, как он, симулянтами. Один из них выдает себя за Кирилла и Мефодия, что приводит в удивление даже Швейка. Ему объясняют: таким способом он надеется получить две порции питания.

На дорнахском холме поглотили четыре порции и, быстренько их «переварив», постарались тут же вернуться к «самоидентичности». Что ж, их можно понять. Вот только сквозь драпировки нескольких переодеваний проступило нечто — как бы это определить? — «не от дела сего». Поясним это с помощью сравнения. У Гоголя в рождественской новелле черт крадет с неба луну. (Чтоб всем темно было!) Луна сильно жжется и он, прежде чем сунуть ее в мешок, перекидывает ее из руки в руку. Похоже, что то же самое пережили и поигравшие с Р.С. — Оно жжется! И не будешь же вечно перекидывать его из руки в руку. Да и члены, они хоть и наивные, да вдруг вообразят себе, что они и на самом деле состоят в ВАО Р.С. Поэтому прочь его!

Однако отставим шутки в сторону и резюмируем кратко, что же было совершено, к чему в конце концов пришли на дорнахском холме:

— Мы являемся Обществом Бауферайн, — признался ставший пятиликим Форшланд. — В то же время мы всегда были ВАО Р.С., только это разумелось само собой, молча; да к тому же мы им, собственно, и не были, не могли быть. И вот теперь, как рожденные алхимики, мы совершаем акцию под названием «Fusion»—«Absorption» (слияние—объемное поглощение). Тем, чем мы не являемся, мы поглощаем то, «чем мы в то же время являемся», но чем, однако, быть никак не можем. И наоборот, в том, что мы есть, мы растворяем то, чем быть никак не можем. А затем мы отбрасываем то, «чем мы в то же время являемся» и становимся ни тем, ни другим.

Совершенно очевидно, Общество, к которому теперь свелось все дело, именно юридически антропософским уже не является вовсе.*

* В начале 2005 г. все постановления Конференции 2002/03 г. были решением суда отменены, как противоречащие ряду статей швейцарского законодательства. Таким образом, теперь осталось лишь то, что открыто было признано правлением в 2002 г.: что существующее ВАО есть реорганизованный Бауферайн. Это хотя и не богатая, но все же реальность. Однако почти нет надежды на то, что из нее сделают общество познания.

В «Базлер Нахрихтен» (14.11.03) было сказано, что цель всех этих реформ (можно было бы спросить: а какое дело газете до всех этих внутренних антропософских дел?) является «приспособление» ВАО к «требованиям XXI века», к числу которых относятся «глобализация» и «реструктуризация» (т.е. перedel власти). Глобализация, надо понимать, в духе войн Клинтонa в Сербии и Буша в Ираке, а реструктуризация в духе российской «перестройки».

Рядовых членов Общества, исполняющих роль статистов в драме «глобализации» и «реструктуризации», пугают мыслью, что они могут вообще остаться без Общества, если станут много рассуждать. Им поставлена задача на самовнушение: «Те из нас, кто работает в антропософских организациях, могут в непосредственном опыте пережить, как правление (администрация. — Авт.) может стать органом-сердцем для учреждения. Оно дает ему стабильность и уверенность и может быть центром жизни организации».³²⁾

«Может быть», но ведь «может и не быть» и даже, как показывает «непосредственный опыт», сплошь и рядом не может быть ни в малейшей мере. Однако, дамы и господа: примите все это прямо в ваши сердца!

— Но я не могу жить без Общества! — слышится стон представителя эпохи души сознательной. Однако почему же непременно «без Общества»? Общество было: ВАО об'единения Гётеанума. Следовало лишь открыто признать его таковым. Для всего, что делалось в нем в течение 78 лет, его было вполне достаточно. Более того, в нем ни разу не произошло ничего такого, что выходило бы за его рамки и за его возможности. Если в самом деле среди членов назрело желание начать в конце концов «Антропософию делать», то нужно было то Общество сделать по сути Обществом Познания. В этом качестве без всякой «глобализации» и «реструктуризации» оно начало бы постепенно выполнять свою функцию представительства Антропософии в мире, что так необходимо в наши дни, когда в ОЕ готовится закон о запрете всякой спиритуальной деятельности. Противостать тому закону и тем спасти Антропософию можно одним-единственным способом, показывая, сколь глубоко ее методология коренится во всем духовном, познавательном, культурном наследии человечества.

Разумеется, при таком естественном образе действий пришлось бы отказаться от «управления» Школой, от групповых чтений

Класса и предоставить эту работу на свободное усмотрение членов. Ибо это аксиома на все времена:

Подлинную эзотерическую Школу
может вести только посвященный.

Однако именно этого и не хочет делать и признавать пятиликая номенклатура. Она стремится Школой единолично, бесконтрольной самозванно распоряжаться так, как ей это желательно.

В этом и заключается корень проблемы: «глобализации» и «ре-структуризации» — новых бед, свалившихся на антропософское Движение.

* * *

Если мы поняли все это, то тем самым мы освободили себе путь для созидательных размышлений об Антропософии. Подчеркнем для себя еще раз, что ее феномен есть Мистерия: Мистерия эволюционизма. В своей сути она определяется принципом семичленности; все в ней есть жизнь и развитие. В мировом эволюционном цикле принцип семеричности выражается трижды. Это семь эонов, внутри каждого из которых развивается семь состояний жизни, а каждое состояние жизни проходит через семь состояний формы. Так это определено первооткровением Бога: 7x7x7 состояний мира, объединенных крестом эволюции. И таков именно истинный прафеномен эволюции. Мы писали о нем в нашей книге «Мистерия Антропософии»³³⁾, где показали, что каждые семь лет в жизни Антропософии совершается метаморфоза. Это целостные циклы ее развития, построенные по законам описанной нами гносеологической лемнискаты. Семь таких циклов образуют один, скажем, макроцикл Антропософии, длящийся 49 лет. Семь таких макроциклов образуют одну единую систему вхождения Антропософии в мир, чтобы одухотворить его и обратить от нисхождения в материю к восхождению к духу. Чтобы решить эту задачу ей, таким образом, потребуется 343 года.* То есть эта Мистерия будет действовать до конца эпохи Архангела Михаэля.

* В указанной книге это пояснено сводной таблицей (рис. 21). При верстке в ней допущены ошибки. Нижний ряд планет должен быть такой: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс.

С началом третьего тысячелетия Антропософия вступила в свой третий макроцикл. Это период синтеза. В течение его должно проявиться в новом облике все то, что противоречиво действовало в двух первых макроциклах. Первые 49 лет, от 1902 до 1951 г. следует рассматривать как большой тезис Антропософии. Он был бы намного успешнее, если бы Рудольф Штайнер смог оставаться на физическом плане до его конца. Но тот период оказался Мистерией-Драмой. И все-таки Антропософия вошла в мир, сделалась, пусть не всегда видимым образом, внутренне присущей ему. Незадолго до окончания этого периода умерла Мария Штайнер, успев наладить издание полного наследия Рудольфа Штайнера. Это был период, когда полагалось начало миру новой человеческой культуры, культуры *Nomo liber'a*, человека, который будет мыслить, созерцая идеи и совершать свободные поступки. Черты Отчего начала присущи этому периоду. Он нес на себе отпечаток всеобщности, мощного культурного и эзотерического полагания.

Во втором периоде, закончившемся в 2000 г. (наши противники действуют со знанием дела!), всеобщее Антропософии должно было быть поглощено индивидуальным началом ее представителей, сторонников, работающих над собой в духе «не я, но Христос во мне». В своем поверхностном слое период этот был довольно бесцветным, но мы не знаем, что происходило тогда в душах отдельных людей. Во всяком случае, в этот период было опубликовано довольно много интересных антропософских исследований в области естествознания, развивались практические инициативы.

Если быть реалистом, нужно, конечно, признать, что как в первой, так и во второй периоды было много потерь и поражений. Но было и созидание. И теперь и то и другое будут стремиться к своему синтезу: синтезудобраввиде реальных плодов духавотдельныхлюдах и в культуре человечества, с одной стороны, а с другой — то, что оказалось захваченным супостатом, постарается создать «синтез» ничто. «Почвой» для этого последнего «синтеза» послужат души людей, в которых семя Антропософии не смогло прорасти: упало на «каменистую почву» рассудка или субъективной мистики.

Что должно вселять в нас надежду — это знание о том, что мы живем в эпоху Архангела Михаэля. Рано или поздно его Дух восторжествует во времени. Стремясь соединиться с ним, должны до середины века работать друзья Антропософии. Всеобщую Антропосо-

фиоони призваны как бы родить заново в своем индивидуальном духе. А это как раз и достигается путем овладения методологией Антропософии. В этом заключается подлинный синтез Антропософии на ее третьем этапе — этапе Св. Духа. И совершить его способен лишь отдельный человек, независимо от того, в каких внешних условиях он находится. Лишь из того, что в таком смысле будет возникать в Я людей, можно будет теперь строить в Антропософии что-либо совместно: духовные, социальные, деловые и иные отношения. Никакой Форшанд, никакой руководитель, а тем более хаос и низость души не помогут нам делать Антропософию, а только развитие души сознательной.

В течение следующих пятидесяти лет методология Антропософии будет все более захватывать умы и сердца людей. Благодаря ей они смогут не только постигать, но и творчески развивать Антропософию, все интенсивнее и полнее пронизывая ею культуру и цивилизацию*, а сами идти путем посвящения через познание.

Сколько их будет, таких антропософов, заранее сказать никто не может. Не знаем мы пока и о том, какой облик приобретет окружающий нас мир. Ясно лишь одно, что и далее работать антропософски, возвращать в себе свободную индивидуальность будет необходимо и трудно.

Когда же придет четвертый период развития Антропософии (он продлится до конца столетия), она вступит в фазу своего «созерцания» — полного отождествления с окружающим миром: с «воздухом», «теплом», «светом» культуры и цивилизации. В тот период, говорит Рудольф Штайнер, в разных местах Европы начнут появляться строения, напоминающие наш первый Гетеанум.

На пути в тот, смеем надеяться, светлый период Антропософии будем постоянно помнить о том, что «будущее Земли неразрывно связано с Антропософией. Если у нее нет будущего, то его нет и у всего человечества». (ИПН. 259, S. 310.)

* Если те все-таки не похоронят себя.

Первый Гётеанум и современная цивилизация.

Наша первая публикация этой книги на немецком языке вызвала неистовое противодействие со стороны той части так называемого мирового «Сообщества Тени», которая давно широко и основательно укоренилась во всех областях антропософского движения, в кругах оппозиции официальному Антропософскому Обществу и в самом Обществе. Мы не станем подробно описывать, в чем это противодействие выражается. Скажем только, что оно *подобно* и *равнозначно* по злонамеренности *всем* видам противодействия, какое наша антропософская деятельность испытывала в бывшем Советском Союзе. [* Заметим попутно, что именно вражда – подчеркиваем, *вражда*, а не научная оппозиция – к нашей книге является особенно убедительным доказательством того, что мы затронули в ней вопросы, решение которых может благотворно сказаться на судьбе Антропософии. Только в этом случае повторяется старая история: то, что полезно Антропософии, в первую очередь замечают ее враги, ибо они бодрствуют и очень быстро принимают соответствующие меры, чтобы полезному не дать ходу. Ну а друзья Антропософии, они сладко посапывают вот уже 100 лет, предоставляя Богу решать за них все их дела.] Но мы коснемся одного самого безобидного аспекта вражды к нашей книге, который поддержало немало тех, о которых говорится, что они «не ведают, что творят».

Одним антропософом (нам представляется, что на самом деле он стоит ближе к упомянутому «Сообществу», чем к Антропософии), когда книга еще и в продажу не поступила, был поставлен вопрос: “Откуда ты всё это знаешь?” Через

некоторое время вопрос этот, словно директива ЦК КПСС, был подхвачен повсюду: в Германии, в Швейцарии, в России. Даже из уст людей, чье честное отношение к Антропософии не вызывает сомнений, звучало: “Откуда он это знает? Откуда он это знает?” Или даже: “Книга интересная, но откуда он это знает?” В такой, скажем, рафинированной и весьма эффективной форме была создана бездумная оппозиция к книге. Чтобы ее хоть как-то ослабить, мы и попытаемся на этот вопрос дать содержательный ответ.

Для начала мы поставим встречный вопрос: А почему вы этого не знаете? Ну а далее мы должны сказать, что в большинстве мест в книге прямо указано, откуда что в ней взято. Затруднения могут вызвать лишь наши доводы, в которых мы опираемся на антропософскую методологию. Мыслить методологически (должны мы с горечью отметить) нынешний антропософ и не может, и не хочет, и не любит. [* Говоря это, мы не имеем в виду специальные области Антропософии: медицину, естествознание (но, к сожалению, не можем сказать: и педагогику). Однако надо всем этим должна занять господствующее положение всеобщая методология Антропософии. Но как раз об этом, кажется, не думает почти никто.] Но если положение останется таковым и далее, то мы лишимся (а может быть уже и лишились) права называться антропософами. Поэтому соберем силы нашего духа и рассмотрим еще с одной стороны, в свете антропософской методологии, вопрос о том, почему первый Гётеанум играет столь большую роль в судьбе антропософского движения и в цивилизации в целом.

Духовно-научные основы «теории цивилизации» мы

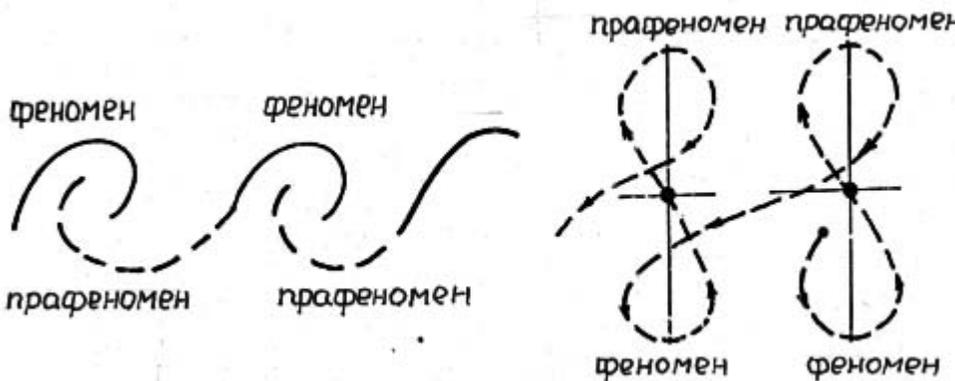
попытались уяснить себе в кратком очерке, который дан в виде введения к нашей книге «Макрокосм и микрокосм». Выделим теперь из сказанного там один аспект, а именно спиралеобразный принцип эволюции в его проекции на цивилизацию.

Форма двойной, закручивающейся и раскручивающейся, спирали (ее имеют мировые туманности) наиболее удачно выражает *принцип* жизни и развития. Всё реальное в мире – живое. Поэтому в основе всех реальных объектов исследования должна быть выявлена их двойная спираль. Тайна жизни постижима лишь на уровне инспиративного сознания, когда удастся высшим Я отождествиться с эфирной субстанцией мира. Рефлектирующему сознанию дано познавать лишь *выражение* жизни. Однако и эта задача далеко не проста. Решение ее как раз и облегчает двойная спираль - символ того, как осуществляет себя принцип жизни.

Что непременно должно быть нам дано от него – это его *феноменология*. Вся она коренится в *прафеноменологии* жизни. Эта последняя всегда сверхчувственна. Феномены жизни явлены нашим восприятиям. Феноменология жизни проистекает из ее прафеноменологии. Вместе взятые, они образуют целостный цикл жизни с его причинно-следственной обусловленностью. В таком цикле predeterminedены его расцвет и затухание. Имея в виду только это, материалистическая наука говорит о мировой энтропии.

Но на одном таком цикле дело жизни не кончается. Феноменология жизни – и в этом состоит ее суть – порождает новую прафеноменологию, новую причинность, которая лишь

позже станет явлением. Этот путь от феномена к прафеномену – восходящий. Он всегда связан с метаморфозой, совершаемой по принципу «умри и будь». В жизни человеческого сознания это путь посвящения с его “*порогами.*” Восхождение идет от низшего к высшему. И оно не возможно без прохождения через точку (сферу) ничто. «Высота», открывающаяся за Порогом, завоевывается Я путем приведения ее к явлению в чувственной реальности. И на этом пути никаких порогов нет, тут требуется способность к жертве, умение и желание высшее поставить на служение низшему. Всё это становится особенно наглядным, когда мы двойной спирали придадим другой облик, но целиком выражающий ее суть. Этим обликом является лемниската. Ее узловая точка – это тоже самое, что и «ничто» разделяющее обе ветви спирали. Но на лемникате при этом видно и то, как прафеномен жизни, в определенном смысле *не прерываясь*, порождает свои феномены.

Лемниката в виде ленты Мёбиуса дает, в некотором роде, «суммарный» или «принципиальный» образ процесса жизни. Но в действительности мы имеем дело не с повторяющей себя буквально лемникатой, а с ее новым порождением

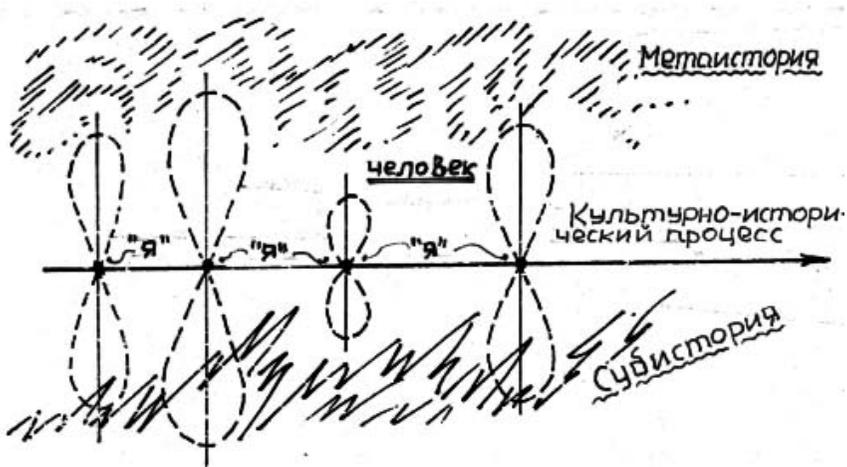
себя, когда завоеванное высшее, переходя в мир феноменов, рождает *другую* лемнискату жизни. Да, некоторая «энтропия» при этом имеет место. Но происходит не рассеивание жизни, а ее переход в новое *качество*. И если даже мы имеем дело с миром растений, то и в нем каждый год происходит хоть и очень малое, но изменение видовой сути растения. Оно накапливается в групповых Я растительных видов.

Описываемому нами закону подчинено всё в системе нашего эволюционного цикла. Его образуют семь зон, поскольку он есть живое единство, состоящее из множества взаимосвязанных живых единств. В соответствии с этим законом совершается индивидуальное становление человека. В наших исследованиях мы много занимаемся показом того, как одна форма сознания лемнискатообразно переходит в другую. Этим законом обусловлено и прехождение цивилизаций внутри культурных эпох.

Цивилизация является выражением трех типов, или потоков, развития. Первый из них – культурно-исторический; он являет собой феноменологию духа в мире пространства, времени, материи. Другой поток – метаисторический; там действуют существа Божественных Иерархий. Третий поток – это, скажем, «субисторический» поток; в нем действуют отставшие существа 3-й Иерархии: люциферические, ариманические, азурические. В условиях такой сложной реальности развивается и умирает живое существо цивилизации. Она есть одна из форм проявления принципа жизни. Её двойная

спираль одной ветвью выражает ее феноменологию, другая ветвь – прафеноменологию *следующей* цивилизации, которая должна родиться из существующей.

Прафеномен существующей цивилизации, т.е. *мир ее причин*, действует из прошлого. Он коренится в сферах метаистории, истории и субистории. Совместным действием всех трех потоков цивилизация достигает своей главной цели. Она всегда состоит в том, что определенная группа людей, участвуя в формировании и в жизни культурно-исторического процесса, в той или иной мере меняет *форму своего сознания* за счет видоизменения характера душевной жизни, жизни мыслей, чувств и волеизъявлений.

В такой фазе развития человек должен осознавать себя стоящим в центрах лемнискат, которые соединяют в себе действие всех трех потоков цивилизационного развития. Существа метаистории лемнискатообразно взаимодействуют

с существами субистории, а культурно-исторический процесс (т.е. деятельные люди) опосредует это взаимодействие. [* Не следует при этом думать, что отставшие существа создают лишь препятствия развитию. Человек начал индивидуализироваться после того, как его органы чувств открылись в сторону чувственного мира. Открыл же их Люцифер. Благодаря ариманическим существам мозг человека минерализовался настолько, что стала возможной рефлексия, а с нею – образование низшего «я», и т.д.] Так выражает себя единая чувственно-сверхчувственная реальность в принципе цивилизации.

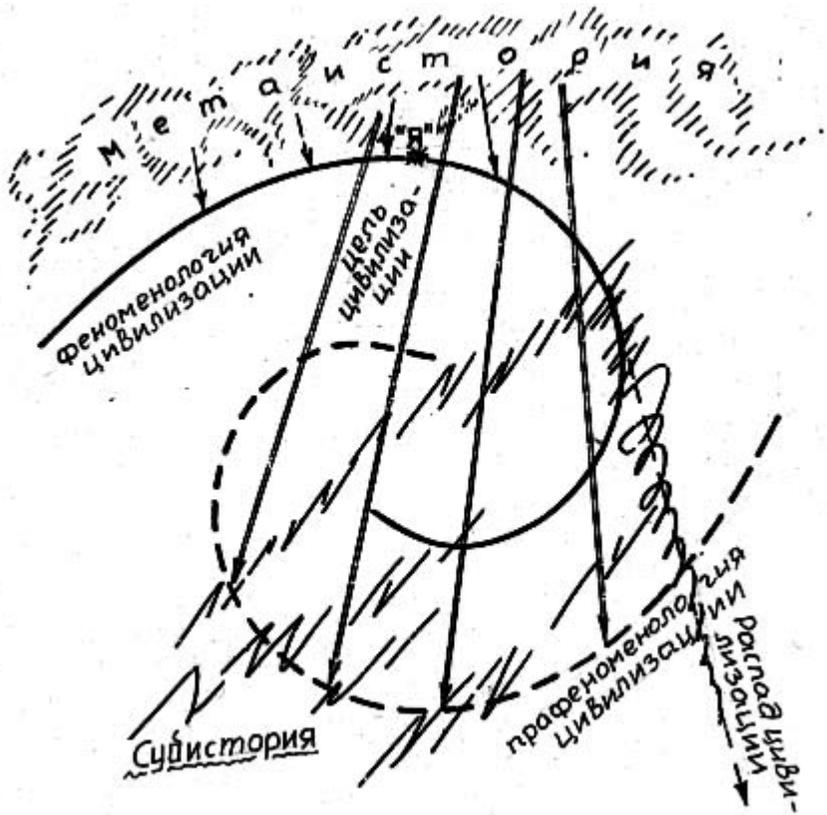
В узловых точках указанных лемнискат человек стоит своим «я», которое имеет точечный характер (как центр круга сознания). Через него протекают процессы, идущие из верхнего мира в нижний и обратно. «Я» при этом получает возможность, или даже *задачу*, вмешиваться в эти процессы, задавать им характер, направление, т.е. не более не менее как творить настоящее культуры и цивилизации и планировать их *будущее*, т.е. *будущую судьбу* самого человека. Такая задача вполне соответствует сущности человеческого «я», да и всякого Я в мире. Я - это *причинный* принци

Когда цивилизация приближается к исполнению своей задачи, то силы метаистории, активно работавшие в феноменологии цивилизации, начинают переносить свои действия на план ее прафеноменологии, где вызревает следующая цивилизация. Она вызревает в новой форме сознания, которую обретают люди в текущей цивилизации за счет собственной инициативы. Эта форма сознания, можно сказать, является избыточной для

текущей цивилизации и потому приходит в противоречие с её феноменами.

Таким образом, человек в ходе культурно-исторического процесса имеет долг не только решать задачи своего развития, обусловленные данной эпохой, но и *превосходить* их, овладевать тем, что на своем месте будет лишь в следующей эпохе. Таков, по сути говоря, характер человеческого творчества. Оно отвечает своей сути лишь в том случае, если предвосхищает будущее. И человеку тут остается лишь понять, что он как индивидуальность, как Я-существо есть объект своего *собственного* творчества. Самосозидание Я – это высшее творчество. Его выдающиеся примеры дали великие посвященные, подвижники, святые.

По мере того как цивилизация клонится к упадку и существа высшего мира оставляют ее феноменальный план, им всё более овладевают существа субистории. При этом ариманические существа действуют так в силу того, что они суть существа смерти, умирания. Благодаря им умирает всё живое, чтобы обновиться и возродиться в новом облике. Но у существ субистории есть и свои специальные, противоречащие всеобщей эволюции, эгоистические цели. Чтобы их достичь, им нужен человек, особенно самосознающий, которого они пытаются сделать и часто делают своим инструментом. Захваченный ими человек рискует выпасть из процесса эволюции мира. Такого рода опасность несут в себе умирающие цивилизации.

Особенно большой она стала в нашей цивилизации, поскольку впервые лишь теперь в мире существует так много людей, владеющих индивидуальным «я». Но еще большее значение тут имеет созревшая необходимость человеку, работая со своим я, изменить *форму* своего сознания, а не отдельные его особенности. Восходя же от рефлексии к созерцающему мышлению, когда идеи в вещах становятся *воспринимаемыми*, человек изменяется *как вид*. Он индивидуально овладевает первой ступенью высшего сознания. Благодаря этому прекращается его эволюция нисхождения. Весь цикл эволюции

переживает по этой причине радикальный перелом. В нем всё начинает восходить от материи к духу.

Существа субистории понимают, что если человек совершит в себе указанную метаморфозу, то он будет потерян для них как инструмент. И это вызывает в них некоего рода панику. То, как человек может из своего высшего Я помочь им в смысле высшего правомерного развития, - этого они не понимают. И они штурмуют нашу цивилизацию с неслыханной до селе силой. Всё, что происходит в мире в смысле левого глобализма, правого глобализма [*Эту тему мы здесь развивать не станем.], является изощренными происками люциферических, ариманических и азурических существ.

В своих действиях они не противостоят самой необходимости метаморфозировать современную форму человеческого сознания, понимания, что это объективная мировая необходимость. Но они стремятся управлять этой метаморфозой и совершать ее на свой манер, в интересах своего, как его теперь называют в русской политологии, «Сообщества Тени».

В необыкновенно сложных условиях нашего времени в каждом здравомыслящем человеке должен вставать вопрос: что могу сделать я для этой цивилизации, чтобы она *не распадалась*, а *метаморфозировалась*? Ответ на такой вопрос дает Антропософия. Она дает методологический ответ, показывая

не только *что* нужно делать, но и *как* следует поступать, если желаешь работать на благо себе и людям.

В своей методологии Антропософия, можно сказать, исчерпывающим образом разъясняет, как и зачем нужно метаморфозировать сознание, что благодаря этому в определенном смысле на индивидуально осознанной основе «перекидывается мост» от феноменологии текущей цивилизации к прафеноменологии будущей. Таким «мостом» является теоретико-познавательная лемниската, составляющая главный объект всех наших методологических исследований. Это лемниската метаморфозы рефлектирующего сознания в созерцающее. Работая с нею, человек остается в сфере понятийного мышления, но осуществляет его согласно *принципу жизни* и так ставит себя «на линию «прафеноменального процесса, в котором готовится будущая цивилизация. Так привлекает он на себя действия высших сил метаистории.

Когда в наше время люди спрашивают: “А где же Бог, почему он не помогает в борьбе со злом?” - то на это существует лишь один ответ: вы не там Его ищете. Он – не среди безжизненного

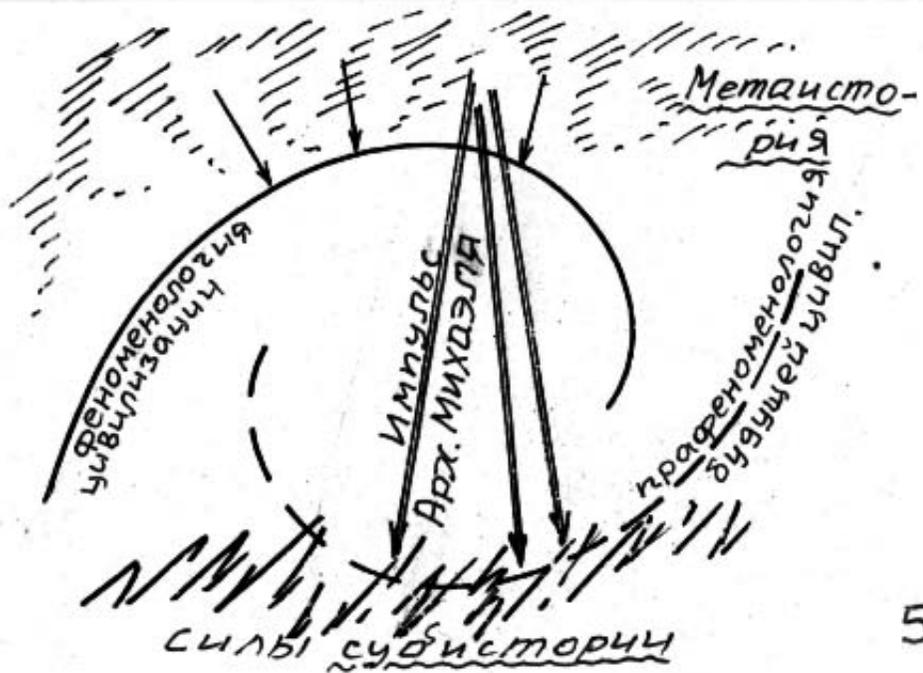
материалистической цивилизации. Он приходит к людям на плане прафеноменов, где готовится гармоничное перерастание умирающей цивилизации в новую, живую, наполненную реальным духом. Бог всегда пребывает с живыми, о чем Он со всей определенностью сказал Сам: предоставьте «мертвым погребать своих мертвецов» (Мф.8, 22); а вы следуйте за Мною. Эти слова не следует, конечно, понимать как призыв потерять всякий интерес к судьбе существующей цивилизации. Ибо в другом месте Христос говорит: «Жатвы много, а делателей мало». (Мф.9,37)

Богатую «жатву» принесла наша цивилизация. Еще никогда в истории человечества не было так много самосознающих личностей. Только нужно понять, что «плоды» личности – это не объем информации. Личность «богата» возможностями дальнейшего, высшего *становления*. Где в этом смысле следует искать подлинное «хранилище» плодов цивилизации, где плоды ее «моль и ржа» не истребляют и где «воры» не подкапываются и не крадут? (Мф. 6,19) «Хранилище» это возводится в сфере прафеноменологии следующей цивилизации. Речь при этом идет о чем-то крайне динамичном, о центре силы, о *поволенной интеллигенции*. Лишь работая в ее духе, т.е. *в духе будущего*, можно защитить *настоящее*: современную цивилизацию от впадения ее в хаос. Ибо такая работа дает ей смысл, а без нее у нее смысла *нет*. Не имея понятия о том, зачем эта цивилизация нужна для будущего, мы не в состоянии понять и ее наличную ценность.

Вот почему каждый человек, овладевший предметным сознанием, диалектическим мышлением, что ставит его на вершину *текущей* цивилизации, имеет своим первейшим

долгом сделать себя способным перенестись духом в прафеноменальную сферу цивилизации и там работать ради будущего совместно с существами метаистории. Такая работа образует вал на пути существ субистории, стремящихся захватить феноменологию закатывающейся цивилизации. Человек тогда защищает настоящее от бессмысленного разрушения; он тогда собирает его «плоды» и творит из них, метаморфозируя их, «семена» будущей «жатвы».

Никакая научная, духовная, социальная, политическая, религиозная деятельность не спасут цивилизацию от дальнейшего погружения в кризис, если человек останется с абстрактным мышлением. Ведь оно, по сути, есть дар Люцифера и Аримана. И пока человек спекулирует – на любую тему, в том числе и антропософскую, – он не страшен супостатам. Рудольф Штайнер говорит: «Смертью должно будет стать всё, что не оплодотворит себя из сверхчувственного мира. Вводите в эту эпоху души сознательной демократию, парламентаризм, технику, новейшее финансовое дело, новейшую индустрию ... если всё это вы не хотите оплодотворить импульсами сверхчувственного мира, то вы лишь способствуете смерти» ([ИПН. 185](#), 20.10.1918.)

Работа на «спирали» прафеноменов цивилизации, которая образует *порог, отделяющий цивилизацию от сонмов атакующих ее темных существ*, стремящихся за своей «жатвой», – дело далеко не простое. Там нужно, совершая метаморфозу сознания, уметь приходить к взаимодействию с существами 3-й Иерархии, в первую очередь – с Архангелом Михаэлем, который является регентом новой исторической эпохи. Нужно быть в состоянии на том пороге быть подлинным *михаэлистом*, т.е. человеком, работающем в духе задач Архангела. И Антропософия, и только она одна, учит, как это можно сделать. И она учит, что и в этом деле следует начинать не с беспочвенного энтузиазма, а с теории познания Рудольфа Штайнера, с практического овладения «Философией свободы»,

которая является также и практическим руководством в работе над метаморфозой сознания.

Современной цивилизации предшествовала совокупность цивилизаций 4-й культурной эпохи: древнееврейская, греческая, римская, средневековая европейская цивилизация. В них готовился прафеномен нашей, одновременно христианской и материалистической, цивилизации. На том прафеноменальном уровне совершилась Мистерия Голгофы, давшая новый смысл всему будущему мира. Сам Бог стал с тех пор водителем человечества также и на пути от одной цивилизации к другой.

Мистерия Голгофы совершилась в сфере «ничто» спирали, которая феноменально простирается до зона Сатурна, а прафеноменально до зона Вулкана. Столь много произошло тогда в прафеноменологии культурно-исторического становления человека.

Но очень мало людей способно с тех пор стоять со Христом на том Пороге, который одновременно есть место образования прафеноменов всего будущего мира. Людям 4-й культурной эпохи (она завершилась в 1413 году по Р.Х.) это было трудно делать по той причине, что они жили с остатками группового сознания. Христос же есть Бог человеческого Я. Однако опасность для грядущего развития человечества уже тогда проявилась с большой силой. Существа суб-истории понимали,

что Христос лишает их человечества как инструмента для достижения их личных целей. Тогда, фактически, решалась судьба Вселенной. И следует признать, что силам супостатов во второй половине 4-й культурной эпохи удалось достичь необыкновенно многого. В первую очередь, они смогли оторвать Христианство от традиций Мистерий древности. Связь с ними сохранило лишь течение, которое было лишено возможности выходить на внешний план истории: течение эзотерического Христианства. Внешнему же, церковному, Христианству было задано направление, не отвечающее сути Импульса Христа. Все это, в конце концов, и обременило непомерно нашу цивилизацию, ее феноменологию.

Уже в то время, когда Бог странствовал по земле, должно было быть достаточно хорошо понято, что Бог по-новому приводит Себя в связь с земным человеком, что впредь человек будет решать свои земные дела в, можно сказать, *неслыханно* непосредственной связи с Богом. А чтобы сделать это понятным, Бог окружил Себя людьми: апостолами, учениками. Им уже тогда надлежало «бодрствовать», т.е. переживать себя в Я, особенно в самую ответственную минуту: в страстной четверг в Гефсиманском саду. Но они уснули. Мистерия всё равно состоялась, Бог победил мир материализации и нисхождения, спас человечество. Но в той части дела спасения, где человек должен многое сделать сам, ибо Бог спасает свободного человека, а не раба, многое осталось незавершенным. Сон апостолов не пошел на пользу человечеству. И он простерся вплоть до наших дней.

Поэтому стояние на страже цивилизации, на страже судьбы человечества в позиции михаэлита, т.е. с новой формой

сознания, есть продолжение опыта Гефсимании, который теперь должен увенчаться успехом.

Задача эта необыкновенно велика, ибо в двойной спирали михаэлической цивилизации весь эволюционный *цикл* претерпевает свою *главную* метаморфозу. В результате ее тенденции эволюционного нисхождения духа в материю, действовавшие *3,5 зона*, сменяются тенденциями тотального восхождения чувственного бытия к духу, что будет длиться также *3,5 зона*.

В этой гигантской метаморфозе человечество играет едва ли не решающую роль. Поэтому и судьба его дальнейшего развития зависит от того, насколько хорошо оно будет с этой ролью справляться. Одна часть человечества, видимо, будет справляться с этой задачей хорошо, другая плохо. Поэтому узловая точка мировой лемнискаты, или сфера перехода в двойной мировой спирали, будет сдвигаться в будущее для каждого отдельного человека. Самый решающий момент наступит в зоне Венеры, когда все, кто окажется неспособен соединиться с тенденцией восхождения, будут исключены из эволюционного цикла.

Столь много коренится в проблематике кризиса современной цивилизации. Он многослоен, за ним просматриваются вселенские измерения. Поэтому происходящее в сфере рождающихся в ходе ее прафеноменов будущего носит характер Мистерии. Это является *продолжением Мистерии Голгофы, какой она являет себя в 5-й культурной эпохе*. Центры Мистерий имеют свои точки опоры также и в мире физически-чувственного бытия. И именно такую опору для

действия Мистерии Голгофы в наше время стремился создать Рудольф Штайнер.

Лишь с такой точки зрения может быть понят феномен первого Гётеанума. Он представляет собой малое повторение всего эволюционного цикла, который есть живое самосознающее семичленное единство, повторение цикла в его идее, форме, волеизъявлении. Абсолютно всё в Гётеануме исполнено глубочайшего высшего смысла. Он есть некоего рода большая *окультная печать*, поставленная на двойную спираль цивилизации и всей культурной эпохи.

Большой купол Гётеанума был возведен не просто над каким-то участком земли. Заключенным в нем *эзотерическим смыслом* он был возведен над *феноменальной* спиралью цивилизации и всей культурной эпохи. Но в первую очередь – исторической эпохи Архангела Михаэля, которая продлится около четырёх веков, начиная с 1879 г. Малый купол Гётеанума в его еще более глубоком эзотерическом смысле, был возведен над *прафеноменальной* спиралью цивилизации и эпохи Михаэля.

Гётеанум ушел с материального плана, но его эзотерический смысл не потерпел от этого никакого ущерба. Рано или поздно под его большим куполом соберутся все народы мира, поскольку всем следует достичь конечных целей эволюционного цикла. Это, если выразаться в духе Мистерий

Под малым куполом совершаются «большие Мистерии». Их способны осуществлять люди, опережающие общее развитие. Если общее развитие подчинено принципу семичленной лемнискатообразной метаморфозы, то участников «больших Мистерий» можно назвать «людьми октавы». Их задача переводить циклы развития один в другой, учреждать прафеноменально начало новых циклов. Это люди, способные сказать себе «Не я, но Христос во мне», – т.е. это подлинные михаэлиты, для которых Михаэль есть Лик Христов.

Под малым куполом Гётеанума Рудольф Штайнер учредил Эзотерическую школу Архангела Михаэля. Вернее, как он сам говорил, Михаэль учредил ее через него. Ее ученики, т.е. ученики самого Архангела, берут на себя задачу в сфере прафеноменов грядущей цивилизации проникать, скажем, в *хтоническую* глубину мира, где за завесой существ субыстории и человеческой низшей природы открываются существа высшей Иерархии.

Зримый образ принципа работы михаэлитов в Эзотерической школе дан в скульптурной группе «Представителя Человечества», которая находится под малым куполом в глубине сцены на западно-восточной оси Гётеанума. До сих пор сохранился и чувственный образ этой группы. В ней Христос являет Себя в положении между Люцифером и Ариманом.

Когда Гётеанум пребывал на земле, под малым куполом совершалось развитие новых искусств: эвритмии, рецитации, драматургии, ставились Драмы-Мистерии, написанные Рудольфом Штайнером. Это искусства следующей цивилизации, в которую должна трансформироваться феноменология современной цивилизации.

Гётеанум имеет крестообразную структуру. По его вертикальной оси (на земле она идет с востока на запад, но с точки зрения сверхчувственного это вертикаль духа) действие больших Мистерий идет в сторону малых: из мира Иерархий в мир земного человечества. Духовные устремления людей движутся в противоположном направлении.

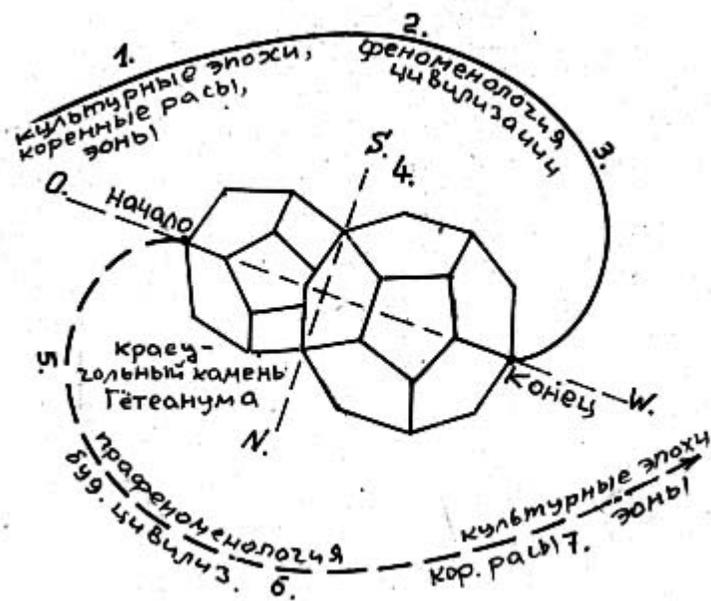
Эта ось имеет связь с пространством, но не обусловлена им. Человека, идущего путем индивидуального развития, она выводит из пространства. Ее «восток» – это выси чистого духа, ее «запад» – мир культуры и цивилизации. Она есть путь духовного ученичества, ведущий в небесный Иерусалим. Она состоит из уровней (форм) сознания, т.е. она иерархична.

Горизонтальная ось Гётеанума соответствует пространственно-временному движению эволюции мира и человека. Она сориентирована в направлении север – юг, где в ауре в Земли с севера на юг преобладает действие физических сил, а с юга на север – эфирных. В Гётеануме, как центре новых Мистерий, те силы приходят в связь с культурно-историческим развитием

человечества. В результате через Гётеанум проходят силы Христа, исцеляющие человека от первородного греха, освобождающие его от рабства материи – источника всех его болезней. С другой стороны, Гётеанум обогащает культуру и цивилизацию божественной мудростью, которую им несет Антропософия.

Одним словом, через горизонтальную ось Гётеанума мир космических интеллигенций приходит в связь с повседневными делами человека и наделяет их высшим смыслом. По этой причине левое и правое крыло Гётеанума в Объединении «Всеобщее Антропософское Общество» могут быть соотнесены с терапевтическим импульсом Антропософии (клиника Иты Вегман, но и исцеление в широком смысле этого слова) и с познавательным, мы скажем: с методологическим (это философско-антропософское Издательство Марии Штайнер, но и Духовная наука в широком смысле этого слова) принципом и даром Антропософии. Она есть дар, поскольку способна эфиризировать сознание, наделять сознание бытием.

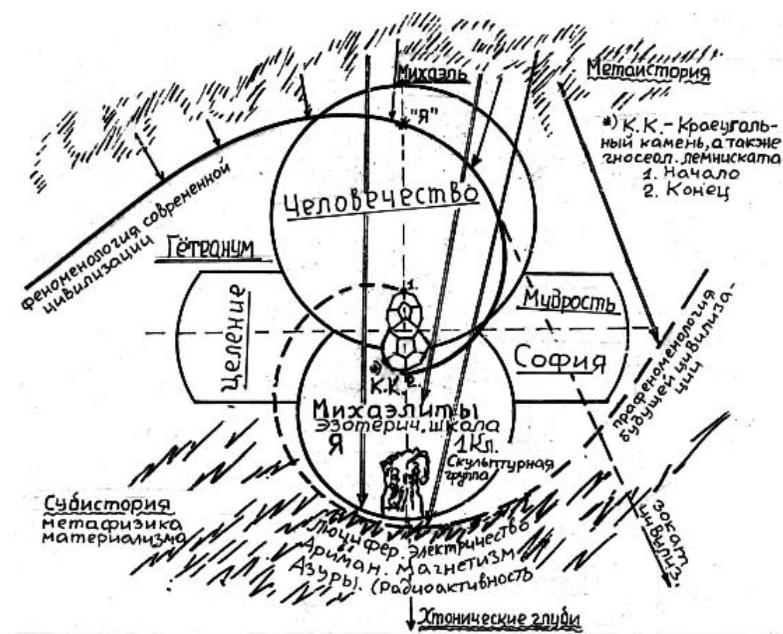
В целом Гётеанума оба принципа его осей пребывают в неразрывном единстве. Как центр новых Мистерий Гётеанум напоминает алхимическую реторту, в которой происходит «возгонка» субстанций души и духа, очищение их квинтэссенциями высшей индивидуализации. Ну а через человека очищается, просветляется, возвышается и вся цивилизация. Ибо человек во всё большей мере становится субъектом истории и культуры, их творцом. Он берет на себя крест их структуры.

Гётеанум как центр новых Мистерий не дает феномену современной цивилизации просто впасть в хаос. Он и далее ведет ее путем спирали феноменологии до ее логического конца, по мере приближения к которому она, обзаведясь новой прафеноменологией, должна возрождаться как феноменология следующей цивилизации.

Гётеанум – это явленная чувственному созерцанию задача человека во имя своего будущего и будущего всего мира принести, подобно Змее в “Сказке” Гёте, в жертву свое низшее «я» и благодаря этому простереться в созерцающем мышлении неким «мостом» между берегами чувственного и сверхчувственного миров. Гносеологическая лемниската – это не что иное, как два купола Гётеанума или его краеугольный

камень, исполненный в виде двух пентагондодекаэдров. Те купола, тот камень метаморфизируют не только цивилизацию, но и весь цикл семи культур, и даже коренных рас. Их значение простирается на весь эволюционный цикл, если Гётеанум становится человеком, берущим на себя задачу работать над метаморфозой своего сознания в духе импульсов Архангела Михаэля.

Таковы некоторые основания, в силу которых Рудольф Штайнер призывал антропософов хранить верность Гётеануму. Тот факт,

что Гётеанума больше нет на физическом плане, означает, что ученики Мистерий нового времени, михаэлиты, люди, верные духу истинной христианизации мира, обретающие в себе свободную духовность нравственных интуиций, вступают в Гётеанум на астральном плане. Они несут его в своей душе и в Я-духе. Силу сохранять связь с Гётеанумом они обретают в работе с методологией и согласно методологии Антропософии.

Не следует удивляться, что «Сообществу Тени», достигшему столь многого в разрушении антропософского движения на земле, не нравится, когда кто-то приходит к пониманию сути и главной ценности Антропософии. Она устраивает на таких людей гонение: сама и с помощью тех, кто «не ведает, что творит». И каждый должен быть готов к тому, что если он хочет защищать подлинные интересы Антропософии, то его жизнь в материальном мире будет становиться всё труднее. И тем не менее, долгом человека остается несмотря ни на что становиться представителем *смысла земного зона*, духовным воином, ведущим совместно с существами Иерархий борьбу с хаосом и опасными притязаниями «Сообщества Тени», духов тьмы, на святое достояние человечества. Такой человек, если даже он терпит поражение на внешнем плане, побеждает на плане духовном. Это таким людям Христос напоминает: «Я сказал: вы боги». А потому, «да будете сынами Света». (Ин. 10,34; 12,36).

Примечания

1. Nachrichtenblatt. № 51/52, 2002, S.374.
2. Nachrichtenblatt. № 42, 2002, S. 286.
3. Nachrichtenblatt. № 5, 2002, S. 174f.
4. Ibid., S. 175.
5. Мы пользуемся немецким переводом доклада Платона, опубликованного во французском журнале «Nouvelles», май-июнь 2002.
В своем замечательном критическом отзыве на доклад Платона проф. К.Свасьян приводит один совершенно естественный, но закрытый от сознания членов аргумент. Он пишет: «люди, называющие себя антропософами, нередко являются также теми, кто кормится от Антропософии. ... Кормиться от Антропософии называется свой хлеб насущный зарабатывать благодаря милости Рудольфа Штайнера. Дистанцироваться же от подателя хлеба, если желаешь оставаться честным... можно было бы лишь после того, как дверь в Антропософию закроешь за собой с внешней стороны». (Sonderbeilage zu der “Europäer”, № 2/3, Dez/Jan. 2002/03, S.17.)
6. Nachrichtenblatt. № 51/52, S. 370.
7. Цитир. Согласно ИПН. 260а, S. 695.
8. Ibid.
9. Rudolf Menzer, “Die Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft von Weihnachten 1923 und ihr Schicksal”. 2004
10. Nachrichten der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung. № 17, 1967, S.34.
11. Nachrichtenblatt. 15.12.1963, S.208
12. Из протокола генерального собрания (28–29 дек.) 1925 г. До сих пор не опубликован.
13. Mathias Bruckers, Verschwörungen, Verschwörungstheorien und die Geheimnisse des 11.9. Verl. Zweitausendeins. Frankfurt am Main, 2002, S. 16.
14. Irina Gordienko, Die Grundlegung der neuen Mysterien durch Sergej O. Prokofieff. Moskau — Basel — Verlag.
15. Michael Gsanger, Individuum und Gesellschaft. 1987, S.21. Novalis Verlag.

16. Там же, S. 10.
17. Цитир. согл. приложению к брошюре М.Гзэнгера, стр. 73.
18. G.A. Balastèr, Hella Wiesberger, Ita-Wegman-Biographie von Em. Zeylmans. Mitteilungen, 1/1994, S. 34–46.
19. Цитир. согл. ИПН. 259, S. 798.
20. См. Nachrichtenblatt. № 51/52, S. 370.
21. См. статью Якова Штрайта в журнале «Gegenwart», № 4, 2002.
22. Цитир. согл. ИПН. 260, S. 18.
23. Nachrichtenblatt, № 9, 1998, S. 352
24. Цитир. согл. ИПН. 260а, S. 18.
25. Wochenblatt, № 42, 2002, S. 285.
26. Цитир. Согл. ИПН. 260а, S. 22.
27. Полностью она носит следующее название «“Философия свободы” как основание логики созерцающего мышления. Религия мыслящей воли. Органон современной культурной эпохи». (Нем. изд. 2005)
28. Nachrichtenblatt. № 51/52, 2002, S. 374.
29. Nachrichtenblatt. № 19, 2004, S. 2.
30. Nachrichtenblatt . № 8, 2003, S. 2
31. Nachrichtenblatt. № 40, 2003, S. 4.
32. Nachrichtenblatt. № 8, 2003, S. 1
33. Изд. Москва, 1997. На нем. «Moskau–Basel–Verlag», 1997.

Приложение

Будет ли завершено издание полного наследия Рудольфа Штайнера?

Обозревая ужасные, невосполнимые потери, которые Антропософия несет внутри ВАО, со страхом задаешь себе вопрос: а что в следующий раз попытается выбросить за борт «Летучий голландец»?

Приходят новости из газет: в Голландии запрещают гомеопатию, в т.ч., разумеется, и антропософскую; в объединенной Европе запретили применение био-динамических препаратов, что означает начало конца антропософского способа ведения сельского хозяйства. Ну это — скажут нам — атаки на Антропософию извне. Да, извне, но при попустительстве изнутри. Создается впечатление, что ВАО взяло на себя задачу никак не представлять Антропософию в мире. Перед Пасхой 2003 года проходило в Дорнахе ежегодное генеральное собрание. Главный вопрос все тот же — о власти(!), поднятый на конференции 2002/03 г. В самом конце собрания одному участнику удалось все-таки сказать о запрете препаратов. Его выслушали, уже вставая с мест, и тут же забыли о нем. До препаратов ли, если новой власти нужно укрепиться на новом курсе! Факт безразличия к антропософским делам оказался однако замеченным и даже «Еженедельник» (невероятный случай) в кратком сообщении о собрании посетовал: «оно по причине того, что остались не названными жгучие проблемы, производило странное впечатление приподнятости над временем (а чего вы хотите от «голландца»?) — без упоминания об острой опасности, грозящей в виду запрета препаратов..., введенного ОЕ»¹⁾. Удивляться, однако, приходится уже не этому, а тому, как посмел «Еженедельник» сказать такое.

Впрочем, говори не говори, эффект будет один и тот же: грубое молчание пятидесяти тысяч членов — во всех странах и на всех континентах, без различия пола, возраста, образовательного ценза, национальной, расовой принадлежности и т.д.

Несколько лет тому назад тот же «Еженедельник» сообщал: «Вилла «Дорнрѐзхен» закончила свое призрачное существование. Первое большое антропософское строение в Дорнахе сломано». Проект этой виллы был разработан в 1922 и осуществлен «в духе архитектурного (строительного) импульса Рудольфа Штайнера».²⁾ Даже мебель была сделана в новом художественном стиле. И вот, с

нею было покончено. Почему? — Да денег не было на ремонт. В век «глубоко научной обоснованности» такой предлог убеждает сразу всех и «наповал». Под этим предлогом наверно скоро снесут и три эвритмических домика. А сам Гетеанум? Долго ли ему еще стоять? Другое дело — гаражи под холмом или изуродование большого зала. В таких случаях находятся десятки миллионов франков. На борьбу с духом никаких денег не жалко.

Таковы процессы, таковы тенденции в том центре, вокруг которого сконцентрировано возможно не менее 90% от общего числа живущих в мире антропософов. Подавляющее большинство из них, если бы они удосужились прочесть то, что пишем мы, вероятно, упрекнуло бы нас (ну это в лучшем случае) в чрезмерной сосредоточенности на «недостатках» антропософской работы. Мы же считаем, что если это и «недостатки», то они одного рода с теми, какими, например, обладает преступник, бросающийся с ножом на ваших детей, уважаемый читатель. Попробуйте в таком случае не сосредоточиваться на нем чрезмерно, и вы получите право упрекать нас. Те, для кого Антропософия стала делом жизни, поднимут каждую перчатку, брошенную в адрес Антропософии, примут каждый брошенный ей вызов. Иначе наше дело в мире не устоит, а без нашего дела не устоит и сам мир. Поэтому мы хотим привлечь внимание друзей и единомышленников к еще одной беде, которая, как кажется, уже разражается над нами.

На этот раз дело идет о той неизмеримой не только для антропософов, но общечеловеческой ценности, какую представляет собой духовное наследие Рудольфа Штайнера, Gesamtausgabe (GA или ИПН, если по-русски). Давно назрела необходимость пристально присмотреться к тому, что с ним происходит. Иначе, как с большим залом, с Р.С., мы опять окажемся перед свершившимися фактами, а тогда останется лишь махать в воздухе руками.

Уже давно, а в последние годы с особой силой звучат сетования Управления наследием на свою бедность, что у него нет денег, чтобы издавать дальше книги, лекции и все, что было написано, изображено и сказано Рудольфом Штайнером. И это несмотря на то, что и без того высокие цены на Издание были в 2002 г. еще существенно повышены.* Повысили, а эффекта никакого! Это как в со-

* Например, ИПН 3 — это, по сути, брошюра, а стоит 20 евро; ИПН 4а (Документы к «Философии свободы») — 58 евро, ИПН 39 — 74 евро.

временной России или в Латинской Америке. Но для членов ВАО это, как мы сказали, аргумент самый убедительный: нет денег! Нет денег, нет и вопросов. И Управление наследием можно, в принципе, уже закрывать.

Но как и о чем в таких случаях думают в остальном, «профаническом» мире? Там существует аксиома: кто хочет больше получать, должен больше или более умело работать. Как обстоит дело с этой аксиомой в «Наследии»?

Что продажа уже изданных на немецком языке томов идет к определенному рода насыщению (в мире их проданы уже миллионы) — это процесс естественный. К нему нужно было быть готовым и 10 и 20 лет тому назад. Поэтому необходимо готовить больше новых публикаций. А их еще осталось немало. Их покупают хорошо. Взять, например, ИПН. 267. Впервые том был издан в 1997 г., а уже в 2000 году потребовалось второе издание. Значит, первое было все распродано, а это 96 швейцарских франков или 56 евро за экземпляр.

Но именно с новыми публикациями дело обстоит все хуже и хуже. Вспомним, из каких идей исходило вполне сложившееся уже к середине 50-х годов намерение издавать полное наследие. Об этом в 1964 г. в «Наследии» писали: несмотря на финансовые трудности, на «слабую покупаемость» (т.е. эти проблемы были всегда) «Управление наследием приняло в начале 1955 г. решение осуществить издание полного наследия Рудольфа Штайнера. Это решение, впрочем, соответствовало определенному желанию г-жи д-р Штайнер.*

После тщательного анализа выяснилось, что полное издание будет иметь 330 томов. До сего дня (т.е. в 1964 г.) издано 170 томов». Закончить издание планировалось к 1975 году.⁴⁾ Так конкретно и прагматично рассуждали в «Наследии» в 60-е годы, хотя и с «ню-

* Заметим попутно: не только «впрочем, соответствовало», но было главной целью ее жизни после смерти Рудольфа Штайнера. В июле 1945 г. она писала: «Он (Рудольф Штайнер) говорил мне о том времени, когда его здесь не будет и когда я буду отвечать за его труды, а также и за то, чтобы это его дело, совершенное для человечества, осталось бы связанным с его именем. Ибо лишь немногие сохраняют верность ему, и может возникнуть опасность, что если его труд будет отделен от его имени, то он может быть отчужден от его первоначальных намерений».³⁾

ансами» уже сегодняшнего дня. Важно, что был определен и срок, к которому полное издание намеревались закончить: еще 10 лет. В самом деле, не может же это длиться столетиями. Но что получили мы на самом деле?

Обратимся за ответом сначала к статистике. С 1955 по 1964 год было издано 170 томов, т.е. в этот период издавали по 18–19 томов в год. С 1964 по 1999 год было издано около 200 томов, т.е. выходило в среднем по 5–6 томов в год. В период с 1999 по 2005 год, т.е. за 6 последних лет издан один новый том! Но ведь «Наследие» непрерывно и интенсивно работает! — так возразят нам. В «интенсивности» мы сильно сомневаемся, а «непрерывно» оно просто существует. До 1999 г. его работа, следует признать, была все-таки удовлетворительной. В 1999 г. были изданы ИПН.88 и 92, содержащие ценнейшие сообщения о сверхчувственных мирах, о Мистериях, о греческой и германской мифологии. Это были записи лекций 1903–1905 годов. Был издан ИПН. 268 — собрание медитативных изречений, и двухтомник ИПН. 337а, b на тему социальной трехчленности. Таков был 1999-й год и, похоже, это был последний всплеск трудовой активности «Наследия». К издательскому каталогу 2000-го года было приложено извещение, в котором говорилось, что в том году «в издании полного наследия Рудольфа Штайнера не будет, к сожалению, ни одной новой публикации...»

В 2001-м году в качестве новой публикации был предложен ИПН. 89. Однако в нем в основном были лишь переизданы лекции, опубликованные в «Дополнениях к изданию полного наследия Рудольфа Штайнера», в № 67/68 (1979) и 78 (1982/83); к ним еще добавили фрагменты из ИПН. 262 и ряд цитат из разных томов, что в академическом издании делать не позволяется. Причина всего этого нам вполне понятна: нужно было наскоро «слепить» что-нибудь для отвода глаз читателям, и в то же время том должен был выглядеть толстеньким, чтобы за него можно было взять хорошие деньги. Тексты в томе слегка подредактированы, но трудно сказать, что оттого они стали лучше, чем были в старом издании. Повторение ранее изданных томов в карманном издании мы, конечно, за «работу» «Наследия» признать не можем. Это способны сделать верстальщик или типография.

Посмотрим, что было в 2002-м году. Вернемся для этого еще раз в год 2001-й. Там в № 9 «Гетеанума» была опубликована статья,

освещавшая работу и планы «Наследия». В ней говорилось о намерении издать ИПН. 255 в трех томах, и что первым из них выйдет последний том — 255b: он «должен... примерно в конце этого года (2001-го) появиться первым» (S. 162.) Однако в то время он не появился и был объявлен в издательском проспекте на 2002-й год, как совершенно готовый том: с обложкой, оглавлением и ценой (68 SFr. Или 40 евро; 380 стр.). В продажу он должен был поступить в июле. Но произошло это лишь еще год спустя. И потому возникает вопрос: для чего уже отпечатанная книга целый год пролежала на складе мертвым капиталом, когда «Наследие» так нуждается в деньгах? Может быть, в ней опубликовали что-то «не то» в нынешнем понимании? (Том называется «Антропософия и ее враги».) В Советском Союзе из-за одного «не того» слова стотысячные тиражи пускали на вторичную переработку. А когда же теперь мы увидим ИПН. 255 и 255a?

Новой публикацией в 2002-м году нам предлагается признать ИПН. 40a. В издательском проспекте о нем написано: «Этим новым томом дается ключ к медитативному сокровищу Рудольфа Штайнера. Этот ключ облегчит ориентировку в этой особенно широкой сфере его творчества». «Ключ» представляет собой просто регистр опубликованных уже медитативных текстов — нечто вроде оглавления в сборнике стихов. И просто смешно говорить о том, что такой регистр может быть «ключом» или способен «облегчить ориентировку» в медитативных текстах. Чтобы принудить читателя том покупать, в него добавлено несколько факсимильных текстов. Но это не нужный том и работа на него (пусть и незначительная) потрачена впустую. Потрачены и деньги, которых, как утверждают, нет*, поскольку антропософы стали плохо покупать книги д-ра Штайнера. Видимо, потому с каждым годом растет список распроданных номеров, с допечаткой которых почему-то не спешат! (Ну да, мы забыли — денег нет.) И это ценнейшие тома по исторической симптоматологии.**

* Можно напомнить работникам «Наследия», что в свое время они приняли на работу не антропософа (так было сказано) В.Куглера, потому что он, якобы, умеет особенно хорошо управляться с финансами. Теперь он сделан начальником архива. Так в чем же дело? Почему финансовые проблемы лишь возрастают?

** Число таких распроданных и не допечатанных томов приближается к двадцати.

2003-й год был совсем пустым, таким же был и 2004-й год. Причину замедления работы объясняют еще тем, что, якобы, почти все уже издано и остались лишь записи, фрагментарный характер которых не позволяет даже понять их и т.п. Однако и это неправда.

В 1961 г. к 100-летию со дня рождения Рудольфа Штайнера был разработан каталог издания полного наследия, которым все мы пользуемся до сих пор. Многолетняя сотрудница «Наследия» Хелла Висбергер писала о нем в 1999 г.: «Я занималась его подробной разработкой и поэтому держала в руках и читала каждую отдельную запись докладов, которые надлежало включить в соответствующий том или добавить к уже определенному и озаглавленному тому».⁵⁾ Каталог, одним словом, был составлен основательно, со знанием дела. Так вот, в этом каталоге остаются не изданными еще 40 номеров! Это более 10% полного собрания! При этом, как показывает опыт, часто за одним номером стоит двух-, а то и трехтомник. Вот эти номера: ИПН. 43, 46–50, 68–71, 73а, 75, 80, 85–87, 90, 91, 241, 242, 246–252, 255, 255а, 256, 256а, b, 285, 288–290, 335, 336. Не вполне ясным остается положение с ИПН. 37, 42, 245. Издан ИПН. 263 (1) — значит, могут быть и 263(2) и 263(3)? Если все эти тома будут издавать со скоростью последних лет, то полное собрание удастся закончить в лучшем случае через 160 лет! — т.е. в 2164 году; при этом еще останутся записные книжки — 600 штук. В них содержится масса важнейших сообщений, о чем можно судить по небольшой части уже изданных. Например, бесценный материал для учения об органах чувств содержат записные книжки, опубликованные в № 34 (1971) «Дополнений...» Или вот еще пример. Из достоверных источников нам стало известно, что в одной из записных книжек содержится сообщение, что Ариман в своей земной инкарнации выступит открыто в возрасте примерно 18 лет. Стоит ли говорить, какое значение знание об этом имеет в наше время.

В прошлом пытались записные книжки издавать: в 1928 и 1929 годах — в Штуттгарте, в журнале «Антропософия», потом в ряде лет в «Дополнениях к изданию полного наследия Рудольфа Штайнера». Но постепенно это прекратилось. Можно думать, что о содержании оставшихся записных книжек мы не узнаем никогда.

Мы понимаем, что, действительно, есть плохие записи лекций, какие-то фрагменты записей и т.д. Но именно для публикации таких, скажем, сомнительных, но обязательных для полного издания

текстов и существуют «Дополнения...» Дело «Наследия» — публиковать наследие, а не судить о его качестве, содержания, достоверности. Это сделают исследователи, ученые, получив в свое распоряжение все то, что осталось, сохранилось от записей и устных сообщений Рудольфа Штайнера. Ну а что касается «аутентичности» записных книжек, то она ведь равна 100%. Так за чем же дело стало? В «Дополнениях...» теперь сотрудники «Наследия» публикуют лишь самих себя. Но можно ведь десяток страниц оставлять и Рудольфу Штайнеру.

Но вернемся еще раз к неопубликованным номерам. Действительно ли так уж плохо качество записей, которые г-жа Висбергер читала еще в 1961 году? — Никак нет. Среди тех номеров есть такие, в состав которых должны быть включены уже изданные лекции. Приведем в качестве примера два таких номера из Каталога 1961 г.

ИПН. 288*

288 (Stilformen des Organisch-Lebendigen)	1916–1921
Sechs Vorträge, Dornach 20. Sept. 1916, 2. 9. 16. Okt. 1920, 28. 30. Dez. 1921	
BIBL. Dornach 20. Sept. 1916 <i>Bauformen als Kultur- und Weltempfindungsgedanken</i> Dornach 1934*	✱
Dornach 2. 9. 16. Okt. 1920 <i>Der Baugeданке von Dornach</i> Dornach 1942*	✱
Dornach 28. 30. Dez. 1921 <i>Stilformen des Organisch-Lebendigen</i> Dornach 1933*	✱

ИПН. 335

335 (Der Weg zu gesundem Denken und die Lebenslage des Gegenwartsmenschen)	1920–1921
Siebzehn öffentliche Vorträge, Stuttgart 2. 4. 10. 12. März, 8. 10. 15. 16. 17. Juni, 28. 29. Juli, 15. 20. Sept. 10. 16. Nov. 1920, 7. 8. Jan. 1921	
BIBL. Stuttgart 2. 4. März 1920 <i>Geist und Ungeist in ihren Lebenswirkungen. Die geistigen Forderungen des kommenden Tages</i> Geisteswissenschaft und die Lebensforderungen der Gegenwart, Heft II, Dornach 1950*	✱
Stuttgart 10. 12. März 1920 <i>Die Völker der Erde im Lichte der Geisteswissenschaft. Die Geschichte der Menschheit im Lichte der Geisteswissenschaft</i> Geisteswissenschaft und die Lebensforderungen der Gegenwart, Heft III, Dornach 1950*	✱
Stuttgart 8. Juni 1920 <i>Öffentlicher Vortrag</i> (Der Weg zu gesundem Denken und die Lebenslage des Gegenwartsmenschen) Schriften des Bundes für Dreigliederung des sozialen Organismus, Stuttgart 1920	
Stuttgart 10. Juni 1920 <i>Öffentlicher Vortrag</i> (Die Erziehung und der Unterricht gegenüber der Weltlage der Gegenwart) Schriften des Bundes für Dreigliederung des sozialen Organismus, Stuttgart 1920; Stuttgart 8. 10. Juni 1920 <i>Der Weg zu gesundem Denken und die Lebenslage des Gegenwartsmenschen. Die Erziehung und der Unterricht gegenüber der Weltlage der Gegenwart</i> Geisteswissenschaft und die Lebensforderungen der Gegenwart, Heft VI, Dornach 1950*	✱

* Даже цветные рисунки Рудольфа Штайнера к этому тому уже изданы (Вд. XVIII).

- Stuttgart 15. Juni, 29. Juli, 20. Sept. 1920 *Drei Gegenwartsreden. Fragen der Seele und Fragen des Lebens — Wer darf gegen den Untergang des Abendlandes reden? — Die großen Aufgaben von heute im Geistesleben, Rechtsleben und Wirtschaftsleben* Geisteswissenschaft und die Lebensforderungen der Gegenwart, Heft VIII, Dornach 1952* *
- Stuttgart 16. Juni 1920 *Die Konsequenzen der Dreigliederung für Grund und Boden* Dornach 1940; in *Landwirtschaft und Industrie, Neuordnung des Bodenrechtes als soziale Forderung der Gegenwart* S. 84 ff, Stuttgart 1957* *
- Stuttgart 28. Juli 1920 *Historische Gesichtspunkte zur auswärtigen Politik* Arbeitsmaterial für die Mitarbeiter des Bundes für Dreigliederung des sozialen Organismus, Vorträge Nr. 2, Stuttgart 1920
- Stuttgart 15. Sept. 1920 *Vortrag beim Studienabend der Ortsgruppe Stuttgart* Arbeitsmaterial für die Mitarbeiter des Bundes für Dreigliederung des sozialen Organismus, Vorträge Nr. 3, Stuttgart 1920

Как видит сам читатель, доказывать тут нечего. Поэтому ставим наш вопрос «Наследию»: почему эти уже готовые тома не издаются в течение вот уже 42-х лет?

Один ответ на него мы уже знаем: у «Наследия» не хватает сотрудников; а нехватает их потому, что нет денег. Но опять-таки и это неправда, и вот почему. Многие тома «Наследие» при переиздании перерабатывает. Это, конечно, требует времени. Имеются тома, претерпевшие уже четыре таких переработки. Множество циклов при переиздании сопровождается надписями: «просмотренное и измененное издание», «заново переработанное и расширенное издание», «дополненное приложением» и т.д. Однако все это лишь вредит делу. Силы сотрудников, которых не хватает, тратятся на нерациональную работу с полным изданием.

В 2002-м г. было подготовлено 2-е «переработанное и дополненное» издание ИПН. 262. Это переписка Рудольфа Штайнера с Марией Штайнер. Как ее можно «переработать»? Далее, зачем фрагменты из этого тома были внесены в ИПН. 89, изданный всего за год до 2-го издания ИПН. 262? В этом же году было сделано 4-е переработанное издание (книги «плохо» покупают!) книги Рудольфа Штайнера «Антропософия». Казалось бы, ну книгу-то как можно «переработать» без автора, да еще и «изменить»? — оказывается, можно. «Наследие» может все! В книгу добавили несколько рукописных фрагментов, какой-то небольшой другой текст Рудольфа Штайнера*. И вот, пожалуйста, — «новая» книга, платите за нее 26 евро, если вас интересует наследие автора. У вас есть раннее издание? Так отнесите его в букинистический магазин и оставьте там бесплатно.

* Для «других текстов», повторяем, есть «Дополнения...»

ИПН.115, «Антропософия, психософия, пневматософия», перерабатывался четыре раза. В последующих вариантах исчезли ценнейшие вещи, содержащиеся в первом издании. И вообще утрачена всякая возможность судить, что произошло с содержанием после четырех его переделок. Кто теперь в состоянии взять все четыре текста и скрупулезно сравнить их между собой? Кроме того, нужно идти (ехать) в архив и работать еще и с подлинниками. А там окажется, что записи лекций обработаны не все и предстоит еще одна или две переработки. Потом можно будет эти лекции издать заново, дополнив их еще одной неопубликованной лекцией. Так что, раскошеливайся, серьезный читатель, и покупай все 5–6, а то (с годами) и 7–8 изданий.

Нам возражат: нужно доверять «Наследию». Но с какой стати? В науке руководствуются не доверием, а научностью. А это является грубым нарушением научности при издании полного собрания, когда, не завершив его, отдельные публикации в течение лет размыывают переработкой, «улучшениями», «дополнениями», хаотизацией состава томов. Наконец, мы не видим оснований не согласиться с доводом оппонентов, ведущих спор с Улой Трапп (сотрудница «Наследия»), когда они пишут: «Наша критика направлена против вмешательства, меняющего смысл в единственном имеющемся в наличии тексте, когда читатель оказывается лишенным возможности исследовать эту переработку»⁶

Никто не спорит с тем, что записи, стенограммы лекций Рудольфа Штайнера несовершенны; необходима дальнейшая работа с ними, более точная дешифровка стенограмм, варианты записей нужно скрупулезно сравнивать между собой, кроме того, во всем этом материале содержатся ошибки. Однако всю эту работу следует проводить после того, как будет завершено одно полное издание наследия (что планировалось сделать еще к 1975 году!). А после того неудачно подготовленные тома следует издавать во второй (и желательно в последней) редакции или, как это было великолепно сделано с тремя томами ИПН 266, — публиковать варианты, а не мнение о них редактора. Два издания можно сравнить между собой, а еще лучше — 2–3 варианта в одном издании, и решать самому, что есть истина.

«Размазывание» содержания лекций по годам и десятилетиям путем бесконечных «переработок», «дополнений», «доработок», —

это есть метод необратимого искажения текстов, которого уже никто и никогда не сможет исправить! И для чего теперешнее «Наследие» так упорно занимается этой работой в ущерб новым публикациям? — об этом нужно серьезно подумать.

Тревога за судьбу и качество полного издания усиливается еще и тем, что в последние годы уж очень активно заговорили об «аутентичности» записей лекций. Тут явно нас к чему-то готовят психологически. К чему? — Ответ на этот вопрос был также опубликован в одном из номеров «Гетеанума». Там один сугубый духовед писал, что, поскольку записи эти «не аутентичные», то следовало бы вообще отказаться от публикации циклов лекций*. Впрочем — старый софизм на новую тему. Старый, как помнит читатель, построен таким образом:

Честному антропософу ставится вопрос: Штайнер был Бог или человек?

Ответ (шокированного антропософа): Конечно, человек.

Вопрос: Значит, он, как и всякий человек, в чем-то ошибался?

Ответ: М-да, ну, конечно, наверно, должен был.

Вопрос: А где?

Ответ: Я не знаю.

Вопрос: Значит, ошибочным может быть любое его утверждение?

Ответ: ?! ?!

Назидание: Ну, вот, видите! А вы слепо следуете за ним. Слышали, что говорит фон Платон, виднейший член Правления ВАО, куда это ведет?

Нечто подобное пытаются теперь подsunуть нам и с «аутентичностью».

Но и книги не оставят в покое. Раздаются, в том числе и из «Наследия», голоса, что молодежь ныне Штайнера больше не понимает, и его книги нужно для нее адаптировать! Первой предполагается «переписать», «упростив», «Философию свободы», книгу,

* В прессе обсуждается безумная идея «упростить» (vereinfachen), модернизировать «Очерк тайноведения», «перевести» его на язык, каким, скажем, говорят в дискотеке. Один из читателей «Еженедельника» резонно и остроумно на это заметил: «“Очерк тайноведения” является переводом с духовного языка на немецкий. Не следует делать перевод с перевода. А если кто желает перевести, то, пожалуйста, — с языка оригинала!»

о которой Рудольф Штайнер говорил, что она есть «живой организм»!*

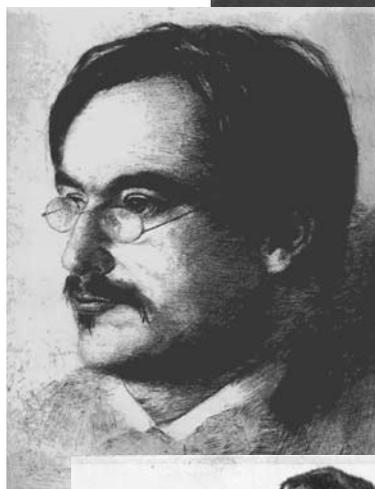
Наконец, нельзя не сказать еще об одном факте, о «новшестве», которое «Наследие» воздвигло на пути книг Рудольфа Штайнера к читателю. Вот каково оно. В проспекте Rudolf Steiner—Verlag на осень 2004 г. неожиданно появилось объявление, что примерно с октября того года в продажу поступит новый том — ИПН. 335. Мы говорили об этом томе выше. Было заявлено, что в него войдут 10 лекций (из 18-ти согласно каталогу 1961 г.). Том будет иметь 400 стр. и стоить 74 швейцарских франка, или 44 евро. Вскоре появился проспект Pforte—Verlag (он слит с издательством Рудольфа Штайнера) и в нем уже стояло, что ИПН. 335 будет иметь 544 стр. и стоить 96 франков, или 58 евро.

Ну, о том, что осенью 2004 г. том в продажу не поступил, не поступил он и весной 2005 г., не стоит и говорить. Это уж разумеется само собой. Нас в этом деле беспокоит другое: значительный скачок цены. За счет чего он произошел? Лишь за счет увеличения объема комментариев: примерно с 200 до 350 стр., ибо десять лекций (если они часовые) занимают не более 150—170 страниц.

Таким образом, читателя вынуждают за 10 лекций выкладывать 58 евро. Очень многим антропософам это не по карману. Заметим

* Атаки на духовное наследие Рудольфа Штайнера, на него самого, ведутся в ВАО многообразно и изощренно. Мы писали об этом в нашей книге «Антропософия на скрещении...». С тех пор прошло двенадцать лет. Теперь об этом можно написать еще одну книгу. Но привлечь людей к защите Антропософии и ее творца необыкновенно трудно. Люди не умеют и не желают замечать и понимать симптомы. Например, нам ни разу не довелось встретить человека, возмущенного тем, как обходятся с изображениями Рудольфа Штайнера. В последние годы его фотографии все чаще заменяют портретами, нарисованными художниками-любителями с какими-то специальными целями, несколько не выражающими личность портретируемого, а скорее пародирующими его.

Взять хотя бы сводный каталог трудов Рудольфа Штайнера, издаваемый «Наследием» каждый год. Каталог этот ходит по всему миру и является своего рода «визитной карточкой» и Антропософии, и Рудольфа Штайнера, его творчества. В ряде лет на обложке каталога публиковали хорошую фотографию. Но вот в 2002 г. (в 2003 г. он не издавался; а зачем? Ведь ничего нового нет) на обложке появился портрет некоего комичного субъекта, нарисованный в 1894 г. Кто поверит, глядя на эту, вероятно, юношескую шутку художника, что этот странный юноша, явно оторванный от всякой реальности, создал все то, что перечислено в каталоге? (Подобная же «шутка» была проделана и с обложкой биографии Рудольфа Штайнера, написанной Линденбергом.)

Портрет «д-ра Штайнера»
с обложки биографии

Портрет «д-ра Штайнера»
с обложки каталога ИПН

А этот портрет еще ждет
своего использования

попутно, что себестоимость экземпляра книги такого объема и очень простого качества вряд ли превышает 7–8 евро.

Точно такая же манипуляция, как с ИПН. 335, была проделана и с ИПН. 255 b. Также и издавая его, сначала объявили, что том будет иметь 380 стр. и стоить 40 евро. А чуть позже в нем оказалось 625 стр. и цена выросла до 58 евро. Лекции Рудольфа Штайнера занимают в нем 340 стр. Почти к каждой странице дан комментарий, часто в 2–3, а то и в 6–7 раз превышающий ее по объему. Далее идут разного рода приложения. И чего только в них нет: и биографии врагов Антропософии, и биографии ее защитников (о многих из них написаны специальные книги), и аннотации на хорошо всем известные книги Рудольфа Штайнера, такие как «Истина и наука», «Философия свободы» и др. (и это дается в книге, где речь идет о врагах Антропософии). В комментариях можно встретить цитаты, например из «Философии свободы» длиной в страницу, набранную мельчайшим шрифтом и т.д.

Нет, мы ни в коем случае не выступаем против дельных, хорошо научно составленных комментариев. Однако издатели должны и меру знать. Гомера, «Божественную комедию» Данте не сопровождают таким объемом комментариев. Нужно учитывать и то, что ИПН. 255 b и ИПН. 335 — это не первые, не единственные и не самые главные труды Рудольфа Штайнера. А кроме того, как это можно подготовить книгу к изданию с комментариями в 200 стр., а через пару недель объявить, что их будет 400 стр.? Это что за научный подход?

И, повторяем, не должно быть так, чтобы за 10 лекций пришлось платить 58 евро. Если таким образом поступят со всем, что будет переиздаваться, то за полное ИПН придется платить от 20 до 25 тысяч евро.

Форменным безобразием является и манера издавать циклы лекций с указанием на полях, что к ним имеются рисунки, а сами рисунки издавать в специальных отдельных альбомах и брать за них по 50–70 франков.

В заключение коснемся еще раз, совершенно реалистически проблемы нехватки у «Наследия» денег и сотрудников. Посмотрим, что таится за нею чисто статистически. Как пишут сами сотрудники «Наследия», в 1994 г. было продано 177 комплектов полного собрания, в 2002 г. — 76 комплектов.⁷⁾ Всего издано 360

томов. Произведем умножение и получим, что в 1994 было продано 63720 экземпляров, в 2002 г. — 27360. В среднем один экземпляр стоит 57–60 франков. Таким образом, в 1994 г. было продано книг Рудольфа Штайнера на 3 700 000 фр., в 2002 — на 1 590 000 фр.. Книги при этом продаются уже изданные, напечатанные в прошлые годы и лежащие на складе. Если накладные расходы составляют 40 %, то прибыль в 1994 г. составила 2 220 000 фр., в 2002 г. — 960 000 фр. И вот получается, что для издания 1 тома в четыре-пять лет расходуется от 3 до 6 млн. франков. Требуется ли тут что-нибудь объяснять?

Ну, а как обстоит дело с сотрудниками? В Rudolf Steiner Verlag их девять человек. (Заметим для сравнения, что в Verlag am Goetheanum их не то два, не то два с половиной, а издают они по 10 и более книг в год.) Вот как они сами характеризуют свою работу. Один из них «жонглирует с общими цифрами “Наследия”...»; другой «по полдня читает корректуры, сверяет тексты Штайнера...» («тексты» эти — один том в пять лет! Если же он сверяет что-то другое, то причем тут наследие Рудольфа Штайнера? Пусть тогда другие за это и платят.); третий «ведет все производство согласно древним оккультным законам непрерывности и обновления...»; четвертый «по полдня обслуживает швейцарцев... рассылает тираж...»; пятый «читает (манускрипты)... переводит ...» (Читает один том в течение пяти лет, а что он переводит, если ИПН выходит в свет на немецком языке?); шестой «оформляет то, что должен выставлять книготорговец и при этом с ангельским терпением держит восьмую корректуру нового ИПН-тома...» (Это все того же единственного за пять лет; встает, однако, и вопрос о профессиональном уровне корректора, вынужденного по восемь раз читать один и тот же текст); седьмой «мастер делать пакеты и палитру...»; восьмой «в настоящее время в отпуске, а обычно лишь две трети (времени) пребывает в покое и рад в остальное время» беспокоиться о «социальном фонде» Наследия и о статутах для внесения в хандельсрегистр; девятый «неторопливо, часами занимается» каталогами, проспектами и т.д.⁸⁾

Что ж, все это звучит мило и остроумно, но только очень дорого стоит, так что на издание книг Рудольфа Штайнера денег и не остается.

Подумаем при этом еще и о том, что в Управлении наследием имеются еще работники архива, которые, собственно, и готовят

тексты к изданию. Несмотря на недостаток денег и работы, они недавно наняли еще одного сотрудника. Это Прохнов — один из любимых авторов «Инфо-3». Вот уж, поистине: скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты. — Кто из людей серьезных не понимает, что «Инфо-3» был «вплюнут» в среду Антропософии с единственной целью: позорить, компрометировать и извращать ее? И вот из этого «рассадника» информации* в Управление наследием Рудольфа Штайнера берется сотрудник! И что же он там делает? Исследует, «насколько Штайнер был гомосексуалистом!» Об этом он сам сказал журналисту из швейцарской «Вельтвохе», которую продают в каждом киоске, которая известна и в других странах Европы.⁹⁾ Можно ли докатиться до большего маразма? Мы уверены, что нельзя. В данном случае «Наследием» Рудольфа Штайнера поставлен позорный рекорд!**

Двенадцать лет назад, после выхода в свет нашей книги «Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности», нас объявили едва ли не главным врагом Антропософии, хотя речь у нас шла о безобразиях, творимых в ВАО. Но как бы там ни было, мы спрашиваем: где же вы теперь, господа критики? Почему вы молчите, когда в центре, где издается духовное наследие Рудольфа Штайнера, хулиган бросает в Рудольфа Штайнера комья грязи? Где ты, антропософская общественность всего мира, возжаждавшая спиритуальности Рождественского Собрания? Имеешь ли еще дар речи или тебя уже лишили его?

* * *

Так, к чему же мы, в конце концов, пришли? Среди антропософов порой ведутся разговоры о том, что положение духовной жизни в мире может кардинально измениться, придут разного рода запреты, изъятие и уничтожение книг, в том числе и антропософских. Но вот, в условиях сравнительно еще благополучного мира, в

* О том, кто является подлинным хозяином этого журнальчика, от кого он получает свой корм, мы уже однажды писали.

** Говоря это мы не отрицаем, что есть в «Наследии» и серьезные, преданные Антропософии работники; только, видимо, не им дано задавать направление этому учреждению.

самой антропософской среде у нас начинают понемногу изымать духовное наследие Рудольфа Штайнера.

В сентябре 2001 г. мы послали призыв на одну конференцию, на которой, как нам кажется, собираются серьезные люди. В том призыве мы пытались привлечь внимание к угрозе, нависшей над изданием полного наследия. Но поднялся один из присутствующих и сказал: «Да неправда все это, «Наследие» мало издает, потому что уже нечего издавать, остались лишь записи совсем плохого качества!»

— А! — сказали участники. — Ну тогда ладно. Значит, все в порядке.

Тем все и кончилось.

Но ведь и о Р.С., и о статутах тоже говорили, что все с ними обстоит благополучно. Тогда почему все-таки возникла борьба, которую перенесли даже в суд? Не одна ли и та же все это причина? Вопрос о власти — это, ах, как серьезно! А интересы самой Антропософии — это дело мало интересное. Издание полного наследия? — да разве не достаточно уже издано? И того, что есть, не прочитать!

Ах, как это верно! И совершенно непонятно тогда, зачем это затевают разную канитель и издают, например, Гете в 100 томах, Льва Толстого — в 90? Хватило бы на каждого по трехтомнику. Но если таково последнее слово антропософов, то духовное наследие Рудольфа Штайнера обречено. Его (все!) будут изучать (и уже изучают) в других местах, чтобы его плоды употребить на достижение целей группового эгоизма, а антропософам останется лишь тяжелейшая вина, которую они понесут с собой в Камалоку.

Примечания к Приложению

- 1) Nachrichtenblatt. 16/17, 2003.
- 2) Nachrichtenblatt, 48/1, 1999.
- 3) Beitrage zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe. Sonderheft. Weihnacht 1975, S.1.
- 4) Nachrichten № 12, 1964, S. 30f.
- 5) “Das Goetheanum”, 16, 1999, S. 282.
- 6) “Das Goetheanum”, 30/31, 2002, S. 584.
- 7) “Das Goetheanum”, 18/2003, S.13
- 8) Rudolf Steiner Verlag. Проспект на осень 2003.
- 9) “Die Weltwoche”. № 5, 2004, S. 68.

Семь лет спустя

Прошло семь лет с тех пор, как была написана эта книга, и теперь нам хотелось бы ещё раз обратиться к проблемам, затронутым в ней, и посмотреть, что произошло с ними за истекшие семь лет.

Если говорить об антропософской методологии, положенной автором книги в основу рассмотрения этих проблем, то её осмысление им пришлось за это время к предварительному завершению и выразилось в публикации цикла соответствующих работ. (При этом, правда, увенчалась полным успехом блокада его антропософской деятельности, неутомимо проводившаяся в течение полутора десятков лет представителями радикального левого и радикального правого лобби, «торчащих» в антропософской среде словно черви в швейцарском сыре, но только вызывая не созревание, а разложение. Бетонная стена запретов и умолчаний, страха, наводимого на членов Общества, замкнулась и «почтовые голуби» остаются единственным средством нашего сообщения с миром. Произошло нечто парадоксальное: за нашу приверженность подлинной Антропософии нас жестоко преследовался в бывшем Сов. Союзе, а по-настоящему наказаны мы были за это во Всеобщем Антропософском Обществе с центром в Дорнахе! Это гигантский симптом, далеко выходящий за рамки судьбы отдельного человека. Но хоть бы один член ВАО заметил это! Ну, да Бог им судия.)

Что касается той помпезной акции «слияния» современного Антропософского Общества с Обществом Рождественского Собрания, с критического рассмотрения которой мы начали эту книгу, то от неё, практически, не осталось никаких следов. О ней стараются даже и не говорить в Обществе. После неё Общество продолжало и продолжает стагнировать так же, как оно стагнировало и до неё, будучи разрушаемым коррупцией, духовной несостоятельностью различных его администраций и многочисленными лоббистами разнообразной политической, оккультной и иной окраски. Главную роль при этом играет совершенно катастрофическое обмельчание антропософской работы тех членов Общества, которые как будто бы ещё сохраняют верность подлинным ценностям Антропософии. Трагизм положения зашёл так далеко, что главным до-

стоинством члена Общества стало уже просто не враждебное его отношение к Антропософии и к Рудольфу Штайнеру. Вследствие этого, когда теперь слышишь, что кем-то где-то об Антропософии говорятся разные нелепости, то критиковать это или хотя бы замечать уже не решаешься, если знаешь, что автор их в общем-то преданный Антропософии человек. Это теперь действительно стало слишком большим достоинством, чтобы не ставить его выше истины. Мы оказываемся в положении как на поле боя: ведь не станешь же перед врагом обнаруживать ошибки своего соратника! Мы помним, насколько сильным был этот аргумент у большевиков в их борьбе со своими противниками. Так коварно происками ариманических сил в людях сужен принцип свободы в антропософской среде.

Это новое, такого раньше в АО не было. Ещё лет 15-20 тому назад можно было истину ставить превыше всего и неколебимо бороться за неё, так сказать, не взирая на лица. Была возможна созидательная критика. Теперь её время прошло. И, как кажется, стало не слышно и самой критики. Восторжествовала позитивность кладбищенской тишины. Этим должно было всё кончиться, ибо слишком велик был страх перед критикой, страх перед переменами к лучшему, за которые нужно бороться, одних и слишком велико было желание других добиться всеобщего права на спокойный сон в ВАО любой ценой, любыми компромиссами со злом.

Говоря всё это, мы, к сожалению, ничуть не сгушаем краски. И это не наше субъективное мнение, «предвзятость». Вот, например, одно из доказательств этого. Не кто-нибудь, а многолетний член Правления ВАО Хайнц Циммерман ещё до своей отставки писал по поводу того пресловутого «слияния» 2002 года: «Нуждаемся ли мы ещё сегодня в Антропософском Обществе? Не дисквалифицировало ли оно само себя в течение последних десятилетий благодаря тому, что вместо прорыва к мировой общественности его образ обременён внутренними войнами? Поэтому откуда оно берёт право привязывать себя к первоначальному учреждению 1923/24 годов? Откуда берёт оно полномочие Рождественское Собрание вообще называть источником своего возникновения?»

Самые неутешительные ответы можно дать на эти вопросы. Сам Циммерман заключает: «Мы сегодня стоим перед абсурдной

ситуацией, когда после ста лет антропософского развития должны культивировать пионеризацию начала». — Но это ещё мягко сказано. Точнее было бы говорить о «нулизации» или даже о постоянно возрастающем отрицательном духовном «сальдо». Нулевая отметка пройдена Обществом уже давно. Оно всё глубже погружается в отрицательную четверть своей системы координат.

Однако не следует брать это упрощённо. Такой процесс может сопровождаться каким-то глубинным перерождением, которое долгое время может носить латентный характер, а когда однажды выйдет на поверхность и тайное станет явным, то, может статься, изумлению тех, кто не позволяет себе спать, «полуночников», не будет границ. И мы тогда увидим, что у того «слияния» был смысл, но только не для сегодняшнего, а для завтрашнего дня.

Следует ещё подумать и о том, что самое большое колесо нашей цивилизации понемногу делает поворот слева направо. А ВАО, о чём свидетельствует множество фактов, интегрировано в структуру мировой власти, которая определяет сам ход мировой истории.

*

Что касается судьбы издания полного наследия Рудольфа Штайнера, то она по-прежнему остаётся просто трагической. За последние 5 лет вышел из печати лишь один том — ИПН 75. Но что это за том? В нём опубликовано всего пять открытых лекций; из них одна уже была издана раньше в ИПН 73а. Из ни разу не публиковавшихся лекций в томе дана лишь одна. А том стоит 66 швейцарских франков! Создаётся впечатление, что этот том был издан как насмешка над теми, кто ждёт продолжения публикации полного собрания трудов Рудольфа Штайнера. А в архиве тем временем лежит, согласно сообщению, данному в «Rudolf Steiner Archiv Bericht» за 2006 год, 994 неопубликованных лекции. А если учесть все краткие, отрывочные записи лекций, то — около 2500! Многие из тех почти тысячи лекций, как утверждают в архиве, «довольно тощие», т. е. не стенографированы, записаны кратко, но мы-то примерно уже знаем, что означает эта

«тошесть». В своё время Хелла Висбергер издала три больших тома подобных лекций

(ИПН 266/1-3). Так получилась же целая антропософская энциклопедия!

Видимо, остаётся в силе наш первоначальный вывод, что в этом столетии мир тех лекций из рук Наследия не получит. Его сотрудники по-прежнему твердят, что у них нет денег. Однако они переиздали раскупленные ИПН 173 и 174, но так, что получилось вместо двух три толстых тома, поскольку к лекциям дан комментарий примерно на 1200 страниц, набранный мелким шрифтом! Весь комплект в специальной коробке стоит 190 франков. Совершенно очевидно, что купить его смогут лишь немногие. Тираж залежится, и вложенные в него деньги не вернуться; уж не говоря о прибыли. Так «рачительно» расходуются в Наследии финансы. Должны заметить, что мы ничего не хотим сказать против комментария, как такового. В нём содержится немало интересных вещей. Но ему не место в академическом издании полного наследия. Именно по причине его объёма.

*

Особенно ошеломляющий удар по духовному наследию Рудольфа Штайнера был нанесён, когда в Дорнахе приступили к разрушению скульптурной группы «Представитель Человечества». В этом злодеянии (другого слова тут не подберёшь) использовали метод одновременно хитрый, циничный и подлый. Хилую бдительность членов Общества усыпили, сказав, что это произведение деревянной пластики «стало совсем грязным» и его нужно отмыть. Процедура отмывки, отчистки состояла в том, что каждый дюйм деревянной поверхности разогревали феном до тех пор, пока из мелких трещин, из пор древесины не начинал, расплавляясь, выступать воск, которым когда-то скульптура была слегка покрыта. Этот воск стали вытирать тряпками. Через журнал «Гётеанум» и устно в разговорах с теми, кто приходит смотреть «Группу», всех убеждают в том, что отчищенная таким образом древесина «стала как новая», что чтобы добиться такого удивительного эффекта приходилось каждое место вытирать пятью новыми тряпками и т. п. И весь этот полубезумный вздор сошёл говорившим с рук.

Конечно, в течение десятилетий в трещинах скульптуры накопилась пыль. Но когда расплавленный воск выступает наружу, то разве можно его начисто вытереть с древесной поверхности? Скульптуру, конечно, не отчистили а измазали. Насколько она была «грязной», хорошо видно по её старым фотографиям (см. фото), а насколько «чистой» — по новым, которые теперь продают в «Гётеануме» (для сравнения мы приводим одну из них).

Совершенная с произведением искусства манипуляция является губительной. Общеизвестно, что в скульптуре всеопределяющим является характер её поверхности: поверхность художественной формы, в задачу которой входит выразить нечто не вещественное, эстетическое, сверхчувственное. Даже бронзовые скульптуры никому не приходит в голову очищать с помощью химических средств от окиси, чтобы они блестели, как золотые. В деревянной пластике моют только столы да детские игрушки. И вот теперь в детей превращают антропософов, отнимая при этом то, что составляло бесценное сокровище всей человеческой культуры.

Существует множество произведений деревянной скульптуры, которым уже многие сотни лет. И их никто не моет, хотя в трещинах их поверхности скопилась вековая пыль. Ибо это не грязь! И общеизвестно, что от нагревания древесная поверхность деформируется. А если это поверхность произведения искусства, то оно гибнет.

Иной читатель, когда прочтёт всё это, возможно скажет: а зачем это автор всё это нам объясняет? Он что, считает нас за круглых дураков? Зачем он ещё пытается доказывать совершенно очевидные вещи? — Такому читателю мы с глубоким удовлетворением приносим свои извинения.

Но с «Группой» случилось и ещё большее несчастье. После «отмывки» она словно бы лишилась своей ауры. С ней произошло что-то просто ужасное. Это можно пережить даже без всякого ясновидения. Подумаем только: ведь «Группа» — это зримое явление духа в физическом мире. И в этом отношении она совершенно уникальна. Каждый раз, приходя к ней, можно переживать, что с нею, в ней в связи с большим духовным космосом постоянно что-то происходит. Она живёт таинственной, большой духовной жизнью. В ней сходятся и разрешаются мировые противополож-

ности. Она отзывается на состояние внутреннего мира каждого, кто приближается к ней. Для пятой культурной эпохи она имеет такое же значение, как образ Изиды для древнеегипетской культур-

ной эпохи; но даже и ещё большее, ибо в ней стоит открытой тайна развития Земли до конца эона. Это главная ценность всей второй половины земного эона!

Нам всем письменно в журнале «Гётанум» обещали, что процедуру «чистки» будут повторять. Ну это понятно: до тех пор, пока скульптуру не загубят окончательно. И совершается всё это при гробовом молчании всего 50-тысячного состава ВАО и всех его органов печати.

Интересно, находится ли это произведение искусства под охраной ЮНЕСКО? Если нет, то давно нужно было бы об этом позаботиться.

*

Нельзя, наконец, совершенно промолчать и о так называемом феномене баронессы Юдит фон Халле. Эта женщина является обладательницей стигматов. Именно в этом качестве она была предложена Берлинской антропософской ветви. Инициативу эту всем весом своего немалого авторитета поддержал Петер Традовский. Он был даже соучредителем её. Но члены ветви отвергли её, заявив, что этот феномен не есть предмет для антропософской работы.

Почему они так поступили — понять не трудно. Многие антропософы знают, что на христианско-мистическом пути посвящения стигматы появляются на четвёртой ступени, являясь выражением очень большого внутреннего развития ученика, уже успешно прошедшего через три предыдущие ступени. Этой, четвёртой ступени примерно соответствует ступень интуиции на антропософско-розенкрейцерском пути посвящения. Что же касается баронессы фон Халле, то хотя она и тонкая, спиритуальная женщина, но той ступени посвящения, конечно-же, не достигла. Она и сама вообще ничего не говорит о том, что идёт путём посвящения, да ещё антропософского, что для антропософов имеет принципиальное значение.

Когда в Берлине её не приняли, она переехала в Дорнах, и здесь правление ВАО её признало. В каком смысле? Ну, это совсем не простой вопрос. Скажем, в том смысле, что

как носительница стигматов она может выступать от имени Антропософии, Антропософского Общества в любой части мира,

и это будет признаваться правлением Общества, а, следовательно, и всеми его членами, как соответствующее духу и смыслу Антропософии.

Против такого признания выступил только один член Правления ВАО – Сергей Прокофьев. Он заявил об этом в журнале «Гётеанум». Своё неприятие он выразил в предельно мягкой, обходительной форме, однако и это вызвало такой протест, что какое-то количество членов вышло из Общества. Это говорит о чём-то уже совершенно особенном стоящим позади феномена г-жи фон Халле. Мы, однако, в подробное рассмотрение этого феномена и завязавшейся вокруг него нешуточной борьбы вдаваться не будем, а просто расскажем о некоторых примерах того, как он проявляется содержательно. А там пусть каждый судит сам.

Баронесса Юдит фон Халле открыто говорит и пишет о том, что она обладает ясновидением, позволяющем ей переноситься во времена, когда по земле странствовал Иисус Христос, и видеть всё, что тогда происходило. Например, она видела, что пасхального агнца для Тайной Вечери зарезал сам Бог! – Вот и давайте представим себе: единый Бог Вселенной берёт левой рукой барашка за голову, отгибает её, а правой...М-да ,вот так ,совершенно просто и неожиданно получили мы свой, так сказать, «антропософский» «код да-Винчи».

Между прочим, а где сказано, что на Тайной Вечере ели мясо?

Наконец, что делать со свидетельством евангелиста Матфея, который пишет: «приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: пойдите в город... Ученики сделали как повелел им Иисус, и приготовили пасху»? (Мф.26, 17-19)

Далее баронесса Халле утверждает, что Лазарь, которого, как мы знаем из сообщений Рудольфа Штайнера, «посвятил Сам Господь» и который был не мёртв, а пребывал в посвятельном сне, лишь подобном смерти, всё-таки умер на самом деле. Христос воскресил его из мёртвых, а только потом посвятил. Отсюда следует, что ясновидение у баронессы Халле точнее, чем у Рудольфа Штайнера. При этом, разумеется, рассыпается в прах и всё сложное построение Рудольфа Штайнера, когда он говорит о сущности нового посвящения, которое стало возможным после Мистерии Голгофы.

А почему бы и нет? — скажут теперь, вероятно, уже многие. Пусть так, но дело заключается ещё и в том, что мы тут наталкиваемся на одно совершенно принципиальное положение всего христианского вероисповедания. Для нас, христиан, во всём мировом развитии из мёртвых воскрес только один человек. Это Христос Иисус. Это совершенно уникальное событие. Однако и Христос воскрес, так сказать, не на чувственную сторону бытия, а на духовную. Он воскрес как Духочеловек в Жизнедухе, т.е. предвосхитил очень далёкий будущий этап развития человека, можно сказать, конечную цель земного человека. Воскресение в материальном физическом теле — это для кое-что понимающего христианина является совершенной бессмыслицей. Ну давайте поразмышляем: Лазарь уже три дня как мёртв; это значит, что он уже полностью совершил обзор своей прошедшей жизни, его эфирное тело отделяется от физического, а он сам вступает в Камалоку. И вот его вдруг выдёргивают назад в материальное бытие! Зачем? И как можно распадающуюся плоть снова пронизать эфирным телом? Не нарождающуюся, а распадающуюся! Абсурд какой-то. Этак можно додуматься до того, что Бог способен создать четырёхугольный треугольник.

Или вот ещё история. Будто бы собрались в Иерусалиме самые чёрные маги мира и сковали с помощью своего страшного искусства гвозди для Голгофы. Потому и удалось распять Христа. А обыкновенными гвоздями этого сделать не удалось бы! Но тогда оказывается, что Бог был распят силой чёрной магии!?

*

В остальном нужно было бы ещё говорить о том, что в Дорнахе больше нет школы эвритмии, нет в том месте, где она родилась; что приходит в безнадёжный упадок сцена Гётеанума; что постепенно склоняется к закрытию знаменитая антропософская фармацевтическая фирма «Веледа» (её отделение в Москве уже закрылось): из ассортимента изготавливаемых ею лекарств исчезло уже более тысячи наименований, что самым серьёзным образом затруднило работу антропософских врачей терапевтов.

Можно было бы долго приводить примеры того, как материализм, ложная мистика, экстрасенсорика, мелкое самолюбие зазнавшихся пигмеев духа пытаются соединёнными усилиями, как

они это называют, — «свергнуть Рудольфа Штайнера с пьедестала» во имя своей, якобы, независимости, которую они путают с мелким тщеславием. Их поведение ведёт к ужасающему упадку духовности и у тех, вроде бы, свободно, честно, с радостью приняв Антропософию. Они боятся теперь показаться старомодными и молчат, что бы ни вытворялось с Антропософией. И этому изо всех сил способствует вся антропософская пресса.

Но вот что при всём этом интересно: как будто бы начал возрастать интерес к Антропософии у самых разных людей во внешнем мире.

*

Всё это, что мы со стеснённым сердцем пытались описать в понятиях, способна в образной форме явить нашему созерцанию одна аллегория. Это известная картина Иеронима Босха, которую мы и приводим в заключение. На этой картине Босх отобразил ставший ощутимым уже в его время надвигавшийся на Европу кризис цивилизации. Ну, а поскольку Антропософии в её современных внешних институтах напечатлены основные свойства этого кризиса, то нечего удивляться тому, что эта картина может служить аллегорией того, во что современники превращают главное сокровище их эпохи.

На картине, поистине, отображено всё: и сверхчувственный характер того, что теперь «управляет» Антропософией в мире, и розовая, отказавшаяся от всякой связи с действительностью мистика одной категории членов и узкий эгоизм — другой, и коррупция, и попытки «воцерковления», и многое, многое другое.

Взгляни на неё, читатель, и глубоко, глубоко задумайся. Отчуждение, готовность ради сиюминутного покоя пойти на любые компромиссы, борьба эгоизмов проводят генеральную репетицию «войны всех против всех». А в том месте, куда была из божественного мира протянута могучая рука помощи, к коррупции, алчущей материальных благ, добавляется коррупция духовная. И кто теперь думать всерьёз о том, что при этом на многие годы решается судьба человечества?

Лучи надежды?

В конце марта 2012 г. произошло событие, какого, как уже казалось, нельзя было и ожидать: в деятельности Управления Наследия Рудольфа Штайнера совершился радикальный поворот к лучшему. Оттуда был уволен Вальтер Куглер — фигура, вокруг которой в Наследии в течение 30 лет постоянно кристаллизовались все те силы, которые своей задачей имели остановку полного издания трудов Рудольфа Штайнера. Это им в конце концов и удалось сделать, что лишило смысла само существование Управления Наследия. Такие действия можно вполне квалифицировать как преступление против человечества, ибо творчество Рудольфа Штайнера не просто принадлежит всему человечеству, но является для него, особенно в настоящее время, единственным средством, способным удержать его от продолжения того кошмара, через который оно прошло в XX веке.

В наследии Рудольфа Штайнера ещё очень многое остаётся не изданным, и какое значение это имеет для тех, кто Антропософию изучает всерьёз и глубоко, — объяснять не нужно. Её подлинное осмысление, овладение её методами познания, что позволяет со знанием дела выходить с нею в широкий мир, требуют наличия именно полного издания трудов Рудольфа Штайнера, где порой даже малый фрагмент открывает глаза на большие мировые взаимосвязи.

О поистине революционных изменениях, произошедших в Управлении наследия, говорят два выпущенных им документа, которые мы приводим в конце этой нашей заметки. В них недвусмысленно, хотя и в мягкой форме, сказано о злонамеренной деятельности г-на Куглера, который (мы уже писали об этом в приложении) неким загадочным образом был привлечён к работе над изданием трудов Рудольфа Штайнера «не будучи антропософом», и каковым, можно не сомневаться, он и остался.

Большую роль в спасении Наследия из плена такого своеобразного «моджахедства» сыграло так наз. «Антропософское объединение в Швейцарии (AVS)», основанное ещё в 1948г. с целью «создать защитный покров вокруг Управления Наследия». И вот теперь, 65 лет спустя, в особенно критический момент существования Управления и всего архива Рудольфа Штайнера оно это своё

предназначение исполнило, что, несомненно, с одной стороны, делает честь AVS, а с другой — служит укором всей антропософской общественности за её постыдное разгильдяйство.

Представитель AVS Андреас Кюне теперь вошел в состав членов правления Управления Наследия и в одном из упомянутых документов он пишет: «Лейтмотивом (этих) изменений было возвращение архива вновь к его первоначальной задаче: старательно издавать труды (Рудольфа Штайнера) и заботиться о сохранности архивных документов. Остаётся надеяться, что AVS сможет вновь внести свою более существенную лепту в защиту (охрану) трудов Рудольфа Штайнера; также и в XXI в. в этом имеется большая необходимость».

Предполагается теперь издать не менее 40 томов ещё ни разу не публиковавшихся лекций Рудольфа Штайнера в составе Издания полного наследия (GA), материалы из сотен его записных книжек и различные документы, относящиеся к истории ВАО и Антропософского Движения в целом. Начать теперь эту работу в Наследии будет нелегко, в первую очередь, из-за основательно подорванных прежними «властителями» финансов, но будем надеяться, что такое радостное обновление подвинет многих антропософов в мире на оказание необходимой финансовой помощи. Ведь теперь она впервые за много лет не будет злонамеренно утекать между пальцами — на пропаганду субкультуры Ё.Бойса и проч.

Если дело обновления пойдёт успешно, то нам, со своей стороны, останется лишь сказать, что статья о положении в Наследии, которую мы дали в качестве приложения к этой книге с целью хоть как-то подвинуть антропософов на защиту их главной ценности, теперь представляет собой лишь исторический интерес, что мы сделаем с большой радостью.

Необычные позитивные сдвиги наметились и в судьбе нашей главной фармацевтической фирмы «Веледа». Она, как и Наследие, уже стояла на грани краха. Но вот каким-то образом удалось весь состав её правления, деструктивная деятельность которого, длившаяся также много лет и без помех, и привела «Веледу» на край гибели, побудить уйти в отставку. Отправили на пенсию и её главу. Всё это описано в документе, который озаглавлен весьма примечательно.

тельно: «Призыв (а можно перевести и как «воззвание») к членам ВАО». Этот документ мы также приводим ниже .

Эти радостные и в то же время экстраординарные события должны, несомненно, вызывать у антропософфов ещё и вопросы: что всё это означает и какая действительность стоит за этими фактами? Чтобы на них ответить нужно будет подождать, понаблюдать за дальнейшим развитием событий, но делая это в соответствии с принципами антропософской методологии: наблюдать феномены, так сказать, «*sine iga*», стремясь сквозь них проникнуть к пониманию стоящей за ними действительности.

Действительность же эта может приподнести нам самые разные сюрпризы. Прежде всего, потому, что Антропософия является по своей сути ничем иным, как формой Христианства, соответствующей современной эпохе культурного развития, эпохе души сознательной. А у такого глобального явления, как Христианство, наравне с его приверженцами, всегда было и остаётся много умных и изощренных в борьбе с ним противников. То, что они сделали с историческим Христианством, может послужить основательному пониманию того, что можно ожидать от них в настоящем. А в прошлом были и учреждение цезаро-папизма, и консервация в форме «византизма», догматизация преданий, а с другой стороны – превратившаяся во вражду к Христианству длившаяся века борьба с церковью за её отхождение от сути Христианства, и и многое, многое другое. Все эти призраки прошлого стремятся изо всех сил удержаться и в настоящем; и все они стремятся наполнить и переполнить собой Антропософское Движение. Наконец, напомним ещё раз о повороте большого колеса цивилизации.

Всем вышесказанным мы хотели также показать, что история Рождественского Собрания 1923/24 г. ещё не закончилась и возможно нам ещё предстоит дописывать эту книгу.

Mitteilung, 26. März 2012

Auflösung des Arbeitsverhältnisses mit Walter Kugler

Das Arbeitsverhältnis zwischen der Rudolf Steiner Nachlassverwaltung und Walter Kugler als Mitglied der Leitung des Rudolf Steiner Archivs wurde wegen Vertrauensfragen in der Zusammenarbeit in gegenseitigem Einvernehmen aufgelöst. Walter Kugler wird in den nächsten Wochen seine Arbeiten im Archiv beenden und sich dann verstärkt publizistischen und anderen Aufgaben zuwenden. Zur Überbrückung der Zeit bis zum Eintritt des Pensionsalters übernimmt die Nachlassverwaltung Gehaltsfortzahlungen bis Sommer 2013. Die Modalitäten der Auflösung der Zusammenarbeit wurden einvernehmlich getroffen.

Walter Kugler hat sich während seiner 30-jährigen Mitarbeit als wissenschaftlicher Mitarbeiter und in den letzten zehn Jahren bei der Leitung des Rudolf Steiner Archivs grosse Verdienste für das Archiv und die Rudolf Steiner Nachlassverwaltung erworben. Er hat zahlreiche Aufgaben im Archiv und als Mitherausgeber der Rudolf Steiner Gesamtausgabe wahrgenommen und insbesondere in der internationalen Ausstellungstätigkeit und in der Öffentlichkeitsarbeit Pionierarbeit geleistet.

Neugliederung Archivtätigkeiten

Die 2011 eingeleitete Gliederung von Archivtätigkeiten und Archivleitung in die Bereiche Archivierung, Edition, Exposition und damit einhergehende Budgetmassnahmen sowie Veränderungen in der Mitarbeiterschaft im Rudolf Steiner Archiv haben verschiedene Fragen, Turbulenzen und einseitige Darstellungen ausgelöst. Dazu möchten wir hier folgendermassen Stellung nehmen:

Mit Unterstützung durch die Mitgliederversammlung der Rudolf Steiner Nachlassverwaltung gibt der Vorstand keine näheren Einzelheiten zu Personalveränderungen bekannt und fasst zu personalpolitischen Spekulationen von anderer Seite weder Kommentare noch Gendarstellungen.

Die Ausrichtung auf eine primär erforderliche finanzielle Deckung des Grundbedarfs für das Rudolf Steiner Archiv durch regelmässig wiederkehrende Spendenbeiträge, welche Projekte und ihre Förderung in den Bereichen Edition und Exposition erst ermöglicht, wird fortgeführt. Auf dieser Grundlage soll die Kooperation der Nachlassverwaltung mit der Internationalen Fördergemeinschaft Rudolf Steiner Archiv (Schweiz) und mit der Fördergemeinschaft Rudolf Steiner Archiv (Deutschland) bei der Spendengewinnung neu geordnet werden.

Die Rudolf Steiner Nachlassverwaltung mit dem Rudolf Steiner Archiv ist eine unabhängige Einrichtung, die mit anderen Institutionen im anthroposophischen, kulturellen und öffentlichen Umfeld im Austausch steht und Kooperationen eingeht. Über das Verhältnis von Nachlassverwaltung und Anthroposophischer Gesellschaft wurden kürzlich längst vergangene Stereotypen in Umlauf gesetzt. Wir möchten dazu festhalten, dass Nachlassverwaltung und Anthroposophische Gesellschaft ebenso wie ihre Archive seit Jahren ein gutes und konstruktives Verhältnis der Zusammenarbeit pflegen.

Konzentration auf Editionsprojekte

Im Rahmen der knappen finanziellen Mittel werden die Aufgaben im Rudolf Steiner Archiv in der nächsten Zeit auf mehrere laufende und künftige editorische Grossprojekte im Rahmen der Rudolf Steiner Gesamtausgabe konzentriert. Dies sind vor allem: Fortführung der mehrbändigen Reihen zur Geschichte der Theosophischen und Anthroposophischen Gesellschaft, des künstlerischen Werks und der sozialen Dreigliederung. Bei der Edition des schriftlich nachgelassenen Werks von Rudolf Steiner sind Vorstudien für umfassende Ausgaben des Briefwechsels sowie der eigenhändigen Aufzeichnungen in Notizbüchern und auf Notizzetteln geplant. Zu bewegen ist weiterhin die Frage der Vorbereitung einer kritischen Ausgabe der von Steiner zu Lebzeiten veröffentlichten selbständigen Werke, und zwar nicht nur in Form von Auflagenvergleichen, sondern auch unter Hinzunahme von Manuskripten, Korrekturbögen und weiteren Dokumenten.

Der Vorstand der Rudolf Steiner Nachlassverwaltung

*Cornelius Bohlen (Präsident), Stefan Brotbeck, Andreas Kühne (Rechnungsführung),
Eva-Gabriele Streit (Vize-Präsidentin), Renatus Ziegler (Schriftführung)*

Bericht aus dem Archiv der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung

Andreas Kühne

Im Archiv der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung sind zur Zeit grössere Veränderungen im Gange, welche infolge der finanziellen Schwierigkeiten ergriffen werden mussten. Auch Auseinandersetzungen um die Neustrukturierung des Betriebs waren nicht zu vermeiden. Einzelne Angestellte haben das Archiv freiwillig verlassen. Mit zwei anderen Personen wurde das Gespräch gesucht – als keine Übereinstimmung der Meinungen gefunden werden konnte, sind Kündigungen erfolgt. Persönliche Motive mussten hinter der seit 1947 vorgegebenen Aufgabe des Archivs zurückstehen. Die interne Organisation des Archiv- und Herausgabe-Betriebs ist teilweise verändert worden.

Leitmotiv bei den Veränderungen war, das Archiv wieder auf die ursprüngliche Aufgabe der sorgfältigen Herausgabe der Werke und die Pflege der Archivalien zurück zu führen. Es bleibt zu hoffen, dass die AVS wieder mehr zum Schutz des Werks Rudolf Steiners beitragen darf; dies ist auch im 21. Jahrhundert von Nöten.

Jeder, der im Archiv arbeiten oder im Nachlassverein etwas zur Pflege der Gesamtausgabe beitragen kann, darf seinem günstigen Schicksal dankbar sein. Jede Generation hat zwar die richtigen Wege und Methoden bei dieser Arbeit selbst und neu zu erarbeiten, aber jede Generation ist auch dem Wortlaut des «Übereignungsvertrags» vom 1.12.1947 verpflichtet und verantwortlich, in dem Marie Steiner ein Jahr vor ihrem Tod die Aufgaben der Nachlassverwaltung wie folgt formuliert hat (Auszüge):

«Die Mitglieder des Vereins der Nachlass-Verwaltung haben darüber zu wachen, dass die Herausgabe des Werkes von Rudolf Steiner nach Möglichkeit und bestem Wissen und Gewissen in dessen Sinn erfolgt, dass namentlich auch kein Raubbau an den geistigen Inhalten getrieben wird, und dass Rudolf Steiners Werk mit seinem Namen verbunden bleibt. (...)

Die von Rudolf Steiner selbst geschriebenen und als Bücher erschienenen Werke sollen wenn immer möglich zu einer schönen Gesamtausgabe vereinigt werden. Das in Vorträgen und Notizen enthaltene Werk Rudolf Steiners ist zu einem geordneten, chronologisch, fachlich und einheitlich gegliederten Ganzen zu vereinigen und auch äusserlich in die bestmögliche Form zu bringen und als eine zweite Kategorie in die Gesamtausgabe der Werke einzureihen; als weitere Kategorien die noch nicht gedruckten, gekürzten Nachschriften oder Aufzeichnungen, die im Dornacher Archiv vorhanden sind, ferner die unvollständigen oder gekürzten Nachschriften und Notizen aus den Jahren

1902-1912.»

Die Nachlassverwaltung mit dem Archiv in Dornach beherbergt die wichtigsten Quellen zur Anthroposophie. Nirgends sonst befindet sich eine dermassen grosse Fülle von Originalen aus Rudolf Steiners Hand oder auch Mitschriften von Vorträgen, Protokollen usw. Über viele Jahrzehnte haben sich die verschiedensten Persönlichkeiten für die Veröffentlichung und den Erhalt des Werkes Rudolf Steiners eingesetzt.

Von Beginn an war die Nachlassverwaltung auch Ziel von Angriffen aus ganz verschiedenen Richtungen. Dies erscheint auch nicht anders als logisch, denn an wenigen anderen Orten ist die Geistigkeit der Anthroposophie Rudolf Steiners in dermassen konzentrierter Form vorhanden. Es wurde einmal formuliert, dass die Anthroposophische Vereinigung 1948 gegründet worden sei, um einen «Schutzmantel um die Nachlassverwaltung zu bilden». Diese Aufgabe ist in den vergangenen Jahrzehnten von der AVS zu wenig wahrgenommen und von der Nachlass Vereinigung zu wenig anerkannt worden.

In der jüngeren Vergangenheit sind durchaus bewundernswerte Projekte realisiert worden, welche zum Ziel hatten, Rudolf Steiner und die Anthroposophie in der Welt bekannt zu machen, obwohl man sich fragen kann, ob das die Aufgabe des Rudolf Steiner-Archivs sein könne. Ausstellungen sind so zu einer Tradition des Archivs geworden. Im letzten Jahrzehnt wurden sie jedoch immer aufwändiger. Diese Aktivitäten haben in der Folge denn auch die zur Verfügung stehenden Finanzen sehr belastet. Es wurden zwar auch zweckgebundene Spenden für solche Tätigkeiten gesucht und gefunden. Aber eine weitere Frage erscheint sehr berechtigt, ob damit nicht Spenden für die Werk-Herausgabe oder die Archivierungsaufgaben konkurrenziert worden sind. Die Kernaufgabe des Archivs bleibt die Herausgabe des Werks von Rudolf Steiner. Es darf noch mit mindestens 40 GA-Bänden gerechnet werden. Viele Zyklen müssen überarbeitet werden, denn die alten Ausgaben sind teilweise unter grossem Zeit-Druck erschienen. Heute gibt es oftmals weitere Quellen, die einen GA-Band authentischer und vollständiger machen können. Allerdings sind die verbleibenden Bände auch die aufwändigsten.

Bedingung für die Herausgebertätigkeit ist die ebenfalls kostspielige und arbeitsintensive Archivierung. Die vorhandenen Dokumente müssen geschützt aufbewahrt werden. So muss z.B. unbedingt vermieden werden, dass Archivalien Schaden erleiden könnten. Die Schriften und Gegenstände sollen für Forschende möglichst zugänglich sein, aber es sollen nur noch in absoluten Ausnahmefällen Originale das Haus Duldeck verlassen. Die Archivalien sollen

systematisch erfasst werden, was teilweise zwar bereits über längere Zeit begonnen, aber leider immer wieder unterbrochen wurde. Insbesondere für diesen Bereich müssen Spenden gesucht werden.

Red. Die Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung (NV) und die Anthroposophische Vereinigung in der Schweiz (AVS) sind 1947-1948 als rechtlich definierte und aufeinander abgestimmte Gebilde gegründet worden. Der Berichterstattung dienten ab 1949 bis zur Nummer 5 vom März 1953 die *Nachrichten der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung (NNV)* und seither die gleichzeitig erstmals erscheinenden *Mitteilungen aus der Anthroposophischen Bewegung (MAB)* der AVS. Die letztgenannte Publikation führte zuerst die Informationen über den 1949 bis 1952 geführten Prozess der AVS gegen die AAG wegen der Nachlass-Rechte am Werk Rudolf Steiners weiter. Nachher bildeten die Informationen über Vereinsfragen bzw. das Verhältnis zwischen AVS und AAG einerseits und Informationen über die Tätigkeit der NV, also über die Neuerscheinungen in der Gesamtausgabe der Werke Rudolf Steiners, die Hauptinhalte.

Die NV ihrerseits widmete ihre seit 1961 weiterlaufenden NNV den Archiv- und Forschungsberichten und führten entsprechend seit 1970 den Hefttitel: *Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe (GA)*. Zwecks Herausgabe der GA waren 1949 auch das Rudolf Steiner-Archiv und der eigene Rudolf Steiner-Verlag gegründet worden.

In den Jahren 2007-2008 ist der Verlag aus der NV ausgegliedert und als Aktiengesellschaft neu konstituiert worden, seit Ende 2011 ist sein Sitz in Basel. Das Archiv, wo weiterhin die Arbeiten an der GA besorgt werden, verblieb in Dornach und bei der NV, die seit 2008 als gemeinnütziger Verein behördlich anerkannt ist. In den Vorständen der AVS wie der NV sassen lange Zeit teilweise die gleichen Personen und es bestanden dementsprechend zwischen AVS und NV rege Beziehungen. Nachdem in neuerer Zeit diese stark abgenommen hatten, konnten 2011 die Kontakte wieder erneuert werden, als AVS-Vorstandsmitglied Andreas Kühne auch in den NV-Vorstand gewählt wurde. Er berichtet hier erstmals über Veränderungen in der NV und ihrem Archiv in Dornach.

Mitteilungen aus der anthroposophischen Bewegung, Nr. 126 – Ostern 2012, S. 9-11

Aufruf an die Mitglieder der Allgemeinen Anthroposophischen Gesell- schaft

Weleda, ihre Heilmittel und das Goetheanum in Gefahr ?

Die Weleda AG kämpft um ihre Zukunft

Lieferprobleme, Umsatzeinbußen, Schulden – seit längerem bilanziert Weleda fast jährlich mit Verlust, zuletzt über 10 Mio CHF. Verantwortliche begründeten dies regelmäßig mit Wechselkurschwankungen und steigenden Kosten im Heilmittel-Bereich. Ihnen stehe kein angemessener Ertrag gegenüber, weshalb das Heilmittel-Sortiment bereits mehrfach substantiell ausgedünnt und radikal reduziert wurde. Heilmittel verschwanden, Verluste blieben. Nun wurde am 23. März 2012 der gesamte Verwaltungsrat ausgewechselt.

Weltmarktführer in Naturkosmetik?

Aufwandsüberschüsse im Heilmittelbereich wurden bislang durch Erträge aus dem Körperpflegebereich gedeckt. Die Leitung der Weleda wollte aus der „Anthro-Nische“ heraus und das Unternehmen zum „Weltmarktführer in Naturkosmetik“ umbauen, unter weitgehender Preisgabe seiner Alleinstellungsmerkmale und der anthroposophischen Identität. Die erforderlichen Investitionen konnte man nicht nur durch Kredite finanzieren.

Heilmittelabbau – Marketingkosmetik

Die bewahrte Querfinanzierung der Heilmittel wurde heruntergefahren, der gesamte Heilmittelbereich abgetrennt, als Sanierungsfall bezeichnet und die jahrzehntelange Aufbauarbeit für die anthroposophische Medizin und ihre Heilmittel in vielen Ländern (Deutschland, Schweiz, Österreich, Großbritannien, Neuseeland, Sudamerika) erheblich geschwächt, teilweise ganz abgeschafft und in Jahrzehnten qualifizierte Mitarbeiter ausgeschieden. Fehlinvestitionen, Managementfehler und Marketingkosmetik sowie wachsende räumliche und finanzielle Entfernung zwischen Leitung und Mitarbeitern führten zu Gesamtverlusten im mittleren zweistelligen Millionenbereich. Unrealistische Wachstums- und Umsatzziele im Kosmetiksektor wurden definiert, aber verfehlt.

Die Rolle der Haupteigentümer

Warnsignale an die Adresse der Haupteigentümer, Ita Wegman Klinik AG und Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft, blieben lange ohne wahrnehmbare Konsequenz. Deshalb beauftragte die Jahresversammlung der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft am 16. April 2011 ihren Vorstand mit überwältigender Mehrheit von weit über eintausend Mitgliedern verbindlich und rechtsgültig mit der Einberufung einer außerordentlichen Generalversammlung. Diese sollte sich ausschließlich mit der Eigentümerverantwortung für die Weleda und den notwendig herbeizuführenden strukturellen Veränderungen befassen. Dieser Auftrag ist noch nicht erfüllt.

Neuer Verwaltungsrat

Statt dessen bekam lediglich die Weleda-Führung am 28. 5. 2011 in einer „außerordentlichen Mitgliederzusammenkunft“ Gelegenheit zur Selbstdarstellung. Dennoch erlangten auch die

Haupteigentümerversreter nunmehr tiefere Einsicht in den Zustand der Firma und in die Sachkompetenz ihrer Führung. Ende 2011 wurde notfallmäßig eine „task force“ eingerichtet, Anfang 2012 ein Verlust von weiteren 10 Mio SFr. bekannt, der langjährige Vorsitzende der Geschäftsleitung mit 63 Jahren in den Ruhestand entlassen und der gesamte Verwaltungsrat zurückgetreten. Am 23.3.2012 wählten die beiden Vertreter der Hauptaktionäre A. Jeschke und P. Mackay in einer außerordentlichen Generalversammlung der Weleda AG mit ihrer Stimmenmehrheit von 80% sich selbst als neue Verwaltungsräte, ferner Dr. med. H. Matthes, Berlin, Dr. iur. J. Galliker, Basel und E. Seiler, Drogistin, Zürich. Der neue VR-Präsident P. Mackay definierte als Unternehmensziel für das laufende Jahr „einen positiven cash-flow“. Der neue VR ernannte den Sanierungsprofi Ralph Heinisch zum neuen Vorsitzenden der Geschäftsleitung (CEO) der Weleda-Gruppe, und entließ den bisherigen Finanzvorstand Patrick Kersting. Dem Verwaltungsrat und ihrem neuen Geschäftsleiter ist viel Kraft, unternehmerische Kreativität, Initiative und soziale Kompetenz, besonders aber Verständnis für die Erfordernisse der anthroposophischen Medizin und ihrer Heilmittel zu wünschen. Die Rettung der Weleda bedarf vor allem der Sachkenntnis und Erfahrung bezüglich der geistigen, strukturellen und unternehmerischen Existenzbedingungen dieses einzigartigen Unternehmens.»

Strukturelle Probleme ungelöst

Personelle Neuausrichtung allein kann den großen Finanzierungsbedarf und die schwer wiegenden strukturellen Probleme nicht lösen, die zur gegenwärtigen Situation geführt haben. Die mit dem Beschluß der Jahresversammlung vom 16.04.2011 aufgeworfenen Fragestellungen und Lösungsansätze sind unverändert aktuell, transparente Urteilsbildung und tragfähige Entscheidungsfindung durch die mündigen Mitglieder der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft notwendiger denn je.

Die Verantwortung der AAG und ihrer Mitglieder für die Weleda

wird daher wiederum ein zentrales Thema der kommenden Jahresversammlung der AAG am 30./31. März 2012 sein – dem 87. Todestag Rudolf Steiners. Die Weleda AG ist das einzige existierende Unternehmen aus der Entstehungszeit des anthroposophischen Sozialimpulses – und sie ist das einzige Wirtschaftsunternehmen, das durch Rudolf Steiner geleitet wurde, zunächst als Verwaltungsrats Präsident des Vorgängerunternehmens Futurum AG. Zu Beginn des Jahres 1924 übernahm er in der „Kontrollstelle“ der Weleda bis an sein Lebensende gemeinsam mit Ita Wegman die geistige Verantwortung für das Unternehmen.

Sowohl bei der Entstehung der Weleda 1922 als auch bei der Begründung von AAG und Hochschule 1923 verband sich ein klarer und starker Willensimpuls der Mitgliedschaft mit den Intentionen Rudolf Steiners. Bei genauerem Betrachten der Entstehung der AAG, ihrer Freien Hochschule und der Weleda, einschließlich ihrer bisherigen Entwicklung, werden enge Zusammenhänge und mannigfaltige innere Verbindungen offenbar.

Man kann den Eindruck gewinnen, daß Weleda und Goetheanum ein gemeinsames Schicksal haben und in der gegenwärtigen Lage nicht nur die Heilmittel und die Weleda, sondern auch Fortbestand und Zukunft des Goetheanum der sorgenden Aufmerksamkeit vieler bedürfen.

Weleda und Goetheanum

Beide stehen vor der Aufgabe, Arbeitsweisen, Strukturen und Wirtschaftsverhältnisse den Herausforderungen

des 21. Jahrhunderts gemäß zu entwickeln, ohne die Pflege ihrer gemeinsamen Quelle, der Anthroposophie Rudolf Steiners, zu vernachlässigen. Vielen Mitgliedern ist die Brisanz der Situation und die Notwendigkeit einer offenen und transparenten Urteils- und breit abgestützten Willensbildung bewußt, wie die Jahresversammlung 2011 gezeigt hat.

Leider ist die Berichterstattung über die Weleda und ihre existentiellen Probleme ebenso selektiv wie jene über das Goetheanum.

Deshalb werden die Mitglieder auf diesem Weg aufgerufen, ihre Verantwortung für die Zukunft von Goetheanum und Weleda wahrzunehmen und an der Generalversammlung am 31. März 2012 im Goetheanum engagiert und konstruktiv teilzunehmen.

Verantwortlich für den Inhalt:

Dr.med. Andreas M. Worel worel@lila.org

Геннадий Александрович Бондарев

Рождественское Собрание

в изменившихся условиях нового времени

Редактор Людмила Бондарева

Для замечаний,
предложений, мнений —
gb1357@mail.ru